

МИХАИЛ ГЕФТЕР
ЗАГОВОР АЛЬТЕРНАТИВЫ
ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ

СТАБЛЕ

МИХАИЛ **ГЕФТЕР**

” ЗАГОВОР

АЛЬТЕРНАТИВЫ

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ

СЛАВЯНЕ

Москва
«Век XX и мир»
2021

 европа.

УДК 321.01
ББК 63.3 (2Рос)
П12

Павловский, Глеб

П12 Слабые. Заговор альтернативы. — Москва : Век XX и мир, 2021. — 512 с.

ISBN 978-5-6043661-1-0

«СЛАБЫЕ» — книга-досье об интеллектуальных сетях девяностых годов (*#Иные #Русский Проект #Фонд эффективной политики*), связанных учением Михаила Гефтера об альтернативе как двигателе истории. Заговор удался, но альтернатива выскользнула из рук. Экспериментируя с историей и политикой, слабые люди проложили путь слабой безальтернативной власти РФ. Гефтер хотел помешать — и не успел. Технология власти победила ценой катастрофы цели.

УДК 321.01
ББК 63.3 (2Рос)

ISBN 978-5-6043661-1-0

© Павловский Г. О., 2021
© «Век XX и мир», 2021

Содержание

От составителя	5
Иван Крастев. Очень русская книга	8
Константин Гаазе. Наследие отстающих — оружие опережающих	9
Глеб Павловский. Гефтер и Слабые. Альтернатива в истории и в действии	17
Предуведомление. Автор как прибор	17
1. Дешифруя пророчества историка	21
2. Катастрофа выхода из холодной войны	43
3. Альтернатива и слабый герой	57
4. Мир миров — восстание Гефтера	85
Михаил Гефтер. Апология Человека Слабого	115
Из бесед с Гефтером при работе над тюремными бухаринскими бумагами	161
1. «Я иду в наихудшее место»	162
2. «Вполне представляю себя на Лубянке»	162
3. «Дурацкая идея — напишу Ельцину письмо!»	163
4. «Идентичность перед расстрелом»	165
5. «Человек Слабый сближен с Голгофой»	167
6. «Сегодня коммунист гол, как король Лир»	171
7. «О чем я жалею в Сталине?»	173
8. «Абсурд сотворяет Мир»	175
9. «Память раба смеет сопротивляться»	177

10. «Гегель поощрял Ленина на избыточность действий»	179
11. «Сталина нет, а сталиноподобный мозг всемогущ».	181
12. «Вы-то какой эксперимент над страной ставите?»	182
13. «В терминах тов. Сталина, в России сегодня идет “революция сверху”»	183
14. «Ты о центре силы подумай, в порядке наших мозговых игр»	189
15. «Державность — ресурс правой альтернативы»	193
16. «Будем откровенны — по сей день оправдано государство»	195
17. «В отличие от Германии, в СССР не нашлось тираноубийцы»	199
18. «Мы народ наследников падших»	200
19. «Моя идея — альтернатива как философия истории».	201
20. «Либерализм XX века ассимилировал сопротивление коммунизма»	204
Лубянские транскрипты. Приложение	217

От составителя

«Слабые», что это — сборник? Альманах? Временник? Выглядит странно для читателя ранее изданных мной книг разговоров с Михаилом Гефтером. Под одной обложкой мои гефтеровские рефлексии — и эссе Гефтера о Николае Бухарине, опиравшееся на недоступные лубяньские бумаги. Последние тоже здесь.

Состав книги объединяет тема слабого человека в русской политике, но это не книга жалоб. Это рассказ о поражении. С начала девяностых Гефтер искал способ вывести Россию из холодной войны 1.0, зная, что иначе холодная война 2.0 неизбежна. Он опирался на свой исторический метод, внутренне породненный с опытом тюрем и лагерей. Опыт великих русских неудачников Гефтер сверял историю страны-неудачницы.

Я не даю здесь определение слабости. Кто бы стал в девяностые годы уточнять слабость всего, что встречал вокруг? Слабая власть, слабые, сбившиеся в банды люди, слабая Россия — в какой момент это водянистое имя стало оттеснять другие? Вспоминая восхождение слабости, я шаг за шагом прихожу к 1991 году, когда в ночь на 23 августа я воочию видел Слабость масс. Народ, собравшийся к зданию Лубянки с целью ее занять, мирно разошелся по домам, удовлетворенный тем, как пригнанный мэрией строительный кран свергает куклу Дзержинского. В истории революций нечасты такие дешевые размены: находясь в полушаге от взятия власти, суверен обменял ее на сто тонн никчемного бронзового лома.

Я не раз тщетно приступал к предмету мышления Михаила Яковлевича, пока не догадался, что для этого придется вникнуть в мысли и мотивы ближайшего мне свидетеля — Глеба Павловского. Не меня, а того, что жил близ Гефтера тридцать лет тому назад, далекого мне человека. Гефтер мыслил, беседуя. Вслушиваясь в Гефтера, тогдашний я что-то схватывал — но еще больше упускал, искажал и терял из виду. В «Слабых» я заглядываю в мозг учителя через «себя-прибор» — единственное предоставленное мне слуховое окно. Надеюсь, читатель простит эту дерзость.

Я не скрывал ученичества у Гефтера — автора большинства моих идей. Но всегда утаивал детали, болезненные для меня. Пора признаться в вещах, о которых я говорить не хотел: перетекая ко мне, мысль Гефтера менялась и иногда подменялась. Пора рассказать о том, что я прятал.

Но тема «Слабых» — не сантименты старинной близости. Главное здесь — работа Михаила Гефтера по отысканию альтернативы миру конца истории. Миру, где, застряв, болезненно конвульсирует Российская Федерация, а с ней — заболевшее человечество.

***

В жизненном мире Михаила Гефтера интеллектуальное усилие вело к выбору опасной реальности, выбирающий это знал.

Сделав выбор, Гефтер обороняет его до конца, как окоп в ржевской мясорубке 1942 года. Попав в плен к немцам, молодой историк, не высчитывая шансов уцелеть, рванулся и под пулями ушел к своим. Он не был раб. И в истории он ищет шанс побега из окружений, зная, что успех не обещан: Гефтер чувствителен к риску победить, потеряв цель. Он из немногих, кто распознал *«катастрофу цели»*.

Нам нужна была пандемия, чтоб опознать аномальность своего существования. Пришло время жестким тезисам Гефтера о России — в государстве, которое ему стольким обязано, столько раз предало, а теперь не знает, кого просить о помощи.

***

«Слабые» — не научное издание. Фрагменты записей наших разговоров и бухаринские транскрипты в приложениях — не научно выверенные публикации. Это документальные цитаты, иллюстрирующие развитие стратегий Гефтера. Как и прежде, я чаще опираюсь на записи бесед с Гефтером, чем на его тексты. Записи разговоров велись мной небрежно, как снимки на память, без расчета к ним вернуться. Вескость мышления учителя я принимал *con amore*, нестрого. Сохраненные кассеты часто без датировок, а записи в дневнике и транскрипты без исходников. В разговорах участвовали друзья и гости Гефтера — иных не опознать, а их вклад в беседу тоже был значим. Я отвечаю за верность передачи интонации учителя и его идей, сколько понимал их тогда и теперь.

Благодарности

Я не единственный беседовал с учителем. **Лена Высочина**, верная спутница Гефтера последних лет, оставшись одна, надорвалась над архивом и, будучи слабее и нежнее нас, поторопилась вслед. Лена проделала огромную работу; помогая ей, я недооценил ее труд. Интонацию собственных бесед с Михаилом Яковлевичем я зря охранял от ее экспериментов с его текстами. При работе над «Слабыми» я глубже вдумался в ее смелые композиции, оценив их содержательность.

Константин Гаазе спас меня в потоке фрагментов о Гефтере, подказав ясную структуру очерков. Его вклад в «Слабые» — не одни советы редактора: это духовное соавторство.

Я задумывал «Слабых» давно, но продумал в венском IWM (Institut für die Wissenschaften vom Menschen) в беседах с **Иваном Крастевым**.

Не позволял мне уйти от замысла сайт **gefter.ru** с командой под управлением **Ирины Варской**. Некие идеи родились при Гефтеровских чтениях, организованных историком **Михаилом Рожанским** — другом Гефтера, сибиряком.

В колебаниях при завершении книги поддержал разговор с **Денисом Карагодиным** о темпоральном в русской истории казней и с **Теодором Шаниным**, упоительно передавшим, как в Москве семидесятых они с Михаилом Яковлевичем уклонялись от встреч.

Адам Михник годами требует от меня текст про Гефтера и Бухарина — вот этот текст, Адам.

При последней встрече в «Мемориале» **Арсений Рогинский** ошарашил меня: «Не хватит ли книг, Глеб? Старику уже довольно, подумай лучше о том, где поставить точку», — сказал и вышел, допив коньяк. Вот моя точка, Сеня.

Глеб Павловский, в чуму 2021 года

Иван Крастев. Очень русская книга

Это не книга сочинений и заметок Гефтера, но и не еще одна книга Павловского о Гефтере. Это книга автора, которого вы не знали: Павловский как Гефтер.

Михаил Гефтер последних лет его жизни опасался, что конец холодной войны (the End of History, по Фукуяме) станет и концом универсалистского проекта просвещенной Европы. И вот страх Гефтера конца XX века стал реальностью XXI века.

Размышляя о беседах с покойным историком и его текстах, Павловский ставит перед нами его последний, самый важный вопрос. Останемся ли мы верны своим универсальным ценностям, когда слабы и побеждены, когда мы уже проиграли? Каково русскому оставаться универсалистом, потеряв коммунистическую утопию?

Чтение этой книги бросает новый свет на три последние десятилетия. Это не книга о том, что случилось, это история потери интереса к альтернативам, приоткрывавшимся в конце холодной войны. Очень «русская» книга, но не о России — книга о мире, в который мы все попали.

*Иван Крастев,
постоянный сотрудник Института наук о человеке IWM, Вена*

Наследие отстающих — оружие опережающих

1

Гефтериана Глеба Павловского — уникальное по меркам наших времен предприятие. В дни, когда ничто не свято, но все имеет меновую стоимость, долг ученика перед учителем стал чем-то необязательным. Однако именно этот долг перед своим учителем Михаилом Гефтером, историком, макросоциологом, политическим философом, Павловский методично выплачивает. Выпущенные им четыре книги их разговоров с Гефтером — более чем достойный памятник учителю. В них увековечено самое дорогое для ученика — мысль учителя, не связанная цензурой редактора, издателя, государства. Живая мысль живого человека, который говорит с тобой прямо, без обиняков и иносказаний.

Я был и остаюсь преданным читателем этой части гефтерианы. Она подарила мне множество интересных сюжетов, мыслей и загадок. Почему Гефтер (в 1993-м!) сравнивал роль Ельцина со Сталиным, а Павловский его не понимал? Чем важен именно поздний период мысли Ленина, когда он пытается справиться уже не с революцией как интеллектуальным предметом, а с государством, которое та должна была уничтожить, но вместо этого воссоздала? Почему декабристы сознали себя исторической силой только на следствии, все проиграв и оказавшись в застенке? Как Маркс перешел от обоснованного его же теорией неверия в Россию к робкой надежде, что там-то все и получится, высказанной в письме Вере Засулич? Эти вопросы, заданные Гефтером Павловскому и Павловским Гефтеру, теперь и мои вопросы тоже.

Но должен сказать, что в текстах их бесед мне сильно доставало системы, внешнего принуждения, выстраивающего мысль Гефтера вокруг сюжетов, актуальных для меня как читателя. Противоречие здесь неизбежно.

Желая дать голос учителю именно в той форме, в которой он чувствовал себя комфортно, то есть транслируя живую речь, невозможно заниматься селекцией высказываний. Аргументы и мысли даны россыпью щедро, но так, как они были высказаны: в беседе, в которой читатель не участвовал.

2

Эта книга иного рода. Она решает не задачу коммеморации Гефтера, но задачу превращения его работы в ресурс мышления других. Такая задача много сложнее. Она требует другой степени откровенности, другого взгляда на себя и на того, с кем ты беседовал. В «Слабых» Павловский возвращает Гефтера как теоретика, еще в начале девяностых сделавшего ряд точных прогнозов о нашей эпохе. В фокусе тут не слова Гефтера, но маршруты его мышления. Чем они могут быть полезны сегодня? Возможно ли нам думать вместе с Гефтером?

Ключевое слово, которое нужно удерживать в уме, читая эту книгу, — слово «соблазн». Павловский не только реконструирует, пусть вчерне и весьма предварительно, теоретические ходы Гефтера. Он честно демонстрирует, к чему может привести демонтаж границы между мышлением и действием. Настолько точно в деталях, пошагово, что надо признать: никто до него на русском языке не провел такой работы над ошибками своего ума. Павловский первым из отечественных интеллектуалов предлагает читателю пройти вместе с автором дорогой ошибок и заблуждений, а не победным маршрутом интеллектуального превосходства.

Одну из поразивших меня мыслей Павловского, высказанных в этой книге, можно сформулировать так. Тектоническому сдвигу в социальной теории в западной академии семидесятых — восьмидесятых годов XX века в связи с наследием и фигурой Маркса соответствует гигантская зона умолчания в позднем СССР и России. Почти никто из тех, кого мы продолжаем читать сегодня (Мамардашвили, Давыдов, Петров, Гуревич и другие), не рефлексировал свой* опыт прощания с Марксом: «Многие расставались

---

* Это не означает, что никто из вышепоименованных классиков не писал о Марксе после 1991 года. Ни на йоту не утратила актуальность и новизну, например, работа Ю. Н. Давыдова «Отчуждение и культура», опубликованная в 2000 году в качестве вступительной статьи в сборнике ранних работ Маркса (Маркс К. Социология. М.: КАНОН-Пресс, Кучково поле, 2000). Речь здесь идет именно о рефлексии *собственного* опыта расставания. *Здесь и далее прим. авт., если не указано иное.*

с марксизмом, но важно качество расставания: Гефтер сделал его проблемой... Переосмысление Маркса составило мировой сдвиг семидесятых — восьмидесятых, но почти никто не оставил разборов своего опыта»¹.

Удивительный факт. Задача перепрочтения (или преодоления) Маркса, в общем, составила интеллектуальную повестку восьмидесятых. Говоря о ней, мы говорим о переходе к постмарксизму в ряде его оригинальных версий. Но почти никто из тех, кто обдумывал Маркса в СССР шестидесятых, не решился на свою версию постмарксизма. Никто, кроме Гефтера. Его версия макросоциологической теории, рождавшаяся с середины семидесятых, ближе подошла к интеллектуальному рубежу, на который вышли — в те годы или чуть раньше — Иммануил Валлерстайн, Эрнесто Лаклау, Йоран Терборн и многие другие (в том числе, хотя это неконвенциональная точка зрения, Джорджо Агамбен).

3

Говоря о западных вариациях на тему Маркса конца XX века, мы обычно имеем в виду большие понятия: мир-система, пороховая империя, глобальный капитализм. Чтобы создать такие понятия, макросоциология, именуемая также исторической социологией, пользуется историей как неиссякаемым рогом изобилия, откуда извлекаются примеры, нужные, чтобы проиллюстрировать любой теоретический тезис. Отбивая этот справедливый упрек, Рэндалл Коллинз вынужденно атаковал в ответ: нападки на «макроисторию и наряду с ней любое предметное социологическое теоретизирование с широким аналитическим кругозором»² — дело рук реакционных феноменологов, правых криптогегельянцев, фрейдистов и капиталистического, то есть все более специализированного устройства самой академии.

Гефтер — макросоциолог тоже, он отдал дань большим понятиям. Его «социум власти» — концепт того же закала, что и «этатистское общество» Сочпол. Однако когда речь зашла о необходимости экспликации одного из самых важных понятий в его словаре — понятия альтернативы, которое тесно связано с понятием слабости, Гефтер не пошел в сторону широкой панорамы исторических аргументов. Вместо этого он выбрал единственный, но принципиальный для него пример, — Николая Бухарина.

В каком-то смысле в деле Бухарина Гефтер вернулся к вопросу, который вызывал споры не в восьмидесятых и девяностых, а еще в семидесятых. Что такое достоверность документа? Что такое достоверность свидетель-

ства эпохи? Чем документ как свидетельство отличается от устного нарратива? Что более фактично для историка? Документы советской эпохи в этом смысле представляют собой серьезную проблему: если миллионы человек отправились на смерть и в лагеря на основании фальсифицированных или выдуманных показаний, какая может быть вера документу?

Карло Гинзбург, занявшись делом сыровара Меноккио, обвиненного в ереси в XVI столетии, поставил на силу исторической интерпретации: документы Ватикана, протоколы допросов позволяют историку пересобрать картину, существовавшую в головах очевидцев. Контраргумент выглядел так: интерпретируя слова Меноккио, историк уподобляется инквизитору. Сыровар не был еретиком, но пытки заставили его произвести еретическую религиозную доктрину, а историк, подвергнув его жизнь повторной пытке, вывел из нее теорию о борьбе инквизиции с народной культурой позднего Средневековья. Поэтому Мишель Фуко предпочел не интерпретировать, а дал голос Пьеру Ревьеру и опубликовал без изъятий и интерпретаций его «мемуар» — семидесятистраничную исповедь безумного человека, убившего собственных мать, сестру и брата. За это Фуко удостоился от Гинзбурга эпитета «черный популист»³.

Чтобы разъяснить макроисторическое значение слабости *одного-единственного человека*, Гефтер в деле Бухарина обращается к методам микроистории. Он дает слово безумцу, слабаку и дважды предателю Николаю Бухарину, публикуя его письмо Сталину из лубянской камеры, а затем за счет двойной интерпретации объясняет общечеловеческую весомость этой конкретной истории одного безумия. Предпринятая Павловским в книге повторная дешифровка текста Гефтера о Бухарине и лубянских бумаг Бухарина продолжает заложенную Гефтером традицию критической микроистории и выводит ее на новый уровень. Дешифровка Павловского предлагает новый способ мыслить сталинизм вне обценных прочтений Сталина как варвара или метафизики трактовок его как советской версии Антихриста.

4

Оснастка российской интеллектуальной сцены выглядит сегодня солидно. Объем переводной западной классики — философской, социологической и так далее — весьма значителен, хотя, разумеется, не полон и никогда не будет полон. Тем не менее с 1990 года на русский язык переведено не

меньше французских мыслителей, чем на немецкий, и не меньше немецких мыслителей, чем на французский. Не являясь *lingua franca* международного академического общения, русский язык комфортен и в каком-то смысле герметичен. Мы спорим по-русски о соотношении понятий в работах Мишеля Фуко, Пьера Бурдьё, Карла Шмитта разных периодов, не обращаясь к английским переводам с их родных языков. В этом смысле мы полноценны.

Болезненным остается не вопрос «что бы еще перевести», а вопрос, что делать со своим наследием. С собственной, прежде всего советской, философской, социологической, исторической классикой. Приступая к этому вопросу, мы видим гордиев узел нерешенных политических, академических и текстологических проблем. Большинство опубликованных в те годы теоретических текстов устроены так, как не были устроены научные тексты от времен Галилея. Собственную мысль нужно было сначала адресовать Марксу, заняв позицию по отношению к теории, которая не предполагала альтернатив. Затем, вне зависимости от результата, приходилось исказить свою мысль повторно. Вслед требованию применять теоретический язык «единственно верного учения» (например, в форме «феноменологического марксизма» Мамардашвили) требовалось присягнуть ему как пустой форме. То есть совместить свой честный марксизм с ритуальным «марксизмом-ленинизмом», свое понимание теории с казенной фразой клятвы верности ей.

Как нам быть с такой мыслью? Расслаивать линии аргументации на содержательные и чисто формальные? Делить теоретиков на тех, кто «ошибался», и тех, кто «сделал выбор»? Нужна ли вообще такая теория, если ее краеугольным камнем в СССР был провозглашенный Лениным принцип партийности: «материализм включает в себя, так сказать, партийность»⁴?

В этом смысле история Гефтера уникальна — нам не нужно делить его тексты на ритуальные и не ритуальные, их просто мало для такого разбора. Изгнанный из официальной науки, Гефтер после 1970 года не действовал как академический ученый. Зато он оказался среди первых в ситуации, когда, чтобы быть услышанным, сложную мысль пришлось облекать в простую публицистическую форму. Прелесть ситуации Гефтера именно в том, что его мышление, его теория, складываясь внутри советской академии, затем оказались за ее бортом. Можно попытаться собрать их заново, не разрезая немногие тексты на «официозную» и «содержательную» линии.

Более того, выйдя из советской науки, Гефтер не вышел из марксизма. Редкий случай интеллектуала, принципиально не готового на компромисс,

он не отбросил Маркса, как в годы гласности многие его коллеги. Гефтер тяжело, мучительно даже, продолжал додумывать ходы Маркса в поздний его период, когда тому стало ясно, что триумф глобального капитализма, предсказанный «Капиталом», откладывается. В 1881 году Маркс пишет Засулич, что его теория «локализована», заперта в экономическом пейзаже Западной Европы. Для понимания, как капитализм будет развиваться в России, нужно все начинать заново.

5

Гефтер остался марксистом, однако преодолел универсализм этой теории, введя запрет на гипостазированное спрямление человечества. «Допуск на “всемирное выпрямление”» (а тем самым — на монополярный мир в XIX или XX веке, не важно) запрещен как теоретический ход»⁵. Опасность в том, что любой человек подгоняет свидетельство События под веру в прогресс или общественное мнение и искажает свою оптику. Историк не должен этого делать. Он обязан отстоять «неспрямленность». Испытывать свою теорию не «подкреплением примерами», а парадоксом, который может ее сломать. В 1991-м, когда не сбылись надежды на конфедерализацию, на превращение Союза в государство — самоуправление земель и коллективов, в октябре 1993-го или в декабре 1994-го историк обязан защитить неспрямленность. Защищать все, что не вписывается в конвенциональную картину происходящего («бунт маргиналов», «война с террористами», «коонец ГУЛАГу» и так далее), поскольку эта конвенция есть обман ума.

Гефтер понимал, что теоретизирование предполагает разрыв с конвенциями: ценой разрыва социальных связей, ценой личных отношений. Он, если я верно понял повороты его биографии, всегда оставался одиночкой. Не разрешая себе встраиваться в мейнстрим, он рвал либо свертывал связи, когда те налагали ограничения на мысль. Отдаляясь от Маркса, он не отрекался от него и не позволял себе просто «забыть» все сделанное в науке и после изгнания из нее. Понимая всю слабость аргументов *ad hominem*, я вынужден признать, что в случае Гефтера такой аргумент работает. Теоретические ходы Гефтера — более чем достойные объекты усилий для реконструкции. Разработанная им версия постмарксизма — это ценная основа раздвижения теоретических рамок социальной теории и политической философии. Кажущаяся фрагментарность этой теории, как и в случае Вальтера

Беньямина, не препятствие, а продуктивный вызов. В конце концов, разве мы не хотим, чтобы классик оставлял нам чуть воздуха и пространства для мысли, для теоретического маневра?

Возможность доступа к механике и маршрутам мысли Михаила Гефтера — более чем достаточная причина прочесть эту книгу. Но не единственная. Одна из главных линий напряжения текста совпала с вопросом, который задает себе сегодня любой человек, вовлеченный в интеллектуальное производство: о границе между наукой и политикой. В такие эпохи, как наша, искушение снести границу как никогда велико. Опыт поиска и потери границы важен для нас не менее мыслей Гефтера. Каждый интеллектуал, желающий совместить мысль и действие, слово и дело, аргумент и поступок, должен прочесть эту книгу. Ибо мало сказать, что наука и политика — одно и то же. Нужно предельно ясно дать себе отчет в том, к каким последствиям может привести использование их тождества. В каком-то смысле книга Павловского — редкий в русской мысли пример настоящей зрелости в смысле, о котором говорил еще Кант. Мы не выйдем из политических потемок, пока не повзрослеем. Тем важнее пример прошедших этим путем.

Константин Гаазе

Гефтер и Слабые. Альтернатива в истории и в действии

Предуведомление. Автор как прибор

Эти очерки — о совместном опыте осмысления истории. И об интересующем, то есть индивидуальном, но различимом и понятном собеседнику опыте политического действия.

С начала девяностых я подолгу говорил с Михаилом Гефтером о России в мире, рождавшемся на глазах. Беседы синхронизировали наш опыт. Говорили то каждый день, то по нескольку дней подряд. Гефтер жил в Ватутинках, где я снял дом, постоянно, а я наездами. Но дом не пустовал. К старому солдату приезжали ученики, коллеги, журналисты и целые съемочные группы. Его бытовая жизнь вошла в ровное русло, отвечающее его заслугам, возрасту и желаниям. Он полюбил это место, иногда путешествовал, но редко выезжал в Москву.

”...Меня этот дом располагает к тому, чтобы просмотреть книги, общаться, разговаривать. Может быть, из наших разговоров что-то вытанцуются. Москва — это просто захлопнутый мир. Да, что-то должно вытанцеваться, мне кажется»⁶.

Говорили и отчасти даже думали мы вместе. Но действовали порознь и в разных средах. В 1993 году член Президентского совета Гефтер пишет письма Ельцину. Содержание их он обсуждал со мной, тогда ярим антиельцинистом. С Ельциным Гефтера сблизило разочарование в лидерстве Горбачева (ему он тоже писал письма). Переписка историка с Кремлем пре-

рвалась 4 октября 1993-го. Но разочарование в Ельцине не могло остаться лишь огорчением, то было разочарование во всей российской «революции сверху».

В последние годы Гефтер с чистого листа создавал антропологию и социальную теорию, которые вместили бы опыт русских поражений. В его мыслях поселился лубянский арестант Николай Бухарин, пишущий письма Сталину из камеры, прослушиваемой Ежовым. Историк задался вопросом: как все проигравший человек, слабый и сознающий слабость, мог влиять на историю? Развились идеи о Homo sapiens как онтологически слабом существе — *Человеке Слабом*, способном воспротивиться силе вещей. Гефтер бичевал государственность девяностых как социум власти. Он требовал развернуть политику к «человеку очередей». Создать государство для него значило признать Россию непредставленных — людей, стран, цивилизаций в границах РФ.

” Текущая российская политика бесплодна — вся в тупиках, вся в ссадинах, потому что мы не вмещаем в нее “куда?”. Об этом нам заявляет человек очереди — коренной человек современной России. Это он нам заявляет, что России у нас не получается. Мы не хотим прислушаться к его идиомам, к его мату? Если нет, если это непереводимо на текущие политические диалекты — нам не поможет никто в мире»⁷.

Уличая в бесплодности Кремль, Ельцина и интеллигенцию, историк обострял во мне желание преодолеть слабость России — силой! Антиномия «беспомощность–сила» грызла меня, пока не обернулась проектом эффективной политики. Но довооружая слабых правителей, я дурно понял Гефтера. Или понял, наоборот, слишком хорошо? Внутри альтернативы, под которой Гефтер понимал пучок потенциально множественных развилок процесса (иной сборки истории, скажут сегодня), я нашупал противоальтернативу: чистую негативность власти, ее мерзейшую мощь. Блокаду места, где (не исключая) могла прорасти, но уже не прорастет альтернатива.

Мой концепт слабости родился в обсуждениях с Гефтером. Но он другой — и тайне Гефтерову противостоит. Он нес нигилистический страх, что слабых раздавят, если те не сомкнутся с силами власти. А поскольку власть также бессильна, ее силу изображают слабые игроки. Отличен ли такой сценарий от сценографии московских процессов 1937–1938 годов? Хочу думать, что да.

Уйдя от власти, годами стараюсь вернуть голос самому Гефтеру. Издал четыре книги разговоров с ним, и архив записей не исчерпан. Но я должен подвести черту, разъяснив, как понимал Гефтера тогда и что вижу ныне. Себя тогдашнего я применил здесь как «прибор», уловивший нечто в спектре его идей. Не думаю, что сам способен понять Гефтера, тем более научно представить картину его мира. Это невероятно сложный мир. Когда-то он будет понят иначе и глубже, чем понимал его я. Не в силах пройти путь в этом направлении, я предлагаю мою милю — что в Гефтере я опознал тогда и что, бывшее для историка версией, стало соблазном мне. Но я хотел испытать соблазн и почти не жалею, что так вышло. Сегодня виднее, где, отталкиваясь от Гефтера, я злоупотребил его подсказками. Тем не менее моя история — одна из его идейных «варьяций».

Гефтер говорил о молодых сподвижниках Ленина, что те, в отличие от «Старика», росли на брошюрках адаптированного марксизма. Но отсюда не следует, что они не его ученики. Так я рос, адаптируя Гефтера, — то верный ему, то неверный. Готов я оценить, как и куда попал и двинулся дальше? Судить читателю. Знаю лишь, что не вправе скрывать маршрут, пройденный нами с Гефтером, вместе и врозь. Сделать себя оптическим прибором — это в какой-то степени саморазоблачение.

Глеб Павловский

1. Дешифруя пророчества историка*

Пророчества?

Четверть века тому назад Гефтер опознал проблематику сегодняшней жизни, ее опасный ландшафт. Предлагая стратегию выхода России из холодной войны, историк предсказал ее рецидив и то, что «России у нас не получится». Начну с некоторых пунктов предсказанного и затем перейду к вопросу о мышлении Гефтера. В чем содержание его пророчеств? Каковы и о чем они?

” Мир, который едва начал выходить из холодной войны и еще не вышел, — это не Мир**, который покончил с ней всей. Несколько поколений выросли в условиях, когда существование Земли зависело от соотношения ядерных величин двух супердержав. И если одна из сверхдержав... не может ею быть в прежнем масштабе, с той энергией, то что же остальному Миру... жить захлопнутым в однополюсный мир, управляемый США? Тут возникает проблема поиска новой роли России в Мире, уходящем, но не ушедшем от холодной войны»⁸.

Гефтер предвидел, что в «пространстве отсутствия» СССР Соединенные Штаты сформируют «дирекцию Мира» и потерпят неудачу. Кризис биполярного мира означал для него, что «убийство высвободилось. Суверенный убийца шагает по планете»⁹. Люди приобщаются «к зрелищу, где убийство играло роль режиссера»¹⁰. Вскользь брошенная, мысль сбылась в мегатерроре бен Ладена, Шамиля Басаева и посткрымском телевидении РФ.

* Первый вариант этой главы опубликован здесь: Павловский Г. О. Альтернативы и противоальтернативы в действии и в истории // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. № 4 (2). С. 30–53. <https://philosophy.hse.ru/article/view/11035>.

** Рассуждая о мире в планетарном аспекте, Гефтер пишет слово с заглавной буквы: Мир.

Гефтер предсказал, что Россия, не реконституированная на договорных основах, неминуемо рухнет в новую унитарность, гибельную для русского мира и всех в мире. Отказавшийся от глобальной деэскалации, Кремль развернет политику к возвратным вариантам холодной войны. Распознал он это еще в начале девяностых:

” Здесь научатся управлять своей неуправляемостью, а Запад станет опять нас сдерживать»¹¹.

Гефтер предвидел, что худшая волна беженцев двинется в Европу с Юга (а не с постсоветского Востока на Запад, чего тогда сильно боялись).

” Как легко сегодня человек может быть сметен обстоятельствами, психически и физически сметен. Этот Юг, освобожденные молодые миллиарды смести могут все!»¹²

Гефтер твердил, что строить рынок из Кремля — идея безумцев: рынок был всегда — его признают, а не «строят». Рыночные отношения свойственны роду людей тысячи лет. Их не ввести указами президента — фигуры, о которой неясно, чего именно она «президент». Угрозу реформам он видит в их породнении с «*социумом власти*» — типом русской государственности, где нет дистанции между государством и обществом, а монополия власти унифицирует местообитания людей.

Гефтер предсказал, что приватизация верховной власти сработает на тоталитарный крен новой государственности. В зените демократических мечтаний он показал, как ставка на верховенство «революционера сверху» неминуемо перейдет в тоталитарные импровизации. Классический тоталитаризм не вернуть, но тоталитарность в РФ, идущей путем эскалаций, возобновится.

” Выражаясь в терминах, введенных товарищем Сталиным, у нас “революция сверху”. <...> Эта персонифицированная “революция сверху”, если держаться этого названия... не может не тяготеть к тому же, что было имманентно сталинской тоталитарности, выросшей из экстремальных ситуаций. Укреплявшей себя экстремальными ситуациями. Выучившейся создавать экстремальные ситуации ради своего самопродолжения, самовозвеличения, самоувечковечивания...”¹³

Гефтер предсказал мобилизацию «*доверчивой массы*» Кремлем с превращением ее в аудиторную опору управляемых выборов.

Гефтер предсказал, что на таком пути Россия, вопреки демократическим заимствованиям, упадет в руки единого лидера. Для этого не потребуется громоздкий партаппарат. Заместительная узурпация вытеснит проблемы страны мифом незаменимой персоны. Лидер становится роковой силой, не будучи кровожадным злодеем, Гитлером или Сталиным. Трон ему подготовлен политикой безальтернативности. Закрытая Система «отстреливается» яркими фигурами, непредсказуемыми в действиях, — и страна обсуждает «планы президента», а не внутренние дела. Гадания о намерениях тефлонового лидера с годами перетекают в проклятья — о, когда он уйдет, постылый! (Люди обожают толковать о тиранах* и их преемниках.)

” Власть персонифицирована постольку, поскольку закрыта»¹⁴.

Здесь далеко не все предвиденные Гефтером очертания будущего России. Но мало ли, кто как пророчествовал? И у других были прозрения. Предлагает ли Гефтер теоретически достаточную позицию, чтобы действовать на ее основании?

Попробую проследить ход его альтернативной мысли, сделав ее понятнее сегодняшнему читателю. Но нужна оговорка: Гефтер — человек своей эпохи и своих предрассудков. Он не говорит нашим языком и наотрез отказался бы им говорить, он презирал речевое поведение современников. Образ мировых проблем, рисуемый им, отвечает пословице «Ум человеческий не пророк, а угадчик».

Гражданство — Черемушки?

В интеллектуальных летописях новой России Гефтер остался чем-то «вообще приятным». Он не настаивал, чтоб его взгляды определяли, и публика приняла эту игру в молчанку о себе. Неопределенный Гефтер, Гефтер непоименованный стал с годами несуществующим Гефтером. Такого положения быстро не поменять. Само отсутствие конфликта вокруг его идей означает их пропажу из истории русской мысли**. Любые наименования, небрежно

---

* Это простительно, хотя часто тиран уникален и «вытекает» из самого себя. Разговоры о наследниках Сталина в СССР начались раньше появления одноименного стихотворения Евтушенко (в газете ЦК КПСС «Правда» 21 октября 1962 года). Но прямых наследств не бывает, а вот парадоксальных, гибридных, как любят теперь говорить, — сколько угодно.

** Составитель книжной серии «Философия России» искренне изумился предложению издать Михаила Гефтера в этой серии.

относимые к Гефтеру, вроде верны и тем самым излишни: Гефтер — бывший марксист. Гефтер — организатор исторической науки; редактор «Всемирной истории», глава Сектора методологии в Институте истории АН СССР (этот Институт разделили и уничтожили, только чтобы разогнать Сектор). Гефтер — интеллеktуал времен перестройки. Гефтер — историк, впрочем, оставивший мало текстов собственно исторических. Гефтер — диссидент, участник последних крупных проектов в самиздате: Свободного московского журнала «Поиски» и исторических сборников «Память»... Но где теперь диссидентство в российской памяти?

Его статусы вытеснили предмет его мысли — не много ль ролей для фигуры мирового класса? Остается впечатление суетного шестидесятника, который всюду поучаствовал, немного оставив в наследство.

Выдворенный из АН СССР, Гефтер превратил свой путь от бойца Красной армии до марксиста-еретика в позицию мысли. Стратегия аболициониста ясно ощутима в основе его трактовок русской истории. Он не притязал на верность традициям, кроме биографически проверенных, а на упрек следователя в непатриотизме отвечал: *«Я гражданин Черемушек!»* Примем же этот вызов за самоопределение.

Методология есть поступок?

Место Гефтера в интеллектуальном пейзаже шестидесятых сложно оценить. Во-первых, тогдашний ландшафт настолько разнообразен, что его сегодня трудно представить. Во-вторых, точки разрыва и красные черты эпохи стерлись от времени. Издали кажется, будто в СССР обитали лишь две интеллектуальные когорты: плохие марксисты и редкие истинные философы — разумеется, антимарксисты. Гефтер особняком и тут. Неучастник волны «советских кантианцев», откуда выйдут Мераб Мамардашвили, Юрий Давыдов, Михаил Петров, Арон Гуревич, он не собрат и гегельянцам-утопистам, ярчайший из которых Эвальд Ильенков. Для обоих станом Гефтер слишком серьезен в отношении к личному поступку, к проблеме человека в истории и событийности как веществу исторического.

«Кантианцы» видели в истории парад культурных ценностей, как Гуревич, и полагали этику фундаментом социальной теории, как Юрий Давыдов. Действия, адресованные порядку ценностей, считались самоценными — историческая каузальность их не затрагивала. Мамардашвили противоположа-

гал моральный поступок историческому действию: первый (изолированно в себе) адресовал моральному закону, второе — окказионально, случайно. Исторический мир в этом проекте — мир долгих, хаотично спонтанных процессов. Средневековье Гуревича с добавлением народной культуры по Бахтину — живописный бурлящий гомеостаз. В нем нет агонистики, и истории нет — ни в Марксовом, ни в Гефтеровом понимании.

Но и неогегельянцы толка Ильенкова к действию относились без энтузиазма. «Действие столь же чуждо логике, как любовь», — строго выговаривал мне Владимир Библер, философ и боевой товарищ Гефтера. Эвальд Ильенков перенес антагонизмы с уровня личного выбора на сцену борьбы «великих исторических сил». Рассуждая о перспективах человечества в целом, он отверг весомость частной инициативы здесь и теперь. Действуют великие силы истории — пролетариат, прогрессивное человечество, советская власть, — и нечего им мешать субъективным выбором. Крот истории, вернее ее каток, справится сам*.

Истоки антропологии Гефтера, вероятно, уходят в идеи Бориса Поршнева о некоторой базальной форме антагонизма, расколовшей гоминидов, прежде чем те стали людьми — отсюда инстинкт каинита-убийцы и тяга Homo sapiens к суггестивным манипуляциям.

” Сперва — выломанность человека из эволюции. Превращение — по правилам эволюционных игр — обреченности вида в его преимущество сделало человека планетарным существом, соподчиняющим среду обитания»¹⁸.

Характерно гефтеровский вопрос: отчего перволюди, едва овладев речью как орудием нападения и защиты, кинулись прочь друг от друга, расселяясь по планете до дальних ее неудобий? «Что их гнало туда? Что их гнало?» — вопрошает Гефтер. Оказывается, люди не могут жить вместе, но должны. Человек — прирожденный убийца, и, уживаясь с другими такими же, он вынуждаем стать Homo historicus. Появляется место индивидуальному выбору, слову и действию.

* Исключением среди младогегельянцев был Генрих Степанович Батищев с его активистским принципом «деятельностной сущности человека». Друг Гефтера, он меня с ним и свел.

” Первосущество, обреченное с эволюционных позиций, свою обреченность претворило в существование собственно человеческое. Главным атрибутом которого является слово, речь»¹⁶.

Принципиальная установка Гефтера: история — праксис, а не прогресс. Этот праксис состоит из индивидуально выбранных действий, не столько из побед, сколько из поражений, ошибок, падений. Не абстрактные «силы прогресса породили» декабризм как великий эталон и общественную силу. Декабризм — плод двух оглушительных поражений. Первого на Сенатской площади 14 декабря 1825-го и второго, еще худшего, — личных падений на следствии: так и ересь Менюкино произведена была не «дискурсом», а допросами его в инквизиции. Мужество в сибирской каторге и перед казнью не сразу и не вполне искупало слабость. Свидетельствование, акт говорения («речевого поведения», сказал бы Гефтер), есть само историческое действие.

Начиная с шестидесятых ересь историка исподволь меняла методологию советской исторической науки. Он сдвинул фокус исследований с «сил» и «процессов» на действующих лиц — слабых носителей альтернативы: «неутопических утопистов», «событийных людей». Сама история тоже Событие, имеющее начало и конец: история однократна. Гефтер изгоняет «постепенное развитие» — ложного друга историков и политологов со времен Кондорсе.

” С момента, как открыт Большой взрыв, выяснилось, что нет никакого “постепенного развития во времени”. Вселенная явилась сразу, и говорить о ее развитии бессодержательно. Земное существование в рамках одноактной Вселенной не может быть безграничным»¹⁷.

” То, о чем мы сейчас говорим, уже не история, это уже другая тема. История, кроме прочего, требует ресурса пространства и времени: оба ресурса исчерпаны. Ресурс пространства исчерпан явно — все втянуто в глобальную колею, ею повязаны. История не может прийти на новую территорию, избрав ее своим поприщем»¹⁸.

В эпистемологии Гефтера познание есть поступок. Оно также действие. Его не изолировать от последствий, относя к миру «вечных ценностей культуры», не запереть внутри прогресса с «отражением» его по Энгельсу. История состоит из действий и падений, но и познание из них же. Нет он-

тологического разрыва между действиями героев историка и действиями самого историка: он среди них. Диссидентскому императиву сопротивления словом властям Гефтер останется верен до конца. Это не амбиция. Это логическое следование его видению научного знания как поступка.

Политика частного лица?

В послевоенной жизни Гефтера, при переменах языка и тематики, видны катастрофы биографической перспективы. Первая — в начале семидесятых, когда Гефтер уходит с видной академической позиции. Громят Сектор методологии Института истории — его детище, интеллектуальное средоточие Москвы шестидесятых. Но он не скрылся в убежища параллельной культуры, отклонив формат семинарских квартирников. Он полностью отпадает от академической карьеры. Академический историк капитализма в России, европейски известный марксист, на мнения которого ориентировались иные чины в аппарате ЦК, — все отброшено. Окружив себя мыслящей молодежью, он уходит в рейд по тылам эпохи. Редактор «Всемирной истории» и «Истории КПСС» стал просто частным лицом, московским аутсайдером. Где-то здесь начинается превращение Гефтера в невидимку.

Он сближается с диссидентами. Участвует в создании Свободного московского журнала «Поиски» (в самиздате), переносит несколько обысков КГБ. В 1975-м оформляет военную инвалидность, в 1982-м выходит из КПСС.

Второй перелом в жизни совпал с «гласностью» только хронологически. При Горбачеве Гефтеру вернули законное право печататься и выступать. Но на сцене перестройки явился некто иной, чем сошедший со сцены когда-то. Корпорация бывших идеологов с повышением вернулась в свои кабинеты. Формально Гефтер в их числе — фактически нет. Реабилитированный Гефтер отклонил дарованный властью статус*. Он ядовито издевается над шестидесятниками — *«будильники, которые остановили, через 20 лет завели, и они снова трезвонят»*. Он и пальцем не пошевелил, чтобы вернуть

* Политика гласности началась внутривнутрипартийной реабилитацией группы членов КПСС, отвергнутых двадцатью годами раньше как «ревизионисты» и «фракционеры». Их реванш намеренно поощряют высшие партийные власти, не собираясь идти дальше. Горбачевское политбюро не ждет, что вернувшиеся принесут нечто иное, чем то, с чем сошли со сцены в конце шестидесятых.

себе отнятое законное место в Академии. Историк вышел на сцену с опытом личного сопротивления всей стране — это особый опыт.

Что отличает Гефтера от других, например от Мамардашвили? Ведь и Мераб не впустую провел годы реакции. Уйдя от Маркса и осваивая язык философии XX века, он отселился в западную традицию мысли. Плодотворную технику мыследействия разработал Георгий Щедровицкий в убежищах технического дизайна. Теологию христианского выхода из марксизма наметил Генрих Батищев в «Тезисах не к Фейербаху» (я горд, что их первый вариант посвящен «Оле-и-Глебу»). Ничего подобного у Гефтера нет: иначе прожив годы, названные «эпохой застоя», он резко отвергает сам термин.

” Вот мы говорим “период застоя”. Что такое “период застоя”? <...> Во времена Карибского кризиса соотношение ядерных запасов между СССР и США был 1 к 16 или 1 к 17. В конце “застоя” мы уравнились... стали милитаристской державой, то есть у нас появился новый каркас... Второй момент этого “застоя”: у нас впервые появилось достаточно твердое общественное противостояние, мы впервые увидели людей, каждый из которых на свой лад говорил “нет”... И третий момент “застоя”... мы с невероятной быстротой стали превращаться в общество потребления»¹⁹.

Отстаивая честь семидесятых, Гефтер соединяет несоединимое — гражданское сопротивление, общество потребления и советский «ядерный каркас». Речь хозяина эпох, прежней и новой, связанных в историке нераздельно. Он государственный и он же аутсайдер, непримиримый к власти. Он избегает полемики с грандами гласности — партийными либералами, перезаписавшимися в антикоммунисты, но с Андреем Сахаровым задумывает и учреждает клуб «Московская трибуна».

Однако прямо пойти в политику Гефтер отказался. Удобная ему форма действия — его теневая роль в беловежской денонсации Союзного договора (это он растолковал идею Геннадия Бурбулису и ближнему кругу Ельцина). От прямого вмешательства в политику Гефтер ушел, бродя по черемушкинским холмам и тихо беседуя с Сахаровым, Черняевым, Афанасьевым. Но модель теневого влияния истощилась. Смерть Сахарова, устранение Горбачева и СССР опрокинули сцену перестройки, вознеся номенклатуру из перебежчиков с их интеллектуальной обслугой.

Русский де Местр?

Трудность понимания текстов-поступков Гефтера (и помеха восприятию его мыслей) — то, что любое высказывание мы относим к «мнению». Михаил Гефтер исходит из нравственной императивности суждений: философские высказывания для него суть поступки. Они рискованны, влекут ответственность, их нельзя взять назад. Человек вправе менять мнения, но это сдвиг в составе личности, в конфликте с его речевым поведением.

” Слово “свобода” надо бы писать так: **не-несвобода**. Вот сравнительно точное имя тому, о чем мы говорим. Если нет чувства досады, ужаса, страдания — огромный диапазон оттенков! Если нет проживания человеком своей несвободы, то откуда взяться свободе? Пусть мне объяснят — откуда?!»²⁰

Гефтер отказался обменять опыт инакомыслия в виду Лубянки на дарованную ему свыше свободу. Он требовал отрефлексировать недавнее бессилие интеллигентов — ушло ль оно навсегда? Признать силу бессильных, когда диссиденты Востока утвердили связь суверенного выбора, справедливого поступка и диалога с властью — той, которой противостояли. Из-за явного опасения оскорбить прошлые тексты Гефтера смотрятся теперь патетично. Их язык не жертвует «новым прекрасным временам» ничем из всего, чем жил. Он и сам над этой своей манерой посмеивается.

” Так у меня устроена голова: когда я формулирую какой-нибудь личный поступок (скажем, отказываюсь в КГБ давать показания — будучи негероической личностью, а не потому, что есть нравственный императив), то и сюда ввязываются мои представления о сущем Мира»²¹.

На письме и в публикациях* Гефтера ощутима тайна, мучительная стилистически. По страстной парадоксальности идей, сопротивлению любому

---

* Более или менее полный список опубликованных работ Гефтера можно найти здесь: <http://gefter.ru/archive/327>. Однако ими совершенно не исчерпываются его архивы и тексты, хранящиеся его учениками. Не все, имеющееся на руках у одного человека, известно другому. В процессе работы над этой книгой Михаил Рожанский напомнил мне о машинописном наброске Гефтера «Анти-Ильенков», сделанном в конце шестидесятых.

мейнстриму от него нам следовало ждать радикализма Жозефа де Местра. Гефтеру пристало ниспровергать, сыпать парадоксами — и он мастер парадокса, но только в устной речи! Что-то сдерживало его на письме. Личная благопристойность запрещала ранить чувства друзей? Избегая заострять разрывы, русский де Местр укутывал их в орнаментальную вязь. Покинув академическое письмо, он пишет темным языком молодого Гегеля (гражданина даже в йенском «зверином царстве духа»²²). В публикуемом Гефтером скрыта его отчаянная альтернативность.

Гефтер говорил о трех своих языках (на мой взгляд, их больше):

” Одним языком я говорил и писал до запрета Сектора, потом стал писать иначе, и сейчас — третий язык»²³.

Он «измучен своим языком», но крайне им дорожит в условиях российской «катастрофы речевого поведения», перетекшей в политическое позорище. Соглашаясь, я недооценивал глубины его претензий — у меня были свои*. Исцеления речи Гефтер искал в аутентичности интонации. Интонацией он дорожил бесконечно, как условием правды. Самоограничений, которыми он обуздал письмо, Гефтер зато не соблюдал в разговоре. Обожая формулы, найденные на кончике пера, в устной речи он порождает их десятками, не ценя и не запоминая.

” Там, где я пишу “причинно-следственные близнецы поставили крест на беспредпосылочном будущем”, — там я!»²⁴

Язык Гефтера — версия русской речи из немногих, что справились с финальностью как предметом. Русское мышление применяет финализм как лазейку — Гефтер заставил его работать в истории, где царит преступная власть и концлагерь. Он развил герменевтику образов финальности истории, прошлого и будущего.

---

* Мои критерии достойной речи выработались в самиздате или чтением редких в СССР подцензурных политических книг, подобно статьям Батищева, Аверинцева, Арсеньева, Кнабе, Пятигорского, Померанца, Ясперсовой «Куда движется ФРГ». Гласность, казалось, возобновит свободу речевого поведения, но этого не случилось. Ритуальные топики «демократов» с набором связанных идеологием заняли место высокой русской традиции, какой она сложилась в XIX–XX веках. Выходить из речевой ситуации противостояния, которая породила «дацзыбао реформ», я начал накануне ареста, в 1980–1981 годах. Впоследствии, впрочем, я исходил из прагматики работы с аудиториями: проблемы упрощать мысль не стало.

Путем осложнений?

Гефтер мешал упрощать вопрос, сняв актуальные пенки. Удерживая в труднейшем месте темы, не давал политически срезать углы.

” Разговоры об интеграции (стран СНГ. — Г. П.) бессмысленны, если нет плюрализма. Что интегрировать? Географические топонимы? Политические вывески? Если нет узаконенной разницы в способах человеческой жизнедеятельности, о какой интеграции идет речь? О сверстанном бюджете? Где все платят одинаковые налоги? Бессмыслица. Интеграция — головоломнейшая задача, которая предварительно предусматривает несовпадения — интегрируются несовпадающие! Учреждаются пропорции несовпадений. Интеграция выстраивается по мере того, как снизу естественным ходом вырастает нечто, что мы называем **страна**. Нам надо не потерять эти главные наши точки. От плюрализма этого можно потом к пространственному плюрализму перейти, понимаешь?»²⁶

При очередной встрече с пошлостью Гефтер вкрадчиво уточняет: полагаете, человечество уже вышло из холодной войны? И куда именно вышло? Выясняется, что говорящий понятия не имеет о миропорядке холодной войны и ее антропологии.

” Выход из холодной войны не менее опасен, чем сама холодная война. И Россия, которая явным образом проигрывает Азии, не выигрывая на Западе. Россия вроде огромная — и ничья, и ничто. Гигантский мировой открытый вопрос»²⁶.

Конец XX века в РФ — время, когда от трудных вопросов шли в простое выживание. Только сегодня стало ясно, что холодная война в стране-обломке биполярного мира — не та политика, которую легко отменить.

” Г. П.: Конец холодной войны наступил не путем победы, а через исчезновение одной из сторон. — М. Г.: Он вообще не наступил! Бицентричный мир — это возобновляемая реальность. Почему Жириновский их так больно поразил»²⁷.

Миропорядок холодной войны был глобальным режимом сдерживания апокалиптики. Свободный мир на пару с «восточным блоком» каждый

по-своему табуировали позы человека-убийцы. Коллапс биполярного мира значил для Гефтера, что отныне «убийство высвободилось»²⁸.

” Преторианцы самоновейшей истории — ее убийцы, поскольку превращают “избирательную гибель” в промысел и театр»²⁹.

Альтернативный лидер?

Тексты, опубликованные им самим, скрывают яростную жажду альтернативы. Гасят интонацию Гефтера-паррессиаста, которая в устной беседе вела к истине. Но он не давал плодам уст выйти в текст. Почему? Мы не знаем, и у меня нет ответа.

Историк, по Гефтеру, не бывает одним наблюдателем старых дел. История общеизвестна как рассказ или story, но актуальна как континуум действий. Историк — интеллектуальный медиум и политик. Точка зрения Гефтера бескомпромиссна: исторический мир открыт вмешательству слабого существа, открыт насквозь, на любую глубину. Глубинная альтернативность происходящего, по Гефтеру, в его беспрецедентности. Потеряв ясность, люди отзываются на альтернативу, рвутся к ней — это не значит, что они к ней готовы. В 1978-м он пишет американскому другу-историку Стивену Козну:

” В некоей стране, в некоем социуме совместились могущество (реальное!) и груз неразрешенных проблем... Не исключено, что неразрешимы при данных условиях и обстоятельствах. Не исключено, что как раз это более всего другого и делает данную страну (в нынешних условиях) самой потенциально альтернативной. Судьбы Мира оказываются накрепко связанными здесь — и чем? Не просто сочетанием **силы и слабости**, что само по себе опасно... а сочетанием того и другого с альтернативностью, не находящей себя: свою суть и свой статус»³⁰.

В триангуляции Сила–Слабость–Альтернативность движение идет через выбор, разрешением которого Гефтер 1978 года видел в будущем лидере-реформаторе СССР.

” Реформатор, то есть человек, способный не на паллиативы, а на преобразования, объем и характер которых — открытый вопрос. И так,

снова альтернативность, причем с двух сторон. От альтернативной ереси к альтернативному реформатору!»³¹

Это не реформизм советского интеллигента. С семидесятых годов Гефтер не видит путей реформы Союза в обход радикальной конфедерализации. Россия и СССР должны превратиться в «страну стран» — союз русских и нерусских земель. Гефтер не верит, что его альтернативный реформатор выйдет из еретиков-диссидентов, но в них задает эталон альтернативности (именуемый им иногда «добровольной несвободой»). У такой идеи «равноразной России» нет шансов быть понятой современниками — даже немногими читателями самиздатского журнала «Поиски», где в 1979 году напечатано это письмо.

...Семидесятые трагически уютные, катастрофично комфортные, лубянские... Жизнь среди тюремных передач и редких друзей — одни уезжают, других арестовали. Евгений Гнедин, сын скандального Парвуса, эlegantный и после двадцати лет лагерей, тихо поясняет мне, как переносят пытку (он дока — его пытал лично Лаврентий Берия), а Гефтер тем временем жалуется ему на дерзости молодых друзей:

” Мы в безъязычии. Как Сенька Рогинский* надо мной издевается! А-а, говорит, — Мир миров, страна стран, улица улиц! Понятно, сколько мне можно талдычить одно и то же»³².

Жизнь среди книг и бумаг, оставшихся после обыска. Незачем дописывать черновики, их все равно не опубликуешь. Только беседа с друзьями бесценна, ею не жертвуют в пользу текста, и перевести ее в текст невозможно.

Перестройка пробросила мостки — не для Гефтера. Начало гласности огорчило его тем, что мозги друзей съезжились. Обо всем мы судили наспех и спешно печатались, смягчив мысль в одних случаях, небрежно заостряли в других. Гефтер отверг и эту манеру, а бунт оплатил жестоким инфарктом осени 1987 года**. Но до того он отправил два личных письма Горбачеву — «альтернативному лидеру», которого предрек еще в 1978-м, — и вот, как будто дождался.

---

* Арсений Борисович Рогинский (1946–2018) — российский историк, правозащитник, общественный деятель, председатель правления правозащитного и благотворительного общества «Мемориал».

** Триггером болезни стало его интервью, опубликованное в журнале «Век XX и мир» № 8/87. Я и сейчас считаю его одним из лучших гефтеровских текстов. Но как сказано, Гефтер не узнавал себя в записях устной речи.

Слабый ведет слабых?

Первое письмо конца февраля 1986 года написано после саммита с Рейганом в Женеве, накануне XXVII съезда КПСС. Определив генезис СССР как «государства исторической инициативы», Гефтер предостерегает:

” Инициативу... можно и потерять в силу ошибок, отступлений и преступлений, которые тем более необратимы, чем больше масштаб, заданный этой же исходной инициативой»³³.

Гефтер напоминает о масштабности миропорядка холодной войны, восходящего к антифашистскому консенсусу победителей 1945 года. Угрозу же связывает именно с потерей масштаба.

” Сохранением мира с тех пор и до сего дня люди обязаны не только равенству опасностей, порожденных новым оружием, но и зарождению нового взгляда на Мир — взгляда, отвергающего любой вариант планетарной монополии и исключаящего победу даже самой высокой идеи... через катастрофу, а стало быть, ценой человеческих гибелей. <...> С разных сторон нам следует идти к одной цели (столь же внешней, сколь и внутренней) — сохранению жизни на Земле»³⁴.

Второе письмо отправлено в Кремль после Чернобыля, саммита в Рейкьявике — и смерти диссидента Анатолия Марченко в лагере от жестких голодовок. Гефтер еще раз приравнивает роль лидера к долгу альтернативности. Утверждает, что прорыва в Рейкьявике не было бы без Чернобыля, он требует поворота во внутренней политике*. И переходит к версии лидера «революции сверху»:

” Мира без насилия, Мира жизнетворящих различий, Мира, которому еще прийти на смену ядерному, ракетному, изобильному и голодному Миру конца XX века. Вот оно — минное поле: поприще Лидера. ... Он, само собой, реальный политик. Но реальный в меру того, что знает (и обязан знать!), чего делать нельзя... Он знает (и обязан знать!), что не суверен он сам по себе... но и не слуга кого бы то ни было, включая собственный народ, и тем паче не прислужник его»³⁵.

---

* Как мы знаем, он произошел — Сахаров был возвращен в Москву, а через несколько месяцев политические заключенные были амнистированы.

Гефтерова идея Мира миров совместилась с идеей Лидера и его Weltpolitik. Союзник Горбачева, Гефтер ищет в генсеке воплощение мировой души, императивно свободной от всех:

” Признаем: в нашем отечестве при наших обстоятельствах роль лидера страны достигла... предельной точки. И столь же предельной стала зависимость лидера от себя. От самого себя — в этом суть»³⁶.

” Начните с политической амнистии, с возвращения соотечественников к деятельной жизни»³⁷.

Его благородное требование политической амнистии вскоре сбудется и примирит Гефтера с кремлевской «революцией сверху» — знакомым историку русским злом.

Падшие идут на реванш?

Уйдя в семидесятые в частную жизнь, Гефтер не «забылся философствованием». Выйдя из марксизма, он и от него не ушел вполне, а стал размышлять. На этом месте с Гефтером повстречался я. Марксизм в русском мире — место нашей встречи и ее первая тема. Многие тогда расставались с марксизмом, важно качество расставания: Гефтер сделал его проблемой. Вчерашние марксисты по-разному уходили от Маркса: Трубников, Лен Карпинский, Генрих Батищев, Мераб Мамардашвили, Георгий Щедровицкий, группа журнала «Проблемы мира и социализма»... Переосмысление Маркса составило мировой сдвиг семидесятых — восьмидесятых, но в СССР никто не оставил разборов своего опыта. Гефтер масштабировал свой марксизм. Преодолеет ли горизонт Маркса он сам, его не волновало: в беседах он его проблематизировал*.

” Логический роман Маркса, катастрофа его коммунизма и результаты ее, духовный опыт, который мы обрели, важен в поисках альтернативы — чему? Альтернативы жизни ради сохранения жизни. Потому что жизнь ради сохранения жизни производна от истории. Она и есть псевдоальтернатива. И у нее будет тот же конец — ядерный гриб»³⁸.

---

* Но есть и авторский текст Гефтера «Россия и Маркс», написанный в 1978 году для журнала «Поиски» (опубликован повторно в 1988 году в журналах «Рабочий класс и современный мир» (№ 4. С. 152–170) и «Коммунист» (№ 18. С. 93–104)).

В разговорах Гефтер воссоздавал историческую панораму рождения, гибели и возрождения альтернатив — но движение их было сумрачно. Революции отменяли русское рабство, пытки и каторгу, а в следующем такте те возвращались. В этом континууме нет победителя, здесь никто не выиграл вполне. Но если гибель «*русских горемык*» всегда бесповоротна, упущенные альтернативы продолжают влиять, смещая нормы и правила. Вероятно, оттого альтернативный мир Гефтера так влек меня внутрь.

Надо знать и как Гефтер обошелся со мной: рефлексией моего падения перед судом 1982 года он щедро раскрыл мне новые горизонты. Вот как он пишет обо мне в 1994-м:

” Не знаю, понял ли бы Сергей Трубецкой моего молодого диссидентствующего друга, но преломленная Бутырками судьба последнего помогла мне услышать неотредактированный голос “падшего” князя. Самопризнания людей 14 декабря, их мысли “в железзах” сверстались в единый текст с кабалой “поисковского” компромисса (все желанны в ненасильственном споре, в непредписанном выборе)»³⁹.

Вскрыв мое отступничество в деле «Поисков», он пробросил пунктир к шатости декабристов под следствием (и к «*Николаевской идее*» Пушкина, излечившегося ею от декабристского слома). Гефтер подарил мне другую жизнь, дал силу справляться с унынием в ссылке. Во мне образовался тайный «ванька-встанька» — русская версия трикстера.

” Г. П.: Подходит ли в нашем случае слово “выкрутимся”? — М. Г.: А почему? Выкрутимся. Ведь мы с тобой уже начали говорить своим языком. Когда на одном полюсе капитуляция, на другом убийство, то, в конце концов, выкрутимся»⁴⁰.

Мы годами спорили о русской идее поступка. Мой эталон был в опыте диссидентства, где акция есть явочное, суверенное предъявление силы слабым. Идентичности не бывает вне действий, на компромиссы я шел легко, но лишь ради действия. Язык действия я перенял у Гефтера, однако в средствах историк был осторожен, не поощряя бездумный экстремизм. Я же думал, что «старик тормозит». Теперь, стоя перед загадкой начала, догадываюсь, как она парализовала Гефтера. Он убеждал современников, заверял, звал... Но выступить первым, не дожидаясь других, ему теперь казалось нечестным.

” Проблема, смешно сказать, психиатрическая — в раздвоении. Один человек во мне хочет и тянется к тому, чтобы участвовать, когда необходимо, помогать вам что-то делать. Чтобы эту пошлость нынешнюю как-то обойти. А другой человек наблюдает со стороны... Этот второй человек мне мешает, но совсем не берет верх»⁴¹.

Сегодня мы смирились с тем, что хаос истории исключает страховки. Гефтер исходил из шансов человека действовать исторически актуально. Его *Homo historicus* — существо, творящее историю и опустошаемое ею. Противящееся истории структурами повседневности и культурой — двумя мирами, сдерживающими событийность. Человек имеет божественное право ответить на вызов истории. Преступив черту данного, он вторгается в ход вещей.

Соблазненные «Русским проектом»?

В моем поколении-1968 «творить невозможное» принималось за правило. Императив «можешь — значит должен» я понимал в духе 11-го тезиса Маркса, как повеление действовать безотлагательно*. Но вставал вопрос об основаниях действия и его шансах.

” Нам не избежать отыскания некоей альтернативы нынешнему состоянию. Нам надо заново обрести какую-то точку отсчета для собственного будущего. Любые прецеденты, как бы они ни были для нас существенны (практически, духовно), не исчерпывают нашей ситуации, в которой очень много самого существенного является уникальным. Я думаю, что <...> в поисках альтернативы логикой этих поисков человеческое сознание освободится от обезчеловечивающих чувств и голой ненависти»⁴².

Императив действия — соблазн для слабых. Он разрешал делать вещи, которых иначе себе не позволил бы. Двадцать лет нашей дружбы прошли в том, что Гефтер говорит и пишет, а я лишь слушаю и помогаю. Но с начала

* Джордж Сорос как-то публично упрекнул меня в том, что (работая в 1989–1992 годах директором программы «Гражданское общество») я изучил технологии его фонда и «передал Путину». В конспирологической гипотезе есть зернышко смысла: хакерский стиль Джорджа питал мой соблазн шагнуть от философии к масштабному действию, опрокинув правила игры. В девяностые все мы были хакеры.

девяностых мой акционизм перешел в требование противостоять бессилию и упадку. Я хотел прагматизировать Гефтеров концепт альтернативы безотлагательно! И вот весной 1993 года Михаил Яковлевич изложил нечто, ставшее для меня первой зарубкой Русского проекта. Было так: я посетовал на бессилие нас, ватутинских дачников, как вдруг Гефтер оборвал — зачем ждать?

” Давай исходить из того, что трупы умерших от голода не будут тысячами лежать на улицах. Но тем не менее завтрашний день закрыт. ...То общее, что объединяет всех: от ультрадемократов до крайних правых — они все люди вчерашнего дня. Представь, что параллельно действующим системам... автономно и с прицелом на завтрашний день возникает **некая большая коалиция**. Общее согласие XXI века (согласие по институционально выражаемым интересам). ...Идея такой коалиции выработкой солидарного, принципиально согласуемого взгляда на XXI век. <...> Я бы назвал ее альтернативной позицией. Даже не “оппозицией”... но **альтернативным движением, которое, ведя отсчет от XXI века, вносит вызволяющий момент в хаос**. <...> Конечно, желательна большая коалиция евразийского масштаба, но пока это вещь трудноисполнимая. Поначалу попробовать бы в российских размерах»⁴³.

Гефтер намечал сцену альтернативы — а я услышал лишь призыв действовать на опережение. Но разве историк подстрекал к электоральной спецоперации? Да и не верил он, что уловки разблокируют мировой кризис. Гефтер делал ставку на долгий марш — приуготовление русских умов к альтернативности и диалогу на этой основе... Он меня притормаживал:

” Нужна систематичная работа в малой среде. Никто не знает, когда, как и где она ляжет на чашу весов... Открывать задним числом преданные имена, умолкнувшие голоса, отклоненные мысли... Дать им ход в речь и в политику. Дать время, чтобы процесс возобновился. Ускорить его могут либо совсем плохие дела, либо подход неизвестных пока свежих сил. То и другое не исключено. Но как иначе, Глеб? Попытаться вдруг сразу повлиять на миллионы людей? Можно, конечно, пытаться. Но эти говорухины тебя все равно обскачат»⁴⁴.

Михаил Гефтер был прав дважды — «говорухины» меня обскакали, а дела плохие совсем.

Из развалин — куда?

Я отличаю преальтернативу 1992–1995 от своих тогдашних блужданий и не намерен смешать свои взгляды с Гефтеровыми более, чем те перемешались.

В чем его альтернатива холодной войне? В общих чертах такова. Холодная война началась с задачи остановки сталинского Союза как машины мировой революции, которая не может себя остановить. Октябрь 1917-го в руках Сталина превратился в противоальтернативную мощь «неостановленной революции». (Даже в боине 1993 года Гефтер усматривает «кровавую отрывку неостановленной революции».) Неостановленная, та не революция уже, а оборотень — «антикоммунистический коммунизм» Сталина. Противоальтернатива и чистая негативность революции не могли хорошо кончиться. Конец СССР стал и концом коммунизма.

” Первый же бесповоротный шаг к выходу из холодной войны мог означать сокрушение. И по закону маятника затоптанная мировая альтернатива не могла остановиться у столбов границы СССР — она вернулась внутрь Союза. Попытки удержать советское пространство, вводя в сферу влияния все новые территории Мира (поддержка левых режимов, африканских и азиатских псевдосоциализмов), — это уже крайности деграданса. Процесс с ускоренной мощью пошел в обратном направлении и, споткнувшись в Афганистане, обрушился внутрь»⁴⁶.

Истинная «геополитическая катастрофа» 1991-го, конечно, не распад СССР, а крах мироустройства холодной войны. Но этим кризис не разрешился. Человек холодной войны не сошел со сцены ни на Западе, ни на Востоке. Конец коммунизма переходит в кризис самого Homo historicus — вызов роду людей, причем неопознанный вызов.

” В послевоенной истории образовалась такая воронка, что мы все еще из нее не вышли. А поверх надвинулась холодная война, где люди живут под знаком способности уничтожить себя средствами, которые заведомо не будут приведены в действие!»⁴⁶

” Ситуация, которой, вообще говоря, человек долго выдерживать не способен. И какой же запас прочности в Homo, если он теперь из нее

выкарабкивается! Начался переход в принципиально другое существование. Но по старой технике истории, по прежнему способу согласования ею разных рядов, — ей трудно их согласовать»⁴⁷.

Гефтер видел в происходящем «катастрофу Цели», открывшую для русских путь к чему-то большему, чем прежде. Он звал прекратить оплакивать Союз: русская история накопила небывалый опыт. Полигон идеи единого человечества в руинах, родовой эксперимент Homo sapiens закончен — из руин надо выйти. Внутри оставаться опасно.

«Не в развалинах, а из развалин!» — звал Гефтер евангельским парфразом. Теперь это выглядит странно: вслед святому Франциску историк проповедует птицам? Оглушенной стране Гефтер проповедовал новые мировые возможности: что нам делать? Строить договорную Россию, «страну стран»: республиканскую конфедерацию в Мире миров. Он не нашел общего языка с людьми новой России. Тем обиднее, что с начала девяностых Гефтер стал мейнстримной фигурой — он выходил в телеэфир, его охотно публиковали. Не понявшие его темных текстов шли с расспросами — и он отвечал неизменно дружелюбно, но всегда не так, как ждали. Ему не возражали, его просто не слушали.

” Кому мне все это рассказывать? Давления своего масштабного опыта в России не ощущают»⁴⁸.

Так вышло, что при конце его жизни благодарной аудиторией остался я. Три года диалогов в Ватутинках шла тайная метисация: я пропускал идеи Гефтера сквозь себя, отбирал их и переиначивал.

Что в начале — вопрос или ошибка?

Говорить о методе Гефтера сложнее, чем о его языке. Метод речи или метод письма? Или метод речи, метод письма и метод исследования, собственно? Вопрос так поставить можно, но это не гефтеровская постановка вопроса. Его мысль диктует первенство вопроса: Гефтер идет к истине, движимый «вопросами без ответа».

” И тут и там не ответы, а лишь всегда вопросы. Вопросы, не сводимые воедино»⁴⁹.

Приоритет вопрошания запрещает округлять мысль — вопросы бунтуют! Гефтерово вопрошание дает силу сопротивляться мейнстриму. Но для меня неприемлемой была мысль, что вопросом все и окончится: вопрос инициирует действие, а действие всегда однозначно! Гефтер же выставлял действию ряд жесточайших табу, не отделяя табу для мысли от табу для поступков. Табу он ставит превыше морали — и мы снова расходимся: трикстеру табу неважны. Объявление чего-либо в политике табуированным подстрекает меня импровизировать. Но к импровизациям отношение Гефтера двойственно.

” Всегда налицо та или иная возможность? Нет, вся история учит: не всегда! Так может, человек исторический, собравшись с духом и силами, преодолевает былую свою склонность к импровизации, от которой многие триумфы, но и все беды? Вероятнее всего, не преодолеет! Да и если смог, остался ль бы человеком?»⁸⁰

Гефтер альтернативе предпосылает табу — а я полагал, что поначалу допустима ошибка! Застрявший вправе сдвинуться с места визионерской акцией — толстовской «энергией ошибки». Легкомысленно относясь к дилемме Начала, я не ставил действию ограничений — ведь будущность альтернативы все равно не в наших руках. Я знал ближайшую цель: сначала вернем страну! Гефтер знал о моей ошибке, но рассчитывал меня сдержать.

2. Катастрофа выхода из холодной войны

Легкомысленным деньком перестройки я вывез Гефтера на интервью в АПН — Агентство печати «Новости», что на Зубовском. По коридорам навстречу шли двое — рабочий и босс, рябой мужчина с необъятной калыкой в руках. Босс тыкал пальцем в стену, рабочий срывал панель и тащил потаенные провода. «Что это?» — дружески осведомился вечно любознательный Гефтер. Рябой смолчал, а рабочий ухарски: «Снимаем прослушку — холодная война кончилась!» Через десять лет в этих коридорах разместится Фонд эффективной политики, а еще пятнадцать спустя — министерство пропаганды «Россия сегодня».

Именно в тот день я услышал от Гефтера впервые две фразы: *«Россия станет договорной, или мы взорвем Мир»* и *«Третьего тысячелетия не будет»*. В дни окончания холодной войны мне они показались мрачными. Сегодня это не выглядит невероятным.

” Человеку нечто грозит, действительно затрагивая основы его существования, существование как таковое. Но им это не осознается! Он во власти привычных способов разрешения... Ситуация требует от него иных способов действия, а так как их нет в наличии, он и ситуацию не опознает!»⁶¹

There Is No Alternatives?

В начале девяностых Михаил Гефтер — едва ли не единственный в РФ strategist, требующий полного пересмотра политики безопасности. Он досаждает на дебаты в Президентском совете:

” У них там в Кремле иллюзия, будто дело лишь в том, как выкрутиться и кому дать команду. Предмета безопасности там не знают, поскольку нет разработок предмета опасности... Где большая опасность, мир ислама или США, Япония или Китай — это все открытый вопрос! Сначала придем к предмету опасности. Чтобы найти стратегию безопасности... надо сперва определить и назвать опасность. Природу опасности, ее масштаб, контур. Сначала поработаем с понятием существующей опасности. А начав сразу с «безопасности», не проработав угроз, вы только рекомбинируете советские стереотипы в своей голове. Разговор об опасностях в стиле zum Beispiel («к примеру», нем. — *Прим. ред.*) бесполезен — угроз всегда несчетное множество. В них надо искать интегральность, системообразующие факторы. Выдвинуть гипотезы, столкнуть версии угроз и опасностей, начиная от самой сокрушительной — угрозы уничтожения»⁸².

Интервьюеры возвращали историка к неприятной ему теме End of History — ведь у Гефтера с семидесятых была идея конца истории, резко отличная от Фукуямовой. Выходом из холодной войны мир вступил в кризис единого человечества — 2000-летнего проекта, от посланий апостола Павла до падения Стены. Конец истории, по Гефтеру, — это надрыв Homo historicus, и коммунизм — место надрыва. В том, что либеральный капитализм конца XX века Фукуяма счел аутентично безальтернативным, Гефтер видел подлог: «либеральный Запад» — общий плод коммунистических революций, союзного антифашизма и холодной войны.

” Прежде всего — что она такое, эта западная модель?.. То, что сформировано не только веками западного развития, но и веками экспансии Запада на остальной мир — и нарастающим воздействием остального мира на Запад... Многое, очень многое в том, что составляет ныне органику западного развития, явилось реакцией и ответом на (коммунистический. — Г. П.) революционный вызов»⁸³.

Сегодня рассказы о холодной войне описывают ее как мрачное пугающее пространство. Но диархия «ялтинского» мира пятидесятых — восьмидесятых — золотой век мысли, деколонизации и социальных реформ. Это непотерянное время не было застоем ни на Западе, ни на Востоке.

” Мы сильно проиграли, дав другим выиграть. А как они распорядятся своим выигрышем, еще не известно»⁸⁴.

Цивильный капитализм восьмидесятых — плод альтернативности миропорядка холодной войны, — а чем обернется его безальтернативная разновидность? Даст она справедливый мировой порядок? В XXI веке мы знаем ответ. Как Гефтер и предсказал, сложился клон биполярного мира — режим санкций против заново опасной России.

По мысли Гефтера, истинно мировое событие — холодная война как эпоха, а не ее сомнительное завершение. Институты холодной войны коллапсируют, но СССР рухнул прежде, чем наметился альтернативный миропорядок, и трансфер из холодной войны сорвался. Советский коллапс не стал ее завершением — вот проблема, мучавшая Гефтера с 1991 года.

” У нас есть узловой пункт... Холодная война, ее неполное исчерпание и родовой надлом в людях... Человек впервые жил в смирительной рубахе планетарных масштабов, во имя высших проявлений того, что звалось прогрессом. Его как бы вернули в древность, в зону табуирования, где он снова познал Запрет... К этому люди пришли на взлете духа, победителями в страшной Второй мировой войне... Человеку из этого состояния не вернуться к состоянию Д0, к прогрессу без смирительной рубахи. Он может вернуться только к первичным основаниям рода»⁵⁵.

Ушла мобилизационная дисциплина, оставив «доверчивые массы», привычные к мобилизациям и ждущие их снова. Обострился дефицит предсказуемого миропорядка. Эрой безальтернативности Гефтер озаботился раньше и острее других*, но не смог передать это аудитории: Россия не хотела слышать. Тем временем США провозгласили себя «победителем» в холодной войне (устами президента Дж. Буша — старшего, февраль 1992 года). Возник фантом однополярного мономира, с неустойчивым миропорядком.

” Сегодня я утверждаю неосуществимость идеи миропорядка и опасность, заложенную в исходящих отсюда ситуациях. С одной стороны, прежние попытки международного регулирования недостаточны, с другой, это стимулирует вмешательство, чреватое бог знает чем»⁵⁶.

* В 2015 году угрозе безальтернативности Зигмунд Бауман посвятил свою последнюю книгу диалогов с Л. Донским «Текущее зло» (русское издание вышло в 2019 году. — Прим. ред.). В ней он ссылается и на статью Эрнста Геллнера, где тот пишет, будучи антикоммунистом и антимарксистом: «Я очень сожалею о распаде Советского Союза; и вовсе не потому, что питаю симпатию к идеологии, которая его породила, но из опасений по поводу необходимости преемственности». Не говоря прямо об альтернативности, Геллнер имеет в виду ее.

Либерализм Фукуямы неявно ревизовал гуманный либерализм восьмидесятых. Тот дрался за честь быть альтернативой коммунизму — ведь игра велась планетарная. Либеральный антикоммунизм восьмидесятых охотно принимал новые социальные обязательства и их выполнял. Но вот игра сыграна, триумфаторы остались без миссии. У человечества не стало альтернатив, разве что подражать⁵⁷. В оборот вошел пароль нового популизма — *TINA* (There Is No Alternatives). Экономические аргументы стали политически безальтернативными, о чем прежние экономисты и не мечтали.

” Г. П.: ...Я предлагаю не предпрешать всемирный смысл происходящего. И вообще, “фукуямизмы” истеблишментарны. — М. Г.: Конец истории по Фукуяме, между прочим, разновидность “окончательного решения” — Эндлезунг на либеральном языке⁵⁸.

Суверенный убийца?

Гефтер утверждает, что с концом исторического существования и мирового коммунизма *Homo historicus* «возвращается из истории в эволюцию». Симптомы он видел в реновации гибели людей в ее доисторическом смысле, безразличном к индивиду. Этнос реагирует «панубийством», а «горячие точки» превращаются в лакомое блюдо Кремля.

” Места, где человек свободно убивает человека, — новый институт нашего социума власти. Они тонизируют верховную власть, наделяя ту ролью⁵⁹.

” Пока мы не решали эту проблему, ее место захватило панубийство. Страшное тем, что убийство проблемнее, а не только тем, что оно в крови. Ты посмотри на картину злодеяний — это не простое убийство, хотя и оснащенное современным оружием. Убивая, человек наслаждается — членит тела, отрезает груди, насилует мертвых... Он ведет себя не просто как чудовище — он исчадие ада! Казалось бы, у него в руках оружие, которым легко убить и после надо только закопать труп — нет же, ему этого мало! И пусть не твердят мне про “национальные корни”. Корни глубже наций, они вообще не национальные. Они другие⁶⁰.

В тектонике непроявленных альтернатив застряла новая Россия. Полигон светлого будущего человечества предстал мировым театром слабости.

Надо ли их бояться?

«Надо ли нас бояться?» — озаглавлен первый после двадцатилетнего молчания текст Гефтера в журнале «Век XX и мир»⁶¹. Вопрос почти риторический — бояться нечего, горбачевский Союз договаривается о мире надолго. Но Гефтер думал иначе: бояться надо! Мы не вышли из холодной войны — та сидит в нас тeneвым жалом, и дипломатия здесь бессильна.

” Наша цель — найти в нервном узле системы способ действий, который менее опасен. Не считай, что этого мало!»⁶²

Гефтер верил, что «менее опасный способ» откроет России новые горизонты, — а я переживал «потерю страны». Я не признавал «Россией» государственность РФ, явно чуждую опыту русской истории.

Гефтер искал проекту международную аудиторию настойчиво, но безуспешно. В семидесятые годы «гражданин Черемушек» был избалован посещениями интеллектуалов Запада, что казалось реальным влиянием. Но влияние не вышло за рамки узкого круга*. Россию захватила мания лидеропоклонства, рожденная «революцией сверху». Попытка Горбачева править обвалом, названным «перестройкой», породила веру в управляемость истории (вернее, обновила сталинский миф о том же). Казалось, лидер правит судьбами страны и мира — но вот первенство Горбачева рухнуло, и возник запрос на другую фигуру в той же мировой роли.

” Со времени, когда мы приобрели свою водородную бомбу и вообще после 1945 года, в Москве не может быть правителя, который не имел бы мирового статуса. Разве Хрущев его не имел? Но после Горбачева качество мирового статуса меняется»⁶³.

---

* Многие объяснимо социофобией, укорененной двадцатилетием аутсайдерства. Например, отношения Гефтер–Шанин: отношения, которых не было. Оба великих историка, проживая в Москве, при сходной приверженности к русской истории и общем круге друзей ни разу в их жизни не повстречались.

Вакуум мирового статуса отныне заправлял российской политикой. Страх пустоты использовал Ельцин. Гефтер этот риск распознал: во главе исторического сдвига может оказаться слабый фронтмен-импровизатор. Горбачев никого не сдержал, а своей манерой переносить срочные дела обострил катастрофу.

” Есть опасность неконтролируемых последствий наших действий — и есть соблазн США выступить директорами земного шара. А мы нашей слабостью соблазняем их на это»⁸⁴.

По Гефтеру, слабость провоцирует импровизировать с силой, и моей целью станет вытравить соблазн слабости. Но наши трактовки расходятся. Гефтер продолжает:

” Нам всем в России недостает этого императива — закона наименьшей исходящей от себя угрозы»⁸⁶.

Я вижу угрозу в слабости РФ, тогда как Гефтера тревожит вероломное усиление «новых русских».

Неслучайность Сталина?

Ни по ресурсам, ни по экспансии русская революция 1917-го непоставима с Первой мировой войной; не внесла Россия и ясного вклада в ее исход. Слабая экономика, обнуленная государственность и армия, не годная воевать, — все, что имела страна на конец 1917 года. Чудо сотворил Ленин, увязав несовместимые цели с порождением мирового субъекта, с которым далее не совладал ни он сам, и никто до Сталина. Аномально скрестив революцию с империей, Сталин породил аномальную страну.

” М. Г.: И хоть каждая революция имеет корни, имеет предпосылки — она не сводима к предпосылкам и не выводима из всего, что готовилось “до”. Говоря, что революция не сводима к ее предпосылкам и не выводима из них, мы имеем в виду, что главное основание она творит в своем собственном ходе <...>. — Г. П.: Исходя из этого, надо предположить, что революции противоположены человечеству как таковые? — М. Г.: Нет, но они **аномальны**. Человечество состоит из

людей, и сказать, что революции им не показаны, нельзя. Все это происходит с людьми внутри них самих»⁶⁶.

Историк Адам Туз в превосходном «Всемирном потоке»⁶⁷ говорит о «красной России» и веймарской Германии как «мятежниках» против послевоенного мирового порядка. Их мятеж удался, вопреки их поначалу крайней слабости. А Соединенные Штаты, выйдя из войны первой экономикой мира, были бессильны защитить «мир без войны» от мятежников Европы и Азии. Нольте назвал это «европейской гражданской войной»: по ходу ее слабая «красная Россия» вернулась в европейский концерт. Идеальный механизм раскачки европейских порядков довершил альянс Гитлер–Сталин.

Идее «злодейского зигзага» Гефтер противился еще с дней XX съезда, отвергая Хрущева с его самоочевидной на вид идеей культа личности Сталина.

” Достаточно ли упомянуть имя Сталина, чтобы сразу стали объясненными и проклятый договор 1939 года, и предшествующие ему, сделавшие его возможным трупы дома, и смерть вслед, дотянувшаяся едва ли не до каждой семьи?.. Задолго до нас мудрость знала, что зло не имеет собственного лица, ибо оно — “всего лишь” невосстребованное людьми добро. Это последнее по природе своей жаждет конкретности, тянется к теплу очага, в опасный миг протягивая руку спасительной дружбы, сострадая и милосердствуя...”⁶⁸

Личную кровожадность Сталина Гефтер считал его авторским вкладом в гибель советского коммунизма. Но неслучайна сцена, позволившая инстинктам Сталина развернуться, — «неостановленная революция» 1917 года как продленное мировое событие. Патологически затянутая, завязнувшая в недогосударстве, она стала генератором противальтернатив*.

Неостановленная революция?

Русскую революцию Гефтер описывает как вихревую воронку, куда событие в Петрограде 1917-го втягивает всех, одного за другим. Начав с периферийных причин, военно-крестьянская революция переросла в уто-

* Даже в октябре 1993 года Гефтер усматривает «кровавую отрыжку» неостановленной революции. Неостановленная, она уже не революция как таковая, а ее оборотень или зомби.

пическую и далее в мировую. Но мировая коммунистическая революция исключает любой миропорядок. Ей надо победить и разлиться всемирным потоком — или быть раздавленной... либо, говорит Гефтер, «остановленной». Остановленной термидором внутри «красной России» и пересозданием той в государство. Развилка — ленинский НЭП. «Нэповская Россия» в ленинском виде — цивилизование революции, ее «самотермидоризация» (термин, подслушанный у Ленина Ж. Садулем). Но ведь нэповская Россия не состоялась! Разгадав замысел Ленина, Сталин повернул руль, и вместо термидора пришла кровавая «революция сверху» (термин самого Сталина).

” Революция, которая не может сама себя остановить, может быть остановлена только “извне”. А если она не может быть остановлена “извне” и сама не останавливается, то рождается нечто непредсказанное, непредугаданное, величественное и страшное. В этом смысле Сталин, конечно, был наследником прижизненного поражения Ленина»⁸⁹.

Описывая борьбу-ревность сталинского Союза и гитлеровской Германии, Гефтер во вторжении 22 июня 1941 года видит отчаянную попытку нацизма раздавить неостановленную революцию. Когда это не удалось, а Сталин вышел из войны победителем, «кто вообще мог ее остановить?». Крах Гитлера укрупнил Сталина. Сталинский СССР (в двадцатые — тридцатые годы — периферийный революционный реликт) превратился в неостановимую глобальную силу. «Неостановленная революция» с атомной бомбой — не та нищая революция Ленина–Троцкого, что знали на Западе. С победой Мао коммунизм обрел общеэвразийский вид. Возник глобальный объект, который некому остановить: помимо частных притязаний Сталина в Турции, Иране, Корее, сильнейшая армия Европы в Берлине и на Балканах, в союзе с КНР. Призрак коммунизма неведомой мощи. Госсекретарь США Даллес публично признавался, что «Основы ленинизма» — его настольная книга.

Холодная война началась как страховка от революционного обвала мира. Политика сдерживания — наименьшее, что Запад мог противопоставить. Сдерживание, поначалу импровизированное наподобие антироссийских санкций в 2014 году, было столь же малодейственно. Оно не предотвратило ни «красного Китая», ни войны в Корее и во Вьетнаме.

Только при исчерпании воли СССР быть проводником революции холодная война потеряла мотив. Глобальный термидор Запада заморозил неостановленную революцию в Евразии, но куда затем?

«Русский проект» — американский шаблон?

Безальтернативный миропорядок оформился лидерством сверхдержавы США, но ни в Гефтере, ни во мне не было антиамериканизма.

” Мы должны сегодня, как это ни трудно, представить себя “будущими”. Начать думать и говорить о себе как о людях следующего времени. Будущее может прийти очень скоро, и вопрос — что в этот момент успеем людям сказать и что им предложим? Тут несколько отправных позиций. Первое обязательное, но трудное условие: свежими незакомплексованными глазами рассмотреть Мир... Хотя необходимость в мировом господстве распатана, Штатам нужно обновить цель. Но уже обозначилась императивная претензия американцев выступать директорами земного шара. Тем не менее и это нужно взвесить и ввести в уравнение. Америка для нас не фон политики, это ее составная часть. Нельзя строить перспективу, не просчитывая вариантов развития Мира»⁷⁰.

Гефтер оспаривал однополярный мир, а я нет — зачем? Не проще ль выстроить Россию-альтернативу — русский мир, ортогональный Рах Америгана? Государство Российская Федерация виделось мне кладовой альтернативных потенциалов. Чтоб стать новой мировой силой, русская альтернатива не должна дать себя переиграть. Чтоб выжить, слабый должен стать вертким, непредсказуемым для западного понимания.

Гефтер обратил мое внимание на феномен «доверчивой массы»⁷¹: разочарованные в Ельцине люди ждут того, кому можно ввериться. А дождавшись, его поддержат. Холодная война не кончена, пока земли советской сверхдержавы населены людьми, вышколенными холодной войной. Они воспроизводят ее в тактиках личного выживания.

Человек холодной войны не ушел, и, опираясь на него, мы готовились очеловечить Российскую Федерацию. «Недемократическая человечность» советских людей — так Гефтер определял компонент, который победил нацизм и ушел от тоталитаризма иначе, чем немцы. Ее Гефтер видел в Хрущеве и Сахарове. Ему казалось, та еще теплится в русском бессознательном. Но как добыть человечность, извлечь ее?

Обучить слабых править слабыми, так думал я.

Цель Гефтера — разминировать «социум власти» — была моей целью, но путь я видел иначе. Русский проект (мы с Сергеем Чернышевым лелеяли его в узком кругу) исключал насилие над Россией. Речь шла об однократной гегемонии Центра, которая вернет власти способность к самопрограммированию — ее «русскость». А поскольку гегемония будет исторически мгновенной, ее вообще незачем сдерживать!

Пора соотнести две гефтеровские идеи. Одна — *«русское сохранилось советским»*; Советский Союз — аутентичная форма русской государственности; детище конфедеративной утопии Ленина, фальсифицированной Сталиным. Но холодная война как эпоха иссякла, Союз рухнул — рухнули основания русского? Что если то русское, которое я надумал спасти, более не существует?

” **Первым делом избегай ошибки — не ищи русское в чистом виде. Отбрасывать русских с точки зрения того, чем они русские (исключительно)? Все не так... Но тем не менее русские были советскими»⁷².**

” **Что из себя представляет сегодня русский человек? Это человек, который тяжело расстается с миродержавием и трудно идет к себе отдельно взятому. А навстречу ему, заполняя трещины в советском мифе, спешит возрожденный миф-родословная. Апелляция к “голосу крови”; комплексы величия и неполноценности, сумасшедшим образом переплетенные со сталинским киномифом о русскости»⁷³.**

Если мы строим выход из холодной войны инженерно завязанным на центральную власть, что за русскость получим в результате? «Мировую!» — так бы я ответил тогда. Новая сильная власть будет мировой, поскольку Западу придется ее признать. А русскость предоставим работе культурных умов, интеллигенции.

Стратегия Русского проекта — пунктир, состоящий более из пробелов, чем из штрихов. Но политике, учил Гефтер, свойственна неполнота, ее не продумывают до мелочей, иначе и шага не сделать. Планирование политических акций состоит в создании их сценария — и вот я незаметно пришел к сценариям вместо альтернатив.

Миф Америки стал лекалом Русского проекта. Я видел в США искусственную страну, реализованную с размахом. Подобно России девяностых, Штаты некогда были в проекте. Неосуверенитеты Израиля, Турции, США стимулировали мышление о России. Мы не ищем во внешнем мире примеры для подражания — но отбираем техники усиления, до каких нам быстрее дотянуться. Я тревожно слежу за западной прессой — не появится ли где-то среди think tanks сгусток инициативы, опережающий наш? Взрывная экспансия Интернета радовала: хакерская анархия затрудняла западное контрпрограммирование, Интернет выглядел реваншем текста в мире картинки. Мы утверждались на поле Рунета как дружественном Русскому проекту. Все тогда были хакеры: банкиры, демократы, журналисты, рыночные реформаторы, администрация Кремля.

Холодная война как проект?

” Холодная война росла не только из противостояния идеологий... Она строилась по умыслу, она замышлялась, она вводилась, она испытывалась — проба за пробой — на то, чтобы стать всеобщей, перемахивающей всякие границы...»⁷⁴

Мы применили инструмент холодной войны в Русском проекте — проекте иной власти. Реклама, которая «не пропаганда». Управление через опережение проблематикой. Доминирование в повестке. Мягкая гегемония высшей власти, слабой, но наделяемой правом арбитра... Чем не инженерия холодной войны? Но ведь у нас она работает на добрую цель.

Как можно было, применяя эмоциональный код холодной войны, глядя ей в лицо, ее не узнать? Не только потому, что верилось, будто она ушла. А оттого, что сами стали ею — ее активом, ее эсхатологическим спецназом, который так желал опередить апокалипсис, что готов был его ускорить.

Холодная война предстала складом новых прекрасных возможностей. Не горстка ль диссидентов внутри холодной войны первой изобрела «политику слабых»? Глобальную мощь подследственных Лубянки в альянсе с мировыми медиа? Манифест неполитической силы — статья Вацлава Гавела «Сила бессильных» читалась мной как абстракт новой политики, опрокидывающей безальтернативность девяностых.

Суверенность альтернативного лидера Гефтер искал много раньше, чем фантазм «нацлидера» утвердился в России*. Уже в письме Горбачеву есть набросок диалектики слабой силы — «Государя» страны слабых, советского *stato debilis*. По рассуждению историка-меритократа, суверенный лидер вправе безоглядно идти вперед, поскольку он ведет за собой слабых!

” Слабые требуют от слабого, ставшего их лидером, чтобы он набрался силы, решительно отличной от той, которую привычно отождествляют со словом “политика”. Слабые чувствуют, что им не стать заново сильными, способными распорядиться жизнью и судьбой, если они этого не сумеют сделать даже в отношении самих себя»⁷⁸.

С президентских выборов 1996-го мы в Кремле твердо и осознанно выстраивали абсолютную власть слабых. Приметы слабости налицо: весь президентский срок Ельцин провел под риском смещения. Он едва досидел в Кремле до 1 января 2000 года. И в эти самые годы его слабая власть открыла аномальную технику обращения со страной. Уязвленные бессилием Центра, мы выдали себе лицензию на любые средства.

” Конечно, есть преступники и их преступления. Но есть и гигантская бесповоротность процесса, вместе с нашим разумением биографической неотделимости от него во всех его слагаемых, со всеми плюсами и минусами, со всем “добром”, но и со всем его “злом”. И эта биографическая неразделимость, если ее осознать, вооружает мощной эвристикой, способной управлять глубинными течениями, которые завтра дадут Миру новые цунами и новые земли»⁷⁸.

Не будет революций и контрреволюций?

Гефтер отклонял либеральную догму «нормальной России», но верил, что Страна стран — хрупкий шанс *«для российской Евразии... стать “нормальной” — раз и навсегда»*⁷⁷.

” Что же это за “нормальная” Россия? Откуда, отчего оказывалась систематически бессильной против соблазна смут, мятежей, террора,

---

* Когда, так и не найдя лидера в Горбачеве, его народ найдет лидера в Ельцине. Здесь идея Гефтера о суверенном лидерстве начнет подменяться идеей суверенного президентства.

революций? Так доберемся до истоков “ненормальности”, задавшись этой проблемой, которая внутри остальных... Ненормальность — российская патогенность (внеисторическое в истории либо наоборот...)»⁷⁸.

Его мечту о нормальности я продолжил «термидорианским» Русским проектом: обменяем историю на норму, какой бы та ни была! Но к размену нужен посредник, маклер конца истории под обеспечение нормальной жизнью. Таким маклером виделся мне Кремль.

«Не будет больше ни революций, ни контрреволюций»*, — эти слова в текст послания Путина 2001 года я вписал, щурясь на солнце за отелем Watergate с томиком Гефтера. Мне казалось, что на это сам Гефтер не стал бы мне возражать. Сегодня перечитываю фразу и думаю: что за бессодержательная догма! Притязание на пустыню власти по ту сторону апокалипсиса, якобы обезвреженного.

---

* Фраза — эхо оценки Гефтером амнистии мятежников в феврале 1994-го. «Понимаешь? — сделан действительный шаг вперед: нет победителей и побежденных — все уравнины, все побежденные. Все уравнины побежденностью, ненужностью своей!» (25 февраля 1994 г.)

3. Альтернатива и слабый герой

Иная альтернатива?

Описывая «первые годы демократической России», забывают, что России самой не было. Государству Россия неоткуда было взяться в 1991–1992 годах — его не построили, его и не придумали толком. Вследствие Беловежских соглашений возникло зато нечто более мощное — пространство отсутствия СССР. Государственное место, пустое Гоббсово seat of power, над которым витала задача создания чего-нибудь.

Гефтер вошел в эту ситуацию человеком из крохотной кучки знавших, в чем дело. Историк, по Гефтеру, антропологическая роль. Восстанавливая упущенные альтернативы, историк опознает реальность, куда забрели люди. Продумывая крах горбачевской альтернативы, он зафиксировал слабость в разрыве политик — внутренней от внешней.

” Слабостью, уязвимым местом перестройки было то, что ее внешне-политические стороны и аспекты шли вперед, а внутренние отставали... Они были лишены и намека на выбор. Сложилась ситуация, которую следовало бы называть “минус альтернатива”⁷⁹.

Взявшись строить Россию без прошлого, не сняв билборды «Перестройке нет альтернативы!», историк напоминал про сопромат: холодная война и «социум власти» — глубинные порядки жизнеустройства. Когда он спрашивает: «Можно ли выйти из холодной войны?» — это не всхлип, а вопрос. Горячие войны кончаются миром. Холодная война как глобальный режим «миром» кончиться не могла — а только альтернативным мироустройством. Новая Россия, Российская Федерация могла стать государством в единственном случае — выведя мир из состояния холодной войны. Но ее самоустранение и возникновение мономира Pax Americana не могло привести к этой цели.

Летом 1987 года (в разговоре с японским историком Харуки Вада) Гефтер описывает перестройку как рискованную преальтернативу подобно сталинской «революции сверху» тридцатых.

” Сегодня мы в нашей истории третий раз после Октября находимся в преальтернативной ситуации. <...> Генезис нынешней преальтернативы, где мы сейчас переходим в ее пролог, немыслим без того, чтобы вобрать в этот генезис две почти альтернативные ситуации. Оpoznать поражение Ленина — и опознать капитуляцию его эпигонов перед Сталиным, хотя эти вещи неодинаковы. Их капитуляция началась рано, еще в 1928–1929 году. <...> Представить свою историю примитивной — значит опасно упростить нынешнюю преальтернативную ситуацию. <...> Некогда за потерю преальтернативы тридцатых в СССР расплатились военным пактом 1939 года и жертвами войны из-за союза с Гитлером. А чем потеря преальтернативности может оплатиться сейчас, хотя, на первый взгляд, она кажется менее реальной и менее опасной? Таким образом легко детонировать мир»⁸⁰.

Политическим определениям Гефтер предпочитает антропологические. Говоря о «трех пространствах» России — политическом, экономическом и человеческом, — акцент делает на последнем: человеческое пространство — та высшая ценность, которой он не готов рискнуть.

” Россия — уникальная империя, в которой никогда не было четкого разделения на метрополию и колонии. Русскоязычное население размазано, рассредоточено по всей этой гигантской евразийской территории... Человеческое пространство неустранимо, оно продолжается и крепится связями на уровне культуры. Русская культура внутри евразийского пространства выступала в статусе культуры мировой, говорящей на русском языке. Отсюда постоянное соперничество между культурой и империей. Потребность культуры — властвовать над душами. Оспаривая владычество у империи в очень сложном симбиозе и оппозиции культуры и власти»⁸¹.

Русская история образовала Россию как евразийский ансамбль — «страну стран», не признанных центральной властью. Гефтер предлагает признать разнообразие и сделать договорным основанием новой России. Прекратив быть империей, Россия останется мировой, то есть русской.

” Проблема... как сохраниться в качестве субглобального планетарного “тела”, стоит перед новой Россией»⁸².

Речь о договорном республиканском nation building, сохраняющем Россию как планетарную альтернативу после конца коммунизма. Гефтер диктует нациестроительству глобальный разворот. В пределах России сложился ансамбль человеческих жизнеустройств, и преимущество всегда будет у самых масштабных. Это не значит, что они более безопасны и либеральны.

Могучее пространство отсутствия?

” Сумеем ли мы разрешить проблему разошедшихся трех пространств, или дурно решим ее, или не сможем решить вообще — все будет иметь планетарное значение»⁸³.

Самоликвидация СССР учредила силовую пустоту как скрытый параметр московской политики, и глобальный потенциал распада Кремль осваивает с успехом. Спуск красного стяга над Кремлем как силовая акция был мощнее всей так называемой новой России. Слабой РФ было не стать вровень с беловежским Событием и не стать равномасштабной ему. Вопрос теперь был в том, кто первым применит вакуум власти как власть.

Постсоветская слабость оказалась политическим кладом, тогда как мечты «восстановить Союз» — жалким эрзацем. Открылась сцена действия, которое, используя потерю Союза как отправной пункт, обратит советский коллапс во власть мирового класса.

«Имперская ностальгия» была камуфляжем для доверчивой массы. Истина девяностых — не фантом «империи», а политика, масштабирующая пустоту — «простор отсутствия». Потенциал слабости превышает реальную слабость и подсказывает вытеснить слабость аномальной силой. Русские без Союза стали потенциалом зовущего места власти — не советской, но и не демократической. Вопрос был только в платформе, которая даст этой власти собраться заново и возрасть*.

* Осень 1999 года показала, как быстро, почти мгновенно кристаллизовался ее материк — «путинское большинство».

Политики девяностых разбивались о спрос на масштаб — а он масштабировал Ельцина, тем только продержавшегося десять лет. Болтовня о «прозападном повороте» Москвы лишь метафора сил пустого беловежского трона в Гефтеровом «пространстве экспансии».

” Г. П.: Весь социум сдвинулся в зону мутации, началась фокусировка. “О, какая мощь”, — сказал Ельцин про Америку при отъезде из Штатов. Корреспондент говорит: “Мы теперь на вторых ролях”, а Ельцин: “Об этом забудьте! Какие вторые роли, вы себе не представляете — это мощь!” И аж зажмурился от удовольствия. — М. Г.: Понимаешь, а он неглуп. Страшный инстинкт власти»⁸⁴.

План Гефтера был альтернативой этой власти, которой, как он говорил, «вообще не должно быть». Он перешагивал Беловежские соглашения, а не оспаривал их. Стратегия Гефтера — движение к конфедеративно-договорной России. Стране стран.

Альтернатива — суверенизация земель?

Весной 1993-го Гефтера ввели в Президентский совет РФ, что позволило повышать голос, заставляя себя выслушивать. К нему возвращается былой ельцинизм, меня мучительно раздражавший. Но он не принял стороны Кремля против Белого дома. Старик надеялся пробудить в президенте былого медиума альтернативы. Того, кто еще недавно приглашал земли России — берите столько суверенитета, сколько сможете!

1993 год стал последним, когда Гефтер рассчитывал на договорную суверенизацию «страны стран» как альтернативу внутренней холодной войне. Худшего не случилось — этноманьяки вроде Гамсахурдия ушли с арены, постсоветские государства не передрались. Готовился договор о ядерной разгрузке ближнего зарубежья. Гефтер высоко ценил идею неядерного мира из Делийской декларации Раджива Ганди. Но однополярная экспансия США нарастала, и Гефтер с тревогой ее отмечал.

” Хоть я не являюсь особым патриотом, но когда Бейкер (госсекретарь США. — Г. П.) ездит у нас по республикам, будто один из директоров земного шара, — что это такое вообще? Это невыносимая провокация!»⁸⁵

На горизонте возник Григорий Явлинский, из привидения перестройки выросший в федерального политика. После успешного «нижегородского эксперимента» Григорий вернулся оптимистом, верящим в «страну стран». Гефтер наставляет его (а заодно и меня) языку политики — языку альтернативных проектов.

” М. Г.: Мысленный проект переводится на более внятный политический язык. Значит, есть проблемы мысленного проекта. Либо вы те же унитаристы, только в другом градусе, либо принимаете за исходное сложнейшую, но в мысленном принципе решаемую задачу — создания России на принципиально новых, недеklarативно плюралистических началах... Как то категорическое условие, без которого все остальное превратится в разор страны. — Г. П.: Такого проекта в российской политике нет. — М. Г.: Явлинский идет по этому пути... Он даже в своей основной предвыборной речи излагал концепцию превращения регионов в страны. И конструирование нового единства, строящегося снизу на этой основе»⁸⁶.

Явлинский отклонил «безальтернативность Ельцина» и предложил выступить ему альтернативой. Заявление вызвало скандал — ельцинский консенсус запрещал такое. Поругивая президента сквозь зубы, демократы оговаривались — Ельцину нет альтернативы! Идея договорной России-мультиреспублики пока оставалась в приоритетном поле. Мотором ее была разработка Конституции на основе Федеративного договора. Централистская «вертикаль власти» не могла победить, пока ее отвергали сильные земли Федерации — Татарстан, Якутия, Башкортостан. Провозгласив Уральскую республику, губернатор Эдуард Россель раздвинул рамки федерализма на суверенизацию русских земель. Силы, выступавшие против холодной войны внутри страны, казались достаточны, и Гефтер считал игру непроигранной.

” России действительно предстоит заключать договор с Татарией. Возникает импровизация сложных, неотрегулированных и не связанных общей концепцией договорных отношений. Но они станут реальностью сегодняшнего и, может быть, завтрашнего дня»⁸⁷.

Конфликт Ельцина с Хасбулатовым искусственно распался. Гефтер торопится «перепрограммировать» Кремль, нацеливая на конфедеративный федерализм — базу будущей демократизации. Централистскую демократию для России Гефтер считал фантомом.

” ...Главным процессом нашей жизни является даже не демократизация, а суверенизация»⁸⁸.

Обеспечив проектом альтернативы Григория Явлинского, Гефтер бомбардирует обращениями и Бориса Ельцина. Накануне переворота 21 сентября 1993 года он в письме президенту изложил видение договорной альтернативы. То была последняя его попытка перетянуть Ельцина на сторону будущего, вступив в «диалог судеб», подобно Бухарину на Лубянке. Танки 4 октября 1993 года перечеркнули все.

Была ли альтернатива девяностых?

” Альтернативный способ есть результат катастроф XX века»⁸⁹.

Вопрос, который хочется задать Гефтеру взгляду на альтернативы, — отчего те не выступают открыто, чтоб провести их на практике? Почему вообще альтернативу нужно реконструировать? Казалось, раз та реальна, ее можно политически распознать — ан нет. Альтернатива ясно вырисовывается, когда шанс уже упущен и сроки ушли.

Не значит ли это, что истинная альтернатива есть альтернатива ушедшая? Объективная возможность*, которой не воспользовались, и она принадлежит истории, а не актуальной политике. Представима археология альтернатив в истории, но альтернатива как таковая непригодна для политической формулы. Она — позиция сопротивления сбывшемуся, отказ порядку вещей в однозначности сталинского «историзма». Принадлежит онтологии текущих событий, альтернатива — та сторона, что вошла в их состав и погашена в нем. (Забавляя читателей, авторы «альтернативных историй» не догадываются, что сами обитают внутри альтернативной реальности.)

” Альтернатива не означает ничего другого, кроме разнонаправленности всеобщего человеческого развития — в виде правила, которым исключается и воспрещается “всемирное выпрямление”»⁹⁰.

Альтернатива в гефтеровском смысле отклоняет вопрос «Было ли такое возможно?». В реальном мире есть вещи возможные и невозможные, но

---

* Как объективная возможность прошлого по Гефтеру, альтернатива интеллектуально проницаема для историка, по крайней мере для хорошего историка. Другой разговор, какой политический опыт из этого он может и должен извлечь.

те и другие подчинены реальности альтернатив и протоальтернатив. Бесплезно диктовать текущему моменту, что «исторически возможно», что нет. Историки заново обращаются к истории одних и тех же событий, и все их истории достоверны. Событие никогда не одно и то же.

Альтернатива кажется виртуальным* призраком в потоке истории, но деятельна и там, где ее вытесняют. Предмет отталкивания одних и противодействия других, объект ненависти или мечты, она почти никому не дана, как Fortuna Макиавелли в интерпретации Фрайера. А в редких случаях прямого ее воплощения в жизнь (любимый пример Гефтера — Ульянов, он же Ленин) жди монструозных последствий. Итак, альтернатива кажется политически бесполезной, при том что крайне, ультимативно, даже исторически действенна. Загадочный феномен.

” (Это понятие), если оно что-то значит... не только выбор между двумя “будет”, двумя “может быть”; здесь совсем иное. Здесь выбор между известным и неизвестным: неизвестным в принципе, то есть еще не доступным сознанию»⁹¹.

Важно, что альтернатива, хоть и увязанная с будущим, ограничивает шансы современника угадать свое будущее. Отсюда непереносимость зондирования неизвестности. Ведь жить в согласии с неизвестным человеку невыносимо.

Понятие альтернативы у Гефтера поначалу «незрелое» в перспективе дальнейшей разработки. Но выступают черты будущего понимания.

Альтернатива малодоступна сознанию. Ее легко упустить, фальсифицировать и забыть. Альтернатива связана с внутренней множественностью истории. Здесь она означает разнонаправленность и асинхронность прогресса (или «развития», предпочел бы сказать марксист Гефтер). Этим она отвечает на вопрос позднего Маркса, «Маркса-стойка», каким Гефтер его видел: отчего капитализм не становится тем универсальным капитализмом, каким его учредил «Капитал»? Отчего капитализм планетарно медлит и подчас отстает?

* Не думаю, что Гефтер принял бы делезовское различие реального и виртуального, если учитывать, что для Делеза реальное всегда лишь актуализация виртуального как субъекта (Делёз Ж. Актуальное и виртуальное / Пер. с фр. Ю. Подороги). С другой стороны, он бы оценил метафору сингулярностей актов индивидуального действия, молниями прорезающих глазу виртуального. В отличие от нынешнего понимания множественности исторических процессов, скажу, что для Гефтера альтернативы так или иначе входят в сплав того, что станет исторической реальностью, — но это не селекция, а именно сплав. Отсюда и проблема онтологии противоальтернативы: чтобы заменить нечто в сплаве, она тоже должна быть вещественной.

Допуск на «всемирное выпрямление» (а тем самым — на монополярный мир, в XIX веке ли, в XX веке ли, не важно) у Гефтера запрещен как теоретический ход. Ленин выдумал конкурирующие между собой государства-рантье, чтоб объяснить остановку победного шествия первой глобализации в начале XX века. Но затем сам учредил свое пространство мировой игры для образования, государственного лишь по форме, — однопартийной страны Советов.

Альтернатива обостряется в контексте беспрецедентности происходящего — переживаемой простыми людьми иначе, чем теоретиками. Мировая война беспрецедентна в теории? Следовательно, марксизму должно породить альтернативу, объясняющую мировую войну капиталистов вместо мирового капитализма Маркса. Здесь корень проблемы всемирно-исторической роли России у Ленина. Или пример из новейшей истории. Неизжитый раскол на либеральное меньшинство и иллиберальное «подавляющее большинство», закрепленный 2014 годом, не был предопределен — в 2012 году его еще можно избежать. Альтернатива была в том, чтобы общество признало себя государствующей жертвой месилова на Болотной площади — чем запоздало ощутило себя в Москве лета 2019-го, оккупированной нацгвардией. Инициативу перехватила власть, закрепив натиск конституционной противоальтернативой 2020 года.

Парадокс альтернативного действия: когда нет опоры и выхода, люди близки к альтернативе. Но это не значит, что они к ней готовы. Наоборот, в них усиливается искушение примкнуть к известному и знакомому. Уклониться от поливариантной политики, выбрав чужую силу. Гефтер близок к мысли, что и в слабости человека альтернатива неудалима, как «реликтовое излучение» антропологической неспрямляемости Homo historicus, — и здесь ее легче опознать.

” Глядя на все изнутри истории, естественно мыслить результатами. Но когда знаешь, что за пределы истории вышел вместе с другими, а может, и со всеми людьми, — мыслить результатами более нельзя. Тогда начинаешь мыслить альтернативами. Не “упущенными возможностями”, а творимыми невозможностями! Иначе пустой разговор. Если мы рассуждаем об истории как о чем-то оконченном, но на ее языке — мы остаемся в ловушке ситуации»⁹².

Мое представление об альтернативе было тогда примитивнее: советский коммунизм как грубая альтернатива западному миру. В их антагонизме

я не выбирал стороны, больше всего ценя их противостояние. Как ребенок холодной войны, к ней привычный, я не боялся ее — та выглядела игрой, цивилизующей и сдерживающей обе стороны. Президент-мямля Михаил Горбачев очень устраивал меня как незлой агент всемирной деэскалации. Зато Фрэнсис Фукуяма с его безальтернативным *end of history* был враг. (Я это остро ощущал, посаженный Ниной Беляевой к нему на пару за стол в Калифорнийском университете — в самый день денонсации СССР.)

Но там, где в «беловежской России» я увидел катастрофу альтернативы, Гефтер опознал русский шанс: Россию многоукладную, равно-разную, мультиверсную. Этой преальтернативной РФ он чрезвычайно дорожил, связывал ее шанс то с Ельциным, то с Явлинским — пока война в Чечне не опрокинула надежду.

В последние недели жизни Гефтер ищет альтернативу в антивоенной консолидации интеллигентов, а я — в послевоенной власти Центра. Теперь я спрашиваю себя, что это: иллюзия Гефтера? Или некая альтернатива действительно была?

Но противоальтернатива точно была — и завладела мной.

Как возникает Сталин?

Особое отношение Гефтера к Сталину и сталинизму — пункт, где мы сразу спелись. Сталинистом я не был никогда — ни в хрущевском детстве, ни в самиздатской юности. Гефтер же до 1953-го был сталинист, но особый — интеллектуально независимый. Из сложного отношения историка-марксиста к Сталину выростала его идея альтернативы. Зерно ее — в скандальном Гефтеровом тезисе 1956 года о «*неслучайности Сталина*»; в хрущевское время то был опасный демарш. Прямой вызов догме о «культе личности» XX съезда. Позицию «неслучайности» Гефтер не сдал, а она привела его к необычному взгляду на историю, в котором сегодня заподозрят «контингентность»*. В собственной его жизни также была некая контингентная, то есть неслучайная альтернатива:

---

* Контингентность сегодня принято понимать как альтернативу необходимости — радикальную на словах, реакционную по сути: да, наше существование не гарантировано, однако мир не растекается у нас на глазах. Для Гефтера контингентность могла стать понятием-предохранителем от интерпретации истории как следа, оставленного чисто стохастическими процессами. В контингентности ищут лекарство от макротeorии, но Гефтер, возможно, воспользовался бы ею для своего инварианта такой теории.

” И у меня свой нереализованный кусок жизни. Где-то я запнулся в юности — по собственной ошибке, в результате болезни и, конечно, на колоссальном переживании 1956 года. Но срыв произошел в тот момент, когда меня вдруг стали поднимать! Я становился героем Нового времени — и тут взорвался. А я уже был тогда большой величиной. Вроде мальчишка, я фактически руководил коллективом “Всемирной истории”. Притом сразу после “борьбы с космополитизмом”, будучи еще и евреем”⁹³.

Гефтера «поднимали» в пику антисталинским поветриям после XX съезда. Для меня проблема Сталина особого значения не имела — вопрос был снят чтением Солженицына и Шаламова. Но я стоял за «сложного Сталина», поскольку стоял за Гефтера: если Понтий Пилат, царь Ирод и Гитлер сложны, неужто прост генералиссимус-мегаубийца? Моей позицией в диссидентстве была верность сложной России. Трескучие упрощения гласности я презирал, как презирал суловские.

Гефтер часто говорил о механике политического опережения. Меня восхищала его идея «войти в самый эпицентр отчаяния и хаоса с тем, чтобы его опередить»⁹⁴. Ленин по Гефтеру — гроссмейстер опережения, на том основан его успех. Опережение присуще и инженерии Сталина, но другое — дозировкой противоальтернатив.

” Аккумулируя и вбирая в себя силу отмененных им альтернатив, Сталин их проблематику распределял на дозы и такими осваивал. <...> Упрощенная, обесчещенная и сведенная к “дважды два”, это была та самая альтернатива. Дозировщик рассекал альтернативу на фрагменты и кормил ею нас с ложечки. Оттого попытки Бухарина и других в 1934–1936 годах очеловечить сталинский результат лишены внутренней апелляции к пройденному и содержательного анализа: дает ли этот результат реальный шанс на очеловечивание?»⁹⁵

Сталин (сказал бы я в девяностые) навязывает свою повестку дня. Кого он при этом опережает? Зрелость термидорианского субъекта. Самотермидоризацию тех, кто мог бы им некогда стать, — сталинистов: сегодня верные бойцы, но в будущем вероятные оппоненты. Политических противников нет — Сталин занял их место, как шахматист занимает стратегические поля: тем негде стать ему альтернативой. Этого мало — личная кровожадность

требует «окончательного решения». Сталин не избирателен в оценке вероятного. С 1937 года он не играет с возможностями, а прямо устраняет по спискам. То же и с поколением победителей 1945-го: само победоносное советское общество ему виделось виртуальной угрозой. Военное поколение вероятных «новых декабристов» подлежало растлить антисемитизмом.

” У Сталина всегда есть боязнь, что то, что он делает, вдруг встретит внезапное сопротивление, и он всегда старается чем-то упредить возможное сопротивление»⁹⁶.

Гефтер обращал внимание к риску опережения истории антиисторией, а я усмотрел в этом прием, пригодный всегда, — захватил повестку? Не отдавай! опередил других? Закрепи их отставание навсегда! Эффективная политика сводится к гонке на опережение всякого, кто может ей воспротивиться в будущем, — даже лояльных власти. Политическому субъекту состояться негде... Но ведь места не останется и русскому мировому субъекту, цели Русского проекта? Вместо него одна машинерия опережения, с сервисами мониторинга и контроля повестки дня. Технология власти опустошает власть.

Чем отлична идея альтернативы от идеи сценария? Тем, что герой «прогрессивного» сценария легко становится агентом противоальтернативы. Гефтер задавался необычным вопросом: «Как возникает Сталин?»⁹⁷. Далеко не сразу из этого «полугероя-полузлодея Гражданской войны» явится генсек, дающий ход «людям без имени» (общий термин для Сталина с Пастернаком). Месседж Сталина 1937 года Гефтер интерпретирует так:

” “Люди без имени, подымайтесь, ваш час пришел! Надменные командармы, маршалы — их места освободились. Идите, вы сила!” — что за мощь выражения, какому-нибудь его соратнику Молотову придет в голову сказать такое?»⁹⁸

Заметил я эти слова или нет, они отложились во мне как боевой прием. Воспитанный на народнических сантиментах, я падоk на «людей без имени» — пароль разночинства. Баловень элитных остроумцев столицы, среди них я внутренне не был свой. Мой мир — мир человека без имени*.

* Которому тогда, в 1993 году, нужен был хор, античный хор. А хору нужен протагонист. Что этот лексикон можно перевести терминами «электорат» и «преемник», мне еще предстояло узнать.

Сталин “человечнее”, чем его малюют, поскольку мы “сталино-подобнее”, чем думаем. Дистанция от нас до второго Сталина куда меньше, чем кажется»⁹⁹.

О, как прав был Гефтер тогда, в далеком 1995 году!

Господство через опережение?

Предвоенные тридцатые годы Гефтер описал как сцену сильных волюнтаристов, шаг за шагом лишивших себя свободы выбирать. Мир рухнул в злые щели нацизма, сталинизма, холокоста — и только затем падшее поколение ценой гибели перековалось отказом капитулировать. Вслед сопротивлению Англии фашизированной Европе стало возможным создание европейскими физиками атомной бомбы во имя антифашизма. Началось возрождение Красной армии, кастрированной Сталиным и почти рухнувшей летом 1941-го, — в Армию-победительницу 1945-го.

Гефтер обращается к феномену слабости и слабых людей. Первые его мысли о Николае Бухарине озаглавлены «Панегирик человеческой слабости», но далее речь о *Человеке Слабом* — отныне Гефтер пишет его с заглавной буквы.

Спускаясь в лубянский подвал к Бухарину, Человеку Слабому, Гефтер одарил меня идеей *слабой Системы*, опережающей господ положения. В ходе разговоров во мне впервые мелькнула мысль усилить слабую страну в обход усиления ее государства! Страх слабости власти перешел в план оснастить ее техникой мощи — и Русский проект начал материализоваться. Присваивая будущую *agend'u*, слабая власть опережает могучих врагов, слепо плывущих в потоке свершившихся фактов. Здесь несомненно влияние Гефтеровых идей, но еще виднее злоупотребление ими. Я страстно излагаю Гефтеру свои первые эксперименты с политическим календарем (еще в рамках информационного агентства *Postfactum*, с его аналитическим отделом).

«Одно интересное совпадение, может, мелочь. Вчера мы обсуждали проблему будто техническую — проблему опережающей информации. Сообщений о том, что предстоит. Что такое опережающая информация? В самом элементарном виде — “25-го будет референдум”. В более размытом виде — такой-то сказал, что через неделю Ельцин подпишет декрет, или

«весьма вероятно с мая ждать повышения цен на бензин». Далее мы это раскладываем на фрагменты, из которых составляем карту будущего года или будущего дня. Затем календарь циклов: мы разворачиваем в ленту календарь с его праздниками, и так далее; на него накладываются другие календари. Есть православный календарь, поверх ложится мусульманский календарь, западноевропейский... Одни события необходимо влекут за собой цепочки предсказуемых событий. Допустим, выборы — выдвижение кандидатов, создание участков и так далее. Постепенно календарь будущего заполняется, обрастает мясом. И в какую-то минуту мы поняли, что новость, которую сегодня передает наше агентство, уже была наготове вчера! Итак, речь заходит не только об опережающих новостях, а о реконструкции целостности события — состоящего из ожидания события и борьбы за наилучший расклад позиций при нем... Возникает очень сложный, зыбкий контекст, который непросто свести в целостность одного прогноза. Но если умеешь с ним работать, значит, ты нашел способ целостностью управлять!»¹⁰⁰

Оказалось, что мониторинг повестки позволяет (не всегда надежно) опередить ход событий, открыв темпоральное окно. Оно не является ни настоящим, ни будущим, но промежуточным — *виртуальным**. Почему не дополнить его виртуальной политикой? Вмешательством в ход событий для перехвата повестки и удержания долгосрочной гегемонии. «Эффективная политика» видится мне ultimo ratio слабых, их тайным ОМП.

Двадцать лет спустя Леонидас Донскис в споре с Бауманом отметит таящийся риск: это уже не пропаганда и не пиар! «От простой... пропаганды довольно далеко до программы, предусматривающей то выход из времени настоящего, то возвращение в него... (когда мы на некоторое время покидаем зону человеческой восприимчивости и затем возвращаемся в нее)»¹⁰¹. Вот с этой пульсацией «нереально реального» я и решил работать. Донскис противник сценарных игр, куда завлекают массовые аудитории, овладев их эмоциями. Я бы добавил еще одну опасность — привыкание масс к мерцательному медиатрансу. Управляя повесткой, избирателя то вводят в измененное состояние, то выводят, и этот ритм подавляет способность

* Повторюсь, ни Гефтер, ни я не понимали виртуальное в его постструктуралистском значении. Мне виртуальное виделось как ловушка для дураков. Связанное пространство неподлинного, подразумевающее функционал, срок годности и регламент использования. Проекция виртуального на Weltpolitik Кремля нами всерьез не мыслилась, хотя заложена была в логику применения. Гефтер бы резко возражал против волюнтаристского противоальтернативного понимания онтологии альтернативы, замещаемой виртуальностью.

политически мыслить. Его скучный обиход идиота компенсируют яркими имплантами виртуальности.

Наш эксперимент на массовом сознании (к несчастью, удавшийся) технически означал виртуальное инсценирование. Управление населением страны путем погружения в драматургию без перспектив, ясных для сценариста. Навязанный драматизм сценария подменяет живую драму политики.

Гефтерово представление об альтернативе далеко от «сценарных вариантов» — альтернатива вообще не сценарий! Гефтер говорил, что Сталин «превосходный сценарист», но в чем? Его сценарии умерщвляли альтернативу. Расчленили на управляемые фрагменты, завладевая энергией альтернативности ради неустрашимости Самого. Политический сценарий по Гефтеру чаще всего — противоальтернативный инструмент.

” Пока не поздно. Не разучившиеся жить по сценарию не попали бы в новый»¹⁰².

В bon mot «нация есть ежедневный референдум» Ренан имел в виду открытый демократический выбор для граждан. Эффективная политика шла с другой идеей: власть есть ежедневный сценарий! Сценарий вовлекает в чужое действие. Внутри чужого сценария реальный конфликт подменен пассивной сопричастностью. Гражданин превращен в «идиотоса», рассеянного зрителя деполитизации. Гефтер научил меня видеть сценарное в Ельцине — слабом президенте, но несколько не слабом сценаристе*. Трансформация сценариев БН умирал политический класс России. Но это сделало сценарную находку из него самого — уход Ельцина также мог быть срежиссирован. Сценарии увязываются в «Государство Россия» — нескончаемый сериал о всесильной якобы власти слабых людей. Да, Сталина еще нет на арене, и претендент на его роль так жалок. Он не догадывается, что склонность к актерству в стиле Высоцкого будет жадно востребована сценарной политикой масс.

” Тяжкий урок... реакционеры в XX веке научились опережать, захватывая насущное проблемное поле»¹⁰³.

---

* В 1994 году Явлинскому так понравился мой сценарий «Версии № 1», что он сказал: «Два-три таких розыгрыша, Глеб, — и я президент!»

Я намеревался опережать, перехватывая повестку (в наилучших целях, чтобы не пропустить «кавказских варваров» в наш Рим!). Техника опережения стала ядром моих политических технологий, ну а я — примером описанной Гефтером способности противоальтернатив, опередив альтернативу, ее удушить.

Слабость как шанс?

Реакция Гефтера на московские расстрелы 1993-го — жест философского отчаяния. Гефтер не бежит от действия, но действие в безнадежности потребовало теологического осмысления.

” Зло не имеет собственного обличия, ибо оно есть лишь не востребованное добро. Тема не востребованного добра где-то смыкается с человеческой слабостью, которая на самом деле не слабость. Она предчувствие того, что человек может справиться с сокровенными задачами существования и сохраниться как человек — минуя силу. Любую. Вот почему важна летопись не востребованного добра, которое идет навстречу злу и в какой-то момент, отклоняясь в сторону, рождает ранее ему не ведомый отпор. Отпор из глубин существования, которые возвращают к самым первым шагам *Ното sapiens*, того, кто впервые слабость свою одолел словом. К тому индивидуалисту, абстракционисту жалкому! К тому пещерному мазиле! Возвращаясь и возвращаясь, человек выходит куда-то вдаль, к моменту, где нами еще может быть исключено прекращение человеческого рода. Исключено, только если мы нащупаем нечто, таящееся в глубинах Человека Слабого»¹⁰⁴.

Ситуация Бухарина на Лубянке сфокусировала его главные темы, и Гефтер возобновляет работу над потайными лубянскими бумагами. В камере смертника ему слышится эхо несбывшейся альтернативы — уберечь Союз от войны и союза с Гитлером. Здесь антифашизм и «социалистический гуманизм» Бухарина, дающего бой из заведомо проигрышной позиции. Николай Иванович для Гефтера — лидер антифашистской преальтернативы середины тридцатых (Гефтер осторожно именует ее «сталинской оттепелью» — историк сталинизма Олег Хлевнюк в книге «Политбюро» подтвердил его мысль¹⁰⁵). Преальтернатива тридцатых несла шанс «сталинистской

нормализации» СССР — «великой антифашистской империи», исключая катастрофу 22 июня 1941-го.

Лубянская герменевтика Гефтера уникальна. Мотив апологии слабости увязан с марксистским мотивом: слабость угнетенных дает право на восстание, хоть и трансформируется во вседозволенность. А из глубины выдвигается третий мотив: человек дорастает до истории, не став ее господином, но в опыте поражения; принятием этого опыта.

” В судьбе... “последнего большевика” я вижу трагедию альтернативы. Еще не созревшей — и погубленной. Вместе с ней была погублена, распята, затоптана альтернативность: потребность, склонность мозга, человеческий облик, характер. <...> Эта его человеческая слабость, склонность к совестливой рефлексии, столь по общему мнению непригодная в политике и действительно сыгравшая пагубную роль, не только в жизни самого Бухарина...»¹⁰⁶

Доктрина классово́й борьбы предоставляет угнетенному безграничный карт-бланш на действия. Слабый класс, отчужденный от политической власти, вправе контратаковать и установить свою власть. Слабому дан ход к борьбе без правил — именем слабости.

” Классовый императив разрешает терпящему поражение применять любые средства неограниченно. В эту норму не входит нравственное самоограничение...»¹⁰⁷

Отсюда Гефтер выводит генеалогию большевистской податливости мифу о «врагах народа». Но здесь и отгадка взрывной экспансии СССР, от периферийной осажденной крепости к мировой державе 1945 года. «Социум власти» обживают люди, только притворяющиеся государством, отнюдь не обязуясь быть им всегда.

Масштаб планетарной ставки оправдывал секретность работы Политбюро, дергающего советское государство за ниточки, и тайны московских процессов. Конспиративная партийная работа совместима с «людьми без имени» из недр машины ГУЛАГа или Освенцима, что доказал Сталин кадровой политикой в двадцатые годы*. Но московские процессы Сталина предполагали деятельное участие мертвеца в погублении своей личности. В тео-

---

* И Гитлер в тридцатые. Разница была в том, что от тех, кто в перспективе не смог или не захотел бы стать винтиком, избавлялись по-разному. Гитлер убивал впрок без суда, и вновь приходящие полу-

логии слабости Гефтера классовая борьба впервые в истории марксизма повстречала своих апостолов на интимной дистанции публичного самоубийства. Где выстрел в затылок в конце выглядит почти актом милосердия.

” Наибольшую трудность для XX века составила не слабость человека, а... могущество человека по отношению к человеку. Его опасная власть с легкостью распоряжаться сотнями тысяч людей»¹⁰⁸.

Новые падшие?

Прообраз Человека Слабого — Гефтеров *«падший»*: тип человека, который историк ценил выше многого в русской истории.

” Куда ж податься? В самотворимую одиночку, в которую вход только друзьям? Оставив в собеседниках лишь павших и падших? Немногих, кого знаю поименно... и все они мне близкие. Единоутробные не понаслышке»¹⁰⁹.

К падшим Гефтер относил и меня¹¹⁰. Мое бесцветное падение на суде в Люблино в 1982 году повело его к медитациям о падениях XIX века, от Пушкина и декабристов. Социуму власти противостоят от имени «общества всея Руси» — а последнее несбыточно. В надрыве падший ломается и/или восстает. В теологии слабости явно соотнесение Гефтером себя с узником Лубянки: это он сам чувствует себя узником. В таком ощущении проходит его последний 1994 год. Накануне смерти чувство обострится: можно ли самому успеть что-то сделать?* Финальный знак вопроса перед финальной попыткой действия.

” Проблема в огромной степени в России. Она впервые становится в буквальном смысле непосредственно всемирной. ...Что такое для индивидуумов жить? Это мысль о том, что в сталинских делах страшных его это чудище опередило и на время оставило позади. Опыт страданий, которые не пошли впрок. ...Чего не хватает сказанному,

---

чали себе места тяжелой мясницкой работой, «честным трудом настоящего немца». Гитлер не требовал раскаяния от трупов, а Сталин жил и правил через такое раскаяние.

* Попытка Гефтера инициировать расследование событий 4 октября 1993 года — его личный проект. Поиск финансирования под него привел к тому, что деньги нашлись, а сам проект утонул в интригах тех лет.

что можно добавить? Недостает радости от множественности существований. Нельзя давать сюжет только в трагическом черном свете, моцартовском. Лучше Седьмая симфония Бетховена»¹¹¹.

Гефтер в расстрельном блоке?

На деле все хуже: к теологии нужно добавить новую антропологию. В слабости увидеть не просто «духовную силу» — диалектическое «снятие» слабости за счет импульса к подавлению возможностей сопротивления как таковых (таков Сталин, таков Ирод Евангелий). Найти в ней, как это определяет французский философ Ален Бадью, субтракцию — «утвердительную часть отрицания»¹¹². (Не знавший Бадью Гефтер называл ее «*позитив негатива*».) После октября 1993 года, открывая перспективу онтологической слабости человека, Гефтер вершит это по законам героя исследования Бухарина и антигероя — Сталина. К теоретической и биографической (что для Гефтера одно и то же) головоломности постановки проблемы добавилась травма письма: Гефтер буквально боится подойти к лубянскому Бухарину слишком близко:

” Вот как с Бухариным вышло. С одной стороны, его письмо лубянское Сталину сидело во мне и грызло печень. Я чувствовал, что у меня не хватает дерзости сказать, что это письмо значительнее и важнее для века этого, чем завещание Бухарина “следующим руководителям партии”. Я чувствовал, что лубянские бумаги очень ужасны и очень близки мне. Чувствуешь, как текст ужасен, и легко сказать, чем ужасен, но очень трудно, почти невозможно сказать, чем он близок! Это требует почти предельной откровенности, которая мне не показана»¹¹³.

В бухаринском сюжете проблема письма встала перед Гефтером в полный рост, как проблема границ и условий письма вообще. Возможно, самый важный текст его жизни Гефтер пишет, ни на секунду не забывая о технике безопасности. Статья Гефтера «Апология Человека Слабого»* обрамляет публикацию бухаринского письма Сталину от 10 декабря 1937 года: последнее — вставная новелла в первой. Но это не все. Гефтер, часто

---

* Эссе в сокращении было опубликовано в журнале «Российская провинция» в 1994 году.

чуравшийся текстологического анализа, здесь талмудически исследует текст письма и текст последнего слова Бухарина на суде (вечером 12 марта 1938 года). Вчитывается он при этом в потайные лубянские транскрипты, не ссылаясь на них.

Система ориентиров задана реальной драматургией высказываний Бухарина: вначале письмо Сталину, затем участие в публичном процессе и — казнь. У Бухарина еще остается привилегия исторического лица — он вправе обосновать себя в личном обращении к Сталину*. А что затем — продемонстрировать на процессе? Доказать Сталину идейную верность, способность поступить, наконец, так, чтоб слова не разошлись с делом, пусть последний раз в жизни? Гефтер прямо пишет, что без «чистосердечного признания» нет процесса, а без процесса нет ни Бухарина, ни планетарного статуса его письма:

” Без признания нет помоста, а без помоста этого кто узнает, какие из лубянских наветов таки отверг...”¹¹⁴

Если Бухарин готов принять классовую борьбу по Сталину, означающую для него смерть, он должен обосновать это чем-то большим, нежели страхом за жизнь. Гефтер так и обозначит первую ставку Бухарина, который до смерти

” убежден был — как ни ограничена размером коробка, но способна вместить все, что суть Человек...”¹¹⁵

Вместо самоубийства — понимание, запомним это. Понимающий для марксиста — значит осознавший. Бухарин бьется не за жизнь, а за право умереть в осознанном историческом действии. Вызов, брошенный жертвой сценаристу жертвоприношения, — выбор сознательного добровольного участия в сценарии.

Приняв логику Сталина, Бухарин, однако, должен зайти еще дальше. Показать, что сумеет действовать внутри его логики. Что не марионетка, а добровольный помощник — Сталину и истории. Он объясняет ему свое поведение минимум с 1928 года, включая готовность говорить и делать

* Бухарин действительно мог знать, что его бумаги дойдут к вождю напрямую. Отсюда и просьбы Радека («мое письмо к Сталину не попадет, а будет направлено в НКВД, я — подследственный. Ваше же будет передано непосредственно»). Здесь и лагерная судьба его юной вдовы Анны и сына Бухарина Юрия, отмеченная недреманным попечением убийцы их мужа и отца. И многие еще указания на личную привилегию Бухарина в коммуникации со Сталиным — даже посмертно.

Сталину политические гадости за его спиной. Притом объясняет, не бросая тень на сознательное принятие им политики генсека, как и своей политики тоже. Но не из страха за жизнь! Еще одно условие: решив остаться в истории как личность, Бухарин должен отвергнуть худшее обвинение — в организации убийства друзей. Отвергнуть, не взламывая сталинский сценарий, но по какому-то своему неявному праву выбора ложной вины.

” Зачислишь ли в герои тех, кто внизу, близко ко дну, если не на дне ее? Из той Зоны неутопической утопии — он, Николай Бухарин. Еще не знавший, что там, когда это провела — инстинктом вожделения гибелей — необратимость по имени Сталин. Неутопический утопист потребен был Сталину — и не для одного лишь внешнего употребления, и не только для самооправдания постфактум. Слабый человек питал его позыв к необратимому убийству. Подстрекал к тому, чтобы замирение, начатое “при Сталине”, перекантовать в сталинский превентивный террор. Никто кроме Бухарина не был достаточен для этой поощряющей роли — невольной провокации на ненависть без предела... А Бухарину, ему зачем был этот Сталин?»¹¹⁸

В расстрельном блоке Гефтер встречает слабого, но несломленного человека. Который запоздало сожалеет, то ли что предал Сталина, то ли что неудачлив в предательстве. Не в самоуничужении дело. Не в антиницшеанской стратегии Бухарина — бесстыдством письма вытравить в себе человеческое перед процессом — пообещать Кобе, что на публику выйдет сломанная безжизненная кукла, подобно несчастному Рыкову. Гефтеру предстояло разъяснить активного соучастника, творческого сталиниста, проигравшего Сталину в борьбе за власть, как мировую историческую фигуру. Пойди попробуй!

Несчастнейший?

Историк заодно с обвинителем ставят вопрос: было там все же что-то или не было? Тезисом, что финального Бухарина нет без процесса, Гефтер подвесил вопрос на крючок сомнений. Ответ: заговора не было... но что-то было! Были бухаринские «школы», были «программы», было «нечто, ищущее неопробованное действие». И была тайная протоальтернатива Конституции 1936 года, написанной, по словам Бухарина, его собственной авторучкой. Итак, Бухарину надо найти угрозу в бухаринской альтернативе. Свое неви-

новное «я» опредметить, взглянув на себя злым глазом сценариста. Оценить собственные колебания в прошлом глазами Сталина. Без жертвы альтернативой к разуму не взойти... Но была ли альтернатива?

” В загадочные тридцатые... шло, внешне сходное прелюдией, но по сути — к другому? Скажем так: к социализму с человеческим лицом... Шло, но не пришло... В 1968-м не состоялся, ибо запоздал, да и не мог удержаться, начавшись и оборвавшись в малой стране. А когда стукнулся в дверь “великой”, было уже по-другому поздно... Но это спустя полстолетия... А те годы, что эпилогом у “великого перелома”, если б толчок, другой, третий? Так ведь были толчки, и в большом числе: 30-й, 31-й, 32-й, 33-й. “Ликвидация кулачества” — на базе (!) околхозивания всех, кто на земле. “Региональный” голодный мор — и пик промышленной, урбанистической горячки»¹¹⁷.

Гейфтеровский Бухарин — автор несбыточного «социализма с человеческим лицом». Советский Дубчек тридцать седьмого года.

Первая зацепка дешифровщика — «несчастнейшее сознание», известный читавшим Гегеля пароль перехода духа от незрелости к разуму: Бухарин в предсмертном разговоре использует его дважды. На процессе в заключительном слове, объясняя прокурору Вышинскому мотив заговорщиков и мотив их раскаяния (который сам Вышинский сформулировать интеллектуально не в состоянии), он говорит:

«Иногда и сам я увлекался тем, что я пишу во славу социалистической стройки, хотя назавтра это отрицаю своими практическими деяниями преступного характера. Здесь образовалось то, что в философии Гегеля называлось несчастнейшим сознанием. Это несчастное сознание отличалось от обычного только тем, что оно в то же время было преступным сознанием. Мощь пролетарского государства сказывается не только в том, что оно разгромило контрреволюционные банды, но и в том, что оно внутренне разлагало своих врагов, что оно дезорганизовало волю своих врагов. Этого нет нигде, и этого нельзя иметь ни в одной капиталистической стране».

Бездарного прокурора Бухарин одарил аргументом, возвышающим советский строй лучше всех, — здесь и антисоветчики парализованы величием государства. В письме, написанном за три месяца до этого, несчастное, а значит, по Гегелю, раздвоенное сознание предстает перед Сталиным в самом больном, важном для Бухарина месте:

«...Есть какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, б) подозрительных и с) потенциально подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись. Одних обезвреживают так-то, других — по-другому, третьих — по-третьему. Страхочным моментом является и то, что люди неизбежно говорят друг о друге и навсегда поселяют друг к другу недоверие (сужу по себе: как я озлился на Радека, который на меня натрепал! а потом и сам пошел по этому пути...). Таким образом, у руководства создается полная гарантия.

Ради Бога, не пойми так, что я здесь скрыто упрекаю, даже в размышлениях с самим собой. Я настолько вырос из детских пеленок, что понимаю, что большие планы, большие идеи и большие интересы перекрывают все, и было бы мелочным ставить вопрос о своей собственной персоне наряду с всемирно-историческими задачами, лежащими прежде всего на твоих плечах.

Но тут-то у меня и главная мука, и главный мучительный парадокс.

5) Если бы я был абсолютно уверен, что ты именно так и думаешь, то у меня на душе было бы много спокойнее. Ну, что же! Нужно, так нужно. Но поверь, у меня сердце обливается горячей струей крови, когда я подумую, что ты можешь верить в мои преступления и в глубине души сам думаешь, что я во всех ужасах действительно виновен. Тогда что же выходит? Что я сам помогаю лишаться ряда людей (начиная с себя самого!), то есть делаю заведомое зло! Тогда это ничем не оправдано. И все путается у меня в голове, и хочется на крик кричать и биться головой о стенку: ведь я же становлюсь причиной гибели других. Что же делать? Что делать?»

Как это все понимать? В письме Бухарин предъявляет Кобе свое «несчастнейшее сознание» тем, что не может («пока») вместить сталинский план без муки. Он мечется между гипотезами об откровении (политический план) и бредом (хаос убийств, сотворенный оговорами). В письме Бухарин просит Сталина подать ему тайный знак. Если не простить и спасти, то дать подтверждение логичности, а значит, правоты вывода: процесс над Бухариным — часть великого «смелого замысла» перехода к демократии (намек на Конституцию 1936 года!) накануне войны.

На процессе все уже иначе: зрелый инициативный Бухарин не сомневается в том, что делает. «Несчастнейшее сознание» нужно ему не для намека на темную материю своих мотивов (признаться в безумии Сталину ему труднее, чем себе самому), а как фигура прославления гения.

Решая проблему несчастного сознания в общем виде, Гегель подставил ему нечто вроде лестницы: восходя по ступеням, оно уничтожает идею своей единичности. Далее снимает вину за собственные действия, погружаясь в мир нерелексивного праксиса, а под занавес совершает «действительное пожертвование» своего «я» — превратив его в вещь, «в предметное бытие»¹¹⁸. Отказ от воли открывает несчастному путь к положительной стороне отрицания (о чем говорит и Бадью): «отказ от собственной воли негативен только с одной стороны, по своему понятию или в себе, но в то же время он положителен, а именно он есть утверждение воли как некоторого “иного”, и — определенно — воли как чего-то не единичного, а всеобщего»¹¹⁹.

При этом утверждение отказа от своей воли как от иного не совпадает в объеме с положительным во всеобщей воле. Разумное согласие с планом Сталина не привело Бухарина в его объятия, как в те объятия рухнул несчастный Уинстон Смит Оруэлла. Отказ от воли остался выбором отказавшегося — любовь всеобщего ни при чем.

Третий в диалоге мертвых?

Гефтер идет на странный ход. Начинает он с радикального сомнения в адекватности Бухарина:

” А не подкармливали ли его какими-нибудь витальными таблетками, вызывающими у арестанта обманное чувство полноты жизни?»¹²⁰

Но, отбросив шанс алиби, Гефтер по ступеням Гегеля ведет смертника в камеру. Координаты действий Бухарина заданы проклятьем — треугольником компромисса:

” Есть расхожее, умытое, причесанное — компромисс. Ты против? Разумеется, нет. Я — за. И что же? На месте одного — три слова: согласие, сговор, сделка. Где между ними твердая, непроходимая грань, либо ее нет, загодя и навсегда установленной?»¹²¹

Бухарин обязан именно согласиться со Сталиным — не подчиниться, не продаться, не сговориться, с ухмылкой на лице... Согласиться! И признать, что «НЕБЫВШЕЕ БЫЛО», как формулирует Гефтер. Он привлекает третий текст диалога Сталин–Бухарин — их разговор на февральском пленуме ЦК в 1937 году. Бухарин еще упрямится. Он верит, что логика исключает абсурдные обвинения, что он сможет оправдать себя: «Могут быть две версии, в равной степени одиозные, в равной степени контрреволюционные, но все-таки, если одна из них противоречит другой, это противоречие подрывает доверие к тому человеку, который это говорит».

Нужно бороться, оправдывать себя. Нельзя врать партии, даже если враньем облегчишь свою участь — самооговор недопустим. Вдруг Сталин соглашается! Сталину не нужна фальшь: «Ты не должен и не имеешь права клепать на себя. Это самая преступная вещь». И продолжает: «Ты должен войти в наше положение. Троцкий со своими учениками Зиновьевым и Каменевым когда-то работали с Лениным, а теперь эти люди договорились до соглашения с Гитлером. Можно ли после этого называть чудовищными какие-либо вещи?»

Этот фрагмент Гефтер цитирует, развертывая логику Сталина:

” Раз так, а “ты” еще вдобавок философ, лелеющий понимание, — то будь добр пойми “нас”, признай без оговорок, что, когда с такими (которые уже отправлены на тот свет или готовятся туда же) имеешь дело, слово “чудовищный” перестает что-либо значить»¹²².

«Такие» — Зиновьев и Каменев. На их расстрел Бухарин отозвался в письме Ворошилову в 1936 году: «Что расстреляли собак — страшно рад». Теперь только жертва, только опредмечивание себя глазами другого ведет к выплате всей цены речевого поступка. Раз рад, то прими последствия, прими и выводы целиком как свои! Прими, даже если нужно принять НЕБЫВШЕЕ.

” Просмотрел-таки мирового Кубу Николай Иванович Бухарин»¹²³.

Завет от Человека Слабого?

Одну из линий рассуждений в «Апологии...» Гефтеру, кажется, подсказал я, но та стала для него еще травматичнее. Говоря о «несчастнейшем сознании», я заметил сходство термина с эссе Кьеркегора «Несчастнейший»

(опубликованном в 1908 году в «Северном сборнике» в переводе Балтрушайтиса). Эрудит Бухарин наверняка встречал текст тогда же или теперь, в богатой лубянской библиотеке. Прочитав эссе, Гефтер делится со мной впечатлениями:

” Я смотрел сегодня Кьеркегора. “Несчастнейший”. Тяжкий текст, очень немецкий. Обратил внимание на раздел “Отчаянье слабости”. Ну вот это... “Пока длятся трудности, он не осмеливается в буквальном смысле слова вернуться к себе самому, он не желает быть собою, однако для него это всего лишь обстоятельства, которые минут, и эта черная возможность окажется забыта. В ожидании этого он совершает, так сказать, лишь краткие визиты к своему ‘я’, желая удостовериться, не произошли ли еще перемены”. Гениально, правда? Просто гениально! Иначе что, запереть себя в сумасшедший дом? Либо надо избывать это состояние на бумаге, в контакте с другим человеком... Моя форма самоубийства: писать. Одних черновиков столько. Вот такая жизнь. Ах, боже мой...»¹²⁴

Вот снова чисто Гефтеров мотив самоубийственности письма. Герой текста Кьеркегора вечно возвращается к себе, к «я», на письме оставляя что-то вроде крестража из «Гарри Поттера». Текстом убиваешь себя, чтобы после вернуться к себе мертвому и спросить: не произошла ли перемена?

И это не весь мотив. Гефтеру нужно понять не одно соучастие, но и линию Бухарина на процессе. Признав политическую ответственность в заговоре, Бухарин наотрез отрицает причастность к убийствам товарищей — «Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и Максима Пешкова». Почему? Откуда право спорить с обвинением, раз принял сценарий суда и уже соучаствуешь? Где тут грань?

На предарестном пленуме Бухарин твердо формулирует позицию: он не вредитель, не террорист, не изменник и не предатель. Через год на суде вину признает пунктуально: да, я изменник. Да, готовил теракты. Да, отвечал за «вредительство» (хотя не помнит, чтоб отдавал такие директивы). Но Бухарин не признает вину в убийствах.

Для симметрии рассуждения Гефтеру нужно перевернуть доску. Согласившись с замыслом Сталина, Бухарин, возможно, и выиграл как исторический субъект. Но чтоб стать моральным субъектом, он должен совершить

еще нечто — возвыситься до истории соучастием в ее процессе. Он должен — тут Гефтер формулирует почти на пределе ясности высказывания: «ОЧЕЛОВЕЧИТЬ СТАЛИНА СОБСТВЕННОЙ УЧАСТЬЮ». Мало понять Сталина как исторического деятеля. Мало соучаствовать в его деяниях. Слабому Человеку Николаю Бухарину нужно понять Слабого Человека Иосифа Джугашвили, который тоже «*страшится смерти*»¹²⁵. Гефтер цитирует здесь воспоминание Лидии Цедербаум-Дан, сестры Мартова и жены Федора Дана — слова Бухарина о Сталине, сказанные тем якобы в Париже на встрече с ее мужем в 1936 году: «Он даже несчастен оттого, что не может уверить всех, даже самого себя, что он больше всех, и это его несчастье, может быть, самая человеческая в нем черта, но уже не человеческое, а что-то дьявольское есть в том, что за это самое свое “несчастье” он не может не мстить людям, всем людям...»¹²⁶

Не оправдывая Сталина, Бухарин утверждает, что Иосиф остается человеком, лишь пока несчастен. Там же у Кьеркегора есть описание такого неутолимого, бесконечно рекурсивного и все же человеческого по природе несчастья.

«Его жизнь не знает никакого покоя и лишена всякого содержания, он чужд своему мгновению, чужд своему будущему, потому что он уже пережил будущее, чужд и прошедшему, потому что прошлое еще не пришло... Ему нельзя состариться, так как он никогда не был молодым, так как он уже стар; в известном смысле ему нельзя и умереть, так как он ведь и не жил; в известном смысле ему нельзя и жить, так как он уже умер; он не может и любить, потому что любовь всегда — в настоящем, а у него нет ни настоящего, ни прошедшего, ни будущего, и в то же время он — восприимчивая душа, и он ненавидит мир только потому, что любит его...»¹²⁷

Сталин Бухарина, по Гефтеру, — не запредельное культурное или расовое исключение. Он дьявол настолько, насколько он человек. Из двух стратегий оправдания дьявольской власти (власть всегда от Бога, по Шмитту, или дьявол — инструмент промысла Божьего, по Беме) Гефтер выбирает третью. Дьявол лишь человек. А человек, Homo historicus, сам предмет своей деятельности и деятельности других.

В письме Бухарин признался Сталину, что врал ему. Как «бегал» к Каменеву в то время, когда Сталин его хвалил, говоря, что «Бухарчик» не способен на интригу. Сказано — сделано, он предатель. Последняя ступенька к замыслу слабости — очеловечить Сталина своей участью, и совесть Бу-

харина чиста. Слабость не стала силой, однако «Аристотель, Гете, Гегель, Маркс» открыты ему и в нем примирились.

” Бухарин перед смертью: “Как болит сердце”. Надеялся, бедняга, на человеческое в людях»¹²⁸.

Человек Слабый Николай Бухарин отныне со Сталиным неразделим. Но он может провести последнюю черту между ним и собой — он ему не тождественен!

” На весь не слушающий его, Бухарина, мир раздалось: “Я НЕ УБИВАЛ!”»

4. Мир миров — восстание Гефтера

Последняя глава «Слабых» отлична от других. Заканчивая ее текст, автор озадачился вопросом, вовремя не заданным Гефтеру: почему последний год его жизни, начатый эссе о Бухарине, закончился Кодексом гражданского сопротивления? «Негефтеровским» политическим текстом, где историк призвал общество к мятежу. Два текста — две точки, через которые не провести прямой. Меня они заставили взглянуть на ход его мыслей заново. Застрявший вне Москвы в карантине, я не мог обратиться к архиву и излагаю здесь результаты дилетантского расследования 25 лет спустя.

Финал книги я отводил «Миру миров» — красе Гефтерова лексикона в ряду других его неологизмов, как «социум власти», «пространство экспансии» или «страна стран». Я долго видел здесь эвфемизм: мол, на выходе из холодной войны возникает развилка к однополярному миру либо к множественному «Миру миров». Речь попросту о человечестве, не так ли? Но Гефтер девяностых не отождествлял Мир миров с человечеством. Его взгляд на конец истории более не нуждался в этой гипотезе единого человечества. Катастрофа русского коммунизма поставила на нем точку.

” Человечество не состоялось. Великая идея единосущностного объединения людей не реализовалась, хотя... по дороге к тому, что... не осуществилось, люди приобрели страшно много. Собственно говоря, почти все, что они приобрели, связано с этим. Что же может прийти на смену? Мир миров! Мир должен состоять из миров, каждый из которых внутри себя — не меньше, чем Мир. Акцент на единство должен замениться акцентом на различие. Различия показаны жизнью! ...Нужна всеобщая заинтересованность в различиях, нужна работа различий! Нужна деятельность; все должно быть направлено на это»¹⁸⁹.

Мир миров не сумма человеческих цивилизаций. Гефтер отвергает идею единства, хотя бы версифицированного. У него в папке «Мир миров»

19 разноформатных подходов к пояснению идеи. Все не датированы, не согласуются и не завершены. Видно, как, пытаясь прояснить идею Мира миров, историк сдвигался к последней ставке.

Слабый зовет?

Все эти годы я думал, что, закончив «Апологию Человека Слабого», Гефтер и сам расслабился, — я ошибался. Опознание в Бухарине Человека Слабого, хроника его финала в лубяньских транскриптах 1938 года переменили тайную жизнь историка. Теперь и он не мог уйти от действия.

” **Сделал шаг вперед, делай следующий. Ты ведь не вообще взялся рассуждать, а о нем, о Николае Бухарине»¹³⁰.**

Куда теперь? «Апологией» Гефтер заострил императив личной суверенности, но едва встал от письменного стола, как увяз в подлом российском обществе 1994-го, отказывающемся вспоминать. Началось с неудачи проекта «Люди Октября 93-го», где реконструкцию исторического события Гефтер соединял с исследованием микродеталей конфликта. Собственно, то был уже политический проект. Вскрывая событие войны в центре столицы РФ, Гефтер ощутил саботаж друзей-демократов (разумеется, никто прямо не сказал ему «нет»). Дружья осваивали упоительные возможности девяностых — что уже тогда называли «стабилизацией». Туманная будущность Мира миров их не увлекала.

” **Каким образом в текущее — вот в эту “стабилизацию” с ее злобой дня — включить искомый плюрализм и многоукладность пути? Не только зависимость друг от друга, но и заинтересованность друг в друге? Я хочу, чтоб ты был на меня не похож, в этом смысл моей жизни. Она становится полноценной оттого, что ты будешь на меня не похож, и я работаю над этим, как и ты. Так мы сохраняем эволюционное начало, которое чуть не погибло — ведь холодная война велась на краю гибели эволюционных начал в человеке»¹³¹.**

Его речи в тогдашнем эфире выглядели слегка безумными. Кроме Гефтера в РФ не было, думаю, никого, кто верил, что холодная война не закончилась и вернется второй волной.

” Ибо холодная война — рецидивист по натуре... Самое коварное ее свойство — то, что она, предвестница тотального самоубийства, успела столь глубоко внедриться в жизненный обиход, растворившись в нем до едва ли не полной неразличимости, что мы не вправе не поставить перед собой вопрос: удастся ли изъять ее из организма, именуемого Мир, не затронув его В ЦЕЛОМ и КАК ЦЕЛОЕ?»¹³²

Роль Гефтера на публичной сцене перестройки восьмидесятых — девяностых считалась просветительской. И центр «Холокост», президентом которого он стал, назван был «научно-просветительский центр». Но выход России из холодной войны был чисто политической задачей. Гефтер тянется действовать. Ради этого он отходит от былой манеры просвещенного морального менторства.

Событие как этика?

В записях 1994 года Гефтер уточнял: Мир миров предполагает действие, и оно разрешится событиями. Входом в Мир миров по Гефтеру будет некое Событие. Ценность же событий Гефтер исповедовал яростно:

” Моя метафизика события в следующем: я его признаю, пока навстречу событию идет мой поступок. Событий вне поступка, диктуемых мне извне, я не принимаю»¹³³.

Выпад неистовее 11-го тезиса Маркса о Фейербахе — историк отказывает свершившимся фактам в безоговорочной реальности?

” История, не причесанная под мораль, а реальная — та, что взламывает ход вещей, будоражит будни, ломает судьбы и отбирает в деятели событийных людей — способных встать вровень Событию. Чтоб смочь обуздать его, а если нет — ему подчиниться и подчинить остальных. Уметь подчиняться Событию столь же важно для исторического деятеля, как умение говорить “нет!”»¹³⁴.

Эта вера в Событие, подчиняющее себе политиков, вела и меня. Чьей силой действовать, неважно — но перестать быть бессильным!

” Мы страшны тем, что можем нечаянно уничтожить всех, но сами по себе мы бессильны»¹³⁵.

В те дни 1994-го мы с друзьями начинаем обсуждать Русский проект — из проекта Сергея Чернышева «Иное» и моей программы «Бозций vs Кассиодор»*. Проект сопротивления беловежскому консенсусу фокусировался на поиске государственной альтернативы: русское не должно остаться бессильным!

Два Русских проекта?

Можно сказать, и у Гефтера речь шла о Русском проекте. (Этого словосочетания он, впрочем, не любил и морщился, если я им пользовался.) Результатом стала бы другая страна. Проект Гефтера означал трансфер России к Миру миров наперекор Pax Americana (его он называл «*миром Моно*»).

У него и у меня в проекте главную роль играла интеллигенция, хоть и по-разному. Летом 1994-го Гефтер внимательно листает протоколы Государственной думы, обдумывая политику Партии народной свободы — парламентского большинства 1905–1906 годов. Отчего партия интеллигенции, взяв на выборах большинство голосов, не отстроила его накрепко и уступила большевикам? Как смели взять назад свое Выборгское воззвание — выронив массы?

Гефтер не идеализировал интеллигентов — у него это метафора людей поступка, влияющего на власть. Интеллигенция для Гефтера — не социальная группа, но сообщество поступка, обусловленное долженствованиями. В социуме власти влияет не интеллигент, а его поступок, его речевое поведение.

” Общество — это то, что не государство. А есть ли у него свой предмет, если государство все объявило собственным предметом? Нет, это беспредметное общество — только проект, идея, позыв. Беспредметное общество — это интеллигенция...»¹³⁸

---

* Знаменитая позднеримская пара несла для меня эталонное значение. Кассиодор создал западный монастырь-виварий, где засадил монахов за переписку античных рукописей. Он составил портативную версию римской культуры для «темных веков», а его друг Бозций не стал ждать. Он вошел в тайные сношения с императором в Константинополе, был схвачен и погиб на лангобардской гарроте. Обе жизни с юности бередили воображение. Я видел в них двойной путь возобновления русского после его краха — «Русский проект» был посмертным проектом, а сам автор термина Илья Медков погиб в сентябре 1993-го.

По инерции перестройки интеллигенция сохраняла роль влияющей силы, группируясь вокруг ельцинского Кремля. После октября 1993-го Гефтер «испытывает омерзение» от интеллигенции... и от нее же он требует действий. Лубянские транскрипты укрепили веру в Человека Слабого, и интеллигенция вновь стала его надеждой. Он мог думать, что проекция общества и впредь останется за интеллигенцией.

” Вернусь к московскому, российскому интеллигенту. Растерянному, боящемуся остаться в одиночестве. Завербованному текущей политикой... Уже и верхушка нынешней России стала без особой запинки произносить — “конфедерация”. Но значит, интеллигенту можно бы двинуться и дальше... К РАВНОРАЗНОСТИ идя, твердо и осторожно, но с нее же, “идеальной”, начиная? Не боюсь сызнова — в отлучники, чтобы потом заполучить еще спящие души и умы?»¹³⁷

Следующий шаг?

Здесь я погружаюсь в бездну гадательного. Опора лишь в Кодексе гражданского сопротивления — «негефтеровского» стиля тексте января 1995-го, порывающем с его правилом «вопросов без ответа». Наивный в прямоте, Кодекс свидетельствует об окончательном политическом выборе. Но чего?

” “От ликующих, праздно болтающих, / Обагряющих руки в крови / Уведи меня в стан погибающих / За великое дело любви!”. Сокровенные строки. Вторить бы и вторить их, не без удовольствия наблюдая, как брызжут в ответ слюной и норовят вырвать клочк нынешние мелкие бесы, притворяющиеся, что служат Богу. И, конечно же, таинство альтернативы, заземляемой в компромиссе, что не дается нам в нашем доме... Преткновеннее же всего — человечество. Его рождение и смерть. Две тысячи лет от зачина к финалу. Через это признание как переступишь. Нельзя, но — надо. Без этого Мир миров — этикетка, не больше»¹³⁸.

Мир миров ждет от него действия, но не подсказывает поступка. Гефтер связывает свою личность с сетевым суверенитетом Мира миров — и находит отправной пункт в себе-соответчике за судьбу евразийского про-

странства. «Евразийское человеческое пространство» реально, пока живо в самом Михаиле Гефтере. Суверен идеи обязан двинуться дальше*.

” Я шел к Миру равно-разных миров из родной Бесовии, которая жаждала подвигов и алкала крови. Вовсе ли чужая она мне, нынешнему? Не знаю, и не исключено, что не узнаю до последнего часа. И подзреваю, что сонмы мелких бесов, которые сегодня размножаются с поистине дрозодиловой быстротой, способны вопреки пережитому возродить во мне безумную привязанность к Старшему брату. Мир миров — не самая ли верная, другою не заменишь, выручка из этого дьявольского соблазна?»¹³⁹

Историк из поколения тридцатых — пятидесятых предлагает себя в связку прерванной истории. На каком основании?

” Их, брошенных и проклятых, сведя вместе. Себя предложив в качестве поприща спора»¹⁴⁰.

Суверенизация vs демократизация?

” В какой-то час стукнуло: человечество и Мир миров — не синонимы. Второе — не самоновейшая конкретизация первого, а отказ от него. А превозмогание того проекта. Мир миров — продление, которое обращает к первожданности. Он сам — проблема вселенского Переначала. ...Говоря “Мир миров”, я не призываю ломать, но и не скрываю своего неверия в частичные усовершенствования... этого Мира вновь. Я повторяю сказанное годы назад: не с нуля, но с Начала!»¹⁴¹

Реконструкция Гефтерова «Мира миров» как политфилософского проекта потребует многих усилий. Как эволюционировало его понимание суверенитета — и как вообще в послевоенном марксизме понимали суве-

---

* Тонкий рецензент наших с Гефтером разговоров Марианна Ионова угадала здесь двойственность Гефтера. Вдвигая советское в русское, он «прошивает» тождество самим собой. «Советское человеческое пространство» реально тем, что живо в личности Михаила Гефтера. «Требую полнейшей беспристрастности, Гефтер этим категорическим требованием обнаруживает свою пристрастность. Оставшийся живой — это и он тоже» (Марианна Ионова. Оды не будет? О книге «Третьего тысячелетия не будет». Русская история игры с человечеством // Новый мир. 2015. № 8. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2015/8/ody-ne-budet.html).

рентет? Что означало «право на самоопределение» в ленинском, скажем, понимании?

“...Когда говорят, что этот век завещает людям демократизацию, то мне хочется несколько откорректировать это утверждение, сказав, что, если он что-то и завещает и на чем-то настаивает, то прежде всего на **суверенизации**. Суверенности народа — каждого; суверенности полов — женщина и мужчина; суверенности поколений... И обнаруживается, что именно к этой всеобщей, всеобъемлющей суверенности люди менее всего готовы»¹⁴².

Немаловажно, что язык Гефтера с уходом в аутсайдеры стал более легистским. Он ориентируется на международное гуманитарное право: Всеобщую декларацию прав человека ООН 1948 года, пакты о правах, Делийскую декларацию о ненасильственном мире 1985-го.

Исследователю предстоит реконструировать не только реляционную сеть понятий, связанных с Миром миров, но и менявшиеся контексты их правовой интерпретации. От коминтерновской трактовки прав национальных секций до суверенности диссидента в паритетных отношениях с государством. «Бухаринская» Конституция СССР 1936 года оставалась диссидентским credo, пока в 1977-м ее не упразднил Брежнев. Проект Конституции академика Сахарова для «Союза Советских Республик Европы и Азии» обсуждался с Гефтером на его кухне в Черемушках.

“Вселенство “миров” не оттого, что они усреднены, но не до конца, а в том, что они суверенны в своем соотношении с “другими” и сами строятся (строят себя), как “другие” для остальных. Это NB. Тут свой график. Свой ключ и к экологии, и к демографии, и даже к “остаточной” геополитике (вовсе не устранить ее)”¹⁴³.

Суверенность мышления и речи оставалась его заботой. Человек Слабый причастен к альтернативе Мира миров. Но как приобщить повседневную Россию к столь сложной альтернативе? Гефтер будто кружит над идеей, избегая политической разработки. Мало-помалу вырисовывается связь: Страна стран может выступить кодом запуска Мира миров. Политически речь шла о договорно-конфедеративном пересоздании РФ.

“О новом интегратизме, растущем из полнокровия стран: **российских стран в пределах новой России**»¹⁴⁴.

” Я ее вижу в виде страны, которая будет состоять из сотрудничающих между собой стран. Интеграция новая придет снизу. Она только начинает строиться, и для ее строительства нужны крупные блоки с оптимальными границами, с богатым внутренним содержанием, с жизнью, которая бы объединяла людей, которые внутри этих территорий, земель, регионов-стран... И это будут не только нерусские страны, это будут и русские страны. **Обязательно русские страны!** Ибо различие между русским Севером и русским Предкавказьем, между русским центром европейским и русской Азией, которая, в свою очередь, Урал, Сибирь и Дальний Восток, — эти же различия очень существенны! И очень показаны. В них скрывается новое цивилизационное начало. В конце концов, эта Россия — таково мое глубочайшее убеждение — должна стать внутри себя Миром. Одним из миров Мира, образующим большой планетарный всечеловеческий Мир. Поэтому, когда говорят “единая и неделимая”... это нелепо и ужасно. Когда любое поползновение к существенной независимости называют “сепаратизмом”, то это тоже и ошибка, и даже хуже, чем ошибка»¹⁴⁸.

В фокусе Мира миров остается Россия — Россия конца истории, ставшая неуместной в мире XXI века.

Конец конца истории?

Мир миров и Страна стран — ключи к Гефтеровской идее конца истории, но только статья Фукуямы заставила Гефтера определить отличие его собственного давнего взгляда на историю.

” Конец истории, по Фукуяме, — это воплощение единственности. Она пришла, и все, дальше — хвала Всевышнему и Гегелю. Я говорю: конец истории — это катастрофа единственности. Вся история есть череда попыток осуществить единственность. Регион (Европы. — Г. П.) разворачивается человеческой вселенной, пытаюсь привести ее к одному-единственному... Критический пик этой попытки — Маркс. Коммунизм Маркса. Невозможность привести к этому — не прагматика невозможности, а осознание невозможности и есть конец истории!

Поскольку история — это то, что люди признают за историю. Вот его (Фукуямы. — Г. П.) тезис — и мой контртезис»¹⁴⁶.

Русский евразийский «полигон», сложившийся в ходе планетарной экспансии Homo historicus'a, веками экспериментирует с отсталостью, воруя западные новинки и обновляя отсталость в державных формах. Гефтер считал, что маргинализирующая геопозиция Руси-России сделала возможной и саму Европу, отграничив ее собой как полигоном отсталости.

” Человек непонятен себе. Он боится этой непонятности. Он силится открыть эту... тайну, перенося Смерть, заново рождающую Жизнь. Переход возрождает абсурд и тянет к убийству... Россия идет незавершенными циклами Абсурда-Убийства... **Полигон!**»¹⁴⁷

Но миссия исчерпалась. Проект человечества снят с повестки — а Полигон Россия потерял форму и основание. Отлив холодной войны обесценил Россию: страна без нации, без общества и без миссии — не страна, зато идеальная добыча новых рецидивистов холодной войны! Здесь надрыв личной позиции: Гефтер не мог читать старые лекции. Исчерпав основания мысли, уходящий Гефтер сосредоточен на трех главных темах — Мир миров. Россия как страна стран. Ленин как финалист русского «мыслящего движения» XIX–XX веков.

В 19 определениях папки «Мира миров» Гефтер перебирает старые темы: альтернатива, суверенность, память, спасение, забвение... Ленин? Уже не тот Ульянов, о котором он мог говорить часами, рассказывая при этом всю историю «мыслящего движения» от Петра Яковлевича Чаадаева. Нет — Ленин конца, уходящий с недосказанным и недодуманным проектом другой России. Гефтер читает мысли умиравшего в безъязычии Ленина, слишком поздно решившегося толкнуть Россию на иной путь.

Так Гефтер, оставив роль лектора об альтернативах, попадает на опасную сцену альтернативного действия, где остался один. Как я не понял этого? Весь год мы втайне расходились, влекомые в противные стороны. Каждый прошел некий путь, придя к решению. Расхождение решений было столь глубоко, что я отказывал Гефтеру в политическом смысле. Летом в письме другу я упрекнул Гефтера, смешно сказать, в безыдейности. Письмо показал Михаилу Яковлевичу, и оно его разъярило. Ведь идея у него уже была.

Русские страны?

В исторической концепции Гефтера Россия выступает как не-страна, составленная из русских (и нерусских) стран, в разное время захваченных и поглощенных евразийским «полигоном».

” Россия никогда не была страной. Россия вообще возникает впервые»¹⁴⁸.

Россия девяностых — не-нация, не-страна, не ставшая ни Западом, ни Востоком, непригодна к строительству демократии, республики или империи. И вернуться обратно нельзя. Зато конфликт невозможностей намекает шанс прорыва.

Россия в ее жалком актуальном состоянии не готова помыслить альтернативу Мира миров или выступить в ее авангарде. Но еще не забыты слова Ельцина «Берите суверенитета, сколько сможете унести». Начав реконструкцию себя в Страну стран, Евразия вынудит мир к общему сдвигу. Тем самым вернет себе мировую роль, без которой русские почему-то не могут устраиваться на планете.

Гефтер подходит к порогу выбора, но не знает, как его перейти. Ему ясно, что России нет места в тех пропорциях и границах, в которые случайно попала. Придется зайти еще дальше: в ее составе должны образоваться русские страны.

” Русская страна (наряду с нерусскими странами, какие уже тоже у нас есть) — та интегральная часть гигантского пространства, которое все шатается, но в тартарары не может опрокинуться... Русская страна включается во взаимодействие с другими — это та форма, с помощью которой можно войти в Мир»¹⁴⁹.

Но какое событие положит начало процессу? И кому быть субъектом, хранителем его цели? Надежда на Ельцина испарилась в октябре 1993-го. Только кавказская война принесет страшный ответ на этот вопрос.

Гефтер еще не готов ответить, но ищет именно политический ответ. С этим уезжает во Францию.

Изобретение цели?

Той осенью друг пригласил его пожить в Бретани, в домике у океана. По дороге туда Гефтер читал вслух поэму Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы». К океану добрались аккуратно в первую годовщину московских расстрелов. У линии отлива Гефтер, присев на валун, черкал в записной книжке вот что:

4.X (1994)

Чем мерить теперешнюю российскую ситуацию? Сталиным его начала либо его концом? Или тем и другим вместе — сдвижкой пластов — мешаниной мотивов, уплотненными сроками и размытым пейзажем старого-нового **Моно**?

Моя Россия — есть ли она, не мираж ли, не способ ли что-то сохранить не убывшим навсегда в 1991–1993-м (раньше? когда?)? Та, которой нет и, не исключено, которой не было никогда, она — моя. Притом в том, мною “придуманном” ряду, который от отменившего Россию П. Я. Чаадаева и заменившего собою Россию “николаевского” Пушкина — к А. Платонову и О. Э. Мандельштаму.

Мы вестернизируемся, уходя от Цели и не дотягиваясь до содержательных, человеком и его повседневностью определяемых (и измеряемых) задач. (То, что мы именуем реформой, на нее не тянет, поелику под копирку, архаична в самом дурном смысле.)

Еще раз: Цель — это то, что недостижимо, если оставаться в пределах наличных возможностей (всех!!). Собственно, как узнать состав и границу этих наличных, не выходя из них — сверх их... Что происходит с обезцеленным человеком? Утрата ПРОШЛОГО!! (Лишь в одной цивилизации прошлое → трагедия. Ситуация Голгофы также не повторяема бесконечно.) У нас — обезцелено едва не всё. Одни ринулись в оргию скоротечных нуворишных задач. Других тянет в реставрацию.

Выход — изобрести сызнова Цель? Либо освоить целину принципиально новых (семантикой etc.) задач»¹⁸⁰.

Ответа Гефтер ждет только от себя, заложника альтернативы. Но может ли ее субъект быть один? Он заносит в блокнотик:

” Центральный пункт в проблеме альтернативы — ее субъект. Может ли быть в единственном числе? “Я” альтернативы подразумевает альтернативное “не-Я”»¹⁶¹.

Задача — сделать идею Мира миров актуальной целью, подобной той, чем некогда стал коммунизм Маркса.

Субъект альтернативы?

Кажется, в Бретани он решил действовать немедленно. Гефтер не желал далее оставаться наедине с записями в блокноте. Чтоб материализовать идею Мира миров и увести Россию с Полигона, ее надо обратить в Страну стран.

” Кому, как не нам, России, стать связующим звеном в Мире, перестраиваемом в Мир миров? В Мир равноразных миров? В Мир творческих, плодотворных и спасительных для человека (я выделяю это) различий? Кому, как не нам, России? С этой точки зрения можете считать меня почвенником, если вам это слово подходит. Я почвенник от Мира миров»¹⁶².

Новая Россия видится ему входом в Мир миров. Решившаяся на само-суверенизацию, она отменит монополярный тренд Pax Americana, втягивая в это дело планету. Конфедеративная реформа оказывалась искомой прото-альтернативой — сценарием расчета с холодной войной. Не для одной только России — для всех! Но кто станет субъектом мирового поворота, кто?

Гефтер понимает, что его Мир миров политически невероятен, как коммунистическое человечество Маркса. Маркс искал и не находил действенного глобального субъекта для коммунизма. Ленин решил проблему, увязав мировой коммунизм с согласием крестьянской России на «черный передел». Мысль Гефтера о действии все чаще возвращается к этому Ленину, автору идеи «Союза стран Европы и Азии».

Острота вопроса в следующем: все происходит в политическом хронотопе 1994–1995 годов в государстве Российская Федерация. А речь

о программе, нацеленной переменить курс Федерации и ее государственное устройство.

Намечалась перспектива борьбы. Историка от нее уберегла смерть.

Военный финал?

Гефтер вернулся домой к началу кавказской войны и слег с инфарктом. В авангарде «революции сверху» шли танки министра Грачева — историка не требовалось знамений, чтоб предвидеть дальнейшее. «Жизнь пошла прахом», — говорил он друзьям.

В середине декабря на первой полосе «Независимой газеты» выходит статья Гефтера из кардиологической клиники. Статья-крик — автор кажется впавшим в отчаянье, но это не так. Он констатирует слабость «запоздалого и уже заведомо обреченного на неуспех отпора чеченской бойне». Уже в декабре Гефтер догадался, что прямой антивоенный протест бесполезен.

” Почему мы оказались столь неподготовленными, позорно бессильными, а когда опомнились, запротестовали, зашумели, и, надо признать, довольно громко... ход событий изменить уже не смогли?»¹⁸³

Гефтер в бешенстве, но внутри зреет догадка: хода обратно нет ни для кого. Сейчас или никогда. Выйдя из больницы перед Новым годом, Гефтер берется действовать.

В подлой войне ему приоткрылась альтернатива — остановить войну общество не сумеет, зато хочет ей воспротивиться. Для прекращения войны рискнет пойти на суверенизацию русских земель и конфедеративной Евразией вступить в небывалый формат Мира миров.

” К незавершенной мысли мы приходим страшным завершенным действием, мы его должны завершить. Завершить. И для этого нам надо восстановить законный, показанный человеку статус сопротивления... Сопротивление, я думаю, одно из коренных свойств человека»¹⁸⁴.

” ...Всю ночь на сегодня бродила мысль о Кодексе гражданского сопротивления — сочетающем порыв с мерой, отказ с альтернативой, лич-

ное достоинство с единением сверх партий и “фракций”. <...> Испытание для интеллигенции. Если не выдержит, это слово надо изъять из всех букварей»¹⁸⁶.

Прежде чем совсем развести, война нас сблизила. Как и я, Гефтер видел Россию в падении, еще обратимом к добру. Гераклитово «Путь вверх и вниз один и тот же» — сердце его теологии. Да, российская интеллигенция ничтожна — а не ничтожен ли Бухарин в камере, все проиграв и развлекая наседку Зарицкого? Да, эта интеллигенция предала все: мир, республику, федерализм, суверенность земель России, опыт десталинизации пятидесятых — семидесятых. Но и Николай Бухарин Сталину отдал не меньше. А любимец Гефтера Андрей Сахаров вручил Берии водородную бомбу (и никогда о том не жалел).

” Сахаров призвал бы к гражданскому сопротивлению, но нет его, а есть тщеславные и умом поврежденные “сахаровцы”¹⁸⁶.

Зарождается его прямое высказывание — гневный *Кодекс гражданского сопротивления*. Кодекс Гефтера — его последняя воля. Он пишет его весь январь 1995-го и правит в феврале, до самой смерти. Кодекс зовет интеллигенцию остановить войну, противопоставив Кремлю движение за Россию — страну суверенных стран.

” Россия как угрожаемая ниша Мира сейчас самая опасная для Мира страна. Идя по этой ниточке, я прихожу к выводу: только став миром внутри себя, русское пространство Евразии может из уже наметившейся “перспективы не быть” перейти в реалистичную “перспективу быть”. Оказав решающее воздействие и на поворот Мира к глобальной “перспективе быть”¹⁸⁷.

Мир миров — цель поворота, а проводник суверенизации — российская интеллигенция.

Кодекс опережения?

Годом раньше я (безуспешно) монтировал непарламентскую оппозицию Ельцину, и мы с Гефтером обсуждали формы сопротивления граждан. И вот в его Кодексе нахожу свой термин.

” УПРЕЖДАЮЩЕЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ — ныне проблема внутри всех проблем. Опоздание опасно и преступно. Иллюзии сотрудничества с хозяевами Кремля на условиях, ими диктуемых, уже вчера достигли степеней регулярного самообмана, сегодня же прямо поощряют обман... Вот почему самая пора учредить Гражданское сопротивление... с открытой публичной дискуссией, итогом которой могли бы явиться концепция ГС и его политический, нравственный кодекс»¹⁸⁸.

Гефтер кидается в бой за Страну стран. Он делает ставку на сохранившийся остаток — «разноравную» содержательность русской истории в интеллигентах. Их он зовет в восстановители суверенной страны.

” Быть может (не исключено!), что в поисках и в судорогах решения этой проблемы — суверенности человека и народа — мы можем еще что-то сказать важное и для других более благоустроенных стран, более благоустроенных цивилизаций, которые сегодня кажутся недостижимым идеалом для нас»¹⁸⁹.

Действуя словом, историк запускает опасный для социума власти процесс. Ситуация провальной войны дает интеллигенту шанс отыграть власть, упущенную в 1991–1993 годах. Год назад я с восторгом приветствовал бы восставшего Гефтера, но теперь не понимал его план. Что изменилось за год? Я нашел новых Слабых — в Кремле. Этим Слабым требовалась помощь, а у меня был проект. Вместо фронтальной атаки на социум власти он предполагал альянс Кремля с интеллигенцией — опережающей станет власть, а не сопротивление ей.

Кодекс политизации?

Ни к чему делать вид, будто Кодекс Гефтера лишь моральная листовка (сам я, впрочем, тогда так думал), — это эшелонированный стратегический ход. Кодексом он вернулся к диссидентской концептуализации политики как силы бессильных. Манифест — катехизис гражданской веры; ненасилие — догма ГС: потенциал его Гефтер намеренно завывает.

” Гигантский по своей потенции феномен антинасилия. Ибо ГС освобождает от массового страха и дает выход энергии суверенности и отпора, направляя ее в русло предметно реализуемой инициативы... влияет на духовный климат, стиль жизни и речевое поведение людей»¹⁹⁰.

«Выход энергии суверенности» — куда? Чьей она станет?

Кодекс перечисляет техники ненасильственного сопротивления, зазывая интеллигента на *«свободные дискуссии; петиции, иные обращения к местным и высшим органам законодательной, исполнительной и судебной власти»*¹⁶¹. Почему-то не упомянуты свободные выборы. И это в январе 1995 года, когда закипала уже кампания по выборам в Государственную думу.

ФЭПа еще нет, но я присматриваюсь к технике избирательных кампаний. Зимой 1994–1995 года, пройдя по кругу знакомых, кто уже в них участвовал¹⁶², я открыл в выборах сцену управляемой истории. То Событие, что без диктатуры продиктует стране новую власть. Не Гефтер ли учил, что *«внутри крупных исторических событий вещи плывут, и начинает совмещаться несовместимое. Событие экзистенциально перерастает в проблему власти, перерастает всерьез»**.

Выборы как будущее событие — опережающая власть Русского проекта, но Гефтер пошел иным путем. Он задумал всероссийский «черный передел» силами интеллигенции.

” ГС стремится к превращению России в добровольный союз территорий и национальных образований, в основе которых лежит договорный принцип... В рамках согласия относительно уровней и форм суверенности, а также делегирования центру необходимого минимума полномочий»¹⁶³.

Кодекс Гефтера — это попытка обратить независимость интеллигента в республиканскую суверенность, постановляющую, что признавать и чего не признавать в действиях российских властей.

Кодекс альтернативы?

Итак, Гефтер предлагает революционный синтез конфедерализации России («страны стран») с идеей Мира миров. В сплаве появилось общее основание События, модератор альтернативы — интеллигенция. Это она мыслится субъектом опережающего сопротивления, выстраивающим новую всероссийскую гегемонию.

---

* Мое внимание на электоральные технологии первоначально обратил Ефим Островский, затем Роман Быков, Александр Малютин и Марат Гельман.

Кодекс Гефтера не обращается к остаткам советской интеллигенции — образованщине он предлагает заново стать народом. Ведь в 1991 году они уже побывали властью, ненадолго и тут же отдав ее другим в надежде, что те за них сделают грязную работу. Интеллигенция Страны стран по Гефтеру — не бывшая советская интеллигенция. Это *мыслящее движение*, вышедшее за черту исторического мира.

Гефтер углубляет понятие опережающего сопротивления. В нем ощущим привкус моей идеи опережающей власти (которую я с ним не обсуждал — боялся!). И если бы он преуспел с развитием идеи Кодекса, Система РФ как техника кремлевского опережения не возникла бы. В этом смысле министр Михаил Полторанин был прав, бросив в адрес Гефтера злобное — «лагерный иврит». Гефтеровская концепция суверенитета не могла возникнуть вне противодействия преступной власти, помыкающей жизнью и смертью человека.

” На это место — место, созданное вот этой злодейской, гигантской властью, впервые распространившей себя на гигантскую территорию и втянувшей себе в русло гигантское количество людей, — не может прийти просто добрая слабая власть. Значит, возникает проблема дефицита доброй сильной власти, какая-то проблема другой пропорции, другой формулы отношения народов и власти...»¹⁶⁴

Гефтер стратегически точен — договорная Федерация предотвращала рецидив холодной войны. Прецедентом был Федеративный договор РФ — подписанный в 1992-м и мошеннически изъятый из Конституции 1993 года. Однако к 1995 году идея договорной конфедерации сошла с языка московской политики. Конфедеративную альтернативу отринули все — от сторонников разогнанного Верховного Совета РФ до радикал-демократов, таких как Сергей Ковалев, Григорий Явлинский и Анатолий Собчак. Холодная война возобновилась на Кавказе, а «голуби» боролись с «ястребами» за близость к Главнокомандующему.

Чертеж Гефтера?

Убежден: только безумная война толкнула Гефтера к его мятежной попытке. Поторопила она и меня. Горючим многих проектов стал катастрофизм той войны. Кавказская бойня приговорила девяностые к смерти, но

кому быть правопреемником? России в обвале Гефтер предлагает шанс развернуться в Страну стран.

Уходя, Гефтер оставил недешифрованную стратегию действий.

” Никто в Мире не вычертит чертеж: для нас без нас. Как ни крути, мы на планете особняком. Мы — маргиналы Мира»¹⁶⁸.

Он предлагает остаткам советской интеллигенции консолидироваться в суверена с мировыми амбициями. Навязав Кремлю отход из Чечни, перевести политику в конфедеративную субъектность Страны стран. Интеллигенции предстояло, закрепив пацифистский консенсус, сформировать страновые земли-субъекты России и встретиться на выходе в Мир. Как инициатор суверенизации земель, интеллигент становится контролером власти, вернув потерянное в 1991–1993 годах главенство. Кодекс гражданского сопротивления — вот Гефтеров Русский проект.

На мой тогдашний взгляд, Гефтер предлагал слишком долгий путь к власти, и я срезаю угол. Война — повод интеллектуалу стать необходимым власти — и мотив для Кремля вступить в альянс. Кратчайший путь — облечь команду Кремля в имаго-силовой экзоскелет из интеллектуалов, журналистов и технократов, опережающий врагов медиакратической вертикалью.

Впрочем, и идея темпорального сжатия исходила от Гефтера.

Русский Манхэттенский проект?

Гефтер неизменно нацеливал на критичность темпов в политике. После октябрьских расстрелов он сам раздражил мое нетерпение, ссылаясь на катастрофичный хронометраж.

” Сгусток сегодняшних проблем России — **время, сроки**. Время, нужное для познания тупиковости... фазы (1992–1993) частичного... разрушения укладов жизни, в такой степени сросшихся с “Системой”, что глобальный отказ от них... ведет к расчеловечиванию навыворот. Жертвой которого становится не только слабый, но и удачливый, сильный. Срок, таким образом, — заново в субъектах перводействия. <...> Обратный путь... не может не быть возвратом России в Мир внут-

ри себя. Срок — субъект именно этого действия, предельно сложного, чреватого рецидивом планетарной холодной войны»¹⁶⁶.

Во мне это обостряло истерику нехватки сроков: временное окно выживания нации сужается, надо успеть выиграть время для альтернативы. «Рецидив планетарной холодной войны» в девяностые означал бы коллапс РФ. Раздражение Запада зверствами армии на Кавказе росло, грозя России югославскими карами. Если Запад выставит Москве ультиматум, регионы кинутся врассыпную.

Идея срока-субъекта питала кошмар ультиматума — почему его ждать не прямо завтра? Потому что на Западе еще нет (просчитанного логистически и финансово) проекта, как быть с Россией без государства. До тех пор «мир без России?»¹⁶⁷ слишком опасен для Запада... и опять Гефтер соглашался — да, только масштаб пока защищает нас.

” ...Несоразмерные пространства России пока ее защищают. Методику войны в Заливе к нам не применить — значит, найдут другую методику. Мы вступаем в новые времена, когда Мир будет сосредоточен в чьих-то руках. И где тут международное право? Совершенно другое существование: то-то и то-то вам не позволено! Но по отношению к нам придется подобрать другую процедуру: все же Россия не Ирак. Может быть, Югославию Европа еще сумеет остановить, взяв за глотку. А нас кто остановит?»¹⁶⁸

Ликвидация колоссальной РФ означала мегацель, для которой в мире Pax Americana *пока* не было масштабного мегасубъекта. Это задавало лаг, внутри которого ультиматум не будет предъявлен. Успев укрепить Кремль хоть внешне, Русский проект отклонит Запад от репрессалий.

После капитуляции Югославии перед НАТО в 1999 году «лаг» означал тающий срок на ручную сборку имаго-силовой контрмашин проекта «Премник». И в марте 2000 года, ночью победы Путина я поднял тост за «русский Манхэттенский проект», с которым Кремль успел буквально в последний час. С Путиным пришло усиление если не власти, то ее имиджа. Я счел, что риск ультиматума ушел навсегда*.

* Триумфом Русского проекта в 1999–2000 годах можно было гордиться только по недомыслию. Труднее и рискованнее была альтернатива Страны стран. Зато миллионы бенефициаров противоальтернативы всего только следовало привести на избирательные участки, объявив путинским большинством.

Слабые навсегда?

Рассматривая сходные ситуации применительно к советскому и европейскому левым обществам тридцатых, Гефтер не оставлял им шанса спастись, кроме радикально-теологического. Выхода на краю гибели, через сопротивление перевооруженных Слабых.

” Слабость человека в какой-то момент легла на чашу весов, и, легкая, она перетянула чаши, где была сила и собрались сильные люди. Но слабость несла предчувствие выбора. Выбор тридцатых не мог быть сделан в среде сильных сильными людьми. Чтоб явились люди выбора — дерзкие, нравственно упорные, перешагивающие через ложь, — должны были подать тихий голос и уйти в небытие слабые»¹⁶⁹.

Но в РФ девяностых слабые выжили. А выжив, отказались уйти.

Откуда вообще берется проект *Фонда эффективной политики* как экстерриториального политического оператора? Из попытки воплотить идею «мыслящего движения», ведущего Россию субъекта, — идею, заложенную Гефтером и в предсмертный Кодекс. Проект Фонда сужал «интеллигенцию действия» до команды из нескольких десятков человек в верхах. Там и развернется драма человеческой слабости.

Слабые люди вооружаются инструментами превосходящей силы — и их команда власти сама превращается в форс-мажор. Сгусток организационной воли окружен передовыми техническими оболочками, но себя ими не связывает. Возникает центр государственной власти, не связанный законами государства.

Слабость Российской Федерации стала источником власти. Преодоление слабости вело к переоборудованию аморфного «социума власти» аппаратурой медийного и финансового прогресса. Упреждающая власть спаялась с глобализацией, и возникло событие «неимперской империи» — слабая государственность, идущая пиратским курсом. Даже закат однополярного мира не воскресит альтернативу Мира миров, заблокированную рецидивом холодной войны.

Сибирский выбор?

Погибшие альтернативы недоказуемы. О многом говорит разброс позиций у интерпретаторов Мира миров. На Вторых Гефтеровских чтениях осенью 2019 года (проводимых Михаилом Рожанским в Иркутске) мы работали с известным текстом Гефтера «Десталинизация»¹⁷⁰. Отталкиваясь от первых строчек текста («Десталинизация — освобождение от наследства Сталина и сталинизма»), участники предложили две непримиримые трактовки «освобождения от наследства» — и тем самым две программы учреждения Мира миров.

Одна (Константин Гаазе) предлагает «освобождение от наследства» читать в смысле *отречения* — юридической процедуры русского наследственного права (дореволюционного). Объектом защиты здесь являются не индивидуальные права наследника, а права рода, и для отречения требуется публичный акт разрыва всех связей с родом. В таком случае актом десталинизации род «советское общество» прекращает существование, и впредь некому заявлять исторические права на Победу 1945 года и полет Гагарина. Зато распавшийся на «жизнепоказанные различия» род вправе себя реконструировать в Россию как «страну стран» — «Союз суверенных различий Евразии» — *Русский мир в составе Мира миров*.

Но возможна совершенно другая трактовка. Андрей Тесля предположил, что Русский мир можно учредить без отречения от наследия рода, но через полное его обретение. Для этого придется заново овладеть всей расширенной массой наследия, и сталинизм, утерявший центральное место в нем, более не тематизируется как летальная патология. Он лишь тяжкое обременение, воспринятая часть наследия, но только часть! «Жизнепоказанные различия» тут не основа суверенизации в государственно-правовом смысле, а источник трагичного разнообразия рода советских людей в уделе рода человеческого. Такая трактовка близка пониманию Гефтера, но и первой он не был чужд:

” Только покаяние за своих — это покаяние. Одно дело — покаяться во имя победы над чужим, а другое дело — покаяться во имя устранения прежнего себя»¹⁷¹.

Наложение тотализирующего политического на партикулярное социальное, формы интеграции сообществ — ключевая проблема XXI века. Речь

не про границы, не про таможеню. В каких рамках коммунитаризм совместим с защитой прав личности? Своеобразие локусов с новыми универсалиями — безопасностью, global warming, неравенством? Возобновленная память о нестерпимом зле — с духом исторической амнистии? Мир миров Гефтера еще ждет своих герменевтов и, конечно, политиков. Здесь лишь неуверенный абрис его проблематики.

Ульянов, он же Гефтер?

Уходящий Гефтер боялся, что конец человеческого рода подступит изнутри живых человеческих особей выветриванием их человечности (здесь перекличка с идеей Баумана об адиафоризации* — дезэмоциализации современных людей).

” Мир стал опасно тесным для людей. Не в смысле плотности населения, а иначе тесным. Биологии известны трудности нарушения оптимальных условий сожительства вида. И выход я вижу в том, чтобы Мир стал связным, но не-единым. Не расчлененным, не только лишь варибельным и филиальным Миром. Стал Миром, где составные части сами будут **мирами** — чем-то целым, проекцией этого целого! Но проекцией со своим уникальным человеческим, цивилизационным лицом. И в отношении России, я полагаю, нам, русскому Миру, тоже предстоит стать всего лишь одним из **миров**... Но миров!!»¹⁷²

Михаил Гефтер заканчивает жизнь политической акцией, неподвижной и спонтанной, — какие и порождают Событие. Заметил он сходство своей попытки с импровизацией Ульянова на II съезде Советов в октябре 1917-го? Историк так увлеченно рассказывал, как Ленин идет к трибуне,

---

* Адиафоризация — искусственная ценностная нейтрализация мыслей и поступков, ведущая к отказу от обязательств перед происходящим. Збигнев Бауман пишет: «Помимо провозглашения ценностной нейтральности, она производит исключение на основаниях нерелевантности — постулирует... невозможность сделать вклад в успех или провал этой деятельности и, как следствие, отсутствие утилитарной ценности, в конечном счете никчемность. В таком случае адиафоризированные объекты утрачивают значимость... их не столько презируют или ненавидят, сколько не замечают и не учитывают». Бауман описал здесь безальтернативный режим в его зените. Переоснащение идет за счет исключения «лишних». Эту поведенческую тактику питает вера в отсрочку неприятного решения, что Гефтер отвергал в принципе. Но ведь и он сам в конце восьмидесятых доверился ходу событий, успокоенный надеждой на «движение, правильное в целом». Тут можно разглядеть мощь адиафоризации, которая затем стала трендом — и мандатом на силовые действия власти.

ощупывая в кармане не свой текст эсеровского наказа о земле, который и зачитает. Так я вижу самого Гефтера на Сретенье 1995 года. Как Гефтер, Ленин импровизировал программу, еще неясную самому. Как ленинская, Гефтерова программа конфедерализации задевала сразу все стороны жизни в России. Подобно «черному переделу» 1917-го, импровизация Страны стран обращала русскую вспышку суверенитетов в сокрушительный вал Мира миров — вопреки слабости сил страны в тот момент.

Михаил Гефтер шел передать власть образованному классу России ради учреждения конфедерации русских стран. В проходе его ждала смерть, а его идеями завладела противоальтернатива Русского проекта.

Ужасающе сильная кода! Инфаркт на пороге цели перед началом схватки, почти наверное безнадежной. Историк не познал безразличие читающего класса в ответ на свой вызов — но ведь он попытался! Михаил Гефтер вышел из строя, а Россия осталась, где была, быстро откатываясь назад. Ее катастрофа не только русская — она в сорванной альтернативе Мира миров.

” Мир миров — не страничка в биографии и больше даже, чем глава. Попросить, чтоб написали в некрологе: “Он считал, что ради этого остался в живых”»¹⁷³.

Примечания

1. Слабые. Ч. 1.
2. Коллинз Р. Золотой век макроисторической социологии // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 1998. С. 84.
3. Гинзбург К. Сыр и черви. М.: РОССПЭН, 2000. С. 39.
4. Ленин В. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // ПСС. Т. 1. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 419.
5. Слабые. Ч. 1.
6. Запись разговора с М. Гефтером, 22.01.1993 // Архив автора.
7. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Архив автора.
8. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, ноябрь // Архив автора.
9. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Европа, 2015. С. 325.
10. Гефтер М. Я. Из записей к «Апологии Человека Слабого», 1994, май — август // Архив автора.
11. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. С. 326.
12. Запись разговора с М. Гефтером // Архив автора.
13. Запись разговора с М. Гефтером, приложение 13.
14. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. С. 330.
15. Запись разговора с М. Гефтером // Архив автора.
16. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, октябрь — ноябрь // Архив автора.
17. Запись разговора с М. Гефтером, начало 1993 г. // Архив автора.
18. Там же.
19. «...Пусть жестокий, но компромисс...» (диалог с Михаилом Гефтером) // Караулов А. Вокруг Кремля. Книга политических диалогов. М.: Новости, 1990. С. 453–454.
20. Запись разговора с М. Гефтером, 1992, б. м. // Архив автора.
21. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Архив автора.
22. Д'Онт Ж. Гегель. Биография. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 194.
23. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Архив автора.
24. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. // Архив автора.
25. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Архив автора.

26. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. // Архив автора.
27. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. // Архив автора.
28. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. С. 325.
29. Гефтер М. Я. Эхо Холокоста / Ред. и сост., автор предисловия Е. Высочина. М.: Российская библиотека Холокоста, 1995. С. 236.
30. «Все мы заложники мира предкатастроф». Письмо Стивену Козну // Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М.: Прогресс, 1991. С. 88.
31. Там же. С. 88–89.
32. Запись разговора с М. Гефтером, 1981, б. м. // Архив автора.
33. Письмо Михаилу Горбачеву (21 февраля 1986 г.) // Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М.: Прогресс, 1991. С. 273.
34. Там же. С. 275.
35. Письмо Михаилу Горбачеву (15 декабря 1986 г.) // Там же. С. 286.
36. Там же.
37. Там же. С. 290–291.
38. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. // Архив автора.
39. Гефтер М. Я. Мир миров. Российский зачин // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. М.: Аргус, 1995. С. 61.
40. Запись разговора с М. Гефтером, 27.10.1994 // Архив автора.
41. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Архив автора.
42. Запись разговора с М. Гефтером, 1992, б. м. // Архив автора.
43. Запись разговора с М. Гефтером, 23.03.1993 // Архив автора.
44. Павловский Г. 1993: элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером. М.: Европа, 2014. С. 262.
45. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Архив автора.
46. Запись разговора с М. Гефтером, 1992, б. м. // Архив автора.
47. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Архив автора.
48. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. // Архив автора.
49. Россия: диалоги вопросов. М.: Утопос, 2000. С. 7.
50. «Все мы заложники мира предкатастроф». С. 88.
51. Запись разговора с М. Гефтером, 1992, б. м. // Архив автора.
52. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, лето, б. м. // Архив автора.
53. Гефтер М. Я. Там, где сознанию узко и больно... М.: КДУ, 2004. С. 137–138.
54. Запись разговора с М. Гефтером, 1992, б. м. // Архив автора.
55. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Европа, 2015. С. 383.
56. Запись разговора с М. Гефтером, 1992, б. м. // Архив автора.
57. Krastev I., Holmes S. The Light that Failed: A Reckoning. Allen Lane Publishing, 2019.

58. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Архив автора.
59. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. С. 359.
60. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Архив автора.
61. Надо ли нас бояться? (Беседа с историком Михаилом Гефтером) // Век XX и мир. 1987. № 8. С. 42–48.
62. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. С. 363.
63. Запись разговора с М. Гефтером, 1992, б. м. // Архив автора.
64. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. С. 363.
65. Там же.
66. Запись разговора с М. Гефтером, 1992, б. м. // Архив автора.
67. Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
68. Гефтер М. Я. Из записей к статье «Апология Человека Слабого», 1994, май — август // Архив автора.
69. «...Пусть жестокий, но компромисс...» (диалог с Михаилом Гефтером) // Караулов А. Вокруг Кремля. Книга политических диалогов. М.: Новости, 1990. С. 448.
70. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. // Архив автора.
71. Павловский Г. 1993: элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером. М.: Европа, 2014. С. 57.
72. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. С. 368.
73. Там же. С. 369.
74. Гефтер М. Я. Эхо Холокоста / Ред. и сост., автор предисловия Е. Высочина. М.: Российская библиотека Холокоста, 1995. С. 53.
75. Письмо Михаилу Горбачеву (15 декабря 1986 г.) // Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М.: Прогресс, 1991. С. 290–291.
76. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. // Архив автора.
77. Там же.
78. Там же. С. 10.
79. Гефтер М. Я. Там, где сознанию узко и больно... М.: КДУ, 2004. С. 133.
80. Гефтер М. Я. Из записей к статье «Апология Человека Слабого», 1994, май — август // Архив автора.
81. Гефтер М. Я. Там, где сознанию узко и больно... С. 135.
82. Там же. С. 133–134.
83. Там же. С. 136.
84. Запись разговора с М. Гефтером, 03.10.1994 // Архив автора.
85. Запись разговора с М. Гефтером, 1992, б. м. // Архив автора.
86. Запись разговора с М. Гефтером, 21.12.1993 // Архив автора.
87. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Архив автора.

88. «...Пусть жестокий, но компромисс...» (диалог с Михаилом Гефтером) // Караулов А. Вокруг Кремля. Книга политических диалогов. М.: Новости, 1990. С. 458.
89. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Архив автора.
90. «Все мы заложники мира предкатастроф». Письмо Стивену Козну // Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М.: Прогресс, 1991. С. 85–86.
91. Там же. С. 85.
92. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Архив автора.
93. Запись разговора с М. Гефтером, 1992, б. м. // Архив автора.
94. Запись разговора с М. Гефтером, 23.02.1993 // Архив автора.
95. Павловский Г. Тренировка по истории. Мастер-классы Гефтера. М.: Русский Институт, 2004.
96. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Архив автора.
97. Павловский Г. Тренировка по истории.
98. Павловский Г. 1993: элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером. М.: Европа, 2014. С. 263.
99. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. // Архив автора.
100. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, май // Архив автора. См. приложение 019 «Достойная тема — альтернатива как философия истории».
101. Бауман З., Донскис Л. Текущее зло. Жизнь в мире, где нет альтернатив. М.: ИД Ивана Лимбаха, 2019. С. 185.
102. Гефтер М. Я. Эхо Холокоста / Ред. и сост., автор предисловия Е. Высочина. М.: Российская библиотека Холокоста, 1995. С. 158.
103. Гефтер М. Я. Там, где сознанию узко и больно... С. 149.
104. Гефтер М. Я. Из записей к статье «Апология Человека Слабого», 1994, май // Архив автора.
105. Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996.
106. «Все мы заложники мира предкатастроф». С. 86.
107. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история и игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Европа, 2015. С. 209.
108. Запись разговора с М. Гефтером, 1992, б. м. // Архив автора.
109. Россия: диалоги вопросов. М.: Утопос, 2000. С. 8.
110. Павловский Г. 1993: элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером. М.: Европа, 2014. С. 254.
111. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Архив автора.
112. Badiou A. Destruction, negation, subtraction — on Pier Paolo Pasolini Graduate Seminar — Art Center College of Design in Pasadena — February 6 2007 // <https://www.lacan.com/badpas.htm>.
113. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Архив автора.
114. Гефтер М. Я. Апология Человека Слабого // Настоящее издание. Ч. 2.

115. Там же.
116. Гефтер М. Я. Из записей к статье «Апология Человека Слабого», 1994, май // Архив автора.
117. Гефтер М. Я. Апология Человека Слабого // Настоящее издание. Ч. 2.
118. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 119–120.
119. Там же.
120. Гефтер М. Я. Апология Человека Слабого // Настоящее издание. Ч. 2.
121. Там же.
122. Там же.
123. Там же.
124. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. // Архив автора.
125. Гефтер М. Я. Апология Человека Слабого // Настоящее издание. Ч. 2.
126. Там же.
127. Кьеркегор С. Несчастнейший. М.: Библ.-Богосл. ин-т св. ап. Андрея, 2002.
128. Гефтер М. Я. Из записей... 1994, декабрь. Это единственное свидетельство о знакомстве Михаила Гефтера с лубянским транскриптом найдено Еленой Высочиной и опубликовано ею в малотиражном буклете «Россия: диалоги вопросов» (М.: Утопос, 2000).
129. Гефтер М. Запись из папки МИР МИРОВ, фр. 2 // Из архива автора.
130. Гефтер М. Я. Из записей к статье «Апология Человека Слабого», 1994, май — август // Из архива автора.
131. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Из архива автора.
132. Гефтер М. Запись из папки МИР МИРОВ, фр. 1 // Из архива автора.
133. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. // Из архива автора.
134. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. // Из архива автора.
135. Запись разговора с М. Гефтером, 23.02.1993 // Из архива автора.
136. Россия — диалог вопросов, 29.
137. Гефтер М. Запись из папки МИР МИРОВ, фр. 7 // Из архива автора.
138. Гефтер М. Запись из папки МИР МИРОВ, фр. 6 // Из архива автора.
139. Гефтер М. Запись из папки МИР МИРОВ, фр. 5 // Из архива автора.
140. Гефтер М. Запись из папки МИР МИРОВ, фр. 19 // Из архива автора.
141. Гефтер М. Запись из папки МИР МИРОВ, фр. 18 // Из архива автора.
142. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, лето // Из архива автора.
143. Гефтер М. Запись в блокноте, 1994 // Из архива автора.
144. Там же.
145. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. // Из архива автора.
146. Гефтер М. Запись из папки МИР МИРОВ, фр. 4 // Из архива автора.
147. Там же.
148. Россия: диалоги вопросов. С. 77.

149. Там же. С. 85.
150. Гефтер М. Запись в блокноте «Бретань» // Из архива автора.
151. Там же.
152. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, ноябрь // Из архива автора.
153. Гефтер М. Запись в больничном блокноте, 1994, декабрь // Из архива автора.
154. Там же.
155. Там же. Запись 13.12.1994.
156. Запись разговора с М. Гефтером, 1992, б. м. // Из архива автора.
157. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история и игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Европа, 2015. С. 360.
158. Гефтер М. Я. Кодекс гражданского сопротивления // Gefter.ru. 16.05.2012. <http://gefter.ru/archive/4423>.
159. Гефтер М. Из блокнотов 1993 г., б. м. // Из архива автора.
160. Гефтер М. Я. Там, где сознанию узко и больно... С. 155.
161. Там же. С. 153.
162. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. // Из архива автора.
163. Гефтер М. Я. Там, где сознанию узко и больно... С. 152.
164. Гефтер М. Запись из папки МИР МИРОВ, фр. 18 // Из архива автора.
165. Письмо М. С. Горбачеву (17 января 1990 г.) // Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М.: Прогресс, 1991. С. 447.
166. Гефтер М. Я. Эхо Холокоста / Ред. и сост., автор предисловия Е. Высочина. М.: Российская библиотека Холокоста, 1995. С. 234.
167. Graham (jr) T. World without Russia? Proceedings from Jamestown Foundation Conference, Washington, DC, June 9, 1999 // Carnegie Endowment for International Peace. <https://carnegieendowment.org/1999/06/09/world-without-russia-pub-285>.
168. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. С. 362–363.
169. Там же. С. 210.
170. Десталинизация // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 394–401.
171. Запись разговора с М. Гефтером, 1992, б. м. // Из архива автора.
172. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, ноябрь // Из архива автора.
173. Гефтер М. Запись из папки МИР МИРОВ, фр. 6 // Из архива автора.

Михаил Гефтер. Апология Человека Слабого*

В истории бывают моменты, когда игнорировать факты бесчестно для человека, считающего себя интеллигентом, потому что интеллигентность, подающая в отставку при первом удобном случае, дискредитирует само это понятие.

Микеланджело Антониони

Я — не христианин. Но у меня есть свои странности.

Николай Бухарин

Начиная с предыдущего номера, «Российская провинция» ввела рубрику «XX век: личности, события, документы». Открылся он текстом Всеобщей декларации прав человека. Что может быть обоснованнее! Всемирная декларация прав человека 1948 года — документ выдающийся в своем роде, трудно сравнимый с другими по содержанию, единственный в смысле своего воздействия на поведение людей, как и в своей неисполненности. Страшно произнести — единственный в своей неисполненности...

Выбирая следующий документ, многим другим предпочел я писанное от руки обращение лубянского узника Николая Бухарина накануне большого судебного процесса правотроцкистского центра к Иосифу Сталину. Почему выбрал именно это письмо человека, ринувшегося к собственному поражению, к самооговору, капитуляции на грани смерти? Что, я уравниваю эти документы по значимости? Что — полагаю их в равной степени выражающими лик эпохи, дух и плоть столь разномастного столетия, единого,

---

* Опубликовано впервые в сокращенном виде в журнале «Российская провинция» (1994, № 5).

пожалуй, лишь в своей трагичности века-добытчика и растратчика, века-обретателя и века-уничтожителя, века-жертвы и века-палача?

Избранный мною документ, как я полагаю, являет истекающее столетие в его загодя предваряющем окончании, исчерпании, в незримой, подспудной, индивидуализированной форме подытоживания. Даже больше! Публикуемое ниже — своего рода сигнал: конец века есть вместе с тем исчерпание и окончание истории, что двигалась сильными людьми, которые обладали большой энергией вмешательства-вторжения в обычный ход вещей с перелицовкой их в короткие сроки, тем самым ввергаясь в переназначение человеческой жизни, без оглядки на жертвы, за это плаченные...

Это письмо для меня не просто эпистолярный эпизод обращения человека к человеку же, но многомерная голограмма века. Голограмма, в которой при определенной игре света четче выявляются и контуры моей собственной жизни.

Раннедетское воспоминание больно врезалось в память. В доме напротив убивали человека. Он истекал кровью и, с трудом дотягиваясь до первогоэтажного окна, стучал в него, — но ставни не открывались. Утром мы, мальчишки, выскочили на улицу и первое, что увидели, — кровавый след человеческой руки на так и не растворившемся окне. Тогда внезапно — со страхом и тоской — пришли ко мне по-взрослому строгие мысль-чувство-сомнение: распахнул бы окно я? И почудилось отчего-то, что не открыл бы. Я пережил это, вопрос-наваждение ушел, но не до конца — в тайниках души застрял, определяя с тех детских пор многие поступки, в том числе и те, которых не стыжусь.

Есть и другой резон. Документ этот и его автор, давно умерший, и я, еще живой, принадлежим миру, которого уже нет. Нет его, но кто-то от него сохранился, и именно ему необходимо, преодолев нечто мучительно трудное — в речи-слове, в самовыяснении и в объяснении с другими, в попытках диалога с теми, кто сейчас вступает в жизнь, — рассказать о ТОМ МИРЕ, КОТОРОГО БОЛЬШЕ НЕТ. И о том человеке, который в очень существенной степени представлял его и такую его подспудно важную, фундаментально определяющую сторону, как СЛАБОСТЬ...

С человеческой слабостью смыкается тема зла как не востребованного добра, которая на самом деле и слабость, и предчувствие того, как человек может справиться с сокровенными проблемами своего существования — то есть сохраниться как человек, минув любую силу. Этой слабо-

стью он сказал нечто, к чему схватившиеся в противоборстве силы не могли прийти собственным ходом и исходом противоборства. Отметившись собственной слабостью, человек протянул руку тем, кому еще предстоит жить.

Вот почему так важна летопись невостребованного добра, которое идет навстречу злу, а в какой-то момент, отклоняясь в сторону, рождает еще не ведомый отпор ему, проистекающий из таких глубин человеческого существования, которые возвращают к самым первым шагам. К тому, кто первый свою слабость стал одолевать словом, к тому индивидуалисту, абстракционисту, к тому пещерному мазиле. Возвращаясь и возвращаясь туда, выходит вдаль, к тому моменту, где прекращение рода человеческого, может быть, еще исключено. Исключено тем, что таилось в глубинах Человека Слабого, — статус-кво развития, обыкновенность перенацеливания, не меняющая хода жизни, а наполняющая собою этот обыкновенный, будничныи ход.

А дальше? Продолжение ждет сомасштабных свидетельств, одухотворенных чаяниями людей и вместе с тем не чуждых грешной земной повседневности. Что ж, задача исполнимая. Не придется далеко уходить от того, что тревожит сегодня и вводит в круг проблем, решение коих нельзя откладывать, хотя как их решать — неясно. ПОКА НЕЯСНО ИЛИ ВООБЩЕ? Прошлое питает и мрачные прогнозы, и оптимистический активизм, но также нечто третье, в котором горечь и надежда соседствуют в споре, домогаясь равного голоса, — и не в этом ли искомом равенстве (где еще?) коренится смысл современности, столь очевидный и столь неподатливый?

Замиренные конфликты, погасшие после долгих и трудных переговоров очаги вражды, рукопожатия, что со столбцов газет прямоком — в разноязычный планетарный календарь: много это или мало, пролог либо запоздалый паллиатив? Нет готовых рецептов, но есть высокие предостеты. В памяти Второй ватиканский собор (1965), папа Иоанн XXIII, пафос веротерпимости, акция примирения церкви с былыми, многовековой давности, ее отлучниками. А рядом нобелевская речь Андрея Сахарова, написанная им в домашнем российском изгнании, его призыв к устойчивой, не на день порожденной историей.

Недолго ждать, читатель. Публикации эти на подходе. Однако что-то удерживает, тянет погодить с ними, пропустив вперед иную тень. Ибо наше столетие не только в ризах и терновых венцах. Ему в самую пору то ли «эллинское зрелище-прозрение с гибельно свободным героем, то ли театр Шекспира, в котором Время открывается человеку лишь в разломах, утра-

тах его. Разве мы не ТАМ? Разве столетие наше не изобилует небезвинными Жертвами и «злодеями развития»? Разве не исполнено страшной нарочитостью благих намерений — в одной Упряжке с параличом воли перед лицом их непредсказуемых следствий? Взлетами поспешествующее движение вниз. За счет ума, гигантски раздвинувшего свои пределы, утрачивая мудрость.

Но не до конца же... Да, хочется верить — не до конца. Да, вероятно, еще не все потеряно. Вдруг сдастся упрямый термояд, предотвратив холодную и голодную развязку после растраты источников энергии, которыми одарило людей мироздание. А диалог разных способов жизнедеятельности вызовет человека и из оскорбительной нищеты, и из недурно оплачиваемой «безработной» праздности, тем самым и нашу среду обитания оградив от неостановимой разрухи. Того и гляди, начнется заселение космоса и отступит угроза переизбытка во вновь появляющихся на свет единичных представителях рода, что именуется себя «разумным».

Впрочем, правомерно ли это определение? Не столько даже опровергаемое нынешними землянскими деяниями, сколько достаточное ли, если держаться *гипотезы неисключенного спасения*? Все-таки не метеоритного камнепада (раньше иного досрочного исхода) стоит страшиться нам. Страх сеем сами. Страх, который домогается, чтобы все были одинаковы в нем — столь же новом, сколь и первозданном. Не он ли гнал предпредков друг от друга, обживая ими континенты?.. Дети страха, одолевающие страх и воссоздающие его, суть люди. Множество, какое держится тем, что каждый в отдельности бессилен и одновременно таит в себе большее, чем все. Не в эмбрионе ведь (как ни властна наследственность), а в самопревращении — личность. Хрупкая, неистребимая, чья жизнь — миг, который «вечность».

Этого ли не хватает в термине, в квалификационном ярлыке Homo sapiens? Пожалуй. Излишне велеречивое и оттого самодовольное оно — sapiens. С притязанием на верховенство если не во Вселенной, то по меньшей мере на Земле. С заявкой на перст указующий, им отвергая слабость — постыдную (как иначе?!). А между тем чем был бы Мир, минуя слабость? И удержался бы МИРОМ, ежели бы не Человек Слабый и та кровность его людям (всем!), которая не то чтобы выделяет его первенством в совестливости, во взаимной человеческой вырубке; если и есть это, то все-таки производным. Первично же Слово, сделавшее возможными собственно человеческую Разность и только человеческое Понимание.

Дерзаю предположить: в прародителях Слова — слабость, слабый. Спасти бы ему иначе от себя подобных? Соорудить ли связь, на которую затем посягнул сильный? История — схватка их, слабости и силы. С переменным успехом. С неуклонными поражениями первой, но именно поражениями, которые спустя и окольно меняли всех и все на Земле. И каждый такой раз Человек Слабый брал верх тем, что предвосхищал исчерпание речи, которую умыкнула Сила: властная и противовластная, корыстная, злая и изначально праведная, где-то смыкающиеся, нежданно переходящие одна в другую... Слабый же — между жерновами. Оставляя потомкам след-текст и след-запинку, след-немоту. Словесной гибелью — на время — вызволяя самый род человеческий.

И так поныне? Либо сегодня — предел, финал? Кого спросить, кроме зачинателя — Слабого?

...Мне близок он, Человек Слабый. В лицах, в судьбах. Иные из них известны небольшому кругу друзей, другие гремят именами и все-таки остаются неузнанными, даже нерасслышанными.

Вот почему решаюсь предложить читателю документ за номером два в нашей рубрике — недавно извлеченное из архивных кладовых обращение узника «внутренней тюрьмы НКВД» к Иосифу Сталину — письмо Николая Бухарина, датированное 10 декабря 1937 года. Эта публикация прошла сравнительно незамеченной. Поклонников Бухарина она не может не смутить, а ненавистников чем удивишь. Да и к какому жанру отнести документ? Исповедь? Предсмертное покаяние? Предсмертное утверждение невиновности?

В загадку лубянского Бухарина пытались проникнуть — по горячим следам судебной расправы и казни — сильные умы, вчерашние единовольцы, бывшие оппоненты. «Изгой партии изгоев», каким стал, по его собственным словам, Артур Кестлер, уроженец Венгрии, европейский антифашист, выпустил в 1940 году роман «Слепящая тьма», в главном персонаже которого воплощен Николай Иванович Бухарин — не он один, но он прежде всего. Кестлером руководили жизненный опыт и интуиция. Он многое понял, о многом догадался. После него на тему «большого процесса» написаны тысячи страниц на разных языках. А тайна остается. И не только потому, что до последнего времени никто, кроме очередных властителей Кремля, не имел доступа к непосредственным свидетельствам духовной жизни человека, отъятого у добровольной несвободы в целях превращения его в преступное

ничтожество, выставяемое напоказ. Сохраняется тайна еще и потому, что взаперти оказались кричаще несовместные мотивы обреченного человека, который стремился — с равной страстью и с равным безумием — достойно продолжить земное существование, а если не суждено — достойно оборвать его.

Тайная тщета этой бухаринской двоичности еще там, еще с ним. Ее и не разглядишь, пока не отважишься мысленно перенестись в ту Атлантиду, откуда и я. Быть может, этим продиктован мною сделанный выбор документа. Вероятно, сказался и отказ мой «подавать в отставку», когда дело касается мертвых, особенно тех, кто покоится не на кладбище, уютно окаймленном цветами, с четко обозначенными именами и датами рождения-смерти, а в превеликом могильнике, куда помещены в одиночку и грудями разные родом и временем, но соединенные общей судьбою.

Однако я и так уже застрял в своем вступительном слове, успев лишь сообщить читателю, в какой состав моих мыслей и чувств вошел, растревожив их, этот документ. Он, естественно, нуждается в историческом комментарии и в пристальном рассмотрении. Не отказываюсь ни от того, ни от другого. Но прежде чем делиться своими наблюдениями, призываю всех, кто заинтересован, открыть и прочитать его, этот текст, — переводя дыхание, дав зарок воздержаться и от снисходящей милосердности, и от заданной хулы.

Итак, читаем¹.

Весьма секретно И. В. Сталину
Лично

Прошу никого другого
без разрешения
И. В. Сталина
НЕ ЧИТАТЬ

7 страниц + 7 стр. докл. зап.

Иосиф Виссарионович!

Пишу это письмо, как, возможно, последнее, предсмертное, свое письмо. Поэтому прошу разрешить мне писать его — несмотря на то, что я — арестант, без всякой официальнойщины, тем более, что я его пишу только тебе, и самый факт его существования или несуществования целиком лежит в твоих руках...

Сейчас переворачивается последняя страница моей драмы и, возможно, моей физической жизни. Я мучительно думал, братья ли мне за перо или нет — я весь дрожу сейчас от волнения и тысячи эмоций и едва владею собой. Но именно потому, что речь идет о пределе, я хочу **проститься** с тобой заранее, пока еще не поздно, и пока пишет еще рука, и пока открыты еще глаза мои, и пока так или иначе функционирует мой мозг.

Чтобы не было никаких недоразумений, я [зачеркнуто] с самого начала говорю тебе, что **для мира** (общества) я 1) ничего не собираюсь брать назад из того, что я понаписал; 2) я ничего в этом смысле (и по связи с этим) не намерен у тебя ни просить, ни о чем не хочу умолять, что бы сводило [зачеркнуто] дело с тех рельс, по которым оно катится. Но для твоей **личной** информации я пишу. Я не могу уйти из жизни, не написав тебе этих последних [зачеркнуто] строк, — ибо меня обуревают мучения, о которых ты должен знать.

1) Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, я даю тебе предсмертное честное слово, что я невиновен в тех преступлениях, которые я подтвердил на следствии.

2) Перебирая все в уме, насколько я способен, я могу [вспомнить, что — зачеркнуто] в дополнение к тому, что я говорил на пленуме², лишь отметить:

а) что когда-то я от кого-то слышал о выкрике, кажется, Кузьмина³,

но никогда не придавал этому никакого серьезного значения — мне и в голову не приходило;

б) что о конференции⁴, о которой я **ничего не знал** (как и о рютинской платформе), мне бегло, на улице, **post factum**, сказал Айхенвальд⁵ («реб[я] та собирались, делали доклады») — или что-то в таком роде, и я тогда это скрыл, **пожалев** «ребят»;

с) что в 1932 году я двурушничал и по отношению к «ученикам», искренне думая, что я их **приведу целиком к партии**, а иначе оттолкну. Вот и все. Тем я очищаю свою совесть ДО МЕЛОЧЕЙ. **Все остальное или не было, или, если было, то я об этом не имел никакого представления.**

Я на пленуме говорил, таким образом, **сущую правду**, только мне не верили. И тут я говорю абсолютную правду; все последние годы я честно и искренно проводил партийную линию и научился по-умному тебя ценить и любить.

3) Мне не было никакого «выхода», кроме как подтверждать обвинения и показания других и развивать их; ибо иначе выходило бы, что «не разоружаюсь».

4) Кроме внешних моментов и аргумента 3) (выше), я, думая над тем, что происходит, соорудил примерно такую концепцию:

Есть какая-то **большая и смелая политическая идея** генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает [зачеркнуто] а) виновных [вписано сверху], б) [вписано] подозрительных и с) [вписано] потенциально-подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись. Одних обезвреживают так-то, других — по-другому, третьих — по-третьему. Страховочным моментом является и то, что люди неизбежно говорят друг о друге **и навсегда** поселяют друг к другу недоверие (сужу по себе: как я озлился на Радека⁶, который на меня натре-

пал! а потом и сам пошел по этому пути...). Таким образом, у руководства создается **полная гарантия**.

Ради бога, не пойми так, что я здесь скрыто упрекаю, даже в размышлениях с самим собой. Я настолько вырос из детских пеленок, что понимаю, что **большие** планы, [и — зачеркнуто] **большие** идеи, и **большие** интересы перекрывают все, и было бы мелочным ставить вопрос о своей собственной персоне **наряду с всемирно-историческими** задачами, лежащими прежде всего на твоих плечах.

Но тут-то у меня и **главная** мука, и главный мучительный парадокс.

5) ЕСЛИ БЫ я был абсолютно уверен, что ты именно так и думаешь, то у меня на душе было бы много спокойнее. Ну, что же! Нужно, так нужно. Но — поверь — у меня сердце обливается горячей струей крови, когда я подумаю, что ты можешь **верить** в мои преступления и в глубине души **сам** думаешь, что я во всех ужасах действительно виновен. **Тогда** что же выходит? Что я **сам** помогаю лишаться ряда людей (начиная с себя самого!), то есть делаю заведомое **зло!** **Тогда** это ничем не оправдано. И все путается у меня в голове, и хочется на крик кричать и биться головой о стенку: ведь я же становлюсь причиной гибели других. Что же делать? Что делать?

6) Я ни на йоту не злобствую и не ожесточен. Я — не христианин. Но у меня есть свои странности. Я считаю, что несу расплату за те годы, когда я действительно вел борьбу. И если хочешь уж знать, то больше всего меня угнетает один факт, который ты, может быть, и позабыл: однажды, вероятно, летом 1928 года, я был у тебя, и ты [зачеркнуто] мне говоришь: знаешь, отчего я с тобой дружу: ты ведь неспособен на интригу? Я говорю: Да. А в это время я бегал к Каменеву («первое свидание»)⁷. Хочешь верь, хочешь — не верь, но вот **этот** факт стоит у меня в голове, как какой-то первородный грех для иудея. Боже, какой я был мальчишка и дурак! А теперь плачу за это своей честью и всей жизнью. **За это** прости меня, Коба. Я пишу и плачу. Мне ничего уже не нужно, да ты и сам знаешь, что я скорее ухудшаю свое положение, что позволяю себе все это писать. Но не могу, не могу просто молчать, не сказав тебе последнего «прости». Вот поэтому я и не злоблюсь ни на кого, начиная с руководства и кончая следователями, и у тебя прошу прощенья, хотя я уже наказан так, что все померкло, и темнота пала на глаза мои.

7) Когда у меня были галлюцинации, я видел несколько раз тебя и один раз Надежду Сергеевну⁸. Она подошла ко мне и говорит: «Что же это такое

сделали с Вами, Н. И.? Я Иосифу скажу, чтобы он Вас взял на поруки». Это было так реально, что я чуть было не вскочил и не стал писать тебе, чтоб... ты взял меня на поруки! Так у меня реальность была перетасована с бредом. Я знаю, что Н. С. не поверила бы ни за что, что я злоумышлял против тебя, и недаром подсознательное моего несчастного «я» вызвало этот бред. А с тобой я часами разговаривал... Господи, если бы был такой инструмент, чтоб ты видел всю мою расклеванную и истерзанную душу! Если б ты видел, как я внутренне к тебе привязан, совсем по-другому, чем Стецкие и Тали!⁹ Ну, да это «психология» — прости. Теперь нет ангела, который отвел бы меч Авраамов, и роковые судьбы осуществляются!

8) Позволь, наконец, перейти к последним моим небольшим просьбам:

а) мне легче тысячу раз **умереть**, чем пережить предстоящий процесс: я просто не знаю, как я совладаю сам с собой — ты знаешь мою природу; я не враг ни партии, ни СССР, и я все сделаю, что в моих силах, но силы эти в такой обстановке минимальны, и тяжкие чувства поднимаются в душе; я бы, позабыв стыд и гордость, на коленях умолял бы, чтоб не было этого. Но это [зачеркнуто], вероятно, уже невозможно; я бы просил, если возможно, дать мне возможность умереть до суда, хотя я знаю, как ты сурово смотришь на такие вопросы.

б) если [вы предрешили — зачеркнуто] меня ждет смертный приговор, то я заранее тебя прошу, заклиная прямо всем, что тебе дорого, заменить расстрел тем, что я сам выпью в камере яд (дать мне морфию, чтоб я заснул и не просыпался). Для меня этот пункт крайне важен, я не знаю, какие слова я должен найти, чтобы умолить об этом, как о милости: ведь политически это ничему не помешает, да никто этого и знать не будет. Но дайте мне провести последние секунды так, как я хочу. Сжальтесь! Ты, зная меня хорошо, поймешь. Я иногда смотрю ясными глазами в лицо смерти, точно так же, как — знаю хорошо — что способен на храбрые поступки. А иногда тот же я бываю так смятен, что ничего во мне не остается.

Так если мне суждена смерть, прошу о морфийной чаше. **Молю об ЭТОМ.**

с) [зачеркнуто] прошу дать проститься с женой и сыном. Дочери не нужно: жаль ее, это ей слишком будет тяжело, так же как Наде и отцу. А Аня — молодая, переживет, да и мне хочется сказать ей последние слова¹⁰. Я просил бы дать мне с ней свидание до суда. Аргументы тако-

вы: если мои домашние увидят, в чем я **сознался**, они могут покончить с собой от неожиданности [вписано сверху]. Я как-то должен подготовить к этому. Мне кажется, что это в интересах дела и в его официальной интерпретации.

d) Если мне будет сохранена, паче чаяния, жизнь, то я бы просил (хотя мне нужно было бы поговорить с женой)

a) выслать меня в Америку на n лет. Аргументы за: я провел бы кампанию по **процессам**, вел бы смертельную борьбу против Троцкого [зачеркнуто], перетянул бы большие слои колеблющейся интеллигенции, был бы фактически Анти-Троцким, и вел бы это дело с большим размахом и прямо с энтузиазмом; можно было бы послать со мной квалифицированного чекриста и, в качестве добавочной гарантии, на полгода задержать здесь жену, пока я на деле не докажу, как я бью морду Троцкому и Ко и т. д.

Но, если есть хоть атом сомнения, то

b) [либо — зачеркнуто] выслать меня хоть на 25 лет в ПЕЧОРУ или [надписано сверху] **Колыму**, в лагерь: я бы поставил там университет, краеведческий музей, технич. станции, институты, картинную галерею, этнограф. музей, зоо- и фито-музей, журнал лагерный, газету и т. д.

Словом, повел бы пионерскую зачинательскую культурную [надписано сверху] работу, поселившись там до конца дней своих с семьей.

Во всяком случае, я заявляю, что работал бы где угодно как [зачеркнуто] сильная машина.

Однако, по правде сказать, я на это не надеюсь, ибо самый факт изменения директивы февральского пленума говорит за себя (а я ведь вижу, что дело идет к тому, что не сегодня-завтра — процесс).

Вот, кажется, все мои последние просьбы (еще: **философская работа**, оставшаяся у меня — я в ней сделал много полезного).

Иосиф Виссарионович! Ты потерял во мне одного из способнейших своих генералов, тебе действительно преданных. Но это уже прошлое. Мне вспоминается, как Маркс писал о Барклае де Толли, обвиненном в измене, что Александр I потерял в нем зря такого помощника. Горько думать обо всем этом. Но я готовлюсь душевно к уходу от земной юдоли, и нет во мне по отношению ко всем вам, и к партии, и ко всему делу — ничего, кроме великой, безграничной любви. Я [все — зачеркнуто] делаю все человечески

возможное и невозможное. Обо всем я тебе написал. Поставил все точки над і. Сделал это заранее, так как совсем не знаю, в каком я буду состоянии завтра и послезавтра etc. [Ведь — зачеркнуто] Может быть, что у меня, как у неврастеника, будет такая универсальная апатия, что и пальцем не смогу пошевелить. А сейчас, хоть с головной болью и со слезами на глазах, все же пишу. Моя внутренняя совесть чиста перед тобой теперь, Коба. Прошу у тебя последнего прощенья (душевного, а не другого). Мысленно поэтому тебя обнимаю. Прощай навеки и не поминай лихом своего несчастного Н. Бухар [ин — подпись]

Н. Бухарин 10.XII.37

Наблюдения, гипотезы, вопросы к обдумыванию

Первое ощущение — оторопь. Потом, вдогонку и в споре, — горечь и жалость. И тяга посторониться, убедив себя, что ты не он. Ни в синодике с ним, ни в святцах, ни среди вождей, ни среди мучеников.

Однако отторгнуть и даже отделить его не удастся. Здесь он. И ты с ним. В лубянской камере. Декабря 10-го года 1937-го.

На его месте бы... В том и загвоздка: что же оно такое — ЕГО МЕСТО?

Остановимся. Оглядимся. Постараемся понять.

Почти десять месяцев в заточении¹¹. Допросы, уговоры, вербовка в соавторы сценария самого большого, самого сенсационного по замыслу — итогового процесса. Вроде не пытали его... «Меня здесь всячески обхаживают», — в записочке жене (первые дни после ареста). А потом, а ближе к концу, а в преддверии его?

«Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, я даю тебе предсмертное честное слово, что я невиновен в тех преступлениях, которые подтвердил на следствии» (10 декабря 1937 года. Бухарин — Сталину).

«Чудовищность моих преступлений безмерна, особенно на новом этапе борьбы СССР. Пусть этот процесс будет последним тягчайшим уроком, и пусть всем будет видна великая мощь СССР, пусть всем будет видно, что контрреволюционный тезис о национальной ограниченности СССР повис в воздухе, как жалкая тряпка <...> С этим сознанием я жду приговора. Дело не в личных переживаниях раскаявшегося врага, а в расцвете СССР, в его международном значении» (8 марта 1938 года. Бухарин. Заключительное слово на суде).

«Прежний БУХАРИН уже умер, он уже не существует на земле» (13 марта 1938 года. Пространный вариант прошения о помиловании).

Амплитуда развязок — как мала она. Либо бесследный вычерк, либо (для «избранных») публичный процесс, исключая малейшее отклонение от сценария. Ничего хоть отдаленно похожего на Лейпциг 1933-го, где Димитров вселюдно уличал нацистов, только пришедших к власти, в поджоге Рейхстага — рубежной провокации века. И Мир заметил прокурора в наручниках, встал на защиту, откликнулся контрпроцессом.

Там — функционер Коминтерна, а тут — вчерашние лидеры его: Зиновьев и Бухарин. Прежние противники, теперь уничтожаемые по очереди... Почему же удалось это «Хеопсу» (как окрестил Сталина Ромен Роллан в своем дневнике, закрытом на полвека¹²)?

Сработали одни лишь бывшие внутрипартийные ошибки, приучившие к отлучениям, от которых до расправы короткий шаг? Или подсобил также тот мир, все сильнее, все явственнее раскалываемый надвое — «великой депрессией» и наглюющим, преуспевшим нацизмом? Полигон испанской междуусобицы (1936–1938) кроме проверки оружия одарил ярлыком «пятой колонны»¹³. Если в Мадриде (накануне предотвращенного падения его) она затаилась, то отчего не быть ей всюду — подпольной, ждущей своего часа? Везде, особенно же в той стране, что только-только вышла из гражданской войны, да и не вышла, еще жила ею — воспоминанием, привычкой к крови, отказом признать лояльность за норму, требуя от каждого Приверженности и даже ее заменяя Преданностью, что вмещалось и в девиз, и в житейский обиход, сочленяя энтузиазм со страхом, а страх с тайною. Разве не логично было предположить, что в поисках агентов и кандидатов в коллаборационисты фашизм найдет у нас готовую к сотрудничеству среду, и немалую притом?

Знаем теперь, что отечественная «пятая колонна» — миф, который, однако, не чистая выдумка. Ибо изготовленный дома, он затем достигал человека и оборачивался (внутри него) верой в повсюдность измены, как и в непременность кары — в виде чистого листа бумаги, ждущего лишь имен.

...Пролог — год 1928-й. Сталин изыскивает поводы, дабы возвести действительные разногласия в «правый уклон», уже названием приговоренный к осуждению и запрету. Бухарин со своими единомышленниками — Алексеем Рыковым, Михаилом Томским, Николаем Углановым — контратакует. Коренной сюжет — деревня, середняк, товарный хлеб для нужд Индустриализации, «смычка» мужика с рабочим и ее судьба — рикошетом в советскую власть, которая вторюю (за комбедами) хлебной войной пре-

вращается в фикцию. Но пока — тяжба в кремлевских коридорах, схватки на цековских пленумах. Что возьмет верх — довод, цифра или «военно-коммунистический» норв? Роковой просчет Бухарина-лидера — апелляция к вчерашним «уклонистам». Событие, до сих пор рождающее споры: встреча (встречи?) его с Львом Каменевым, сделанная последним и с разных сторон пущенная в ход запись. Из нее фрагмент, заглядывающий в завтра. Бурный Бухарин негодует по поводу сталинской игры в популярность за чужой счет. «Он [Сталин] предлагал ни одного расстрела по шахтинскому делу (мы голосовали против)»¹⁴. «Правые», стало быть, за расстрел. И чем побуждаясь? В пику Сталину? Блудя в чистоте заповедь классово-борьбы? Или это описка каменевская и даже придумка? Сомнительно. (И не скажешь ведь, сардонически усмехаясь: такие уж они — все на подбор живоглоты, все — в покрывателях и наставниках Шариковых, коим несть числа. Нет, тут за привычностью имморализма — контур Выбора. И поведение — разнопо-роговое. Пороговое, но разно...)

Потому симптоматичен контекст. «Шахтинский» разлад, согласно записи Каменева, вклинивается в проблемы внешние. В одну сторону, догоняя друг друга: «выгон Коминтерна из Кремля» и общее суждение — «вовне Сталин ведет правую политику». Термины петляют, путая нас на расстоянии десятилетий. Правые без кавычек — что сие? Консерваторы от большевизма — против неискоренимо чистопородных левых?! Ближе к этому — Томский (в бухаринской передаче): я правее тебя, Бухарина, в международных делах на 30 километров, а левее Сталина — на 100... Лев Давидович, возра-дуйтесь! Но алма-атинский изгнанник и слышать не хотел о союзничестве с бухаринцами.

А Сталин, он и в самом деле трезвел и правел¹⁵? Исключим неправдоподобное — миротворца всерьез и надолго. Поставим, однако, на это место не просто солиста каверз, а мастера масштабной интриги, который неумоимо плетет сеть из густых ячеек искоренения, перемежая их уступками, всякий раз двоякими... Утихомирить Запад неожиданным отказом от расстрела угольных «вредителей»? Почему бы нет. А заодно (либо вперед этого) игрой с демократами прикрыть неокончательную, эшелонированную расправу со «спецами» ради превращения их в рьяных исполнителей раз навсегда (он-то, Сталин, из первых рук знал, что «шахтинский» эпизод зиждется на вымысле, как и последующее, еще более громкое дело «Промпартии»).

«Линия губительная», — выговорился Бухарин Каменеву. «Потрясен он [Бухарин] чрезвычайно. Порой губы прыгают от волнения. Порой производит впечатление человека, знающего, что он обречен». Как не посочувствовать, ведая финал! Как не согласиться: в самом деле, губил — тот, предназначенный в губители. Но что именно шло — с ним — ко дну? Гражданский мир — залогом продлеваемой «мировой революции»? Или она сама, теряющая без возврата нэповскую подстилку? Либо так оно (еще?) не выговаривалось, а стало быть, и не домысливалось, запрещало себе домысливать — в среде тех, кто, вдохнув в одночасье озон всемирного освобождения, в буднях задышался недостатчей кислорода.

Ах, эта треклятая роль личности в истории, которая как раз не в ладах с личностями. Ей, когда гонит она и стопорит Время, рвет напополам эпохи, сподручны не человеческие губы, прыгающие от волнения, а вурдалачьи со следами свежей крови.

Но не о том ведь речь тогда — не об Истории (загадка!), не о Времени (часы без часовщика!). Вековой спор революций с революциями же, спор импровизации с расписанием приливов и отливов. Схватка между самоувековеченьем и самоостановкой (для первого — власть, а для второй — еще большая?!).

Поприще без предела, кроме края обжитой суши. Заветное и междуящее. «Кто кого» — внутри не уживающихся в одной шестой. С геополитической нагрузкой, отдающей имперством не столько в лексиконе, сколько в подспуде конфликтующих мотивов.

Пароль — «Москва, Кремль», а отзыв — «Лубянка».

«Без России, без Латвии» — и головы на державную плаху.

Просмотрел-таки *мирового Кобу* Николай Иванович Бухарин. Да и он ли только? Дли список — с того дня по сей!

Снова и вновь вопрошающее мученье — было ли предreshено ЭТО?

Рубикон ли 1928-й либо нет одного такого, а есть череда кончающих, чтобы начаться, вереница обрывов-эпизодов, оборачивающихся в преддверия.

Назад — в 20-й, 23-й, чтобы потом от 28-го в тридцатые, сороковые. К договорному августу 39-го, открывающего вход 22 июня (которое и без нужды в обозначении года), а от него — сквозь без малого полторы тысячи

дней, перевалив через Девятое мая, в 46-й, 52-й, в холодную войну, все более близко к горячему бесповороту.

Так?

Что-то внутри протестует. Судьба ли принявших первый бой — устный, рукопашный? Моего ли поколения мертвецы, кому бы еще долго жить до решающего прозрения? Те малые «против», что копились, готовя и не доготовивши совместное — **хватит!**?

Странно вроде возражать вопросами, держа перед глазом несчетные руки и клики в поддержку. «Врагов народа — к расстрелу!» И — «Родина зовет!»... Где он, отечественный Бирнамский лес? Из девяностых глядя назад, грешно не сказать: возмездие запоздало. Да еще назовешь ли возмездием сокрушенные монументы и суетливые изобличения задним числом? Обкатанное словцо «реабилитация» оскорбляет слух.

Может, не там ищем выход чувству и мысли (непреренно — и мысли)? Может, связующая нить, нас обходя, тянется от тех, замордованных и истерзанных, к тем предстоящим, кому и возмездие, и покаяние уже недостаточны, ибо наследовать им суждено более простое и более высокое.

Что же?

«Впервые за эти годы на процессах прозвучала человеческая нота. Крестинский — хоть на один день не признал себя виновным. Бухарин до конца отвергал обвинения в шпионстве и убийствах. Какой огромный вздох облегчения вырвался из миллионов грудей, когда мы прочитали о слабой попытке человека защититься перед лицом смерти. Над всеми политическими расчетами и страстями преобладала радость о человеке, о человеческом достоинстве. Вопрос о том, действительно ли насилие всемогуще и человека — скажем, современного человека — можно принудить к чему угодно пыткой, страхом, надеждой — этот вопрос бесконечно важнее того, удалось ли Сталину раздавить еще одного врага».

В эмигрантской «Новой России» — Георгий Федотов¹⁶. Сразу после суда (март 1938-го). Насчет числа грудей, само собой, преувеличил. Куда как меньше, и не только на родине, но и в отвернувшейся Европе: и в той, что была погружена в житейский обиход, и в той, которая все на свете измеряла шансами пресечь Гитлера, прежде других призывая к этому действию легендарного советского «человека с ружьем». Антифашизм не только заблуждался, он внушал себе заблуждение. Откуда бы в таком случае взяться «мил-

лионам»? Но даже если б одна только федотовская чистая душа вздохнула с облегчением, то разве не искупился бы этим сговор палача и его жертвы? Ведь был же он, этот неравный союз, без какого не состояться бы «процессу 21» и мы никогда не узнали бы, что Николай Крестинский дерзнул полным непризнанием¹⁷, а Николай Бухарин, принявший на себя всю ответственность за предводительство в несуществовавшем «правотроцкистском центре», упорно отказывался назваться причастным к «намерению» умертвить Ленина в 1918-м и Горького в 1936-м, к убийству Кирова, еще к смертям — Куйбышева, Менжинского, Максима Пешкова, к службе в иностранных разведках.

Так выходит — стоило ради этого отказа поступиться тем, что все равно бы отняли у него, — политической, гражданской репутацией? «Во имя радости о человеке» подтвердив версию об изменнике, таящемся отроду в человеке же, о готовности каждого преступить через любое? Каждого из тех, кто пусть один раз изменил догмату, или даже не изменил, а, напротив, ради верности ему покусился на единственность его истолкования, или вообще не отступал и не покушался, всего лишь хотел с пользой для всех распорядиться сообща добытым (и несчетными жизнями оплаченным) триумфом... Итак, куда ни кинь, все тот же клин: без признания нет помоста, а без помоста этого кто узнает, что из лубянских наветов таки отверг — один, два, три, и из всех черных пятен сподобился смыть самые для него невыносимые?!

Русский в Париже был слишком честным и слишком сильным мыслителем, чтоб не поставить под сомнение свою начальную реакцию, чтобы не заподозрить подвох, таящийся в жертве. Если воля Бухарина не сломлена, почему он признает себя преступником? Федотов недоумевает, деля заданный вопрос надвое (и затрудняясь в уяснении — исключают ли они друг друга либо взаимно дополняют?). Первый субвопрос: достоверен ли, искренен ли Бухарин в своих «фактических признаниях»? Второй: отчего Бухарин «не перешел от жалкой самообороны к нападению, не разоблачил перед смертью своего и общего врага»? Георгию Федотову явно хотелось, чтоб в бухаринских показаниях (как и в других) не все было наветом, возводимым на себя; он настаивает, что в последнем процессе — по сравнению с предшествующими (1936, 1937) — «гораздо больше элементов правды среди моря лжи».

Ему, служителю Бога, не верилось, что в его России все пребывает в покорстве злодейству. Тонкий ум фиксировал мало-малейшие признаки

недовольства, какое, по его убеждению, не могло не переброситься и в среду коммунистов, притом наиболее влиятельных. «Сталин, который губит всех ленинцев и поднимает флаг русского национализма, должен представляться изменником всякому истинному большевику». А можно ли сомневаться в том, что Бухарин оставался им до последнего вздоха? Но ежели расклад этот верен, проистекая из прошлого, что не могло бесследно исчезнуть, то каким же образом «ленинскую аристократию» и именно в лице Бухарина удалось склонить к капитуляции перед «партийной выскочкой», к содействию сталинской упреждающей расправе над партией? «Значит, все же был сломлен...»

Чем, однако? Он, Николай Бухарин, чем был сломлен? Или — сломил себя?

Заколдованный круг. Как его расколдовать?

Сегодня кажется несложным заместить догадки и недоумения эмигранта выверенными сведениями о том, что же было на самом деле. Но странная вещь: как раз БЫЛО по-прежнему ускользает от нас. Морокою — позавчерашний день, и не деталями, не правдоподобными кусочками, а целый. Достоверный ли — в целом? Или именно в целом — лживый? Либо нет тут вообще однозначия, как и своего fifty-fifty?

Вышинский: А с Караханом вы говорили об открытии фронта?

Бухарин: Карахан сказал, что немцы требовали военного союза с Германией.

Вышинский: А для союзника ворота закрыты?..

Бухарин: Нет.

Вышинский: Значит, открыть ворота?

Бухарин: Простите, но союза еще никакого не было.

Вот оно — главное действующее лицо: НЕБЫВШЕЕ БЫЛО. В допросных листах, на судебных подмостках и дальше, вширь, включая страны, народы. Не банальная фальсификация, не просто подделка. Даже хрестоматийное «министерство правды» с его неустанным переписыванием истории (и не конечного продукта, а первоисточника, исходного документа). Даже не оно. Оруэлловский «ангсоц» все-таки не случайно «анг»: «соц», дотянувшийся до демократической метрополии, до, как ныне принято говорить, «информационного общества». Здесь же, в Москве, дома — могильная

неизменность. Тут метрика пойманного, запеленутого времени — без нужды в розыске действительных предтеч. Тут нуль развития, лишь обнаружение. Замещение помысла умыслом — и на один-единственный лад.

...В самом деле, существовал ли Мартемьян Рютин, тот, что из года от Р. Х. 1932-го, от Октябрьского переворота — пятнадцатого¹⁸? Вроде был. И он, и его «рютинская программа». И «школа Бухарина» была. И встреча их, той программы и этой «школы», — если не непременно совпадение, то близость, и даже, быть может, больше в чувствах, чем во взглядах. Не «фракция», не «блок», а нечто, ищущее еще не опробованное действие, чтобы без Хозяина, но не бесхоз. И бывшие лидеры бывших «уклонистов» не присочинены же ретивым следователем; правда, в подавляющем большинстве покаявшиеся, но стоило ли верить? И отчего бы не предположить, что, обернись судьба вновь капитальной неудачей, протокатастрофой (притом не случайной, а показанной режиму, одной из тех, коими он продлевал себя во времени и пространстве), — вырвись это «пред» из-под контроля — разве все прежние противники упустили бы случай, сомкнувшись самим, объединиться с теми правоверными, кто, спасая себя, вынужденно встанет на путь пересмотра, смягчения, ухода от чрезвычайки? И разве не отказался б использовать эту перемену, подобный сдвиг к слабости, «тот» мир, окрестный и дальний, что приютил беглых «белых» и того же Троцкого с его «перманентной революцией»? А в последнем счете — чему же случиться, кроме как реставрации и, вероятно, не монархии Романовых и не монархии вообще, а реставрации республики Керенского и меньшевиков, которые заново сдадут власть либералам, — и тогда уже не «два мира — две системы», а один, Мир-собственник, Мир-стяжатель и расточитель?!

Этого ли избежали тогда в загадочные тридцатые, либо шло, внешне сходное прелюдией, но по сути — к другому? Скажем так: к социализму с человеческим лицом. А от него (не без него!) — кочеловечиваемой закордонной буржуазности. *К встрече их, к породнению на «ничейном», антифашистском поле...* Шло, но не пришло. Споткнувшиеся о порог — расплатились отчаянием. Трусами. Пеплом. И лишь затем, такой ценой — возрождение. У одних раньше, у других позже. В 1968-м не состоялся, ибо запоздал, да и не мог удержаться, начавшись и оборвавшись в малой стране. А когда стукнулся в дверь «великой», было уже по-другому поздно... Но это спустя полстолетия.

А кто-то еще в развалинах. У кого-то и память — в руинах.

Критическая же точка случившегося — у нас и с нами — все-таки не 1923-й, когда многое предрешалось, и даже не 1928-й с 1929-м, ломавшие судьбы. А те годы, что эпилогом у «великого перелома», если б толчок, другой, третий? Так ведь были толчки, и в большом числе: 30-й, 31-й, 32-й, 33-й. «Ликвидация кулачества» — на базе (!) околхозивания всех, кто на земле. «Региональный» голодный мор — и пик промышленной, урбанистической горячки. В самый разворот — выбраковка человеческого материала. Годные — добром или силою — в дело! Критерий — темп!

Властные же схватки — все чаще под ковром. Малое, великое, жуткое, радующее — смешаны, поелику кругом (пока!) *свои*... Пресеклась жизнь Надежды Аллилуевой, впавший в одиночество Сталин уходит от призраков, меняясь квартирой с кремлевским же обитателем полуопальным Бухариным... Увлекавшийся хиромантией Луначарский, встретив Бухарина с Анной Лариной, будущей спутницей последних лет его жизни, внимательно рассматривает ее ладони: «Помрачнел и произнес вполголоса, обращаясь к Н. И.: “Анну Михайловну ждет страшная судьба!”»¹⁹

Чуяли, готовились?

И да, и нет. Больше нет, чем да. Уходили в сиюминутное, в благоустроенный быт. Пытались заговорить Историю. И она вроде бы поддавалась уговорам. Откликалась не столько даже тоннами и киловаттами, сколько человеком — низовым и верхнеэтажным: потомком, который отныне «не отвечал» за предков; вчерашними «попутчиками», возводимыми в полнокровные «инженеры человеческих душ». И закордонными коммунистами, подводящими стропила под кровлю Народного фронта. Литвиновским «неделимым миром». Конституцией 1936-го, объявившей равными в политических правах всех граждан СССР.

Врозь — будто достаточно этого, чтобы начаться обществу, какое сумеет обратить себя — лицом к разнонаправленным цивилизациям Земли! Именно потому, что *общество*, и оттого, что иначе — *не-общество*... Но каверза из каверз — от «врозь» к целому. Озадачивало ли начавших продолжение? Его вектор, ритм? Или не по зубам это было «Дому на Набережной», красным профессорам в обкомовских кабинетах, присяжным диалектикам, перековавшимся эрудитам? Предмет ли вообще для коммунистического исповедания веры — «обывательская» повседневность, которая, однако, не только не лишена свойств развития, но и способна этому последнему придать новый, добротный смысл?

Жив будешь, коли дашь неестественно дышать другим — прописная вроде истина. Но — истина, и тогда не прописная. Напротив, сложнее сложного. Кругом препоны, в том числе и прежде других — идеальные.

Равенство в свободе — получается? А самоценной свободе не в равенстве ли наречено встретить самого опасного противника? Взамен же того и другого — что? И даже не взамен, а СВЕРХ?

Продуктивное и справедливое неравенство. Человеческое разнообразие в этих подвижных границах. Их — неравенства и разнообразия — взаимная дополняемость. Свобода, что выше «осознанной» (под копирку) необходимости.

Уже не закатного Маркса мысленные тяготы, а предсмертное отчаянье Ленина, теряющего руль и нить. «Предмет» уходит в гонимую ересь, но и в ней не может удержаться. Вот где первотолчок камнепаду — недотянувшаяся (до Выбора!) ересь. Давшая себя обойти, себя принудившая к капитуляции... Еретики — в «обозниках»: памятные слова Кирова, какими открылся 1934-й, катившийся к убийству. Остановить бы! Не удалось. Послушать нынешних, так ясней ясного — и не могло удасться это эпигонам, поелику одним миром мазаны с провозвестниками, с авторами манифестов, с «макиавеллистами правого (истинного) дела» (домарксистская еще формула, от Гракха Бабефа и тех, кто вслед). А может, как раз администраторам-эпигонам, практикующим по прописи и понаслышке, суждено было добратся до спора-сожития свободы в неравенстве, до равенства, питающегося (и ограниченного!) жизнедеятельными различиями? И не где-нибудь пробиться к ним, а на этой самой «одной шестой»? Ибо уже стучались в дверь нужды освоения (систематизации добытого — ими же и теми, кого гнали они без продыха вперед). Еще бы год, другой, третий...

Задним числом — лишь перепутья под толстым слоем невозделанной земли. Их различить ли, продираясь сквозь ритуалы рапортов и обязательств, поражаясь постоянству смеха не к месту и здравницам на каждом шагу? Да и многое ли выудим так? Смотря что ищем. Если подтексты, намеки, аллюзии, то улов невелик. Если же апокриф — безымянный — от еретиков будней, ежели его сподобимся отыскать и прочесть, то будем ближе к цели.

У истоков Слова, которое тем не далось. С ними ушло. Без возврата?

«Вся трагичность моего положения в том, что Пятаков и все прочие так отравили всю атмосферу, просто такая атмосфера стала, что не верят

человеческим чувствам — ни эмоции, ни движению души, ни слезам (Смех)» (26 февраля 1937 года. Бухарин. Выступление на пленуме ЦК ВКП(б)).

«...Мне кажется вероятным, что у каждого из нас, сидящих здесь, на скамье подсудимых, была своеобразная двойственность сознания, неполноценность веры в свое контрреволюционное дело. Я не скажу, что это сознание отсутствовало, но оно было неполноценно. Отсюда происходил известный полупаралич воли, торможение рефлексов <...> Здесь образовалось то, что в философии Гегеля называлось несчастнейшим сознанием» (8 марта 1938 года. Бухарин. Заключительное слово на процессе).

Провидение готовило его в Слабые. Однако он не сразу внял предназначенному. Скорее следовал ему стихийно, сохраняя даже в лидерах ребячливость, какая не покинула его и после, когда, изгнанный с партийного Олимпа, он без заметного огорчения удовлетворился статусом деятельного академика, руководил (под крылышком одного из своих рьяных гонителей, в 1928–1930-м, Серго Орджоникидзе) научно-исследовательским центром тяжелой промышленности, а затем — вслед «съезду победителей»²⁰ и собственной покаянной речи на нем, в которой с ужасом прочитываешь набросок будущего обвинительного акта, пересел в кресло редактора «Известий». И тогда, полный воодушевленного рвения (солидарности с Кобой и его генеральной линией), вновь обрел преимущества журналистской заметности вместе с возможностью, пусть на краткий промежуток времени, оберегать вершинные движения духа (Осип Манделъштам свидетельствует из могилы) — голосом и самим существованием своим «вербуя» строптивцев и индивидуалов. А еще живее брался окультуривать тот миллионноголовый слой «новых людей», рожденных пятилетками, в ком он видел не только залог полноценного социализма, но и ничем не заменимый шанс победы в близящейся схватке с фашистами.

Доволен был? Больше того — счастлив. Временами, правда, его навещали мрачные предчувствия. Начать нужно с бухаринского — «я по-умному тебя полюбил...». За десять лет до того, как Оруэлл скажет о своем герое: «Он полюбил Старшего Брата...» — почти слово в слово. Предсказано. Предугадано. Предначертано. Почему же: «полюбил» и «по-умному»?

Затылком ощущал ненавидящее дыхание человека, которого — повторим эти страшные слова — «научился по-умному ценить и любить». Почему? Хотел примириться со сталинской Россией и понимал, что примирение со всеми, кто в ней, ради всех, кто на земле, — требует любить одного? Того,

кто дал свое имя этой России, кто сумел сделать ее сталинской. До конца? Всю? Особый разговор. Причастный к этому, но все же особый. А мотив, главный мотив — какой? Единство партии? Дисциплина коммуниста? Невозможность противодействовать ей, если она велит даже самое худшее?.. Может быть, это где-то присутствовало в мотивах его поведения, но все же не это было решающим. Решающее называет он сам. Главное, ради чего он согласился участвовать, — Конституция дома и антифашизм на глобусе... Не заметив этого, не разобравшись, не проникнув в эту тайну, мы не только его не поймем — мы тот мир не поймем и тех людей не поймем. Мы никогда не вернемся в ту Атлантиду, куда зовет нас совесть — и наши нынешние напасти, и наше нынешнее непонимание самих себя. Наше непонимание самих себя зовет нас вернуться и к непониманию самих себя, потому что в каждой Атлантиде всегда есть свое понимание, но всегда есть и непонимание, и, если не наследовать его, это значит упустить то, что тебе предшествовало, тебя подготовило, и то, что может тебя спасти, если то непонимание объявишь своим, введешь в себя.

Он, Бухарин, научился — стало быть, учил себя. Каждодневно, хотя, вероятно, и не насилуя свою натуру. К натуре еще вернемся. А пока озадачимся вопросом: чему учился и в последнем счете научился другой? Или ему и не было нужды учиться, лишь оттачивать природный дар мизантропа и интригана, демоническую силу которому придал масштаб, пространственный размах, им прикарманенный вместе с монополией власти? Либо все-таки не столь это просто. Ибо евразийская ширь втеснилась в Иосифа Джугашвили и уже двигалась в подполье его духа, кормясь судьбою подаренными смертями и уже им самим уготованными гибелями. Быть ли тут счастьем, даже когда вычерк из жизни человека-помехи приносил миг торжества? И как было ему не взлелеять в себе ненависть к «Бухарчику», к разнящемуся «только» жизненным тоном, а более всего — удачливостью в поражениях, этим незаимствуемым свойством баловней всечеловеческого Рока?!

«...Он даже несчастен от того, что не может уверить всех, даже самого себя, что он больше всех, и это его несчастье, может быть, самая человеческая черта, может быть, единственная человеческая в нем черта, но уже не человеческое, а что-то дьявольское есть в том, что за это самое свое несчастье не может не мстить людям, всем людям...» Это Лидия Осиповна Цедербаум-Дан (сестра Мартова, жена Федора Дана) воспроизводит по памяти бухаринские слова весны 1936-го²¹. Как всякое недокументирован-

ное воспоминание, оно может быть заподозрено в присочиненности или в вольности передачи. Действительно, кажется нереальным, чтобы Бухарин, посланный тогда за границу ради переговоров с немецкими социал-демократами о приобретении Москвой архива Маркса (и посланный-то не в одиночку, не без присмотра), не только сепаратно навестил меньшевиков из самых рьяных, но и стал откровенничать с ними по поводу Сталина.

Но как раз странность и слов, и ситуации — примета достоверного. Лидия Дан назвала визит Бухарина событием, которое не считает себя «вправе унести с собою». Она затруднила нам понимание поступков этого человека на грани катастрофы и вместе с тем приоткрыла щель в его смятенный дух, сокрытый, подавляемый.

Тлеющие угли...

Не «искра, из которой возгорится». Ибо останутся тлеющими до самого конца. Но в каком же усилии нуждались они, чтоб вовсе не угаснуть?!

Читатель, не чувствуешь ли ты, что мы вместе с ним уже за порогом Лубянки?

Почерк Бухарина, им застолбленные вехи. «7–8.XI.37, в дни великой победы» — внизу последнего листа философского манускрипта. Начат в тюрьме, кончен в тюрьме. Спустя несколько дней берется за роман-воспоминание: детство, юность, преддверие первой революции, непокорный выкормыш учительской семьи перешагивает через заданность веры и державного служения. Начал роман в тюрьме и завершил в ней же. А после ночных допросов — продление любви стихами (через пятьдесят шесть лет пришли по адресу...).

Кончилась маета предрестного ожидания. Отошло вспять бытие, запертое в кремлевском жилище: позывы убить себя либо голодовкой подкрепить заявленную в письмах невиновность, мучительная радость наблюдать первые шаги сына — все то уже позади. Но есть книги, бумага, чернила. «Я мыслю, я работаю». Наедине — и по-прежнему со всеми, кто в походе, кто борется. Противник тоже очевиден — от расистского чистопородного бреда до эгоистической, самодовольной рефлексии. «Апокалиптические времена для старух обоого пола» — из начальных строчек его лубянских «арабесок»²². Для двуполых старух — конец света, а для него? «...Хороша религия, когда она материалистична! Хорош мессианизм (понимаемый как утопия), когда он захватывает сотни миллионов и — что главное! — когда он побеждает». Не просто иронизировал (как Ленин, от которого отсчитывался) по поводу

тех, для кого человеческое вселенство не больше чем ощущение, несправедливо ограниченное индивидуумом, а вдохновенно разил их, начисто отвергая «обесплощенный мир, втиснутый в маленькую черепную коробку».

Убежден был — как ни ограничена размером коробка, но способна вместить все, что суть Человек: от него исходящее помыслом, сомнением и к нему возвращающееся — по той же «аллее мысли, где стоят ее сфинксы», но уже вобрав в себя все претворения.

Весь «великолепный и трагический театр жизни».

Невольно подумаешь: а не подкармливали ли его какими-нибудь витальными таблетками, вызывающими у арестанта обманное чувство полноты жизни? Быть может, в этом-то и состоял замысел «великого инквизитора» — удержать в припертом к стене «Бухарчике» иллюзию активно-доброй (и доступно-доброй!) вовлеченности во все встречные судьбы — от любимой до любого, чтобы таким манером подвигнуть его к согласному участию в спектакле-дьяволиаде, где «маленькая черепная коробка» будет посрамлена в бессилии отстоять даже одного себя и станет всего-навсего мишенью для револьверной пули?!

Человек, который всегда устранился от одиночества. В этом смысле был очень типичным, так сказать, для своей среды. Человек, в котором всегда возникало одиночество в силу того, что он отступал, сдавался, капитулировал. Человек, который в определенный момент жизни ярче всего выразил, воплотил, заявил альтернативу. Альтернативу победившей революции, которая не хотела себя остановить, не могла. Заявил, но не мог это выговорить всеми своими словами. Человек, который являл внутри большевизма его родословную, идущую от разночинства. Где-то там Белинский с его словами о Спасителе, который взошел на крест ради личного человека. Вот как это лучше: личный человек, а не личность. Со своей прикованностью к большевизму, с внутренней зацикленностью на ритуалах его поведения — он в свою альтернативу не мог включить человека личного, всякий раз отступал перед Голгофой. Пришел теперь к Голгофе, обессиленный собою предшествующим. И когда стал человеком слабым, обнаружил в себе возможность взойти на Голгофу.

Соблазн велик — распознать и накануне этой Голгофы Гефсиманское борение. Но даже когда убеждаешься — было оно: не такое, как то (будто можно вообще повторить ту схватку с собой, то ожидание смертельного исхода и принятие его истинным), не такое, но БЫЛО... Однако даже написав

это всеми буквами и не жалея, что написал, ловлю себя на мысли: чего-то не договорил, что-то упустил, притом из самого существенного. Мрачит ли тень самоговора? Зовешь ли его: стой на своем — во всем и невзирая ни на что?! Звать нелепо, да и стыдно, ибо требует — себя предьяви.

Кличу на выручку всех, кто и раньше, и позже *противился, поддерживая*. С ними вместе вступаю в самую тревожную, безответную коллизию века. Какими словами ее обозначить? Есть расхожее, умытое, причесанное — компромисс. Ты против? Разумеется, нет. Я — за.

И что же?

На месте одного — три слова: согласие, сговор, сделка. Где между ними твердая, непроходимая грань, либо ее нет, загодя и навсегда установленной? Каждый раз — спор и отсев, производимый человеком в человеке... ***Сделку отбрось, сговор устрожи, иначе не выйдешь к согласию!..***

А если сроки жизни уже отмерены и все сгрудилось в остаточном времени? И уже оно, время это, в арбитрах, истец и судья — вместе?!

А все-таки почему именно 10 декабря? Ответить твердо сумеет подробное исследование, основанное на всей совокупности следственных и иных источников. Мы можем лишь предполагать, ставить вопросы.

Нечто прочертилось — это очевидно. Кончил ли следователь работать с подсудимым, предназначенным в лидеры процесса, и занялся другими из намеченных в совокупный заговор? Завершил ли письменную работу Бухарин и взору его вдруг открылась во всей наготе несовместимость высот, где он только что побывал, держа в руках Аристотеля, Гете, Гегеля, Маркса, — открылась ИХ несовместимость с показаниями на него, Николая Бухарина, и еще больше — своими в ответ? Или наоборот: все как раз стало сходиться в какой-то сумасшедшей «точке» и ему предстояло теперь ее разьяснить, тем подытожив себя?

У Кёстлера его Николай Рубашов вел в тюрьме дневник, в котором близил себя к сдаче «неандертальцам» от коммунизма, чье выдвигание считал исторически неизбежным, а потому оправданным и то, что они сменяют первую генерацию людей той же веры, но уязвимо сложных и даже в цинизме сохраняющих идеальную подоплеку. «Факт прост: я перестал верить в безошибочность своих суждений. Вот почему я здесь». Версия пронцательная, и все-таки не бухаринская она. Бухарин сказал бы, вероятно,

иначе: «Я никогда не настаивал на безошибочности своих суждений и меньше всего склонен делать это сейчас. Вот отчего мне не место здесь». Вот коллизия, которая стояла перед человеком, который ощущал неприемлемость для него того, что мы условно называем сталинским режимом. Этот человек заведомо не может вести борьбу в формах легальной оппозиции. Он ставится перед выбором: либо подполье, насилие, террор; либо полная капитуляция, сдача, разоружение. Для него невозможно ни то ни другое. Он, вообще говоря, наивно мыслит себя другим.

Но, пожалуй, даже в этом воображаемом высказывании он предстает более нарочитым, чем тот человек, который на одном дыхании, опустошаясь и не сверяя между собою смыслы блоков-фраз, призывал Сталина понять, простить и вызволить из беды «одного из способнейших твоих генералов, тебе действительно преданных».

Однако раньше всего — понять! Понять, какими мысленными ходами пришел к признанию того, чего «не замышлял» (даже наедине с собой), тем более — не делал; понять, чем сумел превратить это признание из навязанного ему в должное — свое.

Но должное — по отношению ли к времени, какое есть (взгляни из дверного глазка!) или какому еще БЫТЬ?

Ради которого ему, Николаю Бухарину, не-быть?!

Адрес на первой странице письма и он же на отдельном листе. Снова «Прошу никого другого не читать» — и размашисто: «И. В. СТАЛИНУ. Кремль».

Как в былые времена, только без фельдъегеря. И, само собой, «весьма секретно». Но что было ему секретить и от кого — от следователей, от Ежова? К сожалению, мы не знаем о содержании «докладной зап[иски]», приложенной к письму. Может, уничтожил ее Сталин, а вдруг затерялась в постсталинские времена?²³ Вероятно, в глазах Бухарина она не только продолжала письмо, но и придавала последнему дополнительный вес. Сохранились ли там (еще и еще раз) доказательства его невиновности? Вряд ли. «...Ни о чем не хочу умолять, чтобы сводило дело с тех рельс, по которым оно катится». Какое же дело? Готовился ли Николай Бухарин к предстоящей встрече с советской элитой и с международной прессой, допускаемыми в судебный зал? Была ли «докладная записка» не версией даже, отличающейся от текстов Радека, Сокольников, Пятакова, а оригинальной концепцией, своего рода планом, призванным сделать суд поучающим и сплаци-

вающим тех, кто еще не внял опасности, грозящей Миру, и сомневается в «великой мощи СССР»?

А не исключено и другое. Может, накануне ухода из жизни он решил поделиться выкладками в отношении дня завтрашнего и, подобно дальнему предтече в русской революции — Николаю Кибальчичу, оставлял потомкам свой «реактивный аппарат», нечто, предназначенное к переводу социализма в новый режим полета ввысь. Любая из этих догадок допустима. Каждая имеет «архетип» в письме и вместе с тем позволяет в его горячечной скорописи разглядеть завершенность, которая, собственно, и не требует для своей дешифровки каких-либо дополнений.

Перед нами Бухарин *предпоследнего решения*. Труднее трудного оно для каждого из людей. Ибо «последнее» выталкивается не спросясь, своей внезапностью поражая не только тех, кто рядом, но и того, кто его принимает. А «предпоследнее» — в мучениях, с коварной подсказкой: не спеши, отложи, авось обойдется.

И — словом этой подсказки, с риском не добраться до «последнего».

Может, оно и так, но в данном случае... Что, собственно, предрешал Бухарин и что он, нерядовой узник, мог вообще решить относительно себя? От смерти не отказывался, отличая ее от убийства, узаконенного приговором, тем капитальным свойством, что в смерти человек — наедине с собою. «...Дайте мне провести последние секунды так, как я хочу. Сжальтесь!»

Хочу — и сжальтесь! Совместны ли? Либо исключают друг друга сильнее даже, чем добровольный вычерк из жизни и заявка на продленное существование?! Две версии ее. Одна — быть высланным «хоть на 25 лет» в Печору или Колыму (сначала лишь Колыма в тексте, а затем сверху надписана подчеркнутая дважды Печора). Не просто семейная обитель там мерещилась, а «пионерская культурная работа»: и университет, и исследовательские институты, «журнал лагерный» и даже газета, каскад музеев, включая «зоо- и фито-» (страсть с юности — ботаник, охотник, коллекционер).

Смешно или зябко? Ведь не в Саратов, не в Нижний просился, ведь не мог не знать или хотя бы догадаться, сидя на Лубянке, что готовят прощенным «врагам» Печора и Колыма. Думал вочеловечить Лагерь? Или голова кругом шла, перо само вело его и еще не остыл философический и романый жар... Одна несуразица влечет за собой другую (очередность — в тек-

сте — обратная): просит быть (тайно?) депортированным в североамериканские Штаты, впритирку к Мексике, где окопался злодей Троцкий, дабы оттуда вести против него «смертельную борьбу» — «с большим размахом и прямо с энтузиазмом», да еще под неусыпным наблюдением «квалифицированного чекиста».

Хитрил ли Николай Иванович, потакая хорошо известной ему сталинской ненависти к Троцкому и к тем, кто хоть раз поддержал его, был на его стороне? Похоже, сам в ненавистниках. «Что расстреляли собак — страшно рад» (31 августа 1936 года, Ворошилову, вслед расправе над Зиновьевым и Каменевым). И после этого: «Если к моменту войны буду жив — буду проситься на драку (не красное словцо), и ты тогда окажи мне последнюю эту услугу и устрой в армию хоть рядовым (даже если каменевская отравленная пуля поразит меня)»²⁴.

Загадочная фраза, позволяющая предположить и описку. Под «каменевской отравленной пулей» разумел, конечно, показания того о причастности Бухарина к заговору, террору, саботажу, измене. Но что означает — «если <...> поразит меня»? То, что оговор прервет жизнь его еще до войны, или то, что фашистская пуля (какая иная, когда речь идет о войне) сродни каменевским лжепоказаниям, одного рода с ними?

Вот где безумная связка. Фашизм, война, Троцкий. Долг — очиститься от былых споров и прежних дружб, переначать жизнь, преступив чужую гибель и добровольно избирая собственный маршрут.

Шаг назад, в партийное судилище, откуда его увезут на Лубянку.

Февраль 1937-го. Пленум ЦК рассматривает «дело тт. Бухарина и Рыкова». Еще «товарищи». Еще на «ты». Еще будто весы, на одной чаше которых Улика, на другой — Слово. И у Слова этого свое двойничество — двойная связь, двойное дно.

Бухарин: Поймите, что мне тяжело жить.

Сталин: А нам легко?

Бухарин: Я говорю здесь правду, но никто меня не заставит говорить на себя чудовищные вещи, которые обо мне говорят, и никто от меня этого не добьется ни при каких условиях.

Сталин: Ты должен войти в наше положение. Троцкий со своими учениками Зиновьевым и Каменевым когда-то работали с Лениным, а теперь

эти люди договорились до соглашения с Гитлером. Можно ли после этого называть чудовищными какие-либо вещи? <...> Ничего удивительного нет в человеческой жизни.

Читатель! Нам, знающим, что ПОСЛЕ, стоит ли убеждать друг друга в заданности февральско-мартовского спектакля? В том, что был он потребен — и даже не ревностному исполнителю Ежову, и не приспешникам-статистам, сообщая изображавшим (четыре дня подряд!) праведный гнев. Все-таки не им, а Сценаристу и Постановщику. И ему не потому лишь, что он привык дозировать в расчете на исполнимость замысла и непоправимый итог; здесь же еще проверяя на верность тех, кто в зале, и укрепляясь в презрении к ним — всем. Нет еще и оттого и, быть может, более всего потому потребен был этот спектакль ему одному, что позволял ввести отретпетированное аутодафе в сострадательную рамку.

В самом деле: легко ли жить — «им»? Множественное число тут — партийный пароль (я — это Мы!) и привычный знак поравнения (все — это Я!). Да и кто бы другой такую реплику подал в том вельможном собрании. Кто бы рискнул сказать: «Мне не менее тяжело, чем ему, Бухарину, уже обреченному, уже опозоренному»?.. И — «ты должен нас понять» — также не во имя одного лишь священного единства, и не потому только, что кругом изверги, докатившиеся до сделки с Гитлером (!!), а «ты» сядем (хочу, чтобы — рядом с ними, и потому «ты» уже рядом). Раз так, а «ты» еще вдобавок философ, лелеющий понимание, — то будь добр, пойми «нас», признай без оговорок, что когда с такими (которые уже отправлены на тот свет или готовятся туда же) имеешь дело, то слово «чудовищный» перестает что-либо значить.

И как «нам», а стало быть, и «тебе» не прийти к заключению «ничего удивительного нет в человеческой жизни»?! Везде. Всегда.

Разрешающий мотив. Тот, что подстрекает добывать аргументы не одними лишь односторонними отлучениями и тайными казнями. Но и судьбами губимых, не исключая собственную — напротив, ее вдвигая в каждую коллизию, в каждый отдельный фрагмент НЕБЫВШЕГО БЫЛО.

В сценарии, какой Сталин все время дополнял новыми заговорами и предательствами, он был неизменно жертвой. Роль эта срослась с ним, стала и кровью, и кожей, и желчью, овладела мозгом. Подозрительность оставалась лишь подспорьем для «неподвижной идеи» — извне настаивающей его обреченности, которой противиться мог лишь он сам, укрывшись и упреждая. Непременно упреждая. Игра? Больше, опаснее, неостановимее.

Театр для Единственного, однако без стен. Со зрителями, готовыми ринуться в актеры — в ожидании сигнала и с непроясненными (до лубянского суфлера) амплуа. Два короля — Макбет и Клавдий, усредненные в одно лицо, и Яго, играющий по совместительству принца Гамлета.

Похоже? Либо не хватает Носорога?

«После двух тяжелых потерь (Аллилуевой и Кирова. — *Прим. ред.*) И [осиф] очень изменился. Стал мягче, добрее, человечней. До Надиной смерти он был неприступный, мраморный герой, а теперь <...> потрясает своими поступками, я бы сказала, даже слишком обывательски человеческими», — дневниковая запись Марии Сванидзе помечена 28 декабря 1934 года. Несчастливая женщина не ведала, какая судьба ждет и ее. Она была бесконечно предана «И»; возможно, кроме родственной связи их сближала общая склонность к сентиментальному оформлению чувств. Но она не была простофилей, ее свидетельства о Сталине, безусловно, привлекут внимание психоаналитика²⁵. Историк же виднее, как свойства персонажа попадали в яблочко событийности.

Иосиф Джугашвили страшился смерти, и всякое напоминание о ней, хотя бы косвенно имевшее в виду его — наравне со всеми людьми, — вызывало у него внезапную и необузданную реакцию (вспомним, как он прервал на полуслове телефонный разговор с Борисом Пастернаком после того, как тот объявил о своем желании говорить с ним о жизни и смерти). Будь Сталин «обыкновенней», не исключено, что страсть страха перед уготованным всякому финалом способна была бы искусить его порывом к досрочному прекращению жизни. Но в качестве вождя, коего ежедневно уверяли в его абсолютной надобности, он оказывался «вынужденным» отклонять от себя смерть — и чем иным, равносильным и даже превосходящим дано было ее вытеснить, кроме как убийством, достигающим всякого, кроме него.

Убийством, синонимичным жизнеустройству, которое, вобрав в себя все, изведенное людьми, этим-то и крепило свою окончательность, свое бесповоротное совершенство, не нуждающееся в запрете как таковом.

Не просто тайным убийством, а возведенным в таинство. Индивидуальным — вне ограничения в числе. Существовала, стало быть, **проблема числа**. Его, мирового Кобы, наваждение. То отпускавшее, то вновь накатывавшее, и каждое событие приходило как стимул и как препона, с двух сторон подстрекающие его к неотлагаемому и нетривиальному решению этой мучительной проблемы.

Кто следующий? Кто вслед упраздненному середняку? Какой жертве уготовано превзойти — массовостью?

И оправдать казни скрытым непокорством со столь же глубокими или еще более глубинными жизнедеятельными корнями, что, если их заблаговременно не вырубить, непокорство, себя опознав, начнет набирать силу *открытого действия*; и ведь не непременно в русле русского бунта, лихого на начало и быстро спадающего, а сможет (и, скорее всего, действительно сумеет) добраться до политики, оседлав ее — всю. И тогда он не то чтобы даже окажется в противоположенных, в отрешаемых (и судимых, и уничтожаемых). Нет, «только» в обременительных. Вновь, как в 1923-м, — в *заменимых!*

...Незатихающая рана, из воспоминаний — мучительнейшее, насквозь пропитанное ненавистью к тому, кто собирался тогда его «заменить» и, быть может, добился бы своего, когда б не сошел в Аид. А одиннадцать лет спустя — загадочное голосование на XVII съезде. Ежели б лишь на один голос больше у Кирова, то и этого достало бы, чтобы разжалась пружина Кобиной мести. Но кому мстить? На этот раз мнившийся последним — кому? Неясно. Неясность притаилась в нем, ожидая сигнала-ответа. Убить одного, кого сулили в преемники? Смысла нет. И даже оправдания нет. Нет индугенции в убийствах имярек.

Подколотная змея — *Аноним*. Те, кто согласится на замену его, спокойно перенесут ее, смогут существовать, дышать, радоваться без него. Сколько их — сегодня, а завтра, послезавтра? Заранее сочтешь ли. Предугадать, однако, можно — все!.. Бухарин 1936-го увидел в дымящемся кратере лаву и шлаки на выходе, когда говорил (в Париже) супругам Дан: что-то дьявольское в том, что «за свое несчастье» он, Сталин, не может не отомстить «всем людям».

Но дано ли было Николаю Ивановичу исчислить, какого размаха готовится извержение? И распознать — за что именно пагуба эта, хоть и природная, но не «равнодушная», а как все такие, очеловеченная людьми, и кому же, кроме них, даже не то чтобы справиться с нею (неисполнимо!), но хотя б ослабить, сведя всеобщность гибели к одиночной и добровольной.

«Просто» — выкупить собою тех, кому еще вступать в жизнь.

«Я не христианин. Но у меня есть свои странности.

Я считаю, что несу расплату за те годы, когда я действительно вел борьбу».

Отклоним объяснение этим словам психическим расстройством, внушенной и застрявшей в нем невменяемостью. Убережемся также от соблазна и здесь усматривать эзопов лексикон. А как славно бы звучало — подтекстно: я вел борьбу за верность Ленину, за НЭП в развитии, против гильотинирования мирной перспективы, боролся, но без успеха. Виноват в этом. Заслужил то, чего уже не миновать.

Так нет ведь. Жаждал миновать. И кару оправдывал.

И страдал не потому, что недоборолся, а оттого, что некогда «вел борьбу». А надо бы смириться сразу, признать себя побежденным (в вождях)? И в этом уже свойстве устремиться к согласию несовпадающих, притом такому, что не на время, диктуемое моментом, а на жизнь без срока?.. «Давайте разойдемся как честные враги» — из речи его в Ленинграде 1927-го, призыв к тонущей и преследуемой оппозиции. Если даже и искренний зов, то суесловный — неисполнимый заведомо. Тогда. А после?

...Давайте сойдемся, но уже не врагами, а как честные противники?! Признаем собственную слабость, когда мы порознь, и слабостью — к тому союзу, где быть честным — не больше, но и не меньше «простого» обозначения человека?! И тем уберем от гибели своих, домашних; а может статься, и фашизм — гитлеровский (другого, что рядом, за фашизм не держал) — осилили бы еще на дальнем подступе к завладению пространством Жизни...

Да разве не в это уверовал нехристианин Бухарин?

И скажешь ли задержавшемуся в пути — опоздал?

Кажется несложным разглядеть, что в этом мире окончилось на Бухарине. «Последний большевик»²⁶? Что ж, и это. Особенно когда держишь ныне в руках устное его, сквозь безвременья и междувременья сохраненное Анной Лариной послание «Будущему поколению руководителей партии».

До Лубянки — «последний большевик». А на исходе ее?

Самое бы точное — НИКТО. «Никто», ежели следовать усредняющим человека сословным приметам и анкетным графам. Имущественно статус и должность, вероисповеданье и партийная принадлежность — прочерк...

В юности «никто» — краткосрочным переходом от романтики в самостоянье революционера. А сейчас? Из «никто» — в кого? В какую заготовленную нишу?

Правда, не без родимого пятна — разночинца-изгоя, кто в прошлом столетии винился перед народом за знание, которому нет дела до участи и страстей человека-раба. Однако большевизм ту пуповину оборвал. Остались стихи наизусть, затрапеза привычек да еще базаровская стыдливость, прикрываемая словесной грубятиной.

В последнем счете — без пламени? Нет, и это не вполне так, когда зришь не плоскую карту, а глобус, что с осью насквозь. Тогда и тюремная камера — отечество, которое окно в Европу. И он уже не один-одинешенек, а вкупе с теми всесветными бродягами свободы, каких знавали разноязычные баррикады. И с теми также, кому еще предстояло себя поднять с колен, чтобы затем, поднявши забрало, — иду на вы...

В былые эпохи это открытое забрало — утопия, революция, «новые люди», которые вызовом остальным — «устаревающим». Единый ряд. Ряд-смысл, или о смысле тут и толковать затруднительно, а в соединителях — абсурд, прародитель и бессменный оппонент истины?.. И она, и он (абсурд) вряд ли исконные. С чего-то начались, когда-то вступили в распрю, коей XX век подвел итог. И упразднил абсурд? Сделал истину всевластной и потому не очень нужной в делах человеческих? Нет, возобновил спор. Отказываясь от любой претензии на окончательно-повсюдное Завтра, под сомнение ставя «вечный двигатель» недовольства человека собою, от которого рукой подать до перемен, в том числе тех памятных, что сокрушали человека же.

НЕУТОПИЧЕСКАЯ УТОПИЯ — камень преткновения. Утопия — поскольку домогается Цели, что превыше всех задач и непереводаима в них прямым. Еще и оттого утопия она, что жизнь практикующего утописта вся без отказа — в Цели. ...Итак, утопия — гонимая, предвещающая. Тогда отчего же НЕУТОПИЧЕСКАЯ? Оттого ли, что задачи стали обгонять Цель — не только масштабом, но и близостью к человеческому естеству? И утопист утомился, клонясь (так или иначе) к цели укороченной или к цели-суррогату, по сравнению с которыми ветряные мельницы — детские игрушки?!..

Утопия, которая не-утопия — не просто преткновенная, а такая, что не перепрыгнешь через нее и не обойдешь. Ибо: не мертвяком на дороге, а сама путь. Держится тоской одиночек, уделом выломившихся, бродилом в «меньшинствах». А взглядишься пристальнее — без неосуществимостей всем нейдет. Всех жалит тягою дотянуться до неба, приземлив его, не ус-

тупая это поприще власти — любой, в том числе и власти самоотреченного примера.

По всему видно — ревизия поднятого забрала достигла своего зенита. Не то чтобы упал спрос на рыцарей — скорее изменился и предмет, и герой. Настал черед всесветной «революции реформ». И человека, которому в пору и страх, и упрек. А то забрало все чаще мишень. Стреляй, мертви!

...Из Зоны неутопической утопии — Николай Бухарин. К нам обращающийся текстом-судьбою.

Вновь кощунствую вопросом (отклоняя его и к нему возвращаясь): назначены ли были друг другу Николай Бухарин и Иосиф Сталин? Не в памятные годы, когда совместно вычеркивали из революции Троцкого и искореняли «троцкизм». Когда лепили — из ленинских цитат и из велений реальной, нэповской жизни — «социализм в одной стране». Тогда взаимность полная — у Николая без корысти, у Иосифа с задней мыслью... Нет, не в те годы, а дальше, когда впритирку к совместной победе над призраком «третьей революции» — раскол, и Бухарину уже поздно вспоминать (да он и не вспоминал) «троцкистскую» ересь о разрешенных и охраняемых правах на разногласия внутри единства. Было поздно. Большинство жаждало канонизированного прямословия. Простым был избыточен мозговик Бухарин, а его готовность признавать «ошибки» лишь облегчала процедуру искоренения.

Но даже не к этим годам относится не оставляющий меня вопрос, а к тем, что ближе к финалу. Вопрос двоятся. Сталинская половинка не менее смущает, чем бухаринская, а эта еще более тревожит. Неутопический утопист потребен был Кобе — не затем только, чтобы и эта разновидность человеческая не миновала проскрипционных сетей, чтоб следа не осталось от «любимца партии» (нет «любимца», а значит, и не было никогда, всего лишь фата-моргана...). Одного этого бы, казалось, достаточно, чтобы возиться с Бухариным, расшатывая веру его в собственную безгрешность, доканывая слабеющую его волю к сопротивлению. Но все-таки и другой прицел был, а какой важнее — открытый вопрос.

Как не подходит к Сталину слово «колебание», не мог он не ощущать за полшага до абсолютной власти, что еще предстоит ему избрать: в каком качестве утвердить (СЕБЯ и НАВСЕГДА!) — творца ли замирения, начатого «при Сталине», либо, вызвав духов убийства, ими выровнять всех, соединив заново отъединенными, безличными? Исследователю трудно определить день и час, когда решился Коба на превентивный поголовно-избирательный

террор. В 1932-м ли, на исходе рутинского дела, в 34-м ли, после 1 декабря (или и до, и после); наконец, не в 1936-м ли, когда не стало Горького, и уже без долгих проволочек разделался он с Каменевым и с Зиновьевым, — в любом случае в его, сталинском, «окончательном решении» оставалось незаполненным место Николая.

Суд над Бухариным, предопределенная казнь его удовлетворяли магию обгоняющего отмщения, которая в такой же мере проистекала из паранойи, как и из жестких требований невозобновляемой власти. Теперь — от весны к осени 1938-го — Кобе можно было передохнуть. Заняться историей, суммировав все «предательства» и уравновесив их СВЕРШЕНИЯМИ ВОПРЕКИ... Так появился «Краткий курс истории ВКП(б)», календарно встретившийся с Мюнхеном, со сделкой тогдашних лидеров Англии и Франции с Гитлером. Перевернутая страница звала вселенскую ширь. (Снова из Георгия Федотова: «Если есть доля правды в германской ориентации оппозиции, то не предвещает ли ее разгром новую германскую ориентацию самого Сталина?»)

...Но Бухарин, Бухарин тюремной камеры, воспевающий «великолепный и трагический театр жизни», ему зачем нужен был верховный распорядитель Лубянки? Чем был тот в его воспаленном сознании, в неутомимом напряжении мысли? Признанием факта, согласного с «материалистической верой»? Недовершенной главой в собственном жизнеописании, которую не дописать без соучастия Кобы? Не без этого. Но еще дальше обозначенного. Вне — личное и надличное. «Несу расплату». За что же?.. Бухарин сам напоминает Сталину эпизод («который ты, может быть, и позабыл»). Лето 1928-го, Иосиф Николаю: «“Знаешь, отчего я с тобой дружу: ты ведь неспособен на интригу?” Я говорю: “Да”. А в это время я бегал к Каменеву». Давно уже выпотрошенный до дна сюжет. Но держит. Еще бы не держать — с тех пор выпал Бухарин из вождей, раз и навсегда. Однако не о том сейчас. Не предстоящее судилище «в голове», а суд над собою. «За это — прости меня, Коба. Я пишу и плачу...» Слово медицинской экспертизе?! И вроде основания налицо: это же надо — предположить, что Сталин мог призабыть такое, а предположивши, напоминать ему, да еще сквозь слезы.

Но все же эпикриз не за вами, господа душеведы, все видящие много спустя. Не за вами, но и не за «тем, что было» в очищенном от напраслины виде. Где-то ПОСЛЕ и ДО. В их диалоге, вернее — полилоге, и не за полированным круглым столом. А — повторим лубянского Бухарина — в том самом

месте, где мысль, где ее «загадочные сфинксы, которые растерзали столько мозгов».

Удивительные слова. Отчаянье оптимиста.

1937-го 10 декабря перешел между предпоследнего решения. И явью, и сном. Надежда Аллилуева — галлюцинацией: «Что же это такое сделали с Вами, Н. И.?»

Сделали — сделалось... Уже не державная повинность виниться — добрая воля. Не вериги — труд. Хватит отставок! Лицом к помосту, где не жизнь говорит со смертью, а смерть с убийством!

Мог бы сбежать заранее, но куда? Бухарин-эмигрант по доброй воле — нелепее, чем «анти-Троцкий» по уговору. Если не удалось, идя в общем строю, ОЧЕЛОВЕЧИТЬ СТАЛИНСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ, то остается — ОЧЕЛОВЕЧИТЬ СТАЛИНА СОБСТВЕННОЙ УЧАСТЬЮ. Не очеловечив, не сделаешь его антифашистским — все завязывается на этом. Левые Запада, и он в этом смысле одно и то же. Ради того и принять «большую и смелую политическую идею генеральной чистки». Из всех призрачных надежд сохранив в неколебимости лишь одну — чтобы Сталин (наедине с собою!) уверился в невиновности того, кто согласился быть со Сталиным до своего конца.

Conditio sine qua non, как говорили древние: «условие, без которого нет». Нет смысла ни длить дни, ни погибать молча. Но если условие принято... Как ни мал отрезок отпущенного существования, он осмыслен и даже полноценнее предшествующего. Пагуба заданного двойничества вытесняет деятельность смертельно раненного мозга. Остаточный взлет его, когда уже не надо кодировать то, что не шифруется по самой сути. И плач страдания, заставляющий подозревать уловку, всего лишь путеводитель по мосткам, ведущим к еще не явленной цельности Компромисса.

Да, они неразлучны, Бухарин и Сталин, скованные будто принадлежащей одному, а на самом деле общей Цепью. Так будет и после, много после, пока один из Диалектов коммунистического новояза — в союзе с другими наречиями ищущей мысли — не возвратится к истокам Слова, творящего поступок... Но отчего же — будущее время? Занавес — вверх. Узрим и услышим узника, у которого невесть откуда взялась энергия для финального поединка с осатаневшим от неисполнимых приказов «государственным обвинителем».

Бухарин исполняет великолепно аранжированный сценарий Сталина и, исполняя его, переходит в собственный сценарий. Вот это понять: все, что он делает в свою защиту, дополняло сталинское желание рассчитаться с ним. Бухарин представляет собой главу биографии Сталина, которую Сталин непрестанно сочиняет, и он мешает ему сочинить эту главу. Тот делает все возможное, чтобы заставить его следовать этой главе, сочиняемой им, Сталиным. И не может! И терпит поражение! И получает в итоге только пулю, которой застрелили Бухарина. Но он не получает его в том виде, какой мог бы вписать в биографию.

И на весь неслушающий его, Бухарина, Мир раздалось: Я НЕ УБИВАЛ!

Читатель! Удалось ли мне убедить тебя? Коли не так, то оттого ли только, что не сумел, или потому еще, что тот Человек Слабый не столь показан тебе, как мне? А ведь и не обязательно это: имея общего предка, идти затем впритирку друг к другу. Вовсе не обязательно. Наоборот. Жизни показано: разветвляться — и встречаться. Живущим с живущими. И им вместе — навстречу мертвым. Павшим и «падшим» в неотменяемом пушкинском смысле.

Может, не только ты, читатель, но и они еще в дороге, и какова будет станция назначения, зависит не только от нас, но и от них. Век этот уходящий ценой ужасающих жертв будто справился с тем, чем ему грозили, что ему несли тридцатые... Справился возобновлением силы, но и недотянул до той слабости, которая сделала ее возможной. Короче говоря: пришел час — с большой буквы Человека Слабого.

Не забудь также: сталиноподобные, гитлероподобные не перевелись. Не обольщайся, что не так страшны они теперь либо даже не похожи на зачинателей. Осовремененные, прихорашивающиеся. Готовые благодетельствовать ведомым и присягать демократии в единственном экземпляре. И Убийство внедряется в их умысел править нами — не с парадного входа, а с заднего крыльца, для них самих в первый момент внезапное и лишь затем одомашниваемое: от оправданного — в спасительное, от спасительного — в привычное.

Смотри, как бы нам не опростоволоситься еще раз.

Не попасть бы сызнова в НЕБЫВШЕЕ БЫЛО.

Май — август 1994 года

Примечания

1. Письмо Бухарина Сталину опубликовано впервые Ю. Муриным в «Источнике» (приложение к журналу «Родина»), нулевой номер 1993 года. Воспроизводится по автографу с рядом уточнений (по сравнению с публикацией), в точном соответствии с подлинником и без каких-либо корректорских вмешательств.

Данное письмо — последнее из лубяньских посланий Бухарина Сталину. Текст — на нелинованной писчей бумаге, с дефектами, вероятнее всего объяснимыми временем и условиями первоначального пользования. Знакомство с автографом оставляет впечатление беловика, которому предшествовал черновой вариант. Первые пять страниц почти без исправлений либо с минимальной стилистической правкой. Начиная с шестой появляются более существенные перемены; в одном случае вписана фраза (о «философской работе»); даже почерк изменяется, становясь спонтаннее; текст обретает и более сложное пространственное строение. Видна забота писавшего о том, чтобы были поняты все оттенки мысли и нюансы обуревавших его чувств. Н. И. ставит знаки ударения в случае омонимов («плачу» и «плачу»), на словах «мука», «на крик кричать». Автор верен своей литературной манере выделения особо значимых для него опорных мест посредством одинарных и двойных подчеркиваний, употребляя волнистую линию, внося восклицательный знак внутрь текста. Письмо расчленено на смысловые блоки, выделенные цифрами, греческими и латинскими буквами.

Как отнестись к бухаринскому обращению Сталин, можно судить по приговору — заранее предрешенной развязке. Читал ли адресат само письмо? В автографе нет специфических пометок, поэтому нельзя категорически утверждать, что Сталин с ним знакомился. Однако едва ли возможно предположить обратное. Остается не вполне ясным, почему документ был передан в сталинский личный архив («Особый отдел ЦК») лишь через год — 7 декабря 1938 года. Не исключено, что Сталин его неоднократно читал, прежде чем отправить на «вечное» хранение. Отсутствие машинописной копии того же времени — косвенное свидетельство, что письмо не рассылалось членам Политбюро.

2. Речь идет о двух выступлениях Н. И. Бухарина на пленуме ЦК ВКП(б) — 23 и 26 февраля 1937 года. В опубликованном для узкого круга лиц «строго секретном» отчете первый пункт повестки дня пленума — «дело тт. Бухарина и Рыкова» — был опущен. Первые соответствующая часть стенограммы опубликована О. Наумовым, Л. Кошелевой и Д. Роговой в журнале «Вопросы истории» (1992, № 3, 4 и до конца года, 1993, № 2). Выступления Н. И. Бухарина воспроизводятся по тексту, который он успел выправить накануне ареста.
3. Владимир Кузьмин (1904–1938) — ученик Бухарина, экономист. Окончил Институт красной профессуры. До гонений на «правых» — член редколлегии журнала «Больше-

вик». Затем в Новосибирске — сотрудник крайплана. Арестовывался в 1932-м, после перерыва — снова в 1936-м. Расстрелян.

4. «Конференция» — название, вышедшее из ОГПУ, закрепленное вырванными на следствии признаниями. В основе же — встречи учеников Бухарина поздним летом 1932 года. Приехавшие в отпуск из разных городов, куда они были высланы после объявления «правого уклона» запретным, Александр Слепков, Петр Петровский, Дмитрий Марецкий и другие рассматривали ситуацию внутри СССР и на международной арене. Нет твердых доказательств, что участники встречи обсуждали программный документ Рютина. Тем не менее противосталинские настроения в этой среде представляются вполне достоверными. Что касается самого Бухарина, то он во встречах не участвовал, причастность к «конференции» категорически отрицал — в письме членам ЦК ВКП(б) от 20 февраля 1937 года, а днями позже на пленуме ЦК; кроме фактической стороны дела он упирал на характер отношений с «учениками» после его ухода с политической сцены. «Я старался ни с кем из своих бывших единомышленников не видеться». «Относительно одной их части можно сказать, что, теоретически говоря, они могли заниматься всем чем угодно, раз они продолжали борьбу. Относительно другой <...> я считаю это маловероятным». «Я не отталкивал людей резкой постановкой вопросов, разлагал их только скептицизмом» («Вопросы истории», 1992, № 2–4). Автор письма 10 декабря 1937 года, подтверждая сказанное им на пленуме, не возобновляет тут своего утверждения, что те из его «школы», кто не отошел полностью от своего недавнего прошлого, способны были на любые крайности, включая террор.
5. Александр Айхенвальд (1904–1941) — ученик Бухарина, экономист-международник. Окончил Свердловский университет. В 1925–1928-м — в Институте красной профессуры, одновременно работал в Исполкоме Коминтерна. Преподавал затем в Казани. Арестовывался в 1932-м. После вторичного ареста — в Орловском центре, расстрелян в сентябре 1941-го, когда немцы были на подступах к городу. Существует версия (И. Бергер) о долгом разговоре Айхенвальда с Бухариным после очной ставки. «Бухарин спросил Айхенвальда прежде всего о его семье, о судьбе своих учеников», а в ответ «рассказал о своих философских взглядах в связи с происшедшим» (Цит. по: М. Кун. Бухарин. Его друзья и враги. М., 1992).
6. Карл Радек (1885–1939) — деятель польской, германской и российской социал-демократии; коммунист с 1917-го, один из руководителей Коминтерна; сподвижник Троцкого, отошедший от него в 1928 году, когда обозначились те черты в политическом поведении Сталина, которые позволили ряду видных «троцкистов» рассчитывать на сближение их позиций с генсеком. Долгие годы Радек выступал на страницах «Известий» в качестве международного обозревателя и публициста. В начале тридцатых тесно сотрудничал со Сталиным как эксперт по внешним делам. Накануне ареста в 1936-м просил Н. И. передать Сталину заверения в его невиновности. На процессе 1937-го обвинял Бухарина в преступлениях, включая политические убийства и связь с нацистской Германией. «Если бы не создававшаяся общая обстановка, перепутанность связей и событий, я бы отвечал оскорблением действием всякому, кто осмелился бы повторить радековскую клевету по моему адресу» (Бухарин — членам ЦК, «Вопросы истории», 1992, № 2–3). Впоследствии, как видно и из письма 10 декабря 1937 года, смысл и тональность отношения Н. И. к Радеку изменились в связи с переменами, произошедшими в собственных обстоятельствах Бухарина и пережитым им в тюрьме духовным кризисом.

7. Встреча Бухарина с Каменевым произошла 11 июля 1928 года на территории Кремля в присутствии Григория Сокольников, который, видимо, был ее инициатором или, во всяком случае, посредником в организации встречи. Исходный документ — конспективная запись, сделанная (тогда же) Каменевым для Г. Зиновьева и других единомышленников. С записью ознакомился в алма-атинской ссылке Л. Троицкий. Возможно, эта встреча была не единственной. В письме 10 декабря Бухарин говорит, что «бегал к Каменеву», и в скобках — «первое свидание», значат ли эта фраза и кавычки, ее сопровождающие, что речь идет (у Бухарина) о присочиненной версии? Или напротив — косвенно подтверждается неоднократность свиданий с Каменевым? См.: Ларина А. Незабываемое. М., 1989; Фельштинский Ю. Разговоры с Бухариным. М., 1993 (там же публикация записей Каменева и их варианта, преданного гласности Троицким).
8. Надежда Сергеевна («Н. С.») Аллилуева (1901–1932) жена Сталина. Покончила самоубийством. Согласно одной из версий, Сталин застрелил ее в результате конфликта, в котором идейные разногласия соседствовали с оскорбленным человеческим достоинством Н. С.
9. Алексей Стецкий (1896–1938) — заведующий культпропом ЦК ВКП(б). Ученик Бухарина, рано отошедший от него. По поручению Сталина выступил на съезде писателей (1934) с защитой «пролетарских» поэтов от критики Бухарина. Вместе с Борисом Талем и Яковом Яковлевым — автор первого наброска новой Конституции СССР. Борис Таль (1898–1938) — заведующий отделом печати ЦК. Осенью 1936 года назначен в отсутствие Бухарина заместителем редактора «Известий», что было воспринято Н. И. как оскорбительное недоверие ему и сыграло свою роль в решении Бухарина, не приступая к работе, подвергнуть себя домашнему заточению.
10. Анна («Анюта») Ларина (1914–1996), дочь известного российского социал-демократа и коммуниста Юрия Ларина; с 1934-го — жена Бухарина. Сын Бухарина — Юрий (1936–2014). Дочь от брака Н. И. с Эсфирь Гурвич — Светлана (1924–2003). Надя — Надежда Лукина-Бухарина (1887–1939) — первая жена Н. И. Вместе с Бухариным, его отцом, Иваном Гавриловичем, и Анной Лариной жила в кремлевской квартире Н. И. В ответ на арест Бухарина отправила в ЦК свой партбилет. Несмотря на тяжкую болезнь, обрекавшую ее на постельный режим, была арестована в том же 1937-м. Погибла в лагере.
11. Н. И. Бухарин был арестован вместе с А. И. Рыковым на пленуме ЦК 27 февраля 1937 года после принятия решения об исключении обоих из ЦК и из партии и о передаче их дела в НКВД.
12. По приглашению Горького Ромен Роллан посетил Москву в июне-июле 1935 года. Встречался со Сталиным. По свежим следам привел в порядок свои дневниковые записи, образующие в итоге связный текст. «Эта тетрадь не может быть опубликована ни целиком, ни в отрывках». Пятьдесят лет запрета — почему? Ответ — в противоречиях, бросающих свет на раздвоенность антифашизма. При парадности приема, оказанного Роллану, он заметил многое из того, что позволяло ему, восторгаясь строящимся «новым миром», одновременно писать: «Это... Россия фараонов. И народ пел, строя для них пирамиды». Писатель скорбел по поводу добровольного самообмана, которому подверг себя Горький, не замечая, что его собственное отношение к виденному и услышанному близко горьковскому. Симптоматично пристальное внимание Роллана к советской военной мощи при критическом отношении к сближению СССР «с прави-

тельством империалистической французской демократии». Роллану явно антипатичен Радек («ужасный голос партии»), не без цинизма говоривший о недалекой европейской войне, в которой «потери в первые месяцы <...> составят 80 процентов». И одновременно он увлечен Бухариным («его невозможно не любить»), жизнерадостным и бескорыстным, убеждавшим Роллана, что «силы врага» внутри СССР незначительны (он «имеет в виду только оппозиционеров, троцкистов»), хотя «накал их ненависти и используемые ими средства все-таки делают их опасными». Было бы явным упрощением относить эти слова к начисто продиктованным если не страхом, то осторожностью, равно как и предпочтения, высказываемые Роменом Ролланом, рассматривать в виде эгоистического самообольщения. (См. «Вопросы литературы», 1989, № 3–5.)

13. «Пятая колонна»: пятая, поскольку на Мадрид осенью 1936 года наступали четыре «колонны» франкистов, а подрывная «пятая», по словам генерала Эмилио Мола, находилась внутри города.
14. «Шахтинское дело» — судебный процесс (май — июль 1928 года, Москва). Группа инженеров и техников, работавших в Шахтинском и других районах Донбасса, обвинялась во вредительстве, которое нанесло ущерб угледобывающему производству, в связях с бывшими хозяевами, иностранными финансовыми кругами и разведками, готовившими интервенцию против СССР. Местные чекисты, правда, не сумели добиться поголовного самооговора. Многие из обвиняемых заявили себя невиновными. Но это лишь отчасти отразилось на приговоре. Пятерых расстреляли, шестерым смертную казнь заменили десятилетия лишения свободы. Остальным — разные сроки. Нескольким человек было оправдано среди них — три гражданина Германии, представлявших фирму «Кнапп», которая играла немаловажную роль в экономическом сотрудничестве с советским режимом. Обсуждение в Политбюро «шахтинского дела», судя по времени свидания Бухарина с Каменевым, вероятно, имело место уже во время процесса, ближе к его концу.
15. Характерную запись в дневнике Александры Коллонтай приводит В. Кутейщикова («Еще раз о первых советских послых в Мексике»). Получив туда назначение, Коллонтай перед отъездом встречалась со Сталиным. Его инструкции: «Поменьше нянчиться с компартиями...», «Вы, как представитель Советского Союза, не должны поддаваться ложным представлениям о нарастающей революции» («Латинская Америка», 1994, № 1).
16. Георгий Федотов (1886–1951) — историк, философ, публицист. В молодые годы — социал-демократ, преследовался царской полицией. Ученик знаменитого медиевиста И. М. Гревса. Занимался историей церкви. Активный участник философско-религиозного «братства», душой которого был Александр Мейер. Еще раньше разгрома этого сообщества интеллектуалов Федотов эмигрировал (Франция до 1940 года, затем — США). Профессор Богословского института в Париже и Православной академии в Нью-Йорке. В эмиграции развернулся в полную силу его публицистический дар, отличавшийся свободой взгляда. Сотрудничал в евразийских «Верстах», в «Современных записках» и «Пути», «Новой России» Керенского; вместе с Ф. Степуном и И. Фондаминским издавал «Новый град». Был травим право-черносотенным крылом эмиграции за призывы к «дружбе с евреями», независимую позицию во время гражданской войны в Испании и др. «Человек начинается с горя», — любил повторять он стихотворную строку Алексея Эйснера, эмигранта-антифашиста.

17. Николай Крестинский (1888–1937) — большевик, близкий к Ленину и Троцкому. В 1919–1921-м — член Политбюро и секретарь ЦК. Перед арестом — заместитель наркома по иностранным делам. В первый день процесса над «правотроцкистским антисоветским блоком» (март 1938-го) полностью отказался от данного им на следствии признания вины. Лишь вновь подвергнутый жестоким пыткам, изменил эту позицию.
18. Мартемьян Рютин (1890–1937) — ветеран революции. Партийный работник, журналист. В борьбе со сторонниками Троцкого прибегал к самым решительным действиям, но не поддавался на попытки Сталина приблизить его к себе. С начала тридцатых противник насилия, отождествляемого с «генеральной линией». Автор обращения «Ко всем членам ВКП(б)» (1932). Лейтмотив: «Позорно и постыдно для пролетарских революционеров дальше терпеть сталинское иго». Вторично исключенный из партии, упрятан в тюрьму (10 лет заключения). Расправа с Рютиным и его единомышленниками, как и неудача, которую потерпел Сталин в своем домогательстве расстрела для Рютина, обоснованно считаются одной из отправных точек «большого террора». Сломить же самого Рютина не удалось. «Я заранее заявляю, что не буду просить даже о помиловании <...> Но я не могу и не намерен терпеть творимых надо мной беззаконий и прошу меня защитить от них. В случае неполучения этой защиты я еще раз буду пытаться защитить себя теми способами, которые в таком случае единственно остаются у незащищенного, бесправного, связанного по рукам и ногам, наглухо закупоренного и невинно преследуемого заключенного» (из обращения его в ЦИК СССР, написанного во «внутренней тюрьме» НКВД 4 ноября 1936 года). Ежов переслал заявление Рютина Сталину. Ответ — приговор к расстрелу за терроризм.
19. Примечательна реплика Бухарина: «Вы ошибаетесь, Анатолий Васильевич <...> Анютка обязательно будет счастливой. Мы будем стараться!» Он действительно оберегал Анну Ларину от поджидавших его и ее ударов судьбы. Уже в Лубянке, накануне суда, писал ей: «Я боюсь за тебя, и за других, но прежде всего за тебя». Его страшило, что неожиданное (его признание) может сломить ее душу. «Ни за что не злобься». А отец и Надя (Н. М. Лукина-Бухарина) «пусть на время как бы заснут». «...Поверь, что я страдал все, в том числе и эту просьбу, и что все будет, как этого требуют большие и великие интересы <...> Сделай так, как я прошу, и держи себя в руках: будь каменной, как статуя». См.: Ларина А. Незабываемое. М., 1989.
20. «Съездом победителей» окрестили тогда же (1934) XVII съезд ВКП(б). Большинство его делегатов было вскорости уничтожено.
21. Воспоминания Л. О. Дан были опубликованы в 1964 году эмигрантским «Новым журналом». Парадоксально, что подлинность их оспаривалась как Б. И. Николаевским — известным историком и публицистом, одним из основных авторов и издателей меньшевистского «Социалистического вестника», так и А. М. Лариной, которая, в свою очередь, категорически отвергает и рассказ Николаевского (в нескольких вариантах) об откровенных разговорах, которые вел с ним Бухарин во время своей заграничной командировки весной 1936 года. Ю. Фельштинский («Разговоры с Бухариным». М., 1933), опираясь на архивные материалы и переписку по этому поводу с рядом современников (в том числе и на суждения такого основательного знатока, как покойный Б. М. Сапир), настаивает на достоверности и мемуарной записи Лидии Дан, и особенно свидетельств Бориса Николаевского. Я не притязаю на то, чтобы быть арбитром в этом споре. Однако, доверяя версии Л. О. Дан (основания — в статье), я склонен вслед за А. М. Лариной сомневаться в текстах Николаевского. Меня смущает их многословие,

расхожест и элементарность сведений-признаний Бухарина, содержащихся в его якобы многочисленных беседах с Николаевским. Надуманными, чтобы не сказать придуманными, являются слова Бухарина, демонстрирующего Б. И. свое «самопишущее перо»: «Смотрите внимательнее: им написана вся новая советская конституция <...> От первого слова до последнего». Так как это неправда (единоличного авторства не было), то со стороны Н. И. «сказанное» выглядит хлестаковщиной, ему не свойственной. Или: Бухарин — Николаевскому (во время их пребывания в Копенгагене): «А не поехали на денек-другой в Норвегию, чтобы повидать Льва Давидовича». Вряд ли Н. И., имея в виду свои отношения с Троцким, помыслил бы о таком даже в шутку.

22. Значительные фрагменты «Философских арабесок» Бухарина опубликованы в «Вопросах философии», 1993, № 6, с содержательным введением А. Огурцова.
23. В пользу предположения, что уничтожить ее мог именно Сталин, говорит факт, упомянутый мне Ю. Г. Муриным. В начале октября 1941 года, когда немцы приблизились к Москве, Сталин передал в архивное хранение документы, оставшиеся у него. Вполне вероятно, что он при этом захотел освободиться от части их, в том числе и от бухаринских предвосхищений.
24. Письмо Бухарина Ворошилову — одно из серии его обращений сразу после августовского процесса (1936) «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Ошеломленный показаниями, о которых он узнал в отпуске, спустившись с Памира в долину, Бухарин не находил слов, чтобы заклеить «мерзавцев», «подлых двурушников» и «убийц». Непостижимым образом он верил в признания Каменева и других относительно их самих, не понимая, в какую ловушку гонит себя — шаг за шагом, вплоть до того дня, когда переступил порог «внутренней тюрьмы НКВД», но и там опомнился не сразу и не до конца (Троцкий-враг — до бухаринского смертного часа). Недостойно было бы опускать эти факты. Ибо его прозрение было (в одно и то же время!) и незаконченным в традиционном смысле, и еще не назвавшим себя предвестником, одолевающим в пути к себе не только ложь и клевету, но и преграду чистого, незапятнанного коммунизма. Собственно, об этом моя статья. Прав я или не прав, может показать только дискуссия.
25. Оттуда же: «С 28-го на 29-е [ноября 1934 года] вижу сон. Где-то мы в гостях. Большая комната, огромный стол накрыт белой скатертью, в беспорядке стоят несколько бутылок и стаканов <...> Народу немного, не помню кто. Вдруг входит И. Я удивлена, что он пришел запросто, как я мыслю, в дом <...> не по рангу. Он грустный, грустный, почему-то обросший черной бородой заостренной, он к кому-то подходит, кто ниже его ростом, обнимает и кладет голову на плечо, а лицо грустное, грустное. Я смотрю и думаю, что-то случилось тяжелое, потрясающее, какие-то великие переживания у И. в душе. Сердце у меня защемило и щемило три дня <...> Приезжаю вчера с дачи в 9 ч. и узнаю потрясающую новость <...> Убит злодеем С. М. Киров» (Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива / Сост. Ю. Муринов. Берлин, Чикаго, Токио, Москва, 1993).
26. См.: Коэн С. Бухарин / Пер. с англ. Е. и Ю. Четверговых и В. Козловского. Strathcove Publishing Royal Oak, 1980.

Выражаю благодарность сотрудникам Архива Президента РФ Ю. Г. Муринову и В. А. Лебедеву за консультации в связи с автографом, а также В. П. Наумову и Л. К. Козлову за продуктивный обмен мнениями и ценные замечания.

Из бесед с Гефтером при работе над тюремными бухаринскими бумагами

«Слабые» не книга разговоров с Гефтером, и все же я поместил здесь отрывки из бесед, чтоб проиллюстрировать главную тему альманаха. Преимущество отдано беседам в последние годы жизни Михаила Яковлевича, когда он работал над бухаринским архивом. Среди двадцати фрагментов есть и более ранние — они важны для проблематики альманаха. (Таков, в частности, разговор 1990 года, где главную тему вел Лоренцо Скаккабароцци, верный итальянский друг Гефтера.)

Снова оговорюсь, что материалы иллюстрируют подходы Гефтера, но их не исчерпывают — будущему исследователю предстоит обратиться к его собственным текстам и записям.

1. «Я иду в наихудшее место»

Историк Михаил Гейфтер никогда не «извиняет» своих героев, одумываясь в их действия, победы и крах. Он моралист, никому не отказывающий в понимании. Цель понимания мотивирована альтернативностью истории: в самом ужасном положении у деятеля есть шанс выбора. Историк не обвинитель и не судья. Он приближает прошлое, зная, до чего близки к падениям мы сами. Заметил же некогда Александр Солженицын: «Да ведь это только сложилось так, что палачами были не мы, а они. А кликнул бы Малюта Скуратов нас...»

Из разговора с автором, 09.10.1993

М. Г.: Именно в этой форме, в форме того, что заявлено этим ужасным письмом, дух человеческий через падение выбивается к чему-то невосребованному и даже неизвестному. Я вижу здесь не «простительную слабость» или что-то еще... Нет, я именно иду в наихудшее место! Где, с моей точки зрения, находится самое невосребованно новое. Я не могу сказать, что все мне здесь ясно. Все-таки процесс писания есть процесс самоуяснения. С другой стороны, с кем спорить? Со Стивом Козном?.. Единственное, о чем я жалею, что не рискнул при еще живой Анне Лариной это сделать. Сказать ей, насколько письмо с Лубянки Сталину в моих глазах выше, чем так называемое завещание Бухарина.

Г. П.: А почему?

М. Г.: Понимаешь, это подвиг всей ее жизни — заучить и сохранить. И хотя утверждали некоторые, вроде Каткова, что в завещании не бухаринская стилистика, это неправда.

Г. П.: «Целомудренную пролетарскую секиру» сложно выдумать.

М. Г.: Она б такого не придумала.

2. «Вполне представляю себя на Лубянке»¹

В историю преданного и расстрелянного Николая Бухарина Гейфтер прямо вчитывает себя. Честность запрещала отстраниться, а опыт исключал расчет на счастливый случай. Гейфтер едва уцелел в чистках тридцатых, чудом уцелел в рожевской мясорубке или в конце сороковых, в дни сталинских антисемитских чисток. В начале семидесятых в КГБ всерьез обсуждали возможность его ареста. Все эти случаи он разбирал как исторические кейсы. Случайности творили и оживляли его, а для другого случай счастливым не был. Историк держал в уме оба полюса – счастье и гибель, абсурд и ясность, цитируя Гераклита: «Путь вверх и путь вниз один и тот же».

Из разговора с автором, 1993, б. м.

М. Г.: Кстати, вполне представляю себя в положении Бухарина на Лубянке и, вероятно, сам поступал бы так, как он.

Г. П.: Это биографическая интуиция. Примет ли это объяснение читатель?

М. Г.: Примет ровно в той степени, в какой я вправе говорить о себе тогда. Я знаю изнутри ту советскую коллективную парадоксальную осязающую себя каждодневно свободной, она прогрессирующе несвободна в самореализации. И прорыв из несвободы мог сбыться только актом самовыговаривания, которое не могло не принять вида безумия всех его участников для современного человека.

Речь не о благоразумии — речь об определенном рода советской цивилизации. Прежде чем оценивать ее по пятибалльной системе, попробуй-ка ее описать.

3. «Дурацкая идея — напишу Ельцину письмо!»

Всю жизнь Гефтер пишет письма правителям — даже Сталину что-то писал в сороковые годы. Известны три письма Горбачеву, и они были прочитаны. Под конец он написал несколько писем Ельцину — эти не сохранились, разве что в кремлевских архивах. Вот рассказ о моменте, когда Гефтер решил написать президенту письмо, и в этом решении заметен перенос — на Бухарина, писавшего «Кобе» с Лубянки. С Николаем Бухариным он испытывал странное родство — в его падении, в предгибельной слабости и упрямстве. Бухарина Гефтер прежде оценивал довольно скептически, но тот стал ему близок благодаря лубяньским транскриптам.

В кровавые дни осени 1993-го историк сам осознал себя взлетерти. Это его последнее письмо к Ельцину и последнее письмо в Кремль вообще. Никогда уже Гефтер более не давал советов власти и не пытался ее консультировать.

Из разговора с автором, 1993, сентябрь

Г. П.: Жизнь достаточно страшна, чтобы не иметь каких-то особых причин.

М. Г.: Да, конечно. Она состоит из чего-то, что много больше любой причины. Это, между прочим, серьезная вещь. Я говорю сейчас о собственной жизни. А вот когда в ней остаются только причины и поводы, это грустная штука.

Г. П.: Причины в жизни ограниченно применимы.

М. Г.: Поскольку причина как понятие суррогатна. В ней момент ложного облегчения: ага, я установил причину!.. Труднообъяснимое явление — эта удовлетворенность причинно-следственным выводением. Бухарин тоже старался закончить и подвести черту. Надо понять, что Лубянка стала для него окончательно исчерпывающей жизнью.

Трагичность ситуации неочевидна. Анну Михайловну (Ларину. — *Прим. ред.*) это, конечно, задело бы, но бухаринское письмо Сталину сентября 1937 года ужасное, психиатра впору вызывать — стоит в человеческом измерении гораздо выше, чем его знаменитое завещание «Будущему поколению руководителей партии»².

С одной стороны, не стоило заниматься такими вещами, с другой стороны, это занятие меня очень подвинуло. Казалось, я уже по поводу Бухарина высказался, хватит с меня. Так глубоко в его тюремные бумаги я еще не вчитывался. Однажды ночью пришло состояние, будто он — это я и мне важно, чтобы эта ситуация мною же разъяснилась. Чтобы я ее принял в качестве разъясненной. Бухарин только в письме Сталину пришел к разъясненности. Страшная штука, но она для меня была полезной.

Знаешь, а у меня дурацкая есть идея, хочу с тобой обсудить — написать Ельцину письмо! В данном случае удобство моего членства в его Президентском совете.

Скажу ему, что один его ошибочный шаг с неумолимостью ведет за собой другой. В апреле после референдума от вас ждали простую главную мысль — что вы Президент тех, кто голосовал против вас, в той же мере, как тех, кто голосовал «за». А вы решили стать Президентом только тех, кто голосовал за вас. Но ведь треть людей за вас не проголосовала — разве вы не их Президент? И так шаг за шагом. В огромной России идут разные процессы, и нигде — ни в городе, ни в деревне — нет мнимой «борьбы законодательной власти с исполнительной». Почему всех должно втянуть в дыру, в кратер несуществующего «двоевластия»? На каком основании?

Г. П.: Поставив задачу стать президентом «своих», он вынужден их приподнять, наградить, выделить им собственность... Оплатить их верность.

М. Г.: Да-да. Поощрить. Так рождается идиотская фраза о «президентской партии».

Г. П.: Фактически это попытка внутри России создать отдельно оплачиваемую страну. В одной стране создать другую, посадив на шею первой.

М. Г.: Один народ против другого народа. При кличах демократии, большинства, сплочения, всяких прочих вещей.

Г. П.: Он реально ведет к маргинализации России.

М. Г.: Действительно, и привел — с помощью тех людей, которые говорят умные слова, предварительно заглянув вам в рот. Ведет к фальшивому выбору, что либо вообще ничего не делать, либо действовать «решительно», то есть безумно. Хотя массу вещей можно сделать, согласуя их между собой.

Бесконечное повторение лжи, которая давно потеряла смысл, будто страна разделена на «поборников и противников реформы». Какой реформы? Что реформируется? Кто вас уверил, что рынок, существующий, сколько есть люди, насколько можно заглянуть вглубь веков, — рынок был еще в Вавилоне! — что этот рынок якобы тождествен демократии? Откуда вы это взяли, идиоты?

Г. П.: Заметь, появилось вдруг выражение — «*процесс реформ*». Оно абсолютно размыто, но, оказывается, уже есть «сторонники процесса реформ».

М. Г.: Вчера выступал Олег Румянцев, и его спрашивали: «Вы сторонник конституционного совещания или конституционного процесса?» У них там свой язык!

Г. П.: Да. Язык, который растворят все сущности, которые можно рационально оценить. Реформы еще можно сосчитать, какая реформа и чего именно. А «процесс реформ» уже нет! В процессе реформ страна находится с 1861 года.

М. Г.: Да еще с Боярской думы идет процесс реформ! Ты прав. Напишу-ка Ельцину короткий текст. <...> Думаю, надо выразить идею, что, импровизируя, нужно политической элите дать время на обдумывание. Если даже идти на выборы вопреки Конституции, но во имя человеческого здравого смысла — надо сочетать выборы Президента с выборами Законодательного собрания. Иначе это расправа, за которой нет ни права, ни государства... Рискните! Тогда, может быть, поймут и примирятся со странным шагом роспуска Верховного Совета указом главы исполнительной власти. Но уже не откладывайте ни то ни другое. Это риск. Ведь мы же не знаем, какую получим законодательную власть.

4. «Идентичность перед расстрелом»³

Гефтер не забыл, что большевизм в его истоке – философия сопротивления, антиимперское и антивластное освободительное движение, отвергавшее Российскую империю как преступное государство. Двигаясь в сторону Человека Слабого, Гефтер хочет понять, как в Человеке Слабом рождается новое сопротивление. Историк ищет, сохраняется ли

в Бухарине это раннебольшевистское свойство? В последние дни на свободе у Бухарина его нет, оно появится только в расстрельном блоке Лубянки. Гегтер не забывает упомянуть, что «на уровень высокого абсурда» поднялись только двое: Бухарин — и Сталин.

Из разговора с автором, 1993, б. м.

Г. П.: А ты где запнулся с Бухариным, что не вышло? На метафоре «силы слабого человека» сталинизм не развинтишь?

М. Г.: Ну да, а на ней все построено. В речи на суде Бухарин почти уже верит во все, что говорит. При всей их полярности в важных точках характера Сталин ему очень близок. Он вошел в его роль, принял ее и исполняет с достоинством. Это не забитый Рыков⁴, говорящий вымученные слова. Нет, Бухарин говорит — мы, заговорщики, парни раздольные, лихие, свое контрреволюционное дело делали спустя рукава. Сюжет его заключительной речи — заговор был, но велся вполсилы. Так он подводит к доказательствам, что шпионом не был, Менжинского не убивал и вообще не причастен ни к одной смерти. С другой стороны, зачем ему вообще затрагивать этот сюжет? Мы, мол, неполноценно делали свое злое дело, без убежденности в том, что его вообще надо делать — и якобы это все Гегель называл *несчастнейшим сознанием*. Зачем ему весь этот сюжет? Заключительная речь производит впечатление энергией и курсивностью, которая не покидала его до предсмертного часа. А теперь насвистывают: то «Бухарин — пионер рынка», то «Бухарин мерзавец, как все большевики». Погудки для дураков, они просто смешны.

Г. П.: Слышал даже, что «Бухарин — убийца Есенина»!

М. Г.: Случай Бухарина уникален, надо дать отчет. Его не подвергают телесным пыткам, дают в камеру столько книг, сколько закажет. Он пишет там философский трактат и роман, препираясь с наседкой Зарецким. Надо же быть в состоянии творить на Лубянке столь энергическим образом. На февральском пленуме 1937-го Осинский⁵ выступает и, спасая себя, говорит: «Да что вы с ним обсуждаете? Отправляйте на Лубянку!» И тут же рассказывает, как встретил Бухарина на улице и тот признался, что не понимает категорий «противоречие» и «качество». Даже для сдавшегося Осинского это все еще существенно!

Бред истории — моя любимая тема. Бреда на пленуме много, но на уровень высокого абсурда, фундаментального для Homo sapiens, поднимаются только двое — Сталин и Бухарин. Зато самые подлые там Ежов, Каганович и Молотов. Молотов Бухарина прямо толкал в могилу. Но когда он обвиняет его в приверженности к буржуазной демократии, Бухарин напоми-

нает про 7-й конгресс Коминтерна⁶. «А помните, — говорит, — мою речь на Учредительном собрании, против буржуазной демократии?» В их среде все еще привычно помнить о Коминтерне, марксизме и Учредилке.

У Бухарина на пленуме никакого ресурса оборонной наступательности. Появится таковой на Лубянке, когда он встанет на путь признания — и обретения новой идентичности. А найдя, вступит в бой с Вышинским. Только по частным вопросам, но — в бой!

Г. П.: Разве предарестное письмо «будущему поколению вождей партии» написал человек, лишенный идентичности? У меня обратное ощущение.

М. Г.: Вот тебе — пленум, и лишь через десять месяцев письмо Сталину. И сразу затем процесс.

5. «Человек Слабый сближен с Голгофой»

Гефтеровские рассуждения о тайне падения Николая Бухарина достойны пера Кестлера, но с совершенно иным выводом. Здесь Гефтер возвращается к (впервые опознанной им как историком) теме «оттепели середины тридцатых», соавторами которой были Бухарин и Сталин. Лишь в 1937 году Сталин расточит предальтернативу сталинской нормализации: то, что Бухарин назвал «социалистическим гуманизмом», а Александр Дубчек в 1968-м — «социализмом с человеческим лицом». Но и Сталин с когортой верных ему сталинистов был соавтором альтернативы. самого яркого он устранил — Бухарина, писавшего Конституцию 1936 года «этой вот авторучкой».

Историк видит здесь античную трагедию, но без сантиментов, где «трагизм» извиняет подлость и ложь героя. Человек Слабый выступает у Гефтера в ряду Гамлета, короля Лира и Иисуса Голгофы. Не видя этого, не понять историка, продумывающего судьбу Бухарина на Лубянке как голограмму трагедии советского коммунизма.

Из разговора с автором, 1993, б. м.

М. Г.: У Бухарина со Сталиным идет диалог двоих. Он идет сквозь все до конца. Вот февраль 1937-го, партийное судилище, откуда его уведут на Лубянку.

«Бухарин: Я говорю здесь правду, никто не заставит меня говорить на себя чудовищные вещи, которые обо мне говорят, и никто от меня этого не добьется ни при каких условиях. Какими бы эпитетами меня ни называли, я изображать из себя вредителя, изображать из себя террориста, изображать из себя изменника, изображать из себя предателя социалистической родины не буду.

Сталин: Ты не должен и не имеешь право клепать на себя, это самая преступная вещь... Ты должен войти в наше положение...» И так далее. При заданности спектакля развязка известна одному Сталину и полностью очевидна только ему. Не исполнителю Ежову, не приспешникам-статистам в зале, кто изображает праведный гнев, позволяя сценаристу и постановщику в едином лице проявить терпимость.

Понимаешь, здесь важный момент. Мне важно, что они тут вдвоем говорят на одном языке, но на столь разошедшихся диалектах этого языка, которые заведомо исключают понимание. Бухарин вроде бы несомненно искренен. Но что если искренен и второй? И то, что происходит, вводит нас в действие, подобное античной трагедии? А мы в роли хора, который знает наперед все, что случится с героями, но бессилён подсказать им поступки, которые исключили бы предначертанное судьбой. Бессильные подсказать Бухарину, мы бессильны подсказать Сталину.

Если иметь в виду привычный взгляд на вещи: палач, жертва, их взаимоотношения, — в стенограммах идет странный диалог жертвы и палача. Видно желание Сталина играть роль судьи, который одновременно истец. «Войдите в наше положение...» В другом месте Бухарин — «Если вы человек... Мне трудно...» — «А нам легко?» — отвечает Сталин. Может, и ему нелегко? Но что именно нелегко? Роли-то сближены. Можно взять из Бухарина место, где он писал накануне пленума: «Слава наших органов заключается не только в том, что они разыскивают виновных, но и что они охраняют невиновных... Я довольно настрадался по милости врагов нашей страны [это он о троцкистах. — *Прим. ред.*] и прошу ЦК положить конец этим незаслуженным...» Если не считать, что это античная трагедия, где каждому отведена своя роль, Бухарин ужасен! Вот когда мы выходим на истинную коллизию: для него это трагическая и великая современность, бесконечно побеждающий социализм, нескончаемо побеждающий. Победивший социализм он воспринимал как «великий и трагический театр жизни», — а в театре разрешается и ненавидеть! Этого человека вечно заносило. Анна Михайловна говорит: зачем ему политика? Займись он биологией, его б вместе с Вавиловым посадили! Но мне важно не то, что он лично наивен. Большого ума не нужно было бороться с Троцким. Пройдет немного лет, и где его ум? Опять наше российское горе от ума? Или горе уму, так верней.

Но театр он продолжил тем, что и сегодня нынешнему человеку не понять. Бухарину тяжка мысль о преступлении. Он ведь в театре считал себя не последним, не закулисным актером. Это его театр. Какую же роль он сыг-

рал? И была ли его роль вовсе не совпадающей с ролью Сталина? В чем их коллизия, которую мне важно эскизно прописать?

Коллизия в том, что из преисподней явился нацизм. Спутав все карты привычного европейского хода вещей, в том числе кризисного и самообличительного. Ход вещей застаёт неготовыми не только государственных слуг, но и носителей высокой мысли. Заставши всех в далеко зашедшем самобичевании европейской цивилизации. В странной комбинации, когда страдания разоренного человека низов совмещаются с самообличением, самоотрицанием этой цивилизации, делая ее слабой, неподготовленной. Они не понимали, что в фашизме не просто рикошет варварства, ударивший по современности, а нечто новое по отношению к новейшему времени.

Интеллигент уповает на тех, кто, строя новый мир, обрел в СССР могущество и соединил обновление с могуществом. Его ставка — на советских двойняшек обновления и могущества. На их спасительную мощь, на их подготовленность, их слаженность в европейском разладе. Бухарин из когорты людей эпохи, когда Россию мыслили приносимой в жертву мировой революции — во всяком случае, поприщем для нее. Теперь роль выступает в новом свете — Россия наиболее приспособлена к тому, чтобы бросить свой вес на чашу борьбы с фашизмом. Для Бухарина это чаша личного уничтожения, вычеркивания себя вместе со всем фашистским изуверством. Не задумываясь над тем, кто придет, чему он очистит место.

Ведь навстречу будто шла изнутри страны новая волна. Страна перенесла коллапс уничтожения деревни, выметнув миллионы людей в борьбу за темп, в новостройки... Но накануне 1937-го Союз выглядит уже страной, вступившей в фазу освоения и замирения по всем линиям и плоскостям человеческого бытия. С рабочими — приостановкой темпов индустриализации. С крестьянами — уставом сельхозартели, подсобными участками. С интеллигенцией — закрытием монопролетарских организаций и консолидацией на творческой основе. А есть еще 7-й конгресс Коминтерна — замирение с теми социал-демократами, кто готов включиться в борьбу с фашизмом.

Все персонифицируется в лице Сталина — лидера примирения. Почему не примириться с его злобными чертами, с его противочеловечными свойствами ради того, что он воплотил собой замирение? Выведенное на европейскую и мировую сцену, это замирение становится антифашистским, оно вычеркивает фашизм. И тогда он, Бухарин, уже не статист, не закулисное лицо, подающее реплику в процессе, — он одно из действующих лиц, заново нашедших себя.

А тот, другой, кто в этом диалоге? «Нам тоже трудно» — ему что трудно? Его что подстерегает? Опасность стать ненужным в процессе, которому он же дал зеленую улицу. Теперь ему нужно чем-то преградить, запрудить этот им заявленный поток. Но чем заградить примирение? Сколько нужно человеческих трупов, чтобы запрудить такой спонтанный процесс? И уже тогда, запрудивши, вывести его в иное русло, которое будет только его собственным, одного Сталина руслом. Его устраивающим, ему покорным, его заново утверждающим и в него помещенным руслом.

Вплоть до им же заявленной Конституции? А она плоха ему или, наоборот, хороша? Конституция 1936 года вела к замирению. Но она еще и требовала продолжения, открывающего дорогу многим, кого революция отбросила на обочину. Теперь те смогут вернуться — от интеллигента до раскулаченного... Или все наоборот, а цена их возвращения для Сталина — стать ненужным? И в этом деле, чтобы запрудить процесс примирения трупами, Сталин отвел Бухарину важную роль: он зовет его в сподвижники. На страшное дело зовет. Не просто в качестве жертвы: в качестве той жертвы, которая и здесь станет действующим лицом! А что Бухарин? Он начал с «вы никогда меня не заставите». Но 10 декабря 1937 года Бухарин принимает на себя эту роль: «Я тебя по-умному полюбил». Все! Обрыв! Он «по-умному полюбил» Сталина, и второе, вот оно: «оправданность чистки во имя Конституции и антифашизма» — два! И третье: но я не могу играть эту принятую роль, если не буду убежден, что ты знаешь о моей невинности — теперь, на краю смерти, мне достаточно, чтобы ты знал! И все — я иду. Я иду, Иосиф! Я иду, Коба — я с тобой!

И если мне скажут, что это не трагедия, я отвечу: перечитайте «Эдипа». Человек Слабый — неперемное лицо классической трагедии. Ведь Эдип — слабый человек. Античная трагедия к этому на подступе, а у Шекспира герой сплошь всегда слаб! Слабый человек Гамлет, слабый человек Лир, Отелло! Даже Антоний — Человек Слабый...

В сущности, слабые все! Все развязывают мешок Пандоры, вызывая к жизни то, с чем не смогут справиться. Все бессильны против того, что начали сами. Каждый начинал сам: Гамлет начинает, а уж Лир-то определенно сам начал. Отелло чем начинает? Избыточностью любви. Другой избыточностью прозрения: скажи, пожалуйста, — ему весь мир тюрьма, а Дания — худшая из арестантских! Так от Иисуса к Гамлету открывают человечество. «Весь мир — тюрьма» — вот в таком виде открыли человечество. Тут на каждом повороте пахнет Судным днем. Человек Слабый сопряжен с Судным днем, а Судный день — с Голгофой. Да кто бы поверил в Судный день, если

б не Голгофа?! И кто бы стал верить в Голгофу, если б не Гефсиманское боение?!

6. «Сегодня коммунист гол, как король Лир»⁷

В рефлексию падения Николая Бухарина и европейских левых Гефтер включает фашизацию Европы тридцатых. Для левых Иосиф Сталин остался последним выбором антифашиста. Экспансия нацистов сводила европейского интеллектуала с ума – он не находил, кого еще противопоставить Гитлеру. И тут его подождал «Коба». В Советском Союзе интеллигент сойдется со Сталиным на Лубянке для заранее проигранного боя. Впереди еще много проигранных безнадежных боев – испанский окоп Хемингуэя, безнадежное сопротивление Андре Мальро. 1941 год солдата Гефтера.

Гефтер впервые говорит о письме Бухарина как о «теологическом документе века» и оценивает первую десталинизацию пятидесятых годов как «посмертное тираноубийство».

Из разговора с автором, 1993, б. м.

М. Г.: Бухарин на Лубянке выступает в двух лицах. Что до «троцкистов», те у него последние подлецы и, конечно же, контрреволюционеры. В отношении их для него допустима уверенность, что они в союзе с Гитлером. Даже если объяснять это тактикой самозащиты, все выглядит скверно, если не гнусно, а главное — не соответствует складу характера Бухарина. Но он себя уверил и теперь в этом уверен. А уверившись, что они могли такое сделать, какие основания у Сталина не распространять это подозрение на него?

В пределах этого речевого поведения все преимущества на сталинской стороне, и, согласно сэру Исайе Берлину, сталинцы искренни, хотя некоторые догадываются, что им грозит. Их реплики на пленуме 1937 года кошмарны, это лексика кандидатов в мертвецы. Из них не вырывается простая реплика здравого смысла — да быть такого не может! А почему она не вырвалась? Расшифруем их логику, так называемую логику классовый борьбы. Согласно той, любой, проигрывающий в классовой борьбе, оставаясь в ее пределах, вправе хвататься за любое средство — такова норма! Классовый императив разрешает терпящему поражение применять любые средства неограниченно. В эту норму не входит нравственное самоограничение: я человек, и так я не поступлю ни за что.

Но ведь и фашизм был реален, и реален «фашистский человек» с его нахрапом.

Г. П.: Ты хочешь вникнуть в их мотивы или реконструировать альтернативу?

М. Г.: Я пальпирую утрату советским коммунизмом содержания истории. Поскольку у истории есть человеческое содержание, утрата выступает деградацией речевого поведения. И возврат в этом случае станет возможным только на самом краю их жизни. Для этого каждому коммунисту, как королю Лиру, надо стать голым человеком. Тогда только в его поведении и сознании его восстанет зыбкий контур другой жизни. Это невозможно, пока люди ставят логику «вражеского окружения» и «террористической деятельности» в один ряд с приверженностью к буржуазной демократии. Для них это были вещи одного порядка, стоящие в одном ряду мотивов. Грубо говоря — раз ты за буржуазную демократию, почему тебе не убить Кагановича? Ведь это норма классово-борьбы.

Отчего могучий левый Запад капитулировал перед Сталиным и оказался разоружен перед лицом фашизма? Они так далеко зашли в критике буржуазной цивилизации, что не находили опоры в ее пределах. Тогда последняя оставшаяся им опора — сталинская Москва и могущество Красной армии. Если и их не станет, ресурсов не остается вообще — что и случилось после советского пакта с Гитлером.

Тогда только — я говорю упрощенно — пришел боевой экзистенциализм Сопротивления как ресурс. Человек на краю, признав свою смерть смертью, воздвиг соответственный поступок. Руководствуясь знанием того, что его *смерть важна* и что *память* — иное имя смерти. Ты следуешь нормальности смерти как исчерпывающего подытоживания жизни? Этим ты входишь в память, ибо мертвые однажды воскреснут. Где? В памяти, где же еще им воскреснуть! Я не только разъясняю так свое понимание писем Бухарина Сталину, с их контуром человеческого безумия. Нет, я еще утверждаю, что его письмо в Кремль с Лубянки — теологический документ века.

Г. П.: Это хорошо бы мотивировать, между прочим.

М. Г.: То, что я говорю, и есть моя мотивировка. Бог является к людям, избрав для этого обличье Сына Человеческого. Бог не может сойтись с людьми вполне, не войдя в какого-то из них нераздельно — без этого встреча не состоится. Без торжества слабой человечности не выйти из тупика теодицеи: зло царит в мире, откуда удален Бог — пока Он, всесильный, не вернется во славе.

Когда Гегель говорит «все действительное разумно» — это конформизм. Все подвластно разуму, нет же ничего, чем разум раньше или позже не распорядится. Нет коллизии, где бы разум не взял верх, так или иначе, ибо что не в домене разума? Тогда Шестов говорит: да пошли вы к черту со своим разумом! Если все в домене разума, то все попадут либо в домен Ста-

лина, либо в домен нации «окончательного решения». А Гегелева «роза на кресте современности» обернется Endlosung'ом.

Кто против? Против — слабый голос слабого человека. Слабость человека в какой-то момент легла на чашу весов и, легкая, не перетянула чаши, где была сила и собрались сильные люди. Но слабость несла предчувствие, аромат выбора. Выбор тридцатых не мог быть сделан в среде сильных сильными людьми. Чтоб явились люди выбора — дерзкие, нравственно упорные, перешагивающие через ложь, — должны были подать тихий голос и уйти в небытие слабые. Но они, слабые, присутствуют и в выборе сильных.

Г. П.: Что если это не слабый человек, а всего лишь голос его слабости? Слабость ведь бывает разного происхождения, по себе знаю.

М. Г.: Нет, я утверждаю, что Человек Слабый — это такая же дефиниция, как Homo erectus или Homo sapiens, человек прямостоящий и человек мыслящий. Таков его антропологический статус в истории. Слабый может сделать что-то, что сильному не дано. Тираноубийство, к которому напрасно призывал Мандельштам в антисталинском стихотворении 1933 года, над Сталиным все же свершилось — посмертно.

7. «О чем я жалею в Сталине?»⁸

Михаил Гефтер провокационно заострил деконструкцию Сталина. Он говорит о биографии, которую тот втайне писал для себя, и та определяла его решения. Убийство друга не было для Сталина простым делом. И альтернатива, которую воплощал Бухарин, еще не забыта его злодеем-соавтором. Шагнув навстречу альтернативе, «Коба» должен был бы пожертвовать собой другу «Бухарчику». Антисталинист Гефтер сожалеет о Сталине? Нет — но о «великой возможности», погибшей в убийце.

Из разговора с автором, 1993, б. м.

М. Г.: Анну, молодую жену Бухарина, высылают в Астрахань с женами расстрелянных маршалов. Потом в Астрахани арестовали их всех, кроме двух, перестреляли. Жизнь сохранили Анне и жене Якира. Почему Якиру, судить не берусь. Запало в сознание Сталина, что Якир перед расстрелом крикнул: «Да здравствует товарищ Сталин!» — или что-то еще? Анну Михайловну отправляют куда-то под Челябинск, где пытаются вкрутить дело о контрреволюционной деятельности. Устроили даже мнимый расстрел. Вывели якобы на расстрел и во время этого расстрела (мнимого, но задним числом!) бежит человек — прекратить! После этого Ларину привозят в Москву на Лубянку. Она глядит с удивлением: повсюду грузины — какой-то

переворот? Где Ежов? Ее принимает новый наркомвнудел Берия, пролистывает дело и говорит: «Ах, какая вы доверчивая» (кому-то она там в лагере наговорила лишнего). «Вы остались одна после ареста Николая Ивановича?» Берия ведет разговор таким образом, что у нее создается впечатление, будто Бухарин жив — Берия нарочно говорил о нем как о живом человеке.

Все это поразительно. Демонстрируя расположенность к ней, чего добивается Берия, зачем она ему в Москве? В деле Бухарина никакой инициативы проявлять нельзя, действует непреложное правило: с тем, кого числят за Сталиным, инициатива недопустима. Берия выясняет у Лариной, что именно перед арестом Николай Иванович говорил о «выдающихся деятелях нашей партии» — Сталину важно, что давно мертвый Бухарин о нем говорил! Так Сталин пишет себе биографию. Я знаю таких людей, вся их жизнь есть продумывание личной биографии.

Итак, с Лубянки Анну Михайловну со свежими фруктами отправляют в камеру, где держат довольно долго. Каждый месяц она получает перевод на 100 рублей и спрашивает — от кого, кто-то из родных? Нет, говорят, — внутритюремный перевод. Наконец отправляют в лагерь.

Проходят годы — истек срок заключения. Послевоенное время, обычная тогда практика — всем продлевают сроки автоматически. Но нет, жену Бухарина, хотя и с ограничениями, выпустили на свободу. Единственная линия преследований — ее второй муж. У нее роман с хорошим человеком, который очень ее любил. Возник брак — и нового мужа преследовали с невероятной изощренностью, пока в конце концов он после освобождения не умер. Но ее не трогают!

Кто кроме Сталина мог распорядиться освободить жену Бухарина? Все получили продление лагеря, кроме нее. Кто еще мог в СССР, тайно следя за ее судьбой, ею распорядиться?

Сына Юру передавали с рук на руки между родственниками. После войны последнего из родственников посадили, мальчика отправили в детский дом. Считая родственников своими родителями, он не понимал ситуации и из детского дома бежал; его возвращают. Недавно собирались питомцы этого детдома, и старушка директриса рассказала Юре: когда ты сбежал и тебя вернули, меня вызвали в НКВД и сказали: один волос упадет с головы мальчика — и тебе головы не сносить! В какой-то Саратовской области местному НКВД пришло бы такое? У мальчика и другая фамилия была, и другое отчество даже. Нет, у Сталина в его личной биографии есть секретная бухаринская глава, где ее и его судьба связаны. Может, Сталин Бухарину это как-то пообещал, не знаю. А может, сам решил, что такая глава хорошо

бы выглядела в его тайной биографии. Тайную биографию он писал только для себя одного... Знаешь, в этой истории Бухарина мне жаль бесконечно, но мне и Сталина жалко.

Г. П.: Вот чего не пойму — жалко? Я не против слова, я по сути. Ведь Сталин в приведенных тобой примерах знал, что врет. Или для него это как-то не так?

М. Г.: наших форм солипсизма тебе не понять. Причастные к власти большевики убеждены, что в принципе им уже принадлежит земной шар! Хотя слово «жалко» здесь непригодно. Жалею что — какую-то такую его сторону, которая на благо? Нет, вероятнее, нечто им и нами утраченное. Нами со Сталиным вместе.

Г. П.: Жалеть — ведь это чувствовать родство.

М. Г.: Пожалуй, слово не то. «Жалость» здесь экзистенциальная, конечно. Я жалею в Сталине восходящий в нем страшный вопрос. В этом человеке выраженное в чудовищной форме — а может, и не могущее быть выраженным не-чудовищно — погибает такая масштабность! Масштабность, при которой все, во всех тогдашних существованиях, могло быть увязано человечески. Но могло ли оно быть увязано иначе, не сталински?

Г. П.: Ты не досказал — ощущаешь ли ты некоторое с ним родство?

М. Г.: Родство, говоришь? Конечно. Это вся моя жизнь того времени. Я тяготел к этому, не ради себя лично, но ради участия в той масштабности. Конечно, я ощущаю родство, — и оттого сегодня тяготею к совершенно иному.

8. «Абсурд сотворяет Мир»

Мысли Гефтера об абсурде ведут к теологии Homo historicus, Человека Исторического. Абсурд — это игра человеческого рода с планетой, все более опасная игра. Абсурдная мечта фашистов об «окончательном решении» равна в абсурде коммунизму с требованием «единого человечества». Предельная форма абсурда — миропорядок холодной войны, абсурдная повседневность, не объяснимая никакой идеологией XX века. Говоря о «глобальном расизме» догмы взаимного уничтожения, Гефтер ищет не разрушительный для человечества исход из холодной войны. Процутывает резервы Человека Слабого перед вызовом «глобальной окончательности».

Из разговора с автором, 1994, б. м.

М. Г.: Существуют некоторые важные определения, но их важность требует разъяснения. Например: что такое абсурд? В словаре Даля его просто нет.

Вообще говоря, абсурд — суждение о действительности, нас окружающей, исходящее из действительности, которой нет. Абсурд появляется в момент, когда человек определяет себя по отношению к действительности, которую застал и которая приурочена к его существованию. Его отношение, однако, определяется иной действительностью — которой не существует. Зазор между определениями производит взрыв представлений, к чему можно отнести трафареты понимания абсурда как бессмыслицы и нелепицы, которую вместе с тем можно называть пророчеством или утопией, не открытием, но откровением. Чем-то наподобие сотворения человеком мира для самого себя.

Абсурд миросотворяет. Он сотворяет Мир человека, исходя из абсурдного представления, будто Земля создана, чтобы человек ее всю заполнил. Чтобы он распространился по ней. Будто она мирозданчески такова, чтобы, заполняя, человек делал ее существующей для себя одного. Что само по себе величайший абсурд, за который люди расплачиваются. И величайшая нелепица, поскольку человек знает, что планета была до него и помимо его. Тем не менее он свое представление воплотил в жизнь и достиг степени, при которой его нелепое представление соответствует реальности негативно. Эта реальность является уничтожающей, губительной реальностью либо той, которая требует превращения в ноосферу, например по Вернадскому и Тейяру.

Короче, абсурд — это сотворение человеком Мира себе, исходящее из посылки, будто Мир существует только в степени, в которой он сам здесь присутствует. Если же исходить из того, что абсурд лишь бессмыслица, то это понятие инструментально или словесный мусор для шаржированных ситуаций. Абсурд присутствует в высших актах мышления, которые кажутся безумием. В профессии шута, в мудрости юродивого и так далее. С этой точки зрения абсурд парен истине. Истина по отношению к тому, что есть вне и помимо человека, вообще пустое понятие. В познании, которое именуется научным, речь идет о достоверности или недостоверности, большей или меньшей опровержимости, проверяемости. Понятие «истина» для деятельности, обращенной к среде, существующей вне человека (и помимо его, что важно), вообще говоря, совершенно не нужно. Оно нужно и важно, когда речь о непознаваемости человеком самого себя.

Раскрытие тайны, которую представляет для человека он сам, не может фигурировать в виде суммы приблизительных представлений. В качестве раскрываемой тайны истина должна быть выражена единственно и абсолютно. Но человек как тайна не допустит, чтобы тайну, которую он составляет сам для себя, можно было представить в виде частных определений и отно-

сительных истин. «Относительная истина» — довольно бездарная выдумка. Единственность и абсолютность истины является движущей, адекватной человеку, но очень опасной, очень большой. Заставляющей предположить, что человек в основе большое самолечащееся существо, в процесс самолечения готовый втянуть всех и все на Земле! Что также абсурдная ситуация.

Абсурд настолько планетарен, настолько движим к исчерпывающему абсолюту, что материализованно выражает себя в идеологических формах самоуничтожения человека. Формах, так сказать, «глобального расизма». Принципиальное отличие нацизма не в том, что это вооруженный расизм, и не в том, что он зашел далеко, а в том, что он заданно планетарен. Он не признает существования никого, кроме одной своей расы. Раса должна быть единственно планетарная, абсолютная. Не просто надстройка, не прогрессия расизма в его чудовищно исполняемую степень — нет, это глобальная окончательность. Такая как Сталин. Такая как ядерный арсенал сверхдержав холодной войны.

Вот он, этот абсурдный ряд. Что же противостоит ему в качестве истины? Слабость человека. *Человек Слабый*, вероятно, еще способен превозмочь ситуацию планетарного абсурда. Осознающий, что сумеет остаться человеком лишь в ограниченных, обозримых, самопредельных состояниях и возвысившийся, интеллектуально и нравственно, до равенства несоответствующих частных различий.

С этой точки зрения XX век сопрягает абсурд «окончательного решения» с истиной, отвергающей окончательные решения.

9. «Память раба смеет сопротивляться»

Историк Гефтер не идеализировал историю. Напротив, он считал, что историю как состояние надо сдерживать, иначе ее тотальность пожрет человеческий род. В побеге из эволюции Homo sapiens попал в опасную для себя игру — историю. И тут восстает культурная память. Память сдерживает историческую маниакальность, но и сама память опасна также. Михаил Гефтер раскрывает эту идею на примере «трех наших великих», которых любил и, можно сказать, исповедовал. Михаил Булгаков, Андрей Платонов и Осип Мандельштам для Гефтера — евангелисты русского XX века.

Из разговора с автором, 1993, б. м.

М. Г.: Возвращаясь к 1937-му, нашу великую трицу — Мандельштам, Булгаков, Платонов — можно рассмотреть еще и под углом зрения памяти. Постоянное освежение обращений к памяти у каждого, стремление изверг-

нуться вглубь. И вместе с тем «покой» Мастера в таинственной коде булгаковского романа связан с обеспамятливанием: тот забывает все! Иван судорогами сознания что-то вспоминает и под властью памяти стал историком. Мастеру же с его освобожденной памятью даруют покой, где нет места памяти, ибо память принадлежит Свету. Увидеть страшный обрыв 1937-го как конвульсию обеспамятливания если не массового, то распространяющегося, захватывающего почти всех. Что-то проваливалось, что-то уходило.

Рассмотри положение Бухарина: на Лубянке он кто? Сознательно или полусознательно под натиском страшных обстоятельств изменил себе? Или эту измену уже не ощущал как измену? Потому что ей предшествовали годы, когда он стирал из сознания, из памяти годы, когда отстаивал совершенно иное? Все, что было вокруг, и все, что в нем было, подготовило какую-то особенную капитуляцию — преклонения перед не-своим, чужим результатом. И в качестве преклоненного он становился до известной степени рабом Сталина — рабом его хотений, его повелений. Ситуация вытертого, устранившегося и забытого прежнего себя начинает работать и дает результат судебного процесса, который непостижим для нас. Я имею в виду Бухарина, который забыл не все и, припертый к стенке на процессе, что-то стал вспоминать — отклоняя обвинения, вступая в схватку с Вышинским⁹. Но тем самым через вопрос о подсудности, через недоумение мы выходим на действительно важный вопрос.

Если даже история действительно является «все», мы выходим на человеческое сопротивление тому, чтобы она стала «все». Да, история посягает на это! Она рвется от клочка земли к ойкумене с чудовищной силой экспансии. Внутренняя «программа человечества» заявкой на приобщение к человечеству всех предусматривает, что, когда выбор людей прорывает заданность, он оформляет себя в «истинную действительность». Это же не выдумка! Превращение того, что предшествует, в пролог и пьедестал состоявшегося входит в суть истории. Но свойства истории есть свойства сознания, которое пытается переустроить условия человеческого существования соответственно себе. Встает вопрос: если, несмотря на эту программу человечества, на ее гигантские ресурсы экспансии, у истории не вышло, значит, есть нечто, этому противящееся?

Если история — это движение от будущего к прошлому, то это движение рождает внутри себя силы, которые сокрушают его послышки и обесмысливают существование человека. В результате возможности иссякают и движение подходит к своему краю. Но поскольку это движение сознания, то сознание начинает сопротивляться. Оно говорит «нет» своему движению.

Возникает проблематика выхода за предел, и с этой точки зрения тридцатые годы были попыткой выйти за предел. Что можно рассмотреть на примере трех наших великих.

10. «Гегель поощрял Ленина на избыточность действий»

Всю свою жизнь историк Гефтер вдумывался в интеллектуальную биографию Владимира Ульянова. В ленинских странностях и эксцессах он нашел ход в проблематику русской теории действия. Здесь важна тема «избыточного действия», к идее которого Ленин Гефтера приходит, обдумывая «Науку логики» Гегеля. Человек – недостаточен, его норма аномальна, и эффективное действие должно стать избыточно. (Кажется, Ленин применил санкцию Гегеля, как я – санкцию Гефтера.)

Из разговора с автором, 1992, август

М. Г.: Поскольку русская революция себя утверждала как мировая революция, постольку те элементы населения, которые по разным причинам тяготели к такому пониманию этой революции, приобрели в ней активную и важную роль. Не одни евреи были «еврействующие». Назову первого еврея России — Петра Яковлевича Чаадаева, тот вообще писал не по-русски, а по-французски. Кто-то мне говорит, что у них было более рациональное сознание, а не мировая революция в голове. Я бы ответил так: да, допустим, но вы объясните мне, почему люди, которые дышали мировой революцией и производили «эксперимент над Россией», почему эти люди нашли такую поддержку в русском мужике? В чем сошлось? Почему сторонник мировой революции Ленин своим «Декретом о земле», к которому он пришел долгой внутренней работой сознания, а не просто тактической уступкой, сделал мужицкую Россию своей союзницей и опорой? Вы мне скажете: поглядите на страны, пошедшие по буржуазному пути — я на это предлагаю другую идею.

Русская революция захлебнулась в своей крови, в неудачах, но опосредованно она вложилась в то, как буржуазные страны стали тем, чем никогда бы не стали, если б не революция Ленина со всеми ее трагедиями! <...> Применительно к времени Ленина пограничность, которая нас с тобой занимает, она и там тоже. Ленин вне культуры и Ленин внутри культуры.

Г. П.: Вне — поскольку багаж культуры коснулся его недостаточно?

М. Г.: Очень избирательно... Наложив некую печать, отчасти разрушительную, но такую, что стала менять всю его парадигму, все его проблемное поле. Беручастный сюжет — и начинает папахивать инопланетянами. Такова вся одиссея его идеи об «американском пути» развития России. Что он знал

об Америке? Почему именно это, зацепившись за одно небольшое место у Маркса, так врезалось в его сознание? Если писать, этому надо придавать заостренную вопросительно-эвристическую форму. Наружу надо вывести недоумение! Вот я знаю о Ленине, во-первых, больше вас всех (простите за нескромность); во-вторых, кое-что знаю о Ленине даже больше, чем он сам. И именно это обстоятельство рождает мое недоумение. Я начинаю теряться: с кем тут я имею дело — с кроманьонцем?

Г. П.: С кроманьонцем XX века.

М. Г.: Возвращаясь к Ленину, еще пример приведу. Как-то Огурцов меня спрашивал, давненько был разговор, в шестидесятые годы. В связи с историей, как Сталин велел Кедрову написать статью в «Вопросы философии» о ленинских «Философских тетрадах», указав, что в них актуально, а что чисто его личное. Чем-то «Тетради» Сталина не устраивали. И Огурцов говорит: миленький, скажите, для чего вообще это Ленину понадобилось? С чего это он вдруг ушел в гегелевский запой? Я ему: с разбегу, вот два момента. С одной стороны, Ленин — загнанный в угол человек. Кругом кипит котел истории, мировая война, сулящая нечто не предусмотренное ходом вещей, чреватая социальными катаклизмами и новым Интернационалом. Все иначе, все заново, а он тут — один и загнан в угол. Его нелепые до жути эксперименты с социалистической революцией в Швейцарии заставляют думать, что этот Ленин просто сумасшедший. С другой стороны — время у него было относительно свободное, и, наконец, он впервые взялся читать Гегеля. Это его очень подвинуло вперед — между прочим, из занятий Гегелем, из этого одиночества и сумасшествия вышел несколько другой человек. Странные гегелевские мостки в будущее!

Обращаясь к Гегелю, Ленин высвобождается из сильного страха всей своей жизни. Вечно гонимый Плехановым (который и был настоящим его оппонентом), Ленин всегда боялся оказаться неправовверным марксистом. Но в Гегеле он соприкоснулся с учителем самого Маркса, и это сделало его свободней по отношению к обоим. Даже и этого мало! Неисповедимы пути Господни, когда скрещиваются вещи, относящиеся к интимному духовному миру отдельного человека, который до того чего-то не знал, чего-то не читал и оказался в Швейцарии припертым к стенке «белым волком», как его Крупская называла. А тут вдруг гигантская перемена — русский мужик с винтовкой на всемирной сцене.

Но есть еще нечто. Ленин получил от Гегеля санкцию на субъективное действие, превышающее норму прошлой истории и никак, ни прямо,

ни окольно, не вытекающее из предшествующего ему. Гегелевская мысль, связанная с знаменитым фрагментом о хитрости абсолютного разума, но растворенная у него повсюду: о праве на избыточность! Ленин воспринимает это не вполне по Гегелю, как рок и недуг избыточности исторического человека. Нет, Ленин это воспринимает как санкцию на избыточное действие!

Удовлетворит ли нас здесь разговор о стохастических процессах с флуктуациями и бифуркациями? Удовлетворит или есть нечто сверх? Тут надо вводить сюжеты новеллами. Например, вот новелла навскидку: избыточность и недостаточность человека — тектонические плиты, которые им движут. Человек всегда недостаточен! Он до параноидальности болезненно ощущает недостаточность, из которой высвобождается — сразу переходя в избыток. Норма всегда *post factum*, и всегда с длинным шлейфом могил, гибелей. И может ли быть нормальная норма?

11. «Сталина нет, а сталиноподобный мозг всемогущ»¹⁰

Сценографию политических и исторических альтернатив Гейфтер трактует как непрямую конкуренцию протоальтернатив с противоальтернативами. Альтернативность здесь — на обоих полюсах. Большеизм столь же альтернативен, сколь противоальтернативен; то же и о Бухарине. Только Сталин, двигаясь на ощупь, в будущем превратит противоальтернативу в необычную технологию власти. Он переводит русского человека — недавнего повстанца против рабства и самодержавия — в раба-функционера противоальтернатив. В наследие ему Сталин оставит противоальтернативный мозг (Гейфтер говорил о его «сталиноподобии»). Сталиноподобное мышление исходит из заранее предудказанной «правды» и конституологии злонамеренных «уклонов» от нее. Вопреки ряду десталинизаций сталиноподобный мозг стал нормой российского мышления — рабским эталоном для русских умов.

Из разговора с автором, 1993, б. м.

Г. П.: Мог ли коммунизм с человеческим лицом, последним символом которого оставался Бухарин, спасти советскую альтернативу?

М. Г.: Тяжкий вопрос. В общем виде скажу так: есть даты, когда про-тоальтернатива проступала, но, не дорастая до альтернативы, была растоптана и вычеркнута: 1923 год, 1928 год, 1934-й. Не говоря о послевоенном времени.

Г. П.: Альтернатива — чему?

М. Г.: Альтернатива недемократическим свойствам большевизма. Альтернатива политической монополии, которая не могла ни оформиться, ни тем более осуществиться в обход НЭПа. НЭП долго был стартовой политической площадкой альтернативы. Могла ли Россия стать нэповской при большевиках, обладавших монополией власти? Или для этого нужна была смена партий и сил во власти? А может, хватило бы еще меньшего — одной смены персон?

В одном из последних, мужественных выступлений — докладе на ленинском траурном заседании 1929 года — Бухарин говорит о последовательной цельной «программе», якобы содержащейся в диктовках Ленина. Но именно последовательной она у Ленина не была. Прорывы к будущему соседствуют в ней с вчерашним словом и с верой в возможность осуществить нечто большее, чем военный коммунизм, в рамках монополии большевизма. Бухарин переступить этот порог не посмел и, не пойдя путем ревизии НЭПа по-ленински, не дошел и до собственно «бухаринской» концепции нэповской России. Надо было ставить под вопрос политическую монополию партии. Иначе НЭП, экономически не достроенный, был политически обречен погубить сам себя.

Г. П.: Не это ли иллюзия всех советских реформаторов, которые пытались вернуться к «социалистическому выбору», думая о демократизации СССР? Где выбор будущего производит авангард, политически и идеологически защищенный от контроля.

М. Г.: Это верно, все так. Но любая идеология притязает на знание, как надо действовать. Идеология всегда исходит из императива: мы знаем лучшее, и мы вас к нему ведем! Иначе как овладеть умами? Беда в другом. Вычеркнутые предальтернативы слагались в однозначность, превентивно исключавшую всякую альтернативность. Однозначность получила персонафикацию в Сталине. В итоге возникла система, упразднившая место альтернативного мышления вообще. Теперь система исчезла, но противоальтернативный мозг могуществен, как никогда!

12. «Вы-то какой эксперимент над страной ставите?»

Фрагмент трактует представление Гефтера о ельцинском «процессе реформ» как «революции сверху». Среди антиреволюционных проклятий начала девяностых (готовивших будущий антиреволюционный консенсус). Гефтер напоминает о различии революций. Великие революции бывают страшны, но оживляют людей. «Революции сверху» притязают править будущим именем безграничной власти.

Из разговора с автором, 03.10.1994

Г. П.: Всегда, если речь о русской власти, архаическое эхо где-то сидит.

М. Г.: От «прогрессивного войска опричников» Сталина.

Г. П.: Да, она обзаводится инструментами, модернизируется, но это все та же опричная власть. Вот смотри, какое мощное цивилизационное изобретение — компьютер. Совершенно не факт, что мы видим этот феномен в законченном состоянии. Мы едва приобрели опыт первых его испытаний, как с бомбой в Хиросиме. И это новое российское, что ты называл «социумом власти», выберет себе любую форму и сплавится с незаработанным прогрессом.

М. Г.: Мы носились с текстом как с писаной торбой. Но когда текст отодвигается от человека, ведет самостоятельную жизнь — откуда известно, *чьи* тексты пойдут в ход? Эти в Кремле еще не додумались, они еще не доперли до этого. Но уже идут мутации и появляются соответствующие кадры-мутанты. На начальной стадии репетиции.

Г. П.: Весь социум сдвинулся в зону мутаций, пошла фокусировка. «О, какая мощь» — это Ельцин сказал про Америку. Ты бы видел его выражение — сладострастное! При отъезде из Штатов корреспондент ему говорит: «Мы теперь на вторых ролях?» А Ельцин: «Об этом забудьте! Какие вторые роли? Вы не представляете себе эту мощь!» И аж зажмурился от удовольствия.

М. Г.: Понимаешь, а он не глуп — страшный инстинкт власти. Его спросили, как вы относитесь к реформам, а он им — не хочу разговаривать о реформах. «Я скажу вам, — говорит, — реформаторы — очень жестокие люди!» А наши либералы все поливают революцию. Либеральная байка, будто революция «эксперимент, поставленный на живых людях».

Революция была взлетом всех человеческих стихий, сумасшедшей оживленностью людей! А вы сами какой эксперимент над людьми поставили? Что вы толкуете про революцию, в которой ничего не понимаете? Не будь безумной воодушевленности революции, кто бы о ней вспоминал? Вы-то что за эксперимент ставите? В расчете, что у вас «сильный президент», которому безразлично содержание, лишь бы «сильно прозвучало»? Вот и получите производное глупости — бессодержательную и безграничную власть «революции сверху».

13. «В терминах тов. Сталина, в России сегодня идет «революция сверху»»

Очень важный текст. Гефтер развертывает оценку демократизации РФ как «революции сверху» (термин из сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)»). Идущая

в РФ «революция сверху», начав с приватизации власти и собственности, неминуемо движется к монополизму. Наблюдая унификацию многоукладной «равно-разной России», историк предвидит тоталитарный тренд и прямо ставит задачу «демократического сопротивления». Странно, но тогда я, похоже, пропустил все это мимо ушей.

Из разговора с автором, 1993, декабрь

М. Г.: Мы, историки, находимся между Сциллой и Харибдой. Сцилла — это законы истории, которые нельзя изменить. Можно их исполнять лучше или хуже, быстрее и медленнее, с жертвами большими или меньшими. Вам скажут: разве этого мало — больше или меньше жертв? Харибда — принципиальная непредсказуемость всего, что предстоит. Историк дерзает отвечать на эти вопросы, он сам между этой Сциллой и Харибдой. От законосообразности не ушел, понимая, что человек в огромной степени запрограммирован прошлым. С другой стороны, много доводов и в пользу принципиальной непредсказуемости. Представь, что в июле 1944 года Кейтель не подвинул ногой портфель Штауфенберга с бомбой и Гитлер перестал существовать. Сколько миллионов людей человечество бы сэкономило? И что стало бы со Сталиным, остановленным в войне, не дойдя до своей границы? Как сложилась бы его послевоенная судьба? Вот страшная власть так называемых случайностей, которые и есть человек! Когда человек попал в ситуацию выбора, то роль мимолетного, случайного, прихоти чрезвычайно велика.

Мне говорят, что сейчас мы переживаем «демократическую революцию». Революцию можно рассматривать в двух плоскостях. Одна плоскость — то, что сидит внутри черного ящика истории: заповедная идея, проект человечества, позыв утопии, как угодно. То колоссальное, что за две тысячи лет до нас было внесено сыном человеческим: идея новой твари, нового человека. Есть достаточно оснований сказать, что идея себя исчерпала. Есть достаточно оснований сказать: жертвы столь велики, что эта идея, при всем величии, дискредитирована в своей классической и в неклассической своей форме.

Но конечно, революция не только это, хотя без «новой твари» мы не вправе, видимо, говорить о самом ее феномене. Иначе она просто результат воздействия солнечных пятен на поведение масс, по Чижевскому. У революций есть и другая сторона, более земная. Это радикальное изменение отношений собственности и власти. С этой точки зрения мы, по-моему, еще не разобрались в том, что переживаем. Когда мне говорят, что это демок-

ратическая революция, я спрашиваю: как тут у нас дело с «новой тварью»? Вроде никак. Вроде бы и тема исчезла — может, к счастью для людей и не случайно. Ладно, а как с изменением отношений собственности и власти? Казалось бы, именно это — да? — у нас происходит.

Выражаясь в терминах, введенных товарищем Сталиным, это «революция сверху». Не снизу ж она, сколько бы человек в нее ни вовлечено? И считать, что наиболее революционна она, скажем, в сфере приватизации, — допустимо, да? От мнимо коллективной, властно обобществленной собственности — собственности директивного распорядительства, — материального основания тоталитарного устройства, мы переходим к классическим формам первоначальной буржуазной собственности. Или к чему-то иному?

Дело в том, что вот эта нынешняя революция, если взглянуть в ее пролог, началась не с приватизации собственности. Она началась с приватизации власти еще в постсталинские годы. Уже при Сталине можно проследить, как приватизируется власть. Например, во время войны, со второй ее половины, появляется вторая, привилегированная карточная система, принципиально отличная от первой — уравнительной. Но при Брежневе это уже проявило себя в большой степени. Формируя властно приватизируемый или, как Найшуль его называет, «бюрократический рынок»...

Что произошло у нас на начальном этапе? Переход приватизации власти в распродажу бесхозной государственной собственности. Огромный бум обогащения за счет распродажи этой безличной собственности, ее спекулятивной и иной реализации, чего не было бы без приватизации власти. А приватизация власти имеет свою закономерность. Она либо доходит до крайности, к которой стремился тоталитаризм, либо должна чем-то смениться... Смениться формой власти, которая не будет тоталитарной, но и не поддается приватизации!

То есть должно появиться то, чего у нас нет и что мы называем «государством»! Карамзин писал «Историю государства Российского», но я беру на себя дерзость сказать, что государства Россия не было. У нас было нечто иное: была власть, о природе которой можно долго спорить, потому что она неординарна. Это не азиатская деспотия, а нечто иное. Она обладала свойством переноса материальных приобретений западной цивилизации для инкорпорации их в тело крепостнической империи — рабского устройства человеческой жизни. Это непростая вещь была, но тем не менее приватизация власти таит в себе контртенденцию.

Приватизация власти может дать результат, очень сходный с тоталитарной тенденцией. Где-то наверху власть начинает персонифицироваться, сосредоточиваться и контролировать процесс в целом. Пытается овладеть им и взять под свою узду. На какой почве появляются эти феномены?

Раньше у нас были «исторические съезды», да? «Исторические сессии», «исторические деятели», а теперь у нас «феномены». Феномен Хрущева, феномен Горбачева, наконец, феномен Ельцина. А что это значит? Это тоже в русле приватизации власти, но сперва до некоторой степени как контртенденция. Контртенденция реализуется в государстве, если мы окажемся способными на него, либо в формах обновленного «социума власти». В обновленной, укороченной и, так сказать, слегка переиначенной тоталитарности.

Выйдем ли мы так на государство? Большой вопрос! Он решается в какой-то степени так же, как в классическом варианте: через формирование общества, которое в сложной тяжбе с государством ставит государству пределы. Но открытый вопрос: можно ли создать общество размером в Советский Союз? Или хоть общество размером в Россию, от Смоленска до Тихого океана? Общество, состоящее из столь разных человеческих судеб, различных цивилизационных потоков и потенциалов? Либо не общество в единственном числе, а общества?! Общества во множественном числе, которые, сроднясь, подымаясь вверх, способны пробить дорогу к государству, которое будет — не всем! Иначе оно не государство. И прервут процесс приватизации власти, из себя рождающий уродливые, криминальные формы приватизации собственности. Вот в чем моя мысль.

Г. П.: Так. И как ответить на этот вопрос?

М. Г.: Посмотри, как его сегодня решают. Нынешний процесс реформ протекает по шаблонам «революции сверху», с исключением «новой твари». Говоря о «революции сверху», я имею в виду не только инициацию всего процесса сверху вниз, но и то, что проблема «новой твари» снимается. Либо ставится в изничтожительной форме, когда Сталин мог сказать, что стахановцы «новые люди».

Вот тебе шаблон нынешней «революции сверху». Первое: рынок один для всех по одному рецепту. С небольшими отклонениями. Но фискальный момент, бюджетно-финансовый, доминирует и клонит процесс к унификации.

Второе. Либо это федерация «единая и неделимая», либо федерация суверенов. Я полагаю, что в первом случае Россия не получит государства.

Если мы выписываем пропись экономического выздоровления одну на всех, имея в виду, что демократический собственник (давайте употребим этот термин) всюду на одно лицо, то мы идем к унификации. Если не федерация суверенов, а федеративная по форме единая и неделимая Россия — тоже идем к унификации.

И наконец, третье. Если мы в таких отношениях с Миром говорим о «вхождении в мировую цивилизацию», где Мир представлен в одной-единственной форме — Америка и мировой рынок, мы игнорируем коренной момент нынешней жизни. Мир перестраивается по принципу разных потоков и более чем «вариантов» мировой цивилизации. Он тяготеет к равно-разности существований, и только в этом качестве люди вообще могут спастись.

Итак, по этим трем признакам можно сказать, что наша «революция сверху» в ее нынешней форме тяготеет к унификации, а реальный процесс вздыбливается против нее. Он не хочет унифицироваться, и пускай даже в ненормальных (это не значит, что я их амнистирую!), пускай в тяжких (это не значит, что я жажду их!) формах тяготеет к *равно-разности*. Тогда остается один выход, сказать: я сломаю этот вздыбливающийся процесс! Унификация быстрее принесет нам покой, но за нее поплотятся наши дети и внуки — ибо в ней перспективы нет.

И самое худое, что о ней можно сказать, — то, что она «революция сверху» *минус* краеугольность той «новой твари», которая была в феномене революции, порождая взлеты и опустошая род человеческий по незримым нормам «избирательной гибели». Вот как обстоит дело!

Итак, мы пришли к некоему варианту будущего. Куда идет процесс? Если он идет с унифицирующим вектором, то, наталкиваясь на сопротивление себе (а процесс персонифицирован в Ельцине), эта персонифицированная «революция сверху» не может не тяготеть к тому, что было имманентно сталинской тоталитарности. Та выросла из экстремальных ситуаций, укрепляла себя этими экстремальными ситуациями и выучилась сама их создавать. Экстремальные ситуации изобретались для самопродолжения, самовозвеличения, самоувековечивания. Так разве мы не приходим к этому ныне?

Г. П.: Уже пришли.

М. Г.: Да! Вот я открываю книгу. Если мне удастся дожить и я смогу работу по программе «Люди октября 93-го» довести, первым я вставлю туда это место из фонограммы переговоров в Спасо-Даниловом монастыре. Слова Юрия Лужкова: «Ваше святейшество, я православный и могу покляс-

ться вам, что... святая правда: не только в каких-то разговорах, в обсуждениях в системе аппарата президента, правительства, мэрии, Министерства внутренних дел, даже в мыслях не было того, чтобы осуществить какой-то штурм, какое-то нападение на Белый дом». Неплохо? Первого октября 1993 года он сказал: «Ваше святейшество, я православный человек и готов поклясться».

Г. П.: Но ведь началось-то 3 октября утром, и так спонтанно...

М. Г.: Меня интересует стихия непредусмотренного человеческого поведения. Стихия непросветленных и задавленных нуждою умов и особенно чувств. Она сталкивается с бессознательным стремлением формируемой структуры власти к воссозданию экстремальных ситуаций — в упрощенном и крайнем варианте. Потому что других эта власть не предусматривает.

Г. П.: То есть Лужков эти слова произнес по той причине, что в его сознании уже было то самое?

М. Г.: Нет! Не говоря о несколько ханжеском и лицемерном звучании этих слов даже в пределах 1 октября, я не исключаю, что они, возможно, еще не хотели штурмовать. Но обречь людей на десятидневное пребывание без воды и света разве не значит загнать ситуацию в один-единственный, крайний и упрощенный крайностью вариант? Какой еще исход мог быть в итоге этой блокады или, как выразился несколько демагогично Воронин: «Я из концентрационного лагеря!»? Каким мог быть другой исход? Трагедия росла из одновариантности, тяготеющей к самому простому и радикальному варианту. А это заложено в феномене «революции сверху», где мотор — запущенная ею приватизация власти. Я сейчас говорю очень схематично...

А с этим связан вопрос о демократии у нас... Я даже записал себе: а кто у Жириновского на месте евреев? Любопытный момент. На этом месте у него *квазицель*.

Он против того, чтобы Мир наш, земной шарик с его человеческим составом, прихлопнули однополюсной ситуацией американского или на Америку ориентированного образца. И Жириновский предлагает нам *квазицель*. Там, где должен быть выход на Мир равно-разных цивилизаций, — на искомое, трудно достижимое, еще не прощупанное, не найденное, не внедренное, без чего узлы не развяжутся и люди погибнут без атомного взрыва, — Жириновский говорит попросту: вернемся к двуполюсности! Это, конечно, форма ревизии. Но когда мы не идем вперед, когда остаемся при старой одновариантности, то вот результат.

Не буду говорить о голосах за Жириновского, потому что эти голоса отданы не только за него. На президентских выборах у него было восемь

миллионов, ну, сколько он добавил? Три, шесть — неважно. Но вот один из последних опросов о приоритетах населения России. Опрос как опрос, конечно, всех людей не охватывает, но подавляющее большинство ставит на первое место «возрождение сильной России». Сорок один процент — отказ от ориентации на Запад, двенадцать процентов — отказ от экономической помощи Запада, тридцать один процент — укрепление границ и вывод русских из СНГ. Вы думаете, все это Жириновский им навязал? Он повлиял, конечно, но он и утилизировал. Потому что преследует квазицель. Которая вообще не переводима на язык практических задач, зато, взывая к человеческим чувствам, способна... на большие пертурбации.

Все тот же вопрос: если не работает обратная связь, если этот набор полномочий (президента. — Г. П.) его прерогатив не предлагает выхода из ситуации, не идет вглубь проблем, то далее только два варианта. Либо эти тенденции сойдутся, сольются и совпадут, либо они скрестятся и схватятся на крови.

Потому очень важно сейчас (этим бы я кончил) не только вдуматься, что мы вкладываем в понятие демократии, демократического суверена, демократического субъекта рынка... Встает проблема демократической оппозиции. Демократия без демократической оппозиции — нелепость. Более того, позволяя себе закончить именем Андрея Дмитриевича Сахарова, я сказал бы: проблема легального законного демократического сопротивления «революции сверху».

14. «Ты о центре силы подумай, в порядке наших мозговых игр»

С Гефтером мы часто обсуждали политическую злобу дня. Обсуждали и мои, тогда еще редкие политические импровизации. В 1993 году они были связаны с Григорием Явлинским и работой над проектом будущей партии «Яблоко». В этом разговоре уже заметен мой поиск эффективного «центра силы», перпендикулярной российскому спектру: Гефтер заметил это и не ответил. Но его тревожило, что в центре политики конденсируется силовой запрос. Тема силы была упуцена демократами девяностых, укрывшимися от масс за спиной Ельцина. Это приведет к многим тяжким последствиям, а меня поощрит к «эффективной политике». Контуры размываются, сетует Гефтер.

Из разговора с автором, 11.09.1993

М. Г.: А чего добивается сейчас Гриша? Чего он хочет? Не в плане даже отдельных идей, а в плане линии поведения?

Г. П.: Ты это знаешь так же, как я.

М. Г.: Свою импровизацию, как он ее представляет себе? Единственное, чего он добивается, — поднять планку. Добиваясь победы на выборах, он сможет поднять планку. Он очевиднейшим образом сделал заявку на успех в этих выборах, невзирая на то, что их может не быть. Ему, наверное, попробуют предложить пост какого-нибудь вице-преьера — один из способов нейтрализации таких, как он.

Г. П.: Очевидно, что он откажется. Но могут и предложить.

М. Г.: Могут предложить. И у него появятся какие-то новые союзники, кроме Затулина. Но кто? Появляются уже? Делают заявки?

Г. П.: Гриша плавает. На самом деле он хочет, чтобы события его определили. Тебе охота о нем поговорить?

М. Г.: К слову, он скоро появится. Нет, говорить мне не очень охота, просто хотел осведомиться, как ты смотришь на это дело. Если у тебя нет желания, свободно перейду к другой теме.

Г. П.: Я думаю, ему пора навязать более жесткий стиль игры, иначе он попадет в ряд с Шахраем и Скоковым... Мы разрабатываем идею скандала для Явлинского. Он должен выйти на арену с определенным скандалом, чтоб не попасть в общий ряд. Попадая в ряд, он по правилам ряда изначально в проигрышной ситуации.

М. Г.: А с каким скандалом он может выйти?

Г. П.: Возможно, заявив свою кандидатуру президента на президентских выборах... Ему надо войти в игру перпендикулярно. Идея его партии должна быть конфронтационна по отношению к существующим политическим сообществам. Притом она не должна эпатировать, не должна превратить его в маргинальную фигуру, лидера всего лишь одного политического блока. В то же время ему нельзя выглядеть индивидуалистом. <...>

М. Г.: А ты не считаешь, что в данной ситуации он — человек с репутацией, которая подтвердилась и может подтвердиться еще каким-то образом. У него есть не до конца использованный резерв индивидуального существования, личной профессиональности и добросовестности. Пока он огромен и абсолютно выделяет его из всех других. И почему именно скандал должен быть?

Г. П.: Он должен подкрепить репутацию «человека вне игры», но превратив себя зато в центр силы. Это очень важно: как превратить себя в представителя силы, политически ничем себя не связывая?! Как Явлинскому превратиться в силовой центр? Сила проявляется либо в коали-

ции, либо как контрсила, либо сила судьи. Выбрав самый жаркий момент, он должен выступить арбитром, но так, чтобы не вызывать смех. Иначе — потеря фигуры. «Облако Явлинский» не может вечно оставаться облаком, в котором каждый угадывает что угодно. Как из такого облака грянет гроза? Но чтобы в нем оставалась привлекательная женственная неопределенность, загадка... Репутация добросовестности, но это уж блюдо для узкого круга. Для масс понятие добросовестности с Явлинским не связано.

М. Г.: Зато с ним не связаны и скандалы. Он вовремя ушел из правительства, имел мужество не одобрить Беловежских соглашений.

Г. П.: Это все пока отрицательные доблести. Нет списка достоинств <...> Проявление индивидуальности в самом центре политической силы в высшей степени скандально для существующего положения. Но как это сделать, мне пока не ясно. То, что я обдумываю, близко к тому, что ты называл навязыванием собственных правил действующим игрокам. Но это не просто, поскольку им это невыгодно.

М. Г.: Риск вообще нужен. Явлинскому не хватает риска.

Г. П.: Риск нужен, но не абсолютный риск.

М. Г.: Эту позицию понял. Теперь давай отвлечемся от него. Есть некоторые позиции, может, не очень симпатичные, не очень богатые содержанием, но тем не менее небезразличные для целых слоев населения. Скажем, капитализм и социализм небезразличны существенным слоям, и не только старикам. Второе — супердержава! Добровольно отдающая многое сверхдержава, желающая вместе с тем сохранять существенное место в мире. Призванная иметь свой взгляд на то, каким мир может и должен стать. Вот второй вопрос. И ни по одному у Гриши нет ясности в голове.

Наконец, третий вопрос, более простой, но очень важный для населения: позиция защиты интересов выживания людей. Элементарной защиты от возможности быть убитым! Вопрос криминализации этой страны и способов выхода из нее, не только с помощью спецслужб. Но есть и еще проблемы... Явлинский хорошо настроил рыночно-социальную структуру в Нижнем Новгороде, но ему нужна программа. Сильная сторона Хасбулатова — защита социальных интересов бюджетников. Что-то эрхардовское тут есть, и хорошо б это у него отнять. Значит, нужны контуры новой идеологии. Что должно быть его знаменем, девизом, внутренней установкой, расположением? Может, тебе стоит перечитать речи Рузвельта периода завоевания и удержания власти.

Что до мировой политики и места в мире... Само понятие супердержавы, которая теряет все существенные прежние ресурсы... А если она начнет их удерживать, то влезет в новую военную дыру... Сколько можно уклоняться от этих вопросов? Даже если их ему почти еще не задают? Но ведь лучше, чтобы не он отвечал на вопросы, а была своя концепция России в мире, сказал бы так.

Г. П.: Концепцию надо делать, ее нет. А у кого она есть? Сейчас все расставлено в одной плоскости — текущие трудности, захват Думы, захват центра, президентство. И нет людей. Где эта группа блестящих индивидуальностей, которые будут все сочинять? Ни один человек не может сам сочинить политику.

М. Г.: Но затевая игру с Явлинским, ты по своему характеру обязуешься создать такой мозговой центр. Какой смысл иначе? <...> Создать мозговой центр, а не индивидуально сочинить всю концепцию. Концепция — всегда пучок версий. Почему не устроить несколько серьезных междусобойчиков, на которых он бы присутствовал? А?

Г. П.: Игрунов Явлинскому это предлагал, тот не рвется. Он, по-моему, все хочет сделать сам, чтобы другие при этом расшивали ему узкие места. Я же говорю, он не ведет равноправной игры.

М. Г.: Я хочу ему сказать, что это не только раздражает, это может быть источником его поражения. Ему раздражаться надо бы самим собой. Не знаю, правда, что там его парни в «эпицентре» делают и с кем сейчас связаны. Он должен по крайней мере с вами держать карты открытыми.

Г. П.: Не думаю, что он так умеет. Он карты приоткрывает выборочно и время от времени.

М. Г.: Ну, так он же вас потеряет. Вам-то какой интерес?

Г. П.: Для меня это вообще не будет болезненным ударом. А для Вячека это более болезненно, потому что он себя решил вкладывать в публик. Он делает устав фонда Явлинского и роет землю копытами, потому что ничего не ясно, пока Явлинский не скажет. Он не может идти дальше, пока Явлинский не даст ему полномочия. А тот его тормозит. Предполагается создать фонд, через который пойдет финансирование разных программ, на них будут собираться деньги. И я думаю, что это будет ключевой момент нашей встречи, где-то 18–20 сентября, с разработкой сценария. Предполагается, что мы будем встречаться уже с какими-то сценарными наметками.

Если я увижу, что меня втягивают во что-то трудозатратное или непонятное, я отвалю. Я еще в ссылке истратил год на то, чтобы научиться

ремеслу художника-оформителя, а сейчас у меня меньше энтузиазма осваивать неизвестные специальности. В частности, специальность политического маркетинга. Это интересно, но не настолько, чтобы я почесался. Весь вопрос свелся к тому, как мне технично изобретать Явлинскому инструменты, которые тот применит по усмотрению, не неся никакой ответственности. В такую игру я играть не буду.

М. Г.: А теперь мы с тобой, интересно поговорив, можем забыть идею Ленина о политическом перемирии. Я понимаю, она химерическая, но дополнительно себя убедив, что она еще и бесполезная.

Г. П.: Она богатая идея. Но, может, дело в том, что я хотел говорить о Ленине, а ты заставил о Явлинском?

М. Г.: Но ты высказал очень много существенного. Это же мы, в наших поступках, в наших действиях. В нашей неспособности отчалить от места, где мы жили, пока не ушли последними. И наше нежелание влачить бессильное существование.

Тема силы начинает втягивать на периферии разные фигуры, совершенно не близкие нам. С другой стороны, мы с тобой и этот наш спор. Ей-богу, напоминает что-то из Достоевского. Он отчасти безразличен к содержанию своего персонажа. Он может прожить наедине с собственной мыслью... Ситуация, при которой люди что-то делают, поскольку не могут этого не делать, по разным причинам — моральным, самореализующимся. Когда они это делают, они ориентированы на то, чтобы за ними пошли, или они поведут, повлияют. А потом, оказывается, все, что они сделали, привело к утрате собственных следов и такой новоприобретенной расхожести... Хоть жалко отказаться от своего пионерства, а вместе с тем смешно и противно доказывать, что ты первый сказал «э...». Кто ты теперь такой, если даже твое «э» действительно повлияло? Тут, конечно, никак не обойтись без интеллигенции... Если страна не приспособлена к тому, чтобы превратиться в гражданское общество, и один слой сам берет это призвание на себя, что отсюда произрастает?

Г. П.: Давай об этом не наспех!

М. Г.: Понимаешь, я это вскользь говорю, но контуры размываются. Даже не Карякина и Баткина — мои собственные контуры. Контур размыт настолько, что в него, кажется, может войти любое. Наше с тобой, допустим, ведь еще может войти? Знаешь, я хочу понять мое собственное индивидуальное состояние размытости контуров. Огромная емкость, которую я мог бы начать наполнять на свой лад. Довольно произвольная, в общем, штука. И знаешь, всякие детские вопросы встают: что значит быть хорошим?..

Ну, это я так, к слову. Я пойду. А ты всё-таки о своем «центре силы» подумай, в порядке наших мозговых игр... Мы же заняты мозговыми играми? Очень интересное занятие.

15. «Державность — ресурс политики правой альтернативы»¹¹

Здесь Гейфтер резюмировал осевую повестку российской политики 1990–2000-х. Невольно он указывает на политическое предложение для новых непризнанных сил. Здесь я нашел каркас для «эффективной политики».

Из разговора с автором, 1993, б. м.

М. Г.: Оцени реальное положение России как державы, лишенной большинства морских выходов, с оборванными экономическими связями. Военный потенциал так разбросан, что не сможет действовать как стратегическое целое. Он не ядерный уже, он полуядерный... Итак, у нас на руках система, не переводимая в государственное состояние. Допустим, мы приняли табу на катастрофу. Что отсюда вытекает? Что нельзя начинать реформу, уговаривая «потерпеть ради будущего». Решим сначала проблему исходных условий! Мы должны какую-то целостность государственно утвердить, зная, что та временная. Что мы лишь придали операциональную форму исходной неперевоидимости. А потом будем говорить о реформах.

Люди, сталкивающиеся с трудностями, сумеют их решить только в качестве хозяев положения, утвердившись в своей суверенности. Они должны уже сегодня учредить жизнь, а не выжидать завтрашней, по отношению к которой все якобы лишь пролог.

Г. П.: У тебя нет ощущения, что, прилагая критерии здравого смысла к происходящему, мы ведем пустую игру? Давай исходить из того, что люди на этой земле решили жить иначе, чем сами считали правильным. Какую сферу ни возьми, пробел разумения. Экономика, политика, далее везде...

М. Г.: По теории систем, следует выделить системообразующий фактор. Первое — у себя в пределах РФ мы решаем планетарную задачу. Второе — мы хотим создать государство, удобное для населения и неопасное для мира. Увязав первое со вторым и не более того. Когда ты поставил эти две задачи, их легче увязать, взаимно ограничив. Должна быть реализована общегосударственная социальная программа достойного жизнеобес-

печения и в стык ей параллельно решаться задача неутраты места России в мире. Последнее недостижимо ни военными, ни экономическими средствами — нет ни тех, ни других. Военной техники вдоволь, но ее нельзя пустить в ход, как раньше. Зато возможна такая внутренняя компенсация, как *державность*. Державность — это компенсационная ментальность, которая, войдя в социальную политику составной частью, компенсирует людям их неустроенность, позволяя быть в равновесии.

Г. П.: Ты описал интереснейший политический потенциал!

М. Г.: Да, но этим потенциалом легче завладеть правой альтернативе. Пожалуйте, вот вам сильная социальная власть против криминальной буржуазии внутри. И вовне — против берущих за горло Штатов, посягающих на природное богатство России. Из такого нетрудно склеить сильный новый курс.

16. «Будем откровенны — по сей день оправдано государство»

От рассуждения о феномене фашизма Гефтер переходит к мыслям о еврействе — носителе миссии единого человечества. И к тому, что человечество готово прекратиться внутри самого себя без ядерной войны («опережающий возврат к терминальной человеческой фазе»). Он задумывается о силах неравенства в Homo sapiens — начале, которому противится сам, но присматривается к нему и хочет понять. Опасные силы неравенства и человеческих несоответствий «оправдывают государство».

Из разговора с автором, 1993, б. м.

Г. П.: Как работалось? Что неладно в датском королевстве?

М. Г.: Что-то я найду, наверное, в результате. Но не оставляет чувство, что-то тут... Надо очень внимательно все для себя заново посмотреть.

Я все думаю: при том что родовое проговаривание нацисты положили в основу, в какой степени расизм действительно лежал в основе случившегося? Тут скорее универсализм. Он ищет ту или иную оболочку, поскольку универсализм вообще трудно выразить в любой форме. Можно в коммунистической, можно в католической. Универсализм всегда подает себя в переводе. Тут опережающий возврат к терминальной человеческой фазе. Нацисты же так и обосновывали. Я читал речи Гиммлера — пункты партийной программы должны быть исполнены! Освободиться до последнего еврея, причем в форме, в которой истреблена до конца память обо всем еврейском. Сделать человечеству какой-то грандиозный выскреб.

И в чем природа этого выскреба? Повторяем все моменты исторически обусловленного порядка — Версаль, кризис, все такое. Примем во внимание, что без Гитлера такое вообще не могло осуществиться, нужна была такая персона. И все посчитав и суммировав, к сентябрю 1939-го все равно не выходим.

Принцип в том, что это ситуация человека, который всегда под вопросом. Мучительность, скорбность, трудность и сложность решения вопроса в какой-то момент приходит в соприкосновение с нарушенным равновесием. С яростью окончательного, с потребностью найти окончательный ответ. Единственный! Вообще на такой вопрос не может быть одного ответа.

Г. П.: А вопрос ты как сформулируешь?

М. Г.: Человек, озадаченный собственным существованием.

Г. П.: Но чем ему мешают евреи?

М. Г.: Еврей мешает тем, что всеми коллизиями существования, своей неистощимой маргинальностью дает почувствовать, что на этот вопрос не может быть ясного ответа. Ответ — я есмь я, вот весь ответ. Есть я как я — и еще я как нация, и как малая группа, как культурный срез, как интеллектуальное сообщество. И как какое-то неидеально широкое течение. Вместе с тем на уровне речи есть единство, проявляемое в разговоре. Не просто уживаться, а быть несовпадающими. Эта уникальная, труднообъяснимая способность евреев оставаться несовпадающими в условиях ассимиляции, она как заноза в попытках устранить, освободиться от этого вопроса. Но либо люди устраиваются на какой-то иной манер, чем человечество, либо они вдруг поднимают руку на чужих. Странно, даже необъяснимо...

Поэтому, Глеб, нужно быть откровенным — по сей день оправдано государство, чем бы оно ни утверждало себя. С великим трудом и опытом самоотстаивания, несмотря ни на что. Но трагично и существование еврея по инерции, если идея человечества покидает землю. Можно, конечно, встать на точку зрения, что все так или иначе устроится. Конфликты погашаются, горячие точки на время остывают. Мне трудно — не могу пока внутри себя стать поборником какого-то взгляда.

Есть очень чужая мне идея: подобно армии, и в человечестве нет изначальной идеи равенства. Каждый итог, всякое движение ведет к новой ступени, типу неравенства, снова и снова. Существует какая-то исходная иерархизация, что для меня совершенно неприемлемое утверждение. Такое не мое — дальше некуда! Но есть же эволюция иерархизаций.

К примеру, хозяйки неодинаково готовят морковный сок... Всякий раз возникает иерархия срезов, должностей, советов, контактов... Конечно, неравенству можно противопоставить ноосферу, христоцентризм, грядущее вочеловечивание, что-нибудь еще. Но есть выход в другую область: первобытный мир был очень сложным, я никогда не мог понять их систем родства. Это сочетание простоты, непосредственности бытия и сложной, совместимо разной устроенности — совершенно другие основания жизни.

Все-таки мир, человечество устроены так, что меньшинство не может воспроизводиться в раз навсегда данных условиях. Оно тяготеет к перенацеливанию, и возникают все новые причины для конфликтов. Одержимость вселенским перенацеливанием и убежденность в том, что оно является всеобщим, — что-то тут связано с евреями. Но евреями уже отчасти как воспоминанием, продолжающим жить внутри нас.

Страшный вопрос встает — холокост, что он сейчас для нас? Существеннее как страх — вдруг повторится? Или существеннее как переживание, которое оставило глубокий след и вошло в состав человеческих пробуждений, исканий?

Г. П.: Можно сказать, что переживание снижает риск повторения.

М. Г.: Уменьшает или нет — зависит от того, в какой форме предстоит. Тут одна страшно крамольная мысль. Но надо же когда-нибудь, под конец жизни, не бояться сказать, что, проделав путь от тридцатых до Чернобыля, человечество какой-то огромный эксперимент завершило. Истинная проблема состоит в неисклученности катастрофы, когда человек прекращается внутри самого себя.

Г. П.: А что в этом еретического, не понимаю?

М. Г.: Все внутри меня сопротивляется этому. Я не могу с этим согласиться! А истолковать в терминах антисемитизма, доведенного до крайности, не дает. Есть в природе человека какое-то тяготение к масштабному: масштаб, размах. То обстоятельство, что при Гитлере все это совершалось в традиционной геополитической форме, дало возможность военного прекращения гитлеризма. Но что если гитлеризм вернется в неклассической форме?.. Проблема все-таки в огромной степени в России — она впервые становится в буквальном смысле непосредственно всемирной. Сложность, непосредственность существования. От хлипкой непосредственности к измышленной сложности. Любопытно, что русское движение от дворянской народности через разночинские эксперименты шло к иерархии распорядительства телами и душами.

Ничего, конечно, вернуть нельзя, но обозначить можно. Внесение четкости, порядочности в элементарных делах. Выделение и разграничение сфер с приданием им жизнеспособности.

Г. П.: Политика работает с уже различным обществом.

М. Г.: Да, конечно. В который раз мы в России беремся завести государство без общества. Понимаешь, дело в том — так получилось, по понятной тебе причине, — что все эти темы — с человечеством, с его, как ты говоришь, «многопородностью», — больно и остро выступают на всем еврейском корпусе.

С другой стороны, что такое для индивидуумов жить? Это опережающая мысль о том, что в сталинских страшных делах его это чудовище опередило и на время оставило позади. Опыт страданий, которые не пошли впрок. Все это, конечно, не ново, и многое уже сказано. Такое ощущение, что сказано все. Чего не хватает сказанному, что можно добавить? Недостает радости от множественности существований. Нельзя давать сюжет только в трагическом черном цвете, моцартовском. Лучше Седьмая симфония Бетховена.

Я выдержал это в семидесятые как диссидент. Все на этот счет конечно в личных отношениях, но эту сферу надо гигантски приподнять. При какой-то сносности материального существования надо в сферу личных отношений привнести фундаментальное значение ее для человека. Ты существуешь, у тебя есть люди, которые тебе близки, с которыми ты можешь говорить о чем угодно, — и все! Проблема твоей жизни решена! Но почему-то в прежней иерархии это считалось не тем, что ценно само по себе, что ценнее ценного.

При развитии современных средств общения концепция малых групп по разным признакам человеческих связей, возведенных в высший принцип, при устроенности бытия на достойном уровне — этого вообще достаточно, пока хвост кометы не коснулся Земли. В конце концов — слушайте, почему для меня Россия важнее, чем Глеб? С чего вы взяли? Потому что там больше людей? Я же в русской культуре, из которой я сам. И она для меня единственная настоящая ценность — но и в ней не все подряд Чаадаевы и Мандельштамы. Так случилось, что Пушкин когда-то вошел в мою жизнь, а гений Лермонтова в нее не вошел. Ну и что?

Есть преобладающая сила принуждения к императивным сообществам — ты должен через что-то перешагнуть. Откуда концепция переселения душ? Человек не может удержать в себе свой опыт. Человек сопротивляется тому, чтобы этот опыт постоянно обнулялся. Может

быть, инстинкт его толкает освободиться полностью, до конца. С другой стороны, движение культуры возобновляет в нем собственный и чужой опыт, но в формах, не показанных жизни. Это в японском стиле культуры возможна трансформация опыта, где из гнетущего он становится чем-то прекрасным...

Нагромождение. Едва один пункт затронешь, как начинает вылезать все.

Я отдохну, после этого можем еще поговорить. Сейчас, пока солнце, отдохну. Вообще, по признакам, черемуха должна расцвести, это к похолоданию. Обидно — начал переправлять Бухарина, и так хорошо пошло. Но нет человека, с которым можно пойти в библиотеку, посмотреть библиографию. Иногда себя пилишь, думая о великих примерах — какая громадная у них была способность анонсировать мысль. Герцен писал, но как! До какого-то момента, конечно, чаадаевский Герцен, «С того берега»¹² уже совершенно чаадаевская вещь. Более чаадаевская, чем все его последующие вещи. До последних лет жизни, когда стал трагически меняться как человек, не как мыслитель. «К старому товарищу»¹³ такая вещь — гениальные разорванные мысли, уже не сводимые ни к чему. Поскольку внутри все тоже на диссонансном контрапункте, все противоречит одно другому. Но эта разорванность... Александр Иванович, барин!

Все-таки XX век дал много. Есть великие исключения — Мандельштам, Платонов, но ушла первичность. Нас здорово потоптали десятилетия.

17. «В отличие от Германии, в СССР не нашлось тираноубийцы»¹⁴

Гефтер не раз ошарашивал собеседника вопросом, отчего никто вовремя не убрал Сталина со сцены? Сегодня вопрос звучит чуть скандально, а в пятидесятые – шестидесятые годы был обычным и для нас, школьников. Мысль избавить страну от серийного убийцы казалась совершенно естественной. Но в фокусе Гефтера не идея личного террора, а рефлексия тутика. Там, где нормализация невозможна, она приходит как смерть, естественная либо насильственная.

Из разговора с автором, 1993, б. м.

М. Г.: Понимаешь, важно затронуть неклассическую ситуацию, идущую от России. Которая, с одной стороны, втягивает в себя Азию, а с другой — заново перешагивает европейские пределы. Это русское перешагивание не в последнем счете, но определенно дало Гитлера. Ведь

Гитлер тоже своеобразная «революция сверху», в ответ на русскую революцию.

Первый срез во времени классический: где он себя завершает? К концу XIX века в классическом западном варианте проясняется тема *альтернативы*: остановить революцию не означает утопить в крови, обезглавить уничтожением лидеров, выводом активных сил общества за пределы жизни. Это значит предъявить *альтернативу* революции как новую *норму* существования. В Европе это сложилось, поскольку были пространственный задел и временной. Но здесь, в российском пограничье, пошло встречное уплотнение. С одной стороны, альтернатива революции нам не дается. С другой стороны, преальтернативы возникают и исчезают, не доводимые до конца. Неклассическая революция ведет к ужасающей по жертвенности и безумству растрате человеческих существований. Историческое «прежде времени» (свойственное революциям как таковым) здесь уплотняется в сжатые сроки.

Г. П.: Ну а конкретно погибшая альтернатива для тебя — НЭП?

М. Г.: Конечно, и НЭП, и 1934-й, и первые послевоенные годы. Что такое НЭП, не превратившийся в «нэповскую Россию»? Вся эта конструкция может быть целиком поднята на свет, как топографическую карту поднимают, с помощью одного «Чевенгура» Платонова. Или 1934 год, первая оттепель. Сталинское умиротворение, которое перейдет в большой террор 1937-го, поскольку не доросло до нормирующего себя политического строя. Хотя тот, казалось, был на пороге многого, включая конституцию 1936 года. Не распознав альтернативного, что приближалось, не понять и террора.

Бухарин попытался было очеловечить сталинский результат, сперва сделал его своим, — иначе не очеловечишь. Не очеловечив, не сделаешь антифашистским — и на этом все завязалось. Квадратура круга не его одного: левые Запада и Бухарин в этом смысле одно и то же. Что стояло перед человеком, который ощущал неприемлемость всего, что мы условно зовем «сталинским режимом»? Бухарин, заметь, не принял каменевского «пусть меня забудут»! Не мог по натуре. Он наивно мыслит себя другим. Такой человек, если заведомо не может вести борьбу в формах легальной оппозиции, поставлен перед выбором: либо подполье, насилие, террор — либо полная капитуляция и разоружение. Для Бухарина невозможно ни то ни другое.

В СССР не нашлось тираноубийцы! Сравни с Германией, где шла упорная подготовка покушений на Гитлера. Заговор тянулся из года в год,

и при том что в него вовлечена значительная часть генералитета, никто не предал другого.

18. «Мы народ наследников падших»¹⁵

Один из последних моих разговоров с Гефтером. Конец 1994 года, эссе о Человеке Слабом напечатано, но историка не отпускает мысль о себе на Лубянке. Нарастает ужас лубянских транскриптов. Он возвращается к теме События: «своего» и «чужого», иницицируемого человеком или ему навязанного. Итоговый результат не бывает только одним либо другим в чистом виде.

Из разговора с автором, 1994, б. м.

М. Г.: Произошло событие 14 декабря 1825 года — и мы зовем «декабристами» людей, которые шли к нему. Но ведь это не их событие, оно было навязано им обстоятельствами. В это «не свое событие» они многих вовлекли обманом; многих погубили. В документах следствия, написанных ими, я ищу следы того — иного, несостоявшегося, «их своего» события. В желёзах они переживали поражение как свое падение, и то, как они пережили его, стало другой Россией. Есть понятие «декабристов без декабря» — Грибоедов, Вяземский, кто-то еще... Но уже Гоголя в ряд не поставить, какой из Гоголя декабрист? А не будь события 14 декабря и опустевшей вслед за ним сцены, разве увидел бы гений Гоголя страшные морды действительности? Предстал бы ему фантазм жизни, способный, как он верил, высечь в душах новую надежду? Нет!

Мы больше не учимся так воспринимать пережитое. Мы не только соответственны или совиновны, мы народ наследников падших. Высокая честь быть наследником падения людей, переживших такое. Я сам из тех, кто стал жертвами ими добытого. И письмо Бухарина Сталину, которое все вправе рассматривать банально, как капитуляцию, для меня акт вызволения человека.

Комментируя письмо, я отчасти ощущал себя Бухариным сам и смею сказать: не уверен, что смог бы достойно выйти из положения, не потеряв дар речи. А ведь он еще написал на Лубянке роман и философский трактат.

Но я и Сталиным себя отчасти ощущал при этом. Не «объективности ради», а потому, что иначе не могу. Иначе я был бы лгуном, гостем в человеческой трагедии, интересующимся, чем кончилась пьеса.

19. «Моя идея – альтернатива как философия истории»

Историк раздумывает, как ему назвать программу исследований. В центре ее – идея альтернативы как философия истории и антропология человека. Но начался разговор с моих рассказов об экспериментах с данными о будущем, которые я тогда называл «опережающей информацией». Еще не догадываясь, что близок к проектированию политического опережения страны ее властью.

Из разговора с автором, 1993, май

Г. П.: Одно интересное совпадение, может, мелочь. Вчера мы обсуждали проблему будто техническую — проблему опережающей информации. Сообщений о том, что предстоит.

Что такое опережающая информация? В элементарном виде — «25-го будет референдум». В более размытом виде — такой-то сказал, что через неделю Ельцин подпишет декрет. Или «весьма вероятно с мая ждать повышения цен на бензин». Далее мы это раскладываем на фрагменты, из которых составляем карту будущего года или будущего дня. Затем календарь циклов: мы разворачиваем в ленту календарь с его праздниками и так далее; на него накладываются другие календари. Есть православный календарь, поверх ложится мусульманский календарь, западноевропейский... Одни события необходимо влекут за собой цепочки предсказуемых событий. Допустим, выборы — выдвижение кандидатов, создание участков и так далее. Постепенно наш календарь будущего заполняется, обрастает мясом. И в какую-то минуту мы поняли, что новость, которую сегодня передает наше агентство, уже была наготове вчера. Итак, речь заходит уже не об опережающих новостях, а о реконструкции целостности события, состоящего из ожидания событий и борьбы за наилучший расклад позиций при нем... Возникает очень сложный, зыбкий контекст, который непросто свести в целостность одного прогноза. Но если умешь с ним работать, значит, ты нашел способ всей целостностью управлять!

Я к чему это говорю — ожидание Мессии более значимо, чем явление Мессии. Вокруг ожидания выстраивается жизнь. И этой жизни трудно согласиться с явлением Мессии, потому что он разрушает ее. А как выстроить жизнь вокруг готовности быть разрушенной?

М. Г.: Мессия тогда сам по себе есть «лже-», поскольку разрушает...

Г. П.: Он разрушает, это неизбежно. Но жизнь не могла бы выстроиться вокруг идеи, что будет разрушена. В этом смысле интересен Апокалипсис

Иоанна. Апокалипсис пытается выстроить жизнь ввиду неизбежного краха. В какой степени это вообще возможно? Остается открытым вопросом, удалось ему это или нет. Потому что тут не отдельные гибели, тут разрушение всего. Катастрофа не в ситуационном смысле, а просто как прекращение всего.

М. Г.: Да, черная дыра.

Г. П.: И вот, наконец, в XX веке эту «черную дыру» рационализировали и институционализировали нацисты со Сталиным.

М. Г.: Неясно, будем ли мы далее пребывать в историческом времени и что происходит с нами — глубочайшее видоизменение в собственно человеческом времени, как мы его опознаем. Вместе с тем это остается загадкой по отношению к нам самим. Мы находимся одновременно в положении хозяина и раба. Тут много аспектов, а нужно извлечь интегральное и вместе с тем открытое, проблемное начало. Смысл, возможно, тот, что альтернативный модус как способ человеческого существования — результат исчерпания этой «черной дыры» прошлого и будущего, замена ее.

Проблема вообще в альтернативности человеческой повседневности как способе существования и сохранения человека в меняющемся мире. Или просто альтернативность как смысл и способ существования человека? Речь не о какой-то одной определенной альтернативе. Может быть, это узковато. Но широкие темы носят метафизический характер либо чересчур геополитический.

Г. П.: Мне это звучит метафизически — теряется история, тебе не кажется?

М. Г.: А если написать так: «XXI век: переход к альтернативному способу существования человека». То есть альтернатива из чего-то событийно-исторического перерабатывается в постоянный способ существования человека. Само понятие альтернативности означает, что мы «те и не те», мы прошлые и вместе с тем новые, с сохраненными воспоминаниями. Сюда входит все, начиная от плюрализма жизнедеятельности. Сегодня под видом плюрализма насаждают самый идиотский монизм, его и монизмом нельзя назвать: торжествует беспардонная однозначность. Могу взять бюрократическую формулу — «Альтернатива как философская и историческая проблема». Сменяющая отношение к истории и культуре.

Г. П.: Захотелось уйти от историзма?

М. Г.: Наоборот, прийти к нему с другой стороны. Или так: «Альтернатива как философия истории». Что понимают под философией исто-

рии — то, что об истории рассуждает философ? Если философия истории существует в виде обобщенной сетки понятий и категорий, она тождественна методологии. Методологическому аспекту самого исторического исследования. Его понятийному составу и так далее. Но поставим вопрос иначе: в строгом смысле слова, никакой другой философии, кроме философии истории, не существовало. Кроме той, внутри которой находились альтернативы. Альтернатива как философия истории меняет взаимосвязь истории и культуры.

Строго говоря, чем не занимается история, что *не* входит в ее предмет? Только то, что есть настоящее? Но есть же современная история. Что будущее не входит, тоже неверно, поскольку будущее является спроецированным альтернативным прошлым. Что предмет культуры — все, что производит, творит и чем занят человек? Но это не так, тогда все эти понятия никому не нужны будут. Либо они в человеческом существовании с какого-то времени находятся в сложной готовности к взаимному оппонированию. Все это будет нужно выяснять, программу могу написать. *«Альтернатива как философия истории»* — вот достойная тема.

Г. П.: В качестве первого варианта мне нравится.

М. Г.: Если хочешь, могу прикрепить к этому XXI век.

Г. П.: Нет, «XXI век» меня безумно раздражает. Звучит как «навстречу XXI съезду».

М. Г.: Да. Только монтируя философию истории, мы в состоянии поставить проблему времени всерьез. Что есть альтернатива? Когда говорят, что в 1917 году была альтернатива «Корнилов или Ленин» — тут вообще не о чем говорить. Этой альтернативы не было, но в 1917 году могла быть консолидация левых, включая правых большевиков — от Керенского до Каменева. Такая возможность определенно была. Но она альтернативна. Я считаю, что 1917 год неальтернативен в этом смысле, поскольку требовал всемирного решения российских проблем — а такое решение предъявили одни большевики. Дальнейшее только вопрос организации...

Г. П.: Моя мечта — написать или содействовать тому, чтобы написали Россию как цивилизацию. Но вряд ли это возможно, мы не смеем писать о русской цивилизации.

М. Г.: Я бы сделал сводную коллективную книгу «Главные моменты истории России в связи с мировым процессом». В глобальном контексте. У нас же вообще никто не знает русской истории. А русские абсолютно не знают истории всеобщей. Всемирная история как таковая — сегодня вообще непонятно, что это.

Слушай, мне очень нравится эта идея: альтернатива как философия истории.

Г. П.: Тебе ничто не мешает, сегодня ты можешь читать лекции кому угодно.

М. Г.: Меня бы больше устроили семинары. Мне форма разговора нужна. У нас с тобой очень хорошо. Когда я пишу, я вымучиваю, а мы можем совершенно свободно говорить на все эти темы и записывать.

20. «Либерализм XX века ассимилировал сопротивление коммунизма»

В этом старом разговоре главным двигателем его был итальянский друг Гефтера Лоренцо Скаккабароцци. Отвечая на сомнения Лоренцо, Гефтер развернул трактовку конца коммунизма и «победы» либерализма – которую считал заслуженной, но недолгой. Главная тема разговора – универсализм. Универсальность проектов коммунизма и либерализма как благо и как проклятье. По Гефтеру, универсальности в истории наступил конец, и проект «человечества» на будущее закрывается. Разговор велся давно, еще в Советском Союзе за два года до его конца. В аудиозаписи разговор сохранился только частично – я привожу его по транскрипту в редакции Елены Высочиной.

Из разговора с автором и Л. Скаккабароцци, 1990, февраль

М. Г.: Сколько устроен мир и сколько мы видим, всегда будут левые. Вопрос стоит так: должны появиться другие левые, чем те, что есть, или вообще их мир кончился и левых больше не будет ни при каких обстоятельствах? Это серьезный вопрос. В этом нашем мире левые нужны для того, чтобы прочие не стали скотами.

Г. П.: А разве есть вопрос? Левым ничтожествам что-то угрожает разве?

М. Г.: Нет, Глеб, я считаю, что вопрос есть. И для меня он действительно серьезен. Попробуем им заняться, вопросом. Происходят события, которые, кажется, подтверждают любое предсказание о том, что коммунизм обречен, что марксизм должен исчезнуть. Но стоят ли критики на позиции, принципиально отличной от марксизма?

Коммунизм в форме, которой Маркс пытался придать логическую строгость, логическую дисциплину, по природе универсален, глобален. В исходных позициях он не ограничивает себя определенным кругом стран и наций, исходя из того, что вообще не может ограничиться никаким кру-

гом народов. Он не может быть национально ограниченным, это его посылка, если мы говорим о коммунизме Маркса, да? Его посылка, но и его самое слабое место. Коммунизм основан на принципе, представляющем весь населенный людьми земной шар как одно человеческое общество. Но в действительности планета — совокупность разных обществ, не сводимых к одному. А коммунизм видит капиталистический мир в теоретически продвинутом образе единственного и единого общества. Может ли оно быть преобразовано так, чтобы выйти за пределы существующего буржуазного общества, как думал Маркс, с возможностями, таящимися в полном, богатом, развернутом состоянии капитализма? Не в том, которое Маркс застал при жизни. Я говорю о Марксе «Капитала» — зрелом, вершинном Марксе, исходившем из того, что капиталистическое общество можно представить в виде невероятного богатства таящихся в нем материальных и духовных возможностей, вобравших в себя все, что люди создали до него. Итак — общество, которое берется в этом богатстве предпосылок и накопленного, введенного в него, берется в том состоянии, когда оно вдруг обнаруживает свой предел. Чем? Богатством своего внутреннего развития оно обнаруживает предел собственному развитию. Преодоление предела и есть коммунизм!

Итак, центральная проблема — универсальный коммунизм Маркса. Как им понимается универсальность? Маркс идет от Гегеля, который рассматривал мир как универсум духа; для Маркса постановка вопроса иная. Он берет будто реальное общество, но какое реальное общество? Разве было при его жизни буржуазное общество, охватывающее весь земной шар? Не было такого общества — а Маркс именно его берет за реальный исходный пункт. То есть в качестве исходного момента он берет то, чего еще нет. Но теоретически то, что допустимо представить себе в таком виде. В его теоретически реальном движении буржуазное общество есть общество, преодолевающее любое заданное ему ограничение. Есть лимит — и мы его преодолеваем сложением многих факторов, включая сопротивление рабочего класса или образованной части мира.

Маркс берет буржуазное общество масштабом в планету не в том состоянии, какое есть, а исходя из представления о полном раскрытии имманентных ему возможностей — почти беспредельных. Развертывания заложенных в него возможностей создания гигантских материальных и духовных богатств. В предположении, что общество обладает этими возможностями и еще обладает особой способностью — вобрать в себя все, что люди сделали прежде. В таком теоретически продвинутом виде перед Марксом —

общество масштабом в планету. Общество в глобальном развертывании, в самораскрытии богатства внутренних возможностей, опирающихся на все, что люди поняли и сделали прежде.

В этом движении Маркс и обнаруживает некий предел богатству самораскрытия. Не предел человеческого потребления, а предел потребностей, созданных обществом на высшем витке — а когда обнаружился предел, выход за предел и есть коммунизм Маркса.

Где тут слабое место?.. Слабым местом оказывается заданный Марксом априорный принцип — *универсальность!* Ведь коммунизм задуман не только как теория, но и как движение. В качестве движения коммунизм не может быть актуально планетарным, он соотносится с реальными политическими возможностями. Он ставит себя на земную почву, а эта почва — страны, народы, нации. Коммунизм должен себя «национализировать». И возникает трудность, противоречие: можно ли коммунизму сделаться национальным достоянием? Как организовать в движение, приобретающее местную почву и, выливаясь в структуры действия сторонников, оставаясь универсальным?

Тут коммунизм теряет свою универсальность либо та становится принудительной — то есть коммунисты принуждают всех к универсальности. И это также заложено у Маркса. Маркс говорит, что коммунизм — это состояние, которое господствующие нации, наиболее продвинутые, добудут для всех, никого не жалея, принуждая остальных. То есть принуждение к универсальности было заложено в ядре коммунизма. Здесь его глубочайшее противоречие. Оно обеспечило ему распространение по всему миру, что реально доказанный факт — и оно же предопределило его катастрофу.

Уход коммунизма из марксизма в национальную форму дает в результате социал-демократию, которая, проделав ряд фаз в развитии, в нынешнем виде вовсе не то, чем была в начале. Она прошла через две войны, через фашизм, возрождение и так далее, отойдя от ядра марксизма. Другим отходом стала Россия Ленина, русская попытка втянуть как можно больше народов и стран в русло мировой революции. Началом последней считалась сама Россия — но только началом! А когда это не вышло, сохраниться «мировой революцией в одной стране». Это и стало капканом, куда Россия попала, доставшись Сталину.

Возвращаюсь к исходному пункту. Говоря, что коммунизм вот прямо сейчас сходит с исторической сцены, он уходит — как что? Он уходит в формах, которые вскрыли его исходные трудности. Он уходит как воспоминание об одной из сильнейших попыток сделать мир внутренне связ-

ным и в связанности продвинуть к тому, что Маркс называл «абсолютным движением становления». Значит ли это, что, вычеркнув коммунизм из политической жизни, люди вычеркнут его из своего духовного достояния? Или в воспоминании о коммунизме, возвращении к трагичности попыток реализовать его исходные посылки заключено нечто существенное для людей? Хотя на этой почве люди стоять больше не могут. Как не могут стоять на христианстве в редакции апостола Павла. Поэтому переживает ли коммунизм страшный момент, или он переживает конец? Я бы сказал, он переживает то и другое.

Коммунизм кончается, поскольку, я убежден, всякая концепция единого-единственного Мира уже противопоказана людям. Он переживает вместе с тем страшный момент — для движения, которое овладело властью в одних странах и создало политические структуры в других. Между тем и другим есть связь. Уходя в прошлое, универсальность коммунизма остается в духовной памяти человечества — а люди не могут жить без духовной памяти, где присутствует пережитое ими и оставленное позади, важное им воспоминание. Без чего они — не люди.

Но как сообразоваться с уходом тому коммунизму, который реализовал себя в формах власти и в определенных политических институтах типа партий? Открытый вопрос: переименованиями проблему не решить. Просто перейти на позиции либеральной демократии? А либеральная демократия как доктрина и концепция разве отказалась от универсальности? Тоже нет. Значит, дело состоит в том, чтобы люди перешли вообще на другое проблемное поле — другое по отношению ко всем доктринам, какие были выработаны за всю человеческую историю.

Л. С.: Западу кажется, что нужно просто подождать, пока труп проплывет по реке. Он ничего не сделал, просто — жил, делал свое и оказался более гибок.

М. Г.: Допустим, дело действительно в том, что либерализм оказался более гибок, лучше приспособился к переменам и эту способность не потерял. Благодаря ей он может не только выжить, но и добиться универсализации, став нужным для всех. Все станут гибкими, все научатся так же приспосабливаться к переменам времени? Тут возникает несколько вопросов.

Первый. Как пришел либерализм к нынешней гибкости, приспособляемости? Ты скажешь: «Известно как: парламентские институты, основные свободы человека, верховенство права». Еще и соответствующие рыночные механизмы. Но ведь это на первый взгляд кажется, что он развивался сам по

себе, не испытывая гигантских воздействий мира вне его. Вопрос: пришел бы либерализм к нынешнему торжеству, не будь этих воздействий? Вне контекста остального мира? Либерализм проделал несколько фаз в развитии, ограниченный европейским континентом, а поначалу вообще одной страной, небольшой территорией Англии. Только потом он развернул себя в мировых размерах. В каких формах он развернулся? Определенной власти и внутреннего развития он, вероятно, не смог бы достичь, не сделав остальной — внелиберальной и внебуржуазной — мир своим поприщем. В формах колониальных и иных.

К нынешнему состоянию либерализм пришел благодаря тому, что перенес чудовищные катаклизмы. От Английской революции до Французской, усвоив плоды классических революций, империи Наполеона — и в ответном сопротивлении народов, сокрушивших его империю, достигнув национального самоопределения. Значит, и к идее нации либерализм пришел путем внутреннего сопротивления себе. В порядке борьбы народов, которые по уровню политического развития стояли тогда ниже уровня, которого прыжком достигла Французская революция. Но только их сопротивление Франции сделало Европу континентом наций!

А сопротивление Мира в целом? Сопротивление, имеющее исходным пунктом Россию и включившее в себя громады вне России находящиеся стран, — оно что, было для либерализма безрезультатно? Разве достиг бы он нынешнего состояния, если б не нашел ответ на сопротивление себе?.. Однажды от этого сопротивления либерализм заразился фашизмом и сам оказался на краю гибели. В его спасении принял участие узурпированный Сталиным коммунизм. Но он нашел в себе силы и после этого возродиться в третий раз, может быть, даже в четвертый.

Значит, либерализм приобрел свою нынешнюю гибкость, приспособляемость, динамичность в результате серии крушений и катастроф. В серии эволюционных циклов, где он утилизировал или ассимилировал сопротивление себе — не только изнутри, но и извне. Нынешние свойства либерализма, если свести их к одному коренному, можно так и обозначить: *ассимиляция сопротивления самому себе*. Новый либерализм умеет сопротивление себе перерабатывать в свои новые качества. Это первое.

Второе заключается в том, может ли либерализм, каким он сегодня стал в результате своей эволюции, в этом качестве быть планетарным? Открытый вопрос! Ни из чего не следует, что сможет. Ибо за пределами его — Мир, не поддающийся уподоблению структурам либеральной Европы и вообще либеральному Западу. Еще большим вопросом является вот

что: он не поддается этому уподоблению временно? Допустим, время еще не пришло всем уподобиться, — или не уподобятся никогда? Миллиарды людей не станут жить на началах и основаниях, которые выработал западный либерализм в итоге долгой эволюции. Мир состоит из миллиардов, о которых еще неизвестно, что те могут в XXI веке сделать с «цивилизованными» белыми.

Но есть еще третий момент. Он в том, что тенденция к уподоблению, будь она даже реализуема, пагубна для существования *Homo sapiens*... Потому что в составе живого мира, мира жизни, человек может сохраняться развитием, лишь будучи внутренне различным. Развиваясь различиями, развиваясь его внутренними несовпадениями... Утратив эту способность, человеческий род погубит самого себя.

Эти три пункта ставят под сомнение точность рассуждения, будто коммунизм погиб, а либерализм победил, ибо он более жизнестоек. Жизнеустойчивость либерализма является (до известной степени) реакцией на коммунизм и ассимиляцией сопротивления коммунизма. Либерализм отвечает на коммунистический вызов. Но если принять крайнюю гипотезу, будто коммунизм навеки сойдет с исторической сцены, — возможно, он продолжит жить внутри восторжествовавшего либерализма как один из ферментов его жизнестойкости? Как одно из слагаемых приобретенной им нынешней формы? Нет, и это не так.

Оставаясь в памяти людей частью их духовного наследия, коммунизм выходит за пределы самого себя и вчерашнего противника — либерализма. В качестве духовного воспоминания подвигает на новое проблемное поле — разновекторных, *разнонаправленных* *развитий* *Мира*. На новом витке достижений и опасностей цивилизации человек возвращается к потерянной аритмии человеческих культур, что предшествовала делению Мира на передовых и отсталых. Асимметрия «передовые–отсталые» заменяется новой асимметрией — различия способов человеческой жизнедеятельности.

Путь к ней еще не открыт, но потребность в ней несомненна. Если даже в пределах бывшего Союза люди не могут жить одинаково, что уже выявилось с катастрофической силой, опрокинув все рецепты одинакового преобразования, то как же дело обстоит со всей планетой!

Вопрос о «смерти коммунизма» — это вопрос о проблемном переживании коммунизмом самого себя и своего взявшего верх либерального оппонента. Коммунизм — вход в будущее проблемное поле; вот мой тезис.

Но есть еще одно обстоятельство в этот страшный для коммунизма момент... Движение новозападной цивилизации, давшее исток нынешнему либерализму (в широком смысле включая сюда и социал-демократию, и посткоммунистов), сопровождалось переменами в поколениях людей. Сменяясь, они выступали деятелями перемен в роли их мозгового авангарда, их политически направляющей, овладевающей силой момента. Но коммунизм в конце концов создал политические структуры, препятствующие селекции людей. Это ужасающий момент коммунизма. То, что он отчасти на Западе, а главным образом в России и путем экспансии российского коммунизма на другие области планеты создал структуры власти, ставшие препятствием, плотиной для селекции людей. Обновительный процесс застрял внутри коммунизма, повторяя одну и ту же человеческую характерологию и типологию. Благодаря этому на поверхность вышли люди типа Сталина и *сталиноподобные*. Оттого кризис коммунизма сопровождается страшными конвульсиями опрокидывания его структур. Не только потому, что эти структуры экономически малоэффективны и дают минусовый социальный результат, хотя вроде бы нацелены на социальную максиму, — эти структуры антиселекционны! Они мешают смене поколений. Мешают выходу на поверхность способных, могущих оппонировать людей, которые решают перспективные задачи, даже находясь в эшелонах власти.

Страшная особенность коммунизма — в сочетании двух этих моментов: момента исчерпания его первоуниверсальности с крахом политических структур, предельно затруднивших ассимиляцию сопротивления ему самому. Предельное препятствие самообновлению коммунистического движения путем селекции людей, свежих идей и умов. Сочетание этого привело к катастрофе поистине геологического масштаба. Переплетение доктринального универсализма с упорством структур власти и дало такой результат. Нынешняя консервативность у нас — не дань прежним идеям. Это попытка удержать антиселекционные структуры власти, не поддающиеся обновлению мыслью и умами.

Исчезновение коммунизма касается всех. Мы не должны радоваться исчезновению иллюзии, которая стала частью нашей духовной жизни. Здесь возвращаемся к старому разговору — нужны ли иллюзии вообще? Что мы понимаем под словом «иллюзия»? Иллюзия — это неоправдавшаяся надежда. Я не говорю о грубых обманах — подделках, фальшивках, заведомо ложных идеях, спекуляциях и так далее. Я говорю о главном русле, которое запечатлелось в сознании и останется в памяти. С этой точки зрения

коммунизм отвечает глубокой, неиллюзорной потребности человека. Человек — существо, обладающее свойством начинать себя сызнова. Есть такая человеческая потребность — начинать себя сызнова, потребность, превышающая все конкретные обстоятельства.

Говоря о коммунизме как о якобы выходе за рамки возможного, мы, во-первых, судим ретроспективно: надо выйти за предел, чтоб увидеть свой выход и его превозмочь. С другой стороны, тут нечто, свойственное человеку как таковому. В почти мистической, но очень пронизательной форме это выразил Гегель в своей «хитрости абсолютного духа». Казалось бы, разум наперед знает, что придет к самому себе, ведь его движение неодолимо, неотвратимо. Но абсолютный дух в движении, в движении разума к себе торжествующему, по пути, как Гегель говорил, «овнешняется». Воплощаясь в человеческой истории, этот процесс в ней же и застревает. Человек преодолевает это застревание, внося свою страсть. Пытаясь добиться большего, чем необходимо, он расплачивается за чрезмерную страсть. Расплата за превышение возможного и есть «хитрость разума».

Тут заложено, знаешь ли, что-то глубокое. Человек — существо, которое преследует нереализуемую полностью цель, нереализуемый идеал. Он чего-то на пути добивается тем, в частности, что преследовал нереализуемую цель. Результат не только то, что он осознал превышение и вовремя остановился. Нет — в результат входит расплата. Человек платит дорогую цену за то, что стремился к неосуществимому. Чтобы оно стало отчасти осуществлено, он и должен стремиться к неосуществимому. Но чем это выявляется, разве только в успехах? Нет, еще и в страданиях, и в расплате, которая за все придет. Что и есть история, собственно.

Сегодня мы пришли к рубежу, когда эта логика стала опасна: опасно добиваться нереализуемого! Опасно высока плата, которая за это полагается всем. Опасна даже потребность человека в самовозобновлении! Мы в это уперлись, и может быть, это конец Homo historicus. Но не конец человеческому существованию. Что не означает, будто все будут жить на манер либеральных экономических демократий. Это означает другое — поворот от истории к эволюции. К ритмии цивилизаций.

Кризис переживают все духовные течения, все попытки человечества, но по-разному. Коммунизм переживает самую страшную проверку и самый глубокий кризис. Может быть, это его конец. Конец его государственному и политическому существованию, с переходом в духовное наследие, воспоминание о том, чем он был. Воспоминание, без которого человек не сможет решать новые, не похожие на прежние задачи и цели.

К сожалению, сочетание универсалистского эха коммунизма с созданными им противоассимиляционными структурами власти, затрудняющими разнообразие умов и душ, наложило тяжкую печать на советское состояние. Что позволяет себя трактовать в терминах «победы» либеральной демократии. Но думаю, проблема окажется глубже, причем и на Западе также.

То, что левые сейчас абсолютно убоги, бесцветны, бессмысленны в альтернативном отношении, факт. Но в своей бессмысленности они выражают общую деградацию рода людей либо переход людей вообще в другое состояние. Сам факт того, что левые так слабы, бессмысленны, стоит разобрать: почему? Потому что среди них нет больше сильных умов? Или потому что нет спроса? Момент левизны остается в том, что, с точки зрения Иисуса, кто-то должен говорить странные вещи, чтобы люди были капельку лучше. Разве какой-нибудь американский президент может покуситься на социальную защиту? Он может только сделать ее легче, гибче.

Либеральная ситуация, замкнутая на западный мир, имеет стороны, с которыми трудно примиряться человеку. Допустим, всем безработным будут платить в два раза больше, чем работающим, — это хорошо или плохо? Плохо для самой природы человека. Мне кажется, главный кризис левых в том, что им всегда нужны правые, чтоб с теми бороться. А когда таких нет, левые их изобретают, кричат о «фашизме». Зато правые вполне могут процветать и без левых.

Примечания

1. Опубликовано в: Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Европа, 2015. С. 234–235.
2. «Будущему поколению руководителей партии» — краткое послание Н. Бухарина, которое заучила наизусть его третья жена А. М. Ларина. Написано во время февральско-мартовского пленума 1937 года, за два дня до ареста Бухарина. После 1956 года восстановленный текст был передан Лариной за рубеж и обнаружен.
3. Опубликовано в: Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Европа, 2015. С. 228–229.
4. Алексей Иванович Рыков (1881–1938) — советский политический и государственный деятель. Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР и СССР (1924–1930). В 1929 году вместе с Томским и Бухариным подвергнут осуждению резолюцией ЦК в качестве лидера «правого уклона» (за сопротивление сворачиванию НЭПа); признал свои ошибки, покаялся, формально продолжал оставаться членом Политбюро. Один из главных обвиняемых в открытом процессе (Третий Московский процесс) по делу «Правотроцкистского антисоветского блока» в 1937–1938 годах. На допросах признал себя виновным, осужден и расстрелян. Реабилитирован в 1957 году.
5. Валериан Валерианович Оболенский, партийный псевдоним — Н. Осинский (1887–1938) — советский экономист, государственный и партийный деятель, публицист. Был привлечен к процессу Бухарина–Рыкова в качестве свидетеля; впоследствии арестован, приговорен и расстрелян. Реабилитирован в 1957 году.
6. 7-й конгресс Коминтерна проходил 25 июля — 20 августа 1935 года в Москве.
7. Опубликовано в: Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Европа, 2015. С. 208–210.
8. Опубликовано в: Там же. С. 232–234.
9. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954) — советский государственный деятель, юрист, дипломат. Прокурор РСФСР с 1931 по 1933 год, впоследствии — прокурор СССР (до 1939 года). Государственный обвинитель на Московских процессах 1936–1938 годов.
10. Опубликовано в: Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Европа, 2015. С. 71–72.
11. Опубликовано в: Павловский Г. 1993: элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером. М.: Европа, 2014. С. 89–91.

12. Знакомство Герцена и Чадаева относится к 1834 году. «С того берега» Герцена было опубликовано на немецком языке в 1850 году, на русском — в Лондоне в 1855 году.
13. «Письма к старому товарищу», 1869.
14. Опубликовано в: Гефтер М. 1917. Неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Европа, 2017. С. 192–194.
15. Опубликовано в: Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Европа, 2015. С. 299.

Лубянские транскрипты. Приложение

Последние десять недель жизни Николая Бухарина. Эти ежовские прослушки в камере смертника — страшный документ, я не знаю, как их достал Гефтер. Ими вдохновлялось его темное эссе «Апология Человека Слабого», где нет на них ни единой ссылки. Лишь однажды в блокноте незадолго до смерти он цитирует оттуда бухаринское:

” “Как болит сердце”. Надеялся, бедняга, на человеческое в людях*.

Запись страшна повседневностью обреченного узника, лишенной физических мук. Ясно, отчего Николай Бухарин писал жене: «Меня здесь обхаживают». Это невозможно без прямых указаний Хозяина Ежову.

Требую выслушать «*наших живых мертвых*», Гефтер знал, что у Николая Бухарина перед расстрелом было что нам сообщить. В лубяньских прослушках Бухарин — прототип Человека Слабого. Вдохновляясь ими, Гефтер писал свое эссе. Современник вряд ли поймет этот вид вдохновения и почему оно раскрепощало умы, а не страшило. Ведь Лубянка для русских не одно место казней — как Голгофа не просто пыточный плац, скольких ни замучили там до и после Иисуса.

Для Гефтера вопрос о реальности был вопросом сопротивления ей. Антифашизм Гефтера требовательно сочетал освобождение с тираномахией. Вот почему Михаил Гефтер утверждает, что «*тираноубийство над Сталиным все-таки свершилось — посмертно!*».

Как попала к Гефтеру эта вещь, я не знаю. Он был человек со знакомствами в кремлевских средах. Среди его знакомых Ольга Шатуновская — исследователь ежовщины в рамках «комиссии Шверника». А еще Алексей Черняев, Геннадий Бурбулис, Александр Яковлев — у каждого был доступ к сталинским тайнам.

Читатель Гефтера не знает об этом документе, он не публиковался по сей день, и я считаю важным напечатать его здесь. Разумеется, это не научная публикация — мне нет пути в наглухо запертые архивы.

«1 мужч.» — так в транскриптах обозначен сам Николай Бухарин, а «II мужч.» — Натан Зарицкий, посаженный к нему в камеру для контроля и переживший великого сокамерника на полвека.

---

* Гефтер М. Я. Из записей... 1994, декабрь. Это единственное свидетельство о знакомстве Михаила Гефтера с лубяньским транскриптом найдено Еленой Высочной и опубликовано ею в малотиражном буклете «Россия: диалоги вопросов» (М.: Утопос, 2000).

НКВД СССР
ГУГБ

ДОЛОЖЕНО

1
ДЕЛО № 12403
МОСКОВСКОЕ ЛИТ. „Н“
СПИР.

ВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
1-е ОТДЕЛЕНИЕ

Запись №

разговоров по объекту "В - 87"

За " I " января 1938 г.

ДОСЛАТЬ:

12-го отдела ГУГБ НКВД
п. Майор Гос. Безопасности
ЖУКОВСКИЙ

(Суровый - Заруцкий)

- П мужч. С первого января, нового года здесь переходят на странную систему/смеется/. Теперь будут выпускать куда угодно и когда угодно и будут носить чай при каждой нашей просьбе.
- 40 45 П " Я сегодня уснул только к утру.
- I " А я чуть, чуть в "лес" не сходил.
- П " Опять.
- I " Чуть, чуть.
- П " Насчет девочек, да. /смеется/
- I " Что Вы все глупости говорите. Просто удивительно. В такой трагической обстановке в голову лезут такие глупые вещи.
- П " А ко мне ничего не лезет и я никуда не хожу.
- I " Да у меня тоже не всегда, временами. Мне сейчас очень плохо.
- П " Почему.
- I " Не знаю. Просто физически плохо.
- П " Потому, что Вы сегодня не выспались. А я тоже себя не так хорошо чувствую.
- I " Хотите я Вам прочитаю насчет гениев. Вот эта вся глава написана про них и насчет изложения этой системы.
- П " Хочу. Читайте.
- П " Идите ко мне.
- П " Я слышу, отсюда.

178 -
L

L

И 12

I мужч. /читает/

II " Ну, дальше.

I " Я еще не кончил.

II " А большая будет эта глава.

I " Да. В литературе сводок об этом не было, ни о самой системе, ни о системе расчленения. Странно, как то в таком положении в каком нахожусь, я заниматься этим делом.

II " Почему, мне кажется, что очень хорошо. Счастливым Вы человек, что можете работать.

I " Да уж счастлив, как никогда.

II " Конечно. Смотрите, как Вы много написали.

I " Да, написал много.

II " Вы на свободе не написали бы столько.

I " Конечно, нет.

II " Вы бы за 10 месяцев выпустили одну книгу. Сколько же нужно было бы Вам писать, чтобы написать столько.

I " Не знаю.

II " На свободе, где при Вашей работе.

I " Я здесь три книги написал.

II " И все про философию.

I " На свободе я бы столько не написал, некогда.

II " Всегда нужно иметь положительные стороны.

I " Ну как же. Без них не обойтись.

II " Как об этом говорится в Вашей философии.

I " Можно Вас попросить, мне не хочется ноги пачкать, подать вам те две книжки.

II " Эти.

I " Да. Спасибо.

II " Что хорошо читается.

- I мужч. Да, очень. Сейчас я хочу уснуть.
- П " Мне скоро обед принесут. Я это читал. А он вообще то хорошо пишет.
- I " Да, он известный писатель.
- П " Вы, что сним знакомы были.
- I " Да, я его хорошо знал.
- П " Он хороший писатель, не в смысле, как он пишет, а вообще./смее
- I " Ничего. Он нахмуел во время русско-японской войны. Он написал "Записки врага".
- П " Хорошая книга. Я ее не читал.
- I " Хотя это было написано не в русско-японскую войну, тогда он писал очерки.
- П " Что он был за человек.
- I " Отчаянный кутила, очень остроумный. У него было заведение в Петербурге.
- П " Почитайте мне что-нибудь.
- I " Нет, я сейчас не в состоянии читать. Я должен уснуть.
- П " А что, все главари были декабристами.
- I " Конечно нет. Одни примкнули, другие отказались в решающий момент перед самым выступлением.
- П " А среди декабристов были друзья Пушкина.
- I " Были. Там был его друг с которым он учился вместе.
- П " Да, я читал кажется об этом. Я читал книгу Юрия Тьянова "Пушки и еще кое-что читал.
- I " Я тоже про Пушкина читал и много.
- П " Пушкин официально примыкал к декабристам.
- I " Нет. Они ему не доверяли.
- П " Почему.
- I " Он был очень большим болтуном.
- П " Но мне кажется, он был за них.

- I мужч. Он был с ними дружен и все стремился их увидеть, когда они находились в Сибири.
- П " Тот здесь упоминается Софья Петровна Пушкина, это что жена его.
- I " Нет, родственница. Да не ковыряйте Вы, что Вам не терпится то. Вы совершенно верно сказали, что у нас холодно.
- П " Я всегда говорю, только правду. /смеется/
1. 35 I " Почитайте мне вслух.
- П " У меня голова болит.
- I " Холодно.
- П " Страшно холодно. Как мы после бани придем сюда. Мы же можем простудиться. А постель нам сменят.
- I " Должны.
- П " Ну, идемте.
- П " Куда, там закрыто.
- П " А мы откроем/смеется/
- I " Что Вы смеетесь.
- П " Что Вы сегодня во сне видели.
- I " Я не досмотрел до конца, проснулся.
- П " А где это происходило, в лесу.
- I " Нет, где-то в театре.
- П " С кем. С женой или с девушкой.
- I " Забыл. /смеется/
- П " Почему Вы не пошли гулять, в такую погоду только и гулять.
- I " Вы страшно банальный тип.
- 2.50 Ушли в баню.
- 16.55 П " Скоро у Вас кончится дело и Вы все забудете.
- I " Съешьте яблоко.
- П " Я не хочу.

- I мужч. Вы же все таки все с"али. /пауза/
Я хочу изложить одну большую главу " диалектической логика"
Никто еще этого не излагал.
- П " Все изложите. У Вас впередк еще столько времени. Вы же сразу не уедете.
- I " В крематорий недалеко ехать.
- П " Что Вы глупости говорите. После Эхова можете об этом больше не говорить. Теперь же совершенно иначе стоит вопрос.
- I " Что ты глупости говоришь, всякий вопрос всегда можно перерешит
- П " Так это же последнее решение, для меня это совершенно очевидно. Тогда не нужно было вводить закона о 25 годах. Возьмите первый процесс- расстреляли всех, от второго процесса остались Соколовиков и Радек, а на этом процессе останется больше 50% живых. Вас не расстреляют. Вы не такая фигура, чтобы Вас расстреливали.
Вы просите, чтобы Вас как нибудь отправили в лагерь. Я уверен что Вас отправят в хороший лагерь, а меня пошлют куда нибудь. У Вас нехватит смелости сказать: " вот со мной сидит хороший парень, давайте мы вместе поедем". Мы бы поехали вместе. Чем бы Вам было плохо со мной. Парень и как-будто не плохой.
- I " Я бы очень желал.
- П " Ну и поехали. Завернем там дела, я Вам буду помогать.
- I " Было бы очень хорошо, но кто будет с этим считаться.
- П " Я бы хотел вместе с Вами сидеть после процесса.
- I " Что значит после процесса.
- П " Когда кончится суд, чтобы было известно кто-счелько.
- I " Это хорошо было бы.
- П " Мы тогда сумели бы делиться. Все дело заканчивается, а дам последние показания. У меня только одна неприятность.
- I " Что значит последние. Могут быть еще последние.
- П " У меня получилась коварная неприятность.
- Ш " Не нужно рассказывать.

П мужч. Мне следователь сказал, что заканчивается дело, и оно пойдет очередным процессом, возможно, сейчас же после Вашего процесса. Судить будет военная коллегия. Тут целая группа военных работников.

Г " Нет ни одной папиросы.

П " Ничем не могу поить. Я все выкурил. Может быть завтра будут конфеты, сахар и всякие другие вещи. Я думаю, что нам первым дадут. Я даже колбасу выписал. Встречу новый год колбасой. У меня уже не осталось денег.

Г " Я спросить забыл, почему мне.../ не договорил/

П " Почему Вы насчет какой-нибудь игры не попросите- шахматы или шашки.

Г " Я опять не спросил, забыл.

П " Вы возьмите запишите на бумажке и положите в карман. Я всегда так делаю.

Г " Завтра меня наверно вызовут.

П " Он ведь с Вами вчера хотел разговаривать. Спешил наверно новый год встречать.

Г " Так вот.

П " Мне надо подписать протокол. Я писал, писал.

Г " Сегодня первое число. Значит кончился год.

П " Сколько будет тянуться суд. Предыдущие суды тянулись 5-6 дней. Этот, возможно, меньше. Первый процесс это был Зиновьевский, второй Радека и этот третий по счету. Я на седьмой этаж хожу, а у Вас какой этаж.

Г " Пятый.

П " Я поднимаюсь высоко наверх.

Г " Ах боже, боже мой.

П " Хорошо когда помоешься; Вы смыли всякие, свои эти сперматозоиды. У Вас же налипло все, когда Вы бегали в "лес".

Г " Я еще не постиг этого искусства.

П " Вас, еще, наверно прилипло немножко. У меня такое впечатление.

не меняете.

- I мужч. Почему же
- И " Я обычно верхнюю кладу на низ, а новую на верх.
- I " И я так делаю. Верхняя ведь мало грязнится, а нижняя от трения грязнее.
- П " Слушайте, это безобразие, что нам не дают натереть пол. У нас не было бы столько пыли.
- I " По настоящему нужно было бы кипятком вымыть весь пол, дать ему просохнуть, а потом натереть до блеска.
- П " А Вы его мыли когда-нибудь кипятком.
- I " Тут нет. Ну пописать надо что ли или почитать.
- П " Почитайте.
- I " Тут не все издание, а только 3-я и 4-я части.
- П " Тут отрывки какие то.
- I " Это большой автобиографический роман, но только не весь, а 3 и 4 части.
- П " Он о себе пишет.
- I " Да.
- П " Он поэт.
- I " И философ и ученый.
- П " Это он "Фауста" написал.
- I " Да. Вторая часть написана философски-аллегорической.
- П " А Гете вообще легко читать.
- I " Да, только у него много мистики.
- / молчание/
- 18.00 I " Вы подойдите сюда. Ходите как поц.
- П " А поц, когда куда-нибудь спешить стоит.
- П " В Москве все знает, что такое поц.
- П " Да не только вся Москва, но и весь Союз.
- П " В Раньше об этом в Москве не знали.

(Продолжение записи №.....)

П мужч. Потому, что не было евреев, а теперь у еврея спрашиваем - куда ты едешь, а он говорит - я еду в свой родной город - Москву.

I " Ну Вы садитесь.

П " Я слушаю.

/ I читает/

/ кончил /

18 45

П " Ну, прочтите еще что-нибудь.

I " Нет больше не могу, времени мало.

П " У бога время много.

I " У бога много, а у меня мало. /пауза/

П " У Вас сейчас прическа хорошая.

I " Да, отрасли волосы.

П " Чем об"яснить, что на теле так много волос. Вот у Вас мало, а у меня-посмотрите сколько. /пауза/ Я кажется, опять лягу спать. Расскажите что-нибудь Николай Иванович. Эпизодик какойнибудь... Опять воняет, опять воняет.

I " Откуда Вы знаете.

П " Я же вижу, как Вы напрягаете свои мускулы.

I " Тихе, не кричите. /пауза/

П " Слушайте, Вы сегодня столько воняете, прямо ужас. Я не закрою форточку, пока не перестанете. /пауза/ Фу, что Вы все даете и даете.

I " Да что Вы.

П " Да все идет и идет. вонь./смеется/ Николай Иванович перестаньте вонять.

I " Будет Вам, вот пристал.

П " Николай Иванович, давайте постановим, чтобы с сегодняшней ночи прекратить это дело. Вы больше не будете газовать. Вы теперь наверное и через рот начали пускать

I " Подождите, там на подоконнике не лежат папиросы.

П мужч. Лежат.

И " Да, дайте пожалуйста. /пауза/

П " Запах опять пошел, Николай Иванович, что это Вы сегодня разыгрались, а . /пауза/ Эх, и воняете Вы сегодня специфически, как-то Вы сегодня что ели на обед.

И " А у Вас, что сегодня было.

П " Смп.

И " А второе. /сменяется/

Ничего потерпите, я все равно скоро умру.

П " Ну, умрете, Вы меня переживете, честное слово. /пауза/
Меня тут оставят, я попрошу. Но может быть в другую переведут. Здесь какая-то есть тюрьма военная- может быть туда.

И " Да есть много: Таганская, военная, разные.

П " Вообще я знаю, в Москве их много. /пауза/
Мы с Вами еще не разу не поругались.

И " Нет пока, но я думаю, что через 2 недели начнем.

П " А мне кажется, что мы не будем ругаться.

И " Почему.

П " Обойдемся. Вот у меня страшно уступчивый характер. Я могу промолчать другой раз.

И " И у меня тоже. Но я очень не люблю глупостей, когда начинают говорить чуш. Я злюсь, я тогда начинаю не разговаривать.

П " Вы и со мною за последнее время молчали.

П " Ну, что-ж это у меня было плохое настроение. Не знаю, как у Вас, а у меня та пятдневка до 1-го числа страшно долго тянулась. Я уверен, что со мной ничего не будет плохого, но настроение ужасное.

П " Я не знаю почему, - но как никогда хочу жить. /пауза/

П " Вы не любите когда к Вам пристают. Вы скажите и я не буду. Я ведь шучу.

И " Нет, ничего. /пауза/

ИЗ-го ведь сессия будет.

Вы думаете, сразу после сессии.

- И мужч. Думаю- числа 17-го.
- П " У тех, что то недолго длилось, дней 5-6
- И " И достаточно.
- П " Но как же, затягивается иногда на целые месяца.
- И " Да.
- П " Если больше недели будет допрос, то дней 10-12, меньше.
- И " Нет, нам будет наверное больше.
- П " Да, это хуже, военные будут, нет.
- И " Не знаю.
- П " Представители от военных. Нашего брата с Вами будут судить. Давайте дела бросим, говорите стихотворение. Вот говорят Фейхтвангер выпустил книгу- СССР 1937г., ее расхватали. Говорят что она не совсем выдержанная, но все таки ничего.
- И " Скажите, что у нас есть еще читать.
- П " Вересаев.
- И " Я его читал, почти всего знаю.
- П " Читайте Жюль Бляс. /пауза/
- И " Мне сегодня ночью хотелось.
- П " И мне тоже хотелось. Но у меня ведь песок идет, раздражение.
- И " Яичники перестанут работать.
- П " При чем тут яичники.
- И " Они же всем управляют, организм вреден.
- П " Да, а нет другой меры.
- И " Нет. Я уже не понимаю, что мне делать.
- П " Вам бы Анэту.
- И " Да, было бы не плохо. /пауза/
- 23 30 Легли спать.

НАЧАЛЬНИК 1 ОТДЕЛЕНИЯ: 12 ОТДЕЛА: ГУГБ, НКВД
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: *М. Шинин*

НКВД СССР
ГУГБ
ОНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
1-е ОТДЕЛЕНИЕ
28

СТРОГО СЕКРЕТНО
контроль лит. „Н“

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

За „ 9 “ января 1938 г.

ИМЯ:

Василь
Фридрих Васильевич

(Горхарин - Заринкин)

2-го отдела ГУГБ НКВД
Малой Гос. Безопасности
ЖУКОВСКИЙ

- 20.30
- 1 мужч. У меня опять что-то такое.
- П " Горло болит?
- 1 " У меня голова болит. Опять тоска началась.
- П " Состояние такое тяжелое, так тоскливо и еще болит горло.
- 1 " Перекись водорода дезинфицирует.
- П " Я хотел, чтобы меня на допрос не вызывали, не могу ходить, я могу отказаться, сказать что я больной и не пойти.
- 1 " Обычно так не бывает, потом хуже.
- П " Почему? У меня все показания закончены. А у вас неизвестно когда? Сроки двигаются.
- 1 " Ну конечно двигается.
- П " Неужели так экспромтом?
- 1 " Нет, дня за три наверно.
- П " Меня интересует, какая-нибудь подготовка идет?
- 1 " Конечно. Они должны сделать очные ставки.
- П " У меня было несколько их в присутствии прокурора. Сейчас он меня предупредил, когда я подписывал последний протокол "имейте в виду, с вами будет разговаривать прокурор."
- 1 " Еще долго вам, не беспокоитесь?
- П " Военные статьи вам предъявили?
- 1 " Да, кажется предъявили.

- 1 мужч. Скорей бы уж жизнь кончить.
- П " Вам беспокоиться нечего. Неужели этот процесс при закрытых дверях будет?
- 1 " Меня 3 раза по этому вопросу к Вышинскому вызывали.
- П " К Вышинскому, а меня военный прокурор.
- 1 " Боже мой! Скорей бы!
- П " Еще есть военный прокурор?
- 1 " Если Вышинский, значит Верховный суд.
- П " С вами будет разговаривать военный прокурор, а что верни ваши показания? Можно будет перед судом познакомиться?
- 1 " Ну да.
- П " Сказали, что дадут?
- 1 " Да.
- П " Много вопросов задавали?
- 1 " Да.
- П " Надо помогать дело передадут прокурору.
- 1 " Прокурор составляет протокол. Да может быть и так и эдак. Это приблизительно общий стиль.
- П " Вы говорите, что еще долго?
- 1 " Вы тут еще будете сидеть? Это вопрос времени.
- П " Мой суд может проходить в то же время, когда и ваш.
- 1 " Может.
- П " Мне говорили, что у вас другое положение, было решение ЦК Вас выпустят и все. Так, что с вами совершенно иначе стоял вопрос.
- 1 " Скорей бы помирать!
- П " Если я был бы в таком положении, это другой вопрос. Но я не фигура, вот что. Рыкову дадут больше чем вам, вот увидите, у меня такая интуиция, такое мнение. А вы фигура международной интеллигенции.
- 1 " Все равно.

- I мужч. А Зиновьев?
- II " Ну что Зиновьев, абсолютно скомпрометирован и Зиновьев не был фигурой никогда.
- I " Это все чепуха, скорей бы все кончилось.
- II " Скажите, как нам вместе попасть в лагерь, вот если вместе попали бы в лагерь было бы интересно. В этом месяце будут все процессы законченны. (Пауза)
Да. Поговорите с вашим следователем, чтобы нам вместе попасть.
- I " Это решит Политбюро.
- II " Позавчера всю ночь сидели, прокурор тоже был. Очные ставки были.
- I " У меня были три очные ставки.
- II " Когда с вами разговаривал прокурор, Ежов тоже был?
- I " Нет, Бельский был.
- II " У вас был Фриновский, а второй?
- I " Второго не знаю. Кончились очные ставки. Я там ждал очень долго. Очные ставки не долго проходят. Записывают стенографистки.
- II " У меня очная ставка без стенографистки. Протокол я пишу сам. У вас тоже так было? После того как я сам напишу, составляют на основании моего заявления протокол. Вы никогда не писали?
- I " Писал.
- II " Сессия продлится дней 5?
- I " Дней 6.
- II " Дней 6. 12,13,14,15,16, ну 17. Остается 18, 19, 20, 21 может быть начнется суд. Что будет избрание органов?
- I " Законодательные вопросы.
- II " Законодательные вопросы очень быстро разрешаются. Вы какую часть конституции писали?
- I " Не выработал право на труд, на отдых, на образование.
- II " Сами писали, автором являетесь?

- П мужч. А вот есть массовые случаи, когда Политбюро не благонадежных не принимают на работу.
- 1 " Должны принимать.
- П " И вот вам говорю, есть примеры, исключают из партии и его никто не хочет принимать на работу.
- 1 " Дело в том, что я оторван от всего, ничего не знаю, вероятно мало понимаю.
- П " Не всякая судимость есть лишение гражданства, многим осужденным на 10 лет разрешают пользоваться всеми правами по конституции.
- 1 " Да. (Пауза)
Увеличение всяких реальных прав насчет рабочего дня, насчет соцстраха, мало ли что можно придумать.
- П " Неужели можно перейти на 6-ти часовой рабочий день.
- 1 " Я не знаю. Тогда я делал предложения на 7-ми часовой рабочий день.
- П " Можно целый ряд мероприятий провести: из области культурного строительства, распределение бюджета, культурные цели и т.д. (Пауза)
- П Сессия выпустит декларацию?
- 1 " Возможно. Верховный Совет может принять резолюцию крупнейших законодательных актов.
- П " Это зависит от Политбюро.
- 1 " Ну конечно.
- П " Снижение цен может быть?
- 1 " Я думаю, может пойти по линии снижения цен.
- П " Все вопросы предусмотрены, которые будут на сессии?
- 1 " Наверно.
- П " Заранее все предусмотрено?
- 1 " Я уверен.
- П " Какие законодательные меры будут по всему союзу?
- 1 " Смягчение наказаний. Я не попадаю под амнистию.

- П мужч. Если был осужден до закона, то попадешь под амнистию. Когда будет мое решение могут принять во внимание?
- 1 " Нет. Амнистия будет вероятно бывшим кулакам, а мне трудно судить, я оторван. (Пауза)
- П " Обстановка политическая, экономическая.
- 1 " Тут не только это. Идет подготовка к войне и это будет заставлять держать все подозрительные элементы возможно дальше.
- П " Будут требовать известного смягчения.
- 1 " Можно не так рассуждать, если грубо говорить - врагов народа душить. Это все очень сложная вещь, сейчас очень трудно, что-нибудь сказать. Дать могут 10 лет, а потом в 2 месяца поставить ..... если это понадобится.
- П " Какой смысл?
- 1 " Если это понадобится, это правильно.
- П " По вашему мнению, обязательно законодательные меры какие-нибудь?
- 1 " Обязательно, в этом я не сомневаюсь.
- П " По заявлению Ежова суда до сессии не будет.
- 1 " Закон имеет обратную силу, так он сказал.
- П " По-моему он нарочно не договорил некоторые вещи.
- 1 " Да.
- П " Ваше заключение насчет смертной казни?
- 1 " Что смертная казнь будет заменена, вещь весьма вероятная. По-моему он сказал неубедительно, упирал на сессию. (Пауза)
Обстановка такая, нужно знать всю совокупность вопросов. Ну скажем в смысле войны, оттягивать это дело, или мы настолько уже готовы, что можем сейчас же принять бой.
- П " Почему? Можно сейчас. Я знаю много командного состава. Идет на подготовку кадров к войне. Сейчас берут молодые кадры, чтобы из них подготовить хороший командный и политический состав. Каждый командир полка и каждый командир

- 1 мужч. Говорят в Испании наши продвигаются вперед, но были несколько раз отбиты и отступили.
- П "
- 1 " На Востоке. Японцы все продолжают занимать, но у них с финансами паршиво.
- П "
- 1 " Ну, Германия может оказать Японии финансовую поддержку.
- П "
- 1 " У них у самих не так много.
- П "
- 1 " В Японии слабая армия?
- П "
- 1 " Да.
- П "
- 1 " Кто занимался китайскими вопросами?
- П "
- 1 " Я проводил несколько с'ездов с Китайской делегацией.
- П "
- 1 " Вот с'езды братских компартий, где происходят?
- П "
- 1 " И за границей и у нас. (Пауза)
- П "
- 1 " Когда вас вызывают вы страшно волнуетесь.
- П "
- 1 " Я волнуюсь от того, что вообще подходят сроки.
- П "
- 1 " Может быть я с вами где-нибудь буду в лагере?
- П "
- 1 " Если не расстреляют, могут в тюрьму.
- П "
- 1 " Я сомневался, чтобы вас в-тюрьму. Вот Бутырская тюрьма, считается изолятор, а ведь там знаете сколько народу, десятки тысяч людей, со всего Советского союза сидят. Скоро опять весна. 16 января 7 месяцев как я сижу. А у вас наверно к концу процесса будет 11 месяцев?
- П "
- 1 " Да, почти столько.
- П "
- 1 " Насколько вы раньше меня арестованы?
- П "
- 1 " С марта месяца.
- П "
- 1 " Все будет хорошо. У вас будет лучше, чем у меня. Мне с вами равняться нечего. Вы светило. Ваши связи, ваш авторитет, все будет учитываться на процессе. А у меня дело очень серьезное, мне такие статьи пред'явили, страшно, исключительно страшно.
- П "
- 1 " Знаю, у меня были все эти. Ну об этом я думать не хочу, я вот теперь писать не могу.
- П "
- 1 " Почему?

Ит *27*

- 1 мужч. Я вчера кажется пришел до звонка?
- П " Нет, после звонка.
- 1 " Я ночь почти всю не спал.
- П " Завтра 10, скорее бы уж.
- 1 " Я говорил насчет Колымы. Вас говорит не пошлют. Я говорю в крематорий. Он говорит - в крематорий? Тоже не пошлют.
Этот процесс называется троцкистско-правый, все решительно, что происходит, за все это я отвечаю. Я вам не имею права рассказывать. Я вам говорю, что я отвечаю решительно за все.
- П " Это не говорит за то, что к вам должны применять высшую меру.
- 1 " Меня хотят в крематорий, в гроб нужно ложиться.
- П " Честное слово, когда сидишь здесь ничего не знаешь, тупеешь.
Конечно, у вас будет настоящий суд.
- 1 " Военная коллегия он говорил.
Чем ближе время подходит, тем больше начинаю волноваться.
- П " Напрасно, надо взять себя в руки. Надо не опускаться.
- 1 " Это я знаю, опустили так, что дальше некуда опускаться. Это чепуха все. А по-моему мне нужно саван одеть.
- П " Если бы мне разрешили, у меня есть костюмчик.
- 1 " Я бы хотел идти под расстрел тоже хорошо одетым.
- П " Мне это совершенно не надо. Спать совершенно не хочу.
- 1 " Я тоже. (Пауза) Не хочу ни писать, ни хера.
- П " Что с вами?
- 1 " Я хочу передать вам, что если со мной что-либо случится, напишите письмо. Меня не будет, а они затеряют.
- П " Вот когда закончится сессия, тогда видно будет.
- 1 " Я хочу умереть достойно.

(Продолжение записи №.....)

- 8
22

И мужч. Умереть всегда успеем.
(Молчат).

Начальник 1 отд-ния 12 отдела ГУБЕ НКВД
Ст. лейтенант гос. безопасности:

(Ю ш и н)

НКВД СССР
ГУГБ
ЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
-в ОТДЕЛЕНИЕ

AS

СТРОГО СЕКРЕТНО
Дело № 247
Контроль лит. ...
Стр. 25

Запись № _____

разговоров по объекту " В - 87 "

За " 12 " января 1938 г.

Сектор
Бтеову
Арматовскому

ОТДЕЛ ГУГБ НКВД
по гос. безопасности
МОСКОВСКИЙ
М.И.М.

И.И. М. С. Сокольников здесь сидит?
И.И. М. Не знаю. Он очень образованный человек.
И.И. М. Образованный? Вы его знаете с до революционного времени?
И.И. М. Да. (пауза) Во время гражданской войны он одной бабе спину прострелил.
И.И. М. Он что, большой бабник?
И.И. М. Нет. Нарвался на такую.
И.И. М. Он, что был близок с Троцким?
И.И. М. Нет, не был с ним связан.
И.И. М. А почему он сидит как Троцкист?
И.И. М. Он был с Зиновьевым и Каменевым.
И.И. М. Ах, он зиновьевец. А Рыкова после революционного времени знал?
И.И. М. Я раньше его знал. Много языков знает, но хорошо не говорит ни на одном. Он знает польский, немецкий, еще какой-то.
И.И. М. Говорят, он пишет очень неграмотно.
И.И. М. Вот я его все время поправлял.
И.И. М. В чем же его отсталость?
И.И. М. У него большие грамматические неправильности есть, а синтаксически очень хорошо.
И.И. М. Как же он пишет?
И.И. М. Ну так и пишет, а ктонибудь поправляет.
И.И. М. А верно, был разговор, что он пишет вешите?
И.И. М. Нет, он пишет не больше, чем другие.

(Продолжение записи №.....)

24

(Пауза)

- 1 мужч. Сошлит лет на 25 в Якутию, там знаете холод. У меня брат вылезил там от туберкулеза.
- П " Ну скажите, а жену можно взять?
- 1 " Не знаю. Ехать в вагонах.
- П " А как же на снегу, что ли? Заказываются помещения?
- 1 " Там есть помещения. Все равно, туда не скоро.
- П " Почему?
- 1 " Если дождете, то в апреле.
- П " Ребенка здесь оставим, жена не согласится взять. У меня брат есть. (пауза) Его спросил Ежов: "Ну как?" Ничего, не верю. Говорит, очень много врали все время. (пауза) Там будет много народу?
- 1 " Представители Советской власти.
- П " Надо будет удерживаться. Я буду держаться в рамках.
- 1 " Я сам знаю, что нужно держаться. Как Вы безнадежны.
- П " Я не знаю, как я переживу суд. Почему Вы не спросили, будет процесс или суд? В каком порядке. Я хотел бы знать, в каком направлении, как процесс или как суд.
- 1 " Процесс - это когда следователь выносит обвинение, а затем об"являет приговор.
- П " Называется право-троцкистский военный заговор, антисоветский. Если будет процесс, то они вторично будут преданы суду.
- 1 " В том то и дело.
- П " Мне кажется, что расстреливать не будут.
- 1 " Я не знаю, откуда у Вас такая мысль?
- П " С Ягодой много арестовано.
- 1 " Всем же об"явлено, что враги народа.
- П " При чем тут враги народа. Тухачевскому пред"являли связь с Германией. А Якир молодой?
- 1 " Якир старше меня.
- П " Откуда старше?
- 1 " Он не может быть моложе, я же знаю.

(Продолжение записи №.....)

П мужч. Они связаны с Германией, все учились там. Если будет процесс, по моему, будет повторный.

(Пауза)

1 " Процесс будет очень большой, потому, что все Наркомы арестованы. Чернов арестован, Туполев, Междаук, Крестинский, Каминский.

П " Кто же остался?

1 " Не знаю.

П " Неужели все лица были причастны?

1 " Тоже не знаю, ей-богу. Антипов арестован.

П " Кто же остался, Микоян?

1 " Ворошилов, Микоян, Литвинов.

П " Наркомфин остался?

1 " Нет, был арестован.

П " А Крестинский?

1 " Был троцкистом.

П " А Чернов, что был тогда?

1 " Я не знаю.

П " Кажется, в прошлом меньшевик. Слушайте, а ведь Яковлев никогда не выступал. (Пауза)

Генеральная чистка.

1 " Следовательно тоже называет это чисткой.

П " Во всяком случае они ждут что-то большое, что необходимо очистить. А Каганович Лазарь Моисеевич?

1 " Ну, что Вы.

П " Значит, работник ЦК Яковлев. Еще кто?

1 " Не знаю.

П " Председатель СНК Сулимов, арестован?

1 " Не знаю.

П " А Калинин существует?

1 " Существует.

П " Сталин-большевик. Грамотный человек. Непонятно, почему Яковлев снят, значит, тоже фигурирует.

1 " Да.

(Продолжение записи №.....)

- П мужч. А как же разобраться, кто троцкист и кто правый?
- 1 " Там видно, не будут разбираться.
- П " А Сосновский?
- 1 " Сосновский тоже арестован.
- П " Вас сняли до ареста ?
- 1 " Я еще до этого знал, что арестуют.
- П " В сентябре?
- 1 " В сентябре Ягоду взяли.
- П " И все обвиняются по одному делу?
- 1 " Не знаю, визываются все. Я ничего не понимаю.
- П " Неужели всех расстреляют? Столько Наркомов арестовано.
- 1 " Не могут всех.
- П " Поднимется шум.
- 1 " Что-ж из этого. Поднимется за границей.
- П " Честное слово, тех участников положение лучше нашего.
(пауза)
- 1 " Сыграем? (предлагает играть в шахматы)
- П " Подождите.
- П " Давайте сыграем. Вы знаете, чем больше думаешь, тем больше психуешь. Я стараюсь не думать.
- 1 " Не знаю, как быть.
- П " Надо готовиться, чтобы уехать.
- 1 " В чем заключается подготовка, уехать?
- П " Я в подвал уеду.
- 1 " Поедете, не беспокойтесь. Странный Вы человек.
- П " Николай Иванович, по линии НКВД тоже заговор вскрыт?
- 1 " Ягода здесь сидит.
- П " Я знаю.
- 1 " Как троцкист. Он тоже осужден.
- П " На сколько?
- 1 " На 10 лет. Давно говорили, что осужден. Теперь опять идет.

(Продолжение записи №.....)

ДЖ

- 1 мужч. Я не знаю, т.к. газет не читал.
- II " Тогда очень много народу погубило. Я насчитал 7 человек.
- 1 " Да нет, будет человек 20.
- II " Слушайте, а обо всех, Вас спрашивали на допросе?
- 1 " Да не обо всех. Все правые посажены, левые тоже.
- II " А Ясников? *(Мизеников?)*
- 1 " Он убежал за границу.
- II " А что он там делает?
- 1 " А я откуда знаю.
- II " А вот директор Госбанка Шейни был, он тоже не вернулся в Советский Союз?
- 1 " Нет.
- II " Томский застрелился. Для Вас это было неожиданно?
- 1 " Да.
- II " Для того, чтобы застрелиться, нужно быть крепким человеком. Пусть лучше расстреляют меня.
- 1 " Вас не расстреляют.
- II " Я не надеюсь.

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУГБ НКВД
Ст. Лейтенант Государствен. Безопасности:

Юшин
(ЮШИН)

КВД СССР

ГУГБ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

ОТДЕЛЕНИЕ

16

ЗВ

СТРОГО СЕКРЕТНО

Контроль лит. „Н“

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

За " 24 " января 1938 г.

Сидит

Видит

Д-р ГУГБ НКВД

Г. Безопасности

МОСКОВСКИЙ

Берлин

- П мужч. А что здесь есть женщины?
- И " По-моему есть, когда я сидел в другой камере, я слышал как кашляли две женщины, потом на прогулке прошлый год я видел.
- И " Ужасно 2-м женщинам, а кто их охраняет, тоже мужчины?
- И " Не знаю. (Пауза)
Меня что-то обскивали.
- И " Когда я был 22-го? Нет 21-го, там меня ужасно обскивали, даже сапоги чуть не сняли.
- И " Да.
- П " По-моему процесс будет 29 числа, еще 6 дней.
- И " Я слышал в феврале.
- П " Если в течение этих дней не будет, то в феврале и не в первые числах.
- И " Может быть.
- П " Если ставить вопрос, что будет расстрел, то всех не расстреляют. Только тех, кто был назван вот: Бухарин, Рыков, потом кто?
- И " Ягода.
- И " Да, Ягода, потом Крестинский, Чернышев, словом 7 фамилий было названо, а Бухарин в первую очередь?
- И " Да.
- И " А Томский был старше вас?

ЗУ 34

- П мужч. Кто писал историю партии?
- 1 " Попов, Яковлев.
- П " Какой Яковлев?
- 1 " Яшка, который сейчас с нами.
- П " Этот самый?
- 1 " Да.
- П " Кем он был в Наркомземе?
- 1 " Я что-то забыл, кажется Советский контроль.
- П " Я его мало знал.
- 1 " Он знаете, очень талантливый, дилетант, твердый человек.
- П " Грамотный?
- 1 " Грамотный, но ученой складки у него нет.
- П " А Крестинский?
- 1 " Ну, Крестинский был старый уральский большевик. Жил чужим умом, своего у него ничего не было.
- П " А Попов?
- 1 " Попов умный человек, очень хитрый.
- П " В каком отношении?
- 1 " Вообще хитрый, осторожный, но не ученой складки.
- П " Яковлев тоже не ученой складки?
- 1 " Да, но Яковлев талантливый.
- П " Значит Яковлев выше Попова?
- 1 " Как сказать, Яковлев талантливый, а Попов без таланта но умный. Попов всегда сделает точно по заданию, он службист, у него школьный тип. Он был на хорошем счету.
- П " А Игнорин?
- 1 " Игнорин арестован
- П " Как арестован?
- 1 " Да, но он дурак.
- П " Дурак? Я даже не знал, что он арестован.

30 35

- 1 мужч. Ага.
- П " Я его знал.
- 1 " У него глаза, как у какой-то мертвой рыбы, не живой, дурак какой-то, мне даже его ни капельки не жаль.
- П " Я даже первый раз слышу, что он арестован.
- 1 " Мне сказал кто-то из сидящих.
(Пауза)
- П " А у Томского ничего научного не было, я читал его одну работу 1905 г.
- 1 " У него есть еще статьи.
- П " Ну статьи, а конкретного ничего нет, такого глубокого.
- 1 " Да, глубокого у него ничего нет.
- П " Поверхностно?
- 1 " Да.
- П " Он говорит красиво?
- 1 " Очень.
- П " И писал красиво?
- 1 " Да.
- П " А как он к вам относился?
- 1 " Ничего, в каких отношениях. В некоторых случаях мы были даже друзьями. Он никогда не ругался матом.
- П " Не ругался? А я считал его большим человеком.
- 1 " Нет, наоборот он всегда был подтянутый.
- П " Он с несколькими женщинами жил?
- 1 " Нет, он жил с одной Наталией Ивановной.
- П " Вы с ним сталкивались?
- 1 " Сталкивался.
- П " Где?
- 1 " В Америке был вместе с ним в редакции. У него были всегда свои группы. Он был известный.

ЗК 36

- П мужч. После 1905 года?
- 1 " Нет он был известный и до 1905 г.
- П " А Парвус? (~~недавно~~)
- 1 " Парвус, способный народный деятель он был поставщик Турецкой армии. Гигантского роста, широкоплечий, могучего телосложения. Любил поесть, попить, с бабами потрепаться. Он все время жил в Германии.
- П " Он немец?
- 1 " Нет, он Одесский еврей.
- П " Из Одессы?
- 1 " Да. После революции он стал патриотом и Троцкий написал о нем статью.
- П " Сколькоников это оригинал, он года два посидит, сделает какой-нибудь оригинальный .... и его освободят, помните тогда он сделал?
- 1 " Нет, я что-то не помню.
- П " Посидит год, составит что-нибудь оригинальное и его восстановят, допустят к работе.
- 1 " Да, он оборотистый. Я вот без работы не могу.
- П " Да, но в каких условиях. Если направят в лагерь и дадут работу, это другое дело.
- 1 " Да, а если оставят, так я буду просить писать.
- П " Ну да, а если не оставят, так и говорить нечего.

(П а у з а)

Дадут вам две комнаты, даже 3, рабочую комнату еще. Будете сидеть и работать. Захотите погулять можно будет 3-4 часа, чтобы не чувствовалось тюремной обстановки. Известный срок - свидание с женой. В лагерях можно охотой заниматься, рисованием. Вот после суда к вам обратятся с вопросом, как вы располагаете устроить свои перспективы. А вы скажите, дайте мне книгу, я буду работать - писать, вот и все. Может быть так? Конечно, может.

37 34

- П мужч. Я сижу 7 месяцев без толку, вы хоть за 12 месяцев
сделали большую работу, выпустили 3 книги.
- 1 " Не выпустил, а написал.
- П " Ну написали, философия это такая ценная работа ваша,
там столько новых оригинальных вещей.
- 1 " Один читал.
- П " И что же?
- 1 " Он очень в восторге.
- П " Ну вот.
- 1 " Ежов знает об этом.

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУГБ НКВД
Ст.Лейтенант гос. безопасности:

Юшин

(Ю ш и н)

МВД СССР
ГУГБ
ПЯТИНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
ОТДЕЛЕНИЕ
И.т.

Строго секретно
Контроль лит. №
Сшр. 28

Запись № 28

разговоров по объекту "В-87"

За 28 января 1938

Виню
Бригадирскому (Буржарин-Варшукский)
Красин

Отдел ГУГБ НКВД
Гос. Безопасности
МОСКОВСКИЙ.

- 18.15 П мужч. Вы пишете?
1 " Нет, я думаю.
19.00 1 " Вы не спите?
П " Нет.
(молчание)
П " Ну, сыграем?
1 " Нет. (пауза)
П " Что значит-государственный секретарь? В чем заключается его работа? В Америке например, государственный секретарь это управляющий делами страны.
1 " Государственный секретарь это- министр иностранных дел. (пауза) Государственный секретарь это еще по моему- заведует управлением императорского кабинета.
П " А он имеет и международное политическое значение?
1 " Конечно имеет. (пауза)
Я удивляюсь, почему сегодня так получилось, когда я ходил в парикмахерскую, то парикмахер сказал: вот погоди, или еще что то в этом роде. (пауза)
П " Вы, что план составляете?
1 " Да, план. (пауза) Дисциплина ужасно на меня действует. Перед судом я буду волноваться не ^{от} того, что меня будут дергать. Если бы меня дергали, это было бы гораздо лучше.
П " Почему?
1 " Потому, что они подходят ко мне так, что я не могу требовать от них ничего, не могу придаться ни к чему.

30
30

- II мужч. Она имеет много колоний?
- I " Конечно, больше чем всякое другое государство.
- II " Чем это об"яснить?
- I " Сильная держава, более развитая, раньше всех начал развиваться капитализм. У Англии самый сильный в мире флот.
- II " Англия во время империалистической войны не особенно блистала успехами.
- I " Ну, что же, она удержала за собой море, у нее не было собственной армии, у нее была наемная армия.
- II " Самый крупный флот это у Америки.
- I " Почему? Не думар. По флоту Англия стоит на 1 месте, у Японии очень сильный флот.
- II " Что за народ в Японии?
- I " Я читал вам кажется, о происхождении японского народа.
- II " Из философии?
- I " Да.
- II " А культура развита, например литература?
- I " Конечно.
- II " У нас есть японские сочинения в переводе на русский язык?
- I " Конечно есть.
- II " А у них есть пролетариат?
- I " Ну как же! Конечно есть сильный пролетариат, но он очень низко поставлен. Там сильная концентрация капитала, там очень централизованная форма капитализма.
- II " А транспорт хорошо там поставлен?
- I " Да. Там своеобразная форма управления и очень своеобразная.

ВЫХ

С. Ю (Пришли с прогулки)

- II мужч. Я вспотел.
- II " И я устал. Я все время ходил, а он следил за нами, ходил по нашим следам.
- I " Почему? Может быть заметил что?
- II " Несколько раз осматривал.
- I " Что осматривал?

е-
М

302 - 5 - 32

Исх. В Дании скот хороший?

Да. Там высокая культура, зажиточная страна.

Но она очень маленькая.

Ну так что же, что маленькая.

Населенность большая?

Самая большая населенность это в Бельгии.

Культурная страна?

Да. Она промышленная: каменный уголь, металлургические заводы.

Там сельское хозяйство хорошо развито?

Не особенно. Деревня вся высосана городом.

Вообще в Скандинавии все дешево.

Я был раньше там в ресторане, то можно было брать, что хочешь.

А плата?

А плата все та же. Заплатишь деньги за обед и на них сколько хочешь и чего хочешь бери. Когда приезжали русские бессовестные обжоры, их заметили и эти обеды прекратили.

Вот если бы у нас так было, то все обожрались бы.

Ну, там культурные. (пауза)

В Германии меня немецкие шпика арестовали.

За что, какой повод? (смеется)

(молчание)

Почему раньше было разделение между уголовными и политическими, а теперь нет?

ВЫХ

Воров не держат сейчас с нами в одной камере.

Ну расскажите, чтонибудь.

е-

Я буду сейчас спать.

М

Подвигаюсь к вам поближе, куда вы от меня удираете?

(молчание)

Все записываете, записываете, когда же на допрос? Вас сегодня видимо не вызовут. Волноваться не будете, если не вызовут?

Нет, не буду.

Начальник 1 отделения 12. отдела ГУГБ НКВД
Ст. лейтенант Государствен. Безопасности:

Александр
(КЛИН)

СТРОГО СЕКРЕТНО

НКВД СССР
ГУГБ
ДВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
ОТДЕЛЕНИЕ

Запись № *127*
Дело № *127*
Стр. *1*

разговоров по объекту "В-07"
За " 30 " ЯНВАРЯ 1938 г.

Классификация:
Сек.
Сек.
12-го отдела ГУГБ НКВД
Сл. Мобил. Гос. Безопасности
ЖУКОВСКИЙ.

П мужч. Вы ели устрицы?
1 " В прошлом году в порту.
П " Вкусные?
1 " Сопливые.

(Пьет чай)

П мужч. Сыграем партию?
1 " Нет, я попишу, а потом сыграем.
П " Вы увлекаетесь сейчас писанием, а раньше женщинами, да?
1 " (Молчит) Сегодня у меня обед был хороший.
П " Вы любите горох?
1 " Да.
П " А дают вам когда-нибудь горох?
1 " Сегодня дávalи.
П " У вас обеды ресторано́ского типа.
1 " Не думаю. (Пауза)

Вот после февральской революции была гонка против Ильича, что он сознательно защищал провокатора. Была специальная комиссия против Ленина и я будучи редактором социал-демократической газеты, вдруг получаю повестку явиться. Я ведь знал, что Малиновский провокатор. Произошел такой комичный случай. Меня вызвал судебный профессор, я прихожу, и вот он меня начинает допрашивать, что я был свидетелем на суде и сказал, почему они поставили дело Ильича. Но я был обозлен и вот он начинает. Вы были на суде, вы знаете, что он про-

катор. Я псворк, кого вы считаете проврататором? Родзянко?, он и спунел, растерядой (омяется), так что он меня сейчас же отпустил, я пришел и мы хсхотали прямо до полусмерти.

П мужч. А он был сабник большой.

1 " Кто Малиновский?

П " Да.

1 " Я единственно раз в своей жизни был до полусмерти пьян. И это напоил меня Малиновский. Мне это подозрительным показалось. Я же был выпущен под залог по одному делу, но за тысячу целковик. Это было после моего первого ареста. Таким образом: мой отец был учителем 1 земской гимназии, в этой гимназии учились до сих следователя по особо-важным делам, а Малиновский был приятелем того, который вел дело против меня. И вот через дочку этого следователя за карточной игрой согласился выпустить меня под залог. Партия наша решила меня поберечь. Меня послали на легальную работу, была там такая - в школах, клубах, борьба против алкоголики, целая сеть кружков, там было несколько учительниц, одна была очень хорошенькая. Надеждой Михайловной ее звали. И вот значит я только, что кончим входит Малиновский потом еще несколько там рабочих и ему кто-то говорит, вот Николай деньги получил, а я правда получил и к тому же сегодня именинник, а он "мы должны выпить". И тогда совершенно не пил и вот мы пошли. Он взял все мои деньги. У меня всегда были хорошие уроки, я сделал с золотой медалью. Получал в час по 5 руб. В кармане у меня было 50 руб. я только их получил, он у меня эти деньги забрал, хотя и плохо был знаком со мной. Он имел большие познания вин и т.д. Мы зашли в один трактир, в другой, ну а он распорядился, закуски заказывал, называл их какими-то именами, мне еще не знакомыми. И так он меня накачал, что я еле вышел из трактира. Там были все рабочие. Мы дошли до Москва-реки, они пели революционные песни, а Малиновский больше всех старался, я говорю, что вы делаете, я был пьян, все-таки

соображал, что можно здорово заработать. Один парень захотел пойти по льду, лед под ним провалился и он попал в воду. Я был хороший пловец и бросился его спасать на лед, но я скатился и не мог встать. А он как-то сам от холодной воды протрезвился и вылез, а меня Малиновский посадил на извозчика. На Арбате я вывалился.

- П мужч. Улица, потому что денег не было платить?
- 1 " Нет, вывалился. Этот случай я рассказал на суде, ну говорят, что за пустяки вы рассказываете. А у остальных свидетелей были столкновения.
- П " А он в рабочих прослойках пользовался авторитетом?
- 1 " Конечно. У него были такие хорошие задатки.
- П " Но он думал, что будет помилловек.
- 1 " Конечно.
- П " В ЦК он был?
- 1 " Был. Ильин очень любил талантливых рабочих. Был еще один случай в моей жизни, когда проходил еще один крупнейший провокатор, который пропел в государственную думу, это рабочий переплетчик Андрей Романов. Когда он сидел в тюрьме, в Советское время уже, то прислал мне открытку, не задолго до расстрела. Желаю вам, Николай Иванович, успеха в вашей благородной работе. Всех провокаторов пропускают, а нас рабочих ... Сложный был тип. Был на Пражской конференции, маленького роста, такой.
- П " Злостный провокатор?
- П " Злостный провокатор.
- П " В сущности правильно, что их расстреляли.
- П " В Советское время судили здорово кто был провокатором в большевистской партии.
- П " А кроме Малиновского не было провокаторов?
- 1 " Много. Малиновский, Романов, Антомирский, Поляков, Бриллинтский (неточно).
Из состава Несконского бюро крупнейшего центра нашей партии, из 7 человек 4 провокатора. Их пропихивали в течение нескольких лет. Были такие провокаторы, которые сидели, вот

490

Романов сидел почти все время, но провокаторов и выпускали. Вот сидит он, его осуждают, затем переводят его в другое место и выпускают, а так на виду они страдают.

- И мужи. Интересно.
- 1 " Когда я приехал из-за границы, написано ЦК РСДРП, Москва казалась древней, обшарканная, старая после Нью-Йорка.
- П " Но вас влекло в Москву?
- 1 " Конечно влекло, но внешний вид? Она имела вид, как мне показалось, какой-то грязный.
- П " После блеска Нью-Йорка.
(Молчание)
- 1 " Бреига! (Пауза)
Я такую массу людей перевидал, переждал. (Ведьмает)
- П " От маленьких до больших?
- 1 " Да.
- П " Чем занимался секретарь Горкома?
- 1 " Главным образом выпивкой. Да-а, вот дела. (Пауза)
Что-то у меня голова чешется, наверное вши завелись.
- П " Вшей раньше было много в тюрьмах?
- 1 " Я вот знаете, удивляюсь, как сейчас поставлено: чистота, хорошо. Белье часто меняют, душ, я считаю, что условия содержания очень хорошие.
- П " Конечно.
- 1 " Вот эта зима, так сказать, отличная. (Пауза)
Вот Надежда Константиновна человек большевистский.
- П " А как она с Ульичем?
- 1 " Ну, он был странно деликатный человек.
- П " Он к ней относился очень хорошо. Да очень. (Пауза)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУТБ МВД
Ст. лейтенант гос. безопасности:

(Ю ш и н)

ДВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
ОТДЕЛЕНИЕ

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

За „ 31 “ января 1938 г.

Прослать:

12-го отдела ГУГБ НКВД

18.55

Мужч. I: Я так и знал, чтонибудь случилось.

Мужч. II: Что такое.

Мужч. I: Следователь мой заболел, случился припадок аппендицита.

Мужч. II: Значит у Вас другой.

Мужч. I: Конечно. Он может выбыть из отряда, если ему не сделают операцию.

Мужч. II: Значит, он не будет работать.

Мужч. I: Возможно, но для меня это очень плохо.

Мужч. II: Почему.

Мужч. I: Как почему. К одному привыкаешь и он привык, все знает и умеет говорить и понимать, он с полслова понимал меня.

Мужч. II: С ним и раньше были припадки.

Мужч. I: Да.

Мужч. II: И все же он работал.

Мужч. I: Работал, значит не так было сильно, а сейчас он лежит.

/Пауза/. А этот и говорить со мной не знает о чем.

Мужч.П: Ну, а просьбы Ваши как.

Мужч.І: Они остались при нем.

/Пауза/.

Мужч.П: Когда у него сегодня припадок был. Прямо на работе,

Мужч.І: Да. Меня не вызывали поэтому.

Мужч.П: Вызывали сказать, что он заболел.

Мужч.І: Да. /Пауза/. Мне как-то не везет в следователях. Один, который арестовывал умер от разрыва сердца, один выбросился с 8-го этажа.

Мужч.П: На смерть.

Мужч.І: Конечно, его арестовали.

Мужч.П: За что.

Мужч.І: Была чистка ЧК. А этот заболел. Прямо не везет, если Когана не будет, для меня прямо зарез.

Мужч.П: Почему.

Мужч.І: Как почему. Он ведет все дело и я привык с ним разговаривать и он умеет разговаривать.

Мужч.П: Он с самого начала ведет Ваше дело.

Мужч.І: С самого начала. Я все время этого боялся, а вдруг он заболит, когда услышал, что с ним бывают припадки. Я очень расстроен, значит выпадает свидание с Анютой. Он долго проболит теперь. Я спрашивал, какой врач его лечит,

оказывается тот, который лечил меня. Это ужасно.

Мужч. П: Апендицит - это пустяковая операция.

Мужч. I: Да, но надо после операции отдохнуть, потом некоторое время соблюдать известный режим.

Мужч. П: Да, месяц будет отдыхать.

Мужч. I: Ну, не месяц, но поридочное время.
/Пауза/.

Мужч. П: А откуда Вы знаете, что следовательно тот с 8-го этажа бросил-ся, они Вам сами сказали.

Мужч. I: Нет. Я спросил, а мне сказали его уже нет. Я спросил, а где же он. Говорят прыгнул на парашюте с 8-го этажа. Ну, я понял все.
/Пауза/.

Мужч. П: Давайте сыграем.

Мужч. I: Я разбит сейчас.

Мужч. П: Ну, давайте.

10 24.10 /Сели играть в шахматы/.

НАЧ. I-го ОТД-НИЯ I2 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

Рубинин
КОШИН

3

Запись № 197

разговоров по объекту "В-37"

За „ 1 “ февраля 1938 г.

Автор: *В. М. ...*

Исполнитель: *В. М. ...*

Место: ГУГБ НКВД

(Бурса, ...)

11 30

- 1 мужч. Нам осталось жить 3-4 дня.
- 2 " Я рад, что мне осталось столько жить.
- 1 " Конечно.
- П " Да бросьте Вы.
Что это за жизнь. Люди почему-то так цепляются за жизнь...
А в таких условиях жить.
- 1 " Мне сказали, что я в этой камере так и останусь.
- П " В этой камере? 25 лет в этой камере? Мало.
- 1 " Нет.
- П " Ваш следователь Вам сказал, что Вы будете сидеть в этой камере?
- 1 " Нет другой.
- П " Есть такой корпус, в который сажают только осужденных. Там такие-же условия, но больше свободы, нет такого режима, общение есть. Но вас конечно не поместят туда.
- 1 " Мне сказали, что меня в подвале здесь же расстреляют.
- П " Не слышно?
- 1 " Нет. В подвале, около душа.
- П " Душь же не в подвале.
- 1 " А это в подвале. Два дня осталось.
- П " Вы, конечно, будете выступать?
- 1 " Я ничего не буду говорить.
- П " Надо сказать несколько слов в пользу государства, в пользу своего следователя, это умный человек /пауза/ А Радек молодец, хорошо сказал.

(Продолжение записи №.....)

- 1 мужч. Он по моему долго говорил.
- П " С час.
- 1 " Он, и Пятаков хорошо выступил.
- П " Бывший председатель Киевского Чека.
Потом он работал на транспорте последнее время,
был зам. Наркомтяжпрома. В газетах все писали.
- 1 " Я не читал.
- П " Неужели не следил за процессом.
Я внимательно следил, как будто чувствовал, что
сам буду сидеть.
Вы деревенскую простоквашу любите?.... Да вы даже
в деревне не жили, а я спрашиваю.
- 1 " Как же не жил?
в Смоленске, в Макарове.
- П " Ну, это 2 недели.
- 1 " Я жил у мужиков, а вы...
- П " /перебивает/ Ну, как же, я у самих мужиков жил.
Вы знаете, кто мой отец был?
Кузнец, и имел 4 десятины земли.
- 1 " Я хорошо знаю деревенский быт.
- П " А?
- 1 " Я хорошо знаю деревенский быт. Вы счастливы /пауза/
я вам завидую, правда. Я не вижу своего конца.
- П " В Калыму, поедем.
- 1 " Не знаю, но вы не поедете в Калыму. Это уже совершенно ясно /пауза/. Если-бы мне уехать в Англию, я бы сделал там громадную работу. Я - бы сделался фигурой против Троцкого, своими книгами. У меня ведь там все ученые книги /пауза/.
В Китай послали бы.... Я с китайцами был в хороших отношениях, я ведь съезды там проводил, в компартии /пауза/.
- П " Я вчера очень долго не мог уснуть.
- 1 " /Смеется/.
- П " Что вы смеетесь?

13
15

1 мужч. Такой парень, спит, как сурок, а говорит, что не мог уснуть.

П " Ведь вы больше моего спите.

1 " Ну, что вы! /пауза/.

17.40

Пришел 1-й.

П " Есть хотите?

1 " Нет, я не хочу.

П " Он сказал, что если вы захотите кушать, то позовите его. Сколько времени?

1 " Около 5 часов. Ужасный воздух у нас.

П " Так откройте форточку. Что ваш следователь пришел?

1 " Нет. У него опасная операция миновала. У него завтра что-то будет.

П " Какие новости.

1 " Никаких особенно новостей нет.

П " Сколько времени было когда вы туда пошли?

1 " Не помню. Я там сидел и писал.

П " Как писали?

1 " Да так сидел и писал.

П " А он, что сидел с вами? Как насчет процесса? А сроки не изменились.

1 " Нет. Да это меня совершенно мало интересует.

П " У вас настроение стало лучше. Почему? Потому что ваш следователь придет да? Это вы точно знаете, что придет?

1 " Его жена сказала, что его операция миновала, что завтра что-то будет. Я устал.

П " Ну расскажите про допрос.

1 " Да я там писал.

П мужч. Кто вместо него?

(Продолжение записи №.....)

- 1 мужч. Я не спрашивал, я вообще был в таком положении, что мне не удобно было спрашивать.
- П " Скажите, в описке, в котором написано кто идет на допрос моей фамилии не упоминалось.
- 1 " Не знаю, кажется нет. Между прочем, я спрашивал насчет свидания.
- П " Ну?
- 1 " Он говорил, что очень строго и скупо.
- П " Он сказал, что очень скупо в присутствии надзирателя?
- 1 " Да.
- П " Это все зависит от следователя.
- 1 " Почему от следователя?
- П " Ну, а от кого же.
/молчание/.
- 1 " Я вспоминаю все характеры учеников у них у всех есть прозвища. Почти на всех сочинены стихи.. У вас были прозвища.
- П " Нет. Я учился в еврейском училище.
- 1 " Там не было таких нравов, давать прозвища и писать стихи?
- П " Нет.
Чего же вы не спите сейчас, вам ужин принесут, полежите немного.
- 1 " Благодарю вас /пауза/. Ну что интересно?
- П " Нет. Газетная сятяга, человек, который не знает нашей действительности. Некоторые наивные люди восхищаются. Сам он восторгается некоторыми вещами.
- 1 " А мне кажется, что ничего особенного в этом нет.
- П " Подходит, как человек незнающий истины
/молчание/.
- 1 " Вы его хотите читать?
Нет, у меня о сердце плохо.
/молчание/.

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

За " 4 " февраля 1938 г.

Состав:

12-го отдела ГУГБ НКВД

10.25

- 1 мужч. Сегодня какое число?
- П " 4-е.
- 1 " Нужно готовиться к процессу.
- П " Вам ведь дадут протокол почитать. После подготовитесь, следователя своего прохватите обязательно.
- 1 " Чего, следователя?
- П " Показать отношение какое.
- 1 " Я не знаю, но по-моему это мелко. Я уж придумаю что-нибудь тонкое.
- П " Да, вы оригинально выступите.
- 1 " Надо крепко сказать.
- П " Радек хорошо сказал.
- 1 " ...Вобщем подосрал.
- П " Да, он изгадил страшно.
- 1 " Больше мне нельзя играть в шахматы.
- П " Почему?
- 1 " Потому что у меня голова разболелась. Потом, черт знает, что буду делать.
- П " Вы сегодня поспите. За два дня вам можно подготовиться.
- 1 " Вы думаете 7-го будет процесс? Если-бы был, то уже об'явили. Кажется, числа 10-го будет. Ваши прогнозы...
- П " Вы не обращайтесь на мои прогнозы внимания. Сейчас выписки для процесса сделать, правда?
- 1 " Да.

(п а у з а)

102-2-36

- 1 мужч. Надзиратели здесь часто меняются.
- П " А вот эти старшие, постоянно тут работают?
- 1 " И старшие вбили.
- П " Вчера я выхожу, он следовал по пятам. Первый случай. А вас двое ведут?
- 1 " Да.
- (Пауза)
- П " Завтра у меня еще осталось эти штуки прочитать.
- 1 " У меня прямо сердце колотится, ужасно.
- П " Вам нужно обязательно к врачу сходить.
- 1 " Почему?
- П " Обязательно нужно, а то выйдет так, что вы не сумеете быть на процессе.
- 1 " У меня может быть разрыв сердца.
- П " (смеется)
- 1 " Что вы смеетесь, у меня мать так умерла.
- (Пауза)
- П " Вот когда процесс будет, знаете, вам ваш костюм принесут.
- (Пауза)
- Вы слушаете, Николай Иванович, я лег, у меня ухо на подушке и я слышу, как разговаривают в соседней комнате.
- 1 " Может они нам передают?
- П " Они довольно тихо разговаривают.
- (молчание)
- Что накрыть вас?
- 1 " Нет, сами накройтесь.
- П " Что с вами такое? Может быть вам води подать? Врача может вызвать?
- 1 " Нет, нет подождите.

- 1 мужч. Нечем дышать.
II " Вызвать доктора?
(молчит)
1 " Маленький сердечный приступ.
E " Что?
1 " Маленький сердечный приступ.

Пачальник 1 отд-ния 12 отдела ГУБ НКВД
Ст.Лейтенант гос. безопасности:

(Ю ш и н)

НКВД СССР

Г. У. Г. Б.

ВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

1-е ОТДЕЛЕНИЕ

№ 767

СТРОГО СЕКРЕТНО
Контроль Лич. Дел
Секр.

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

За " 5 " февраля 1938 г.

Инициалы:

Волобу
Филипповичу

12-го отдела ГУГБ НКВД

8-20

- (Бурларин-Заруцан)
- 1 мужч. Ох-хо-хо!
- П " Можно было с полной уверенностью сказать, что это будет до 1-го февраля. (говорит о процессе)
- 1 " Я все-таки говорил. Это все в порядке вещей.
- П " Вы знаете, меня смущают вот такие вещи, мы люди совершенно разные, но между нами разговоров не было, особенно на политические темы.
- 1 " Ох-хохо!
- П " Знаете, нехочется жить.
- 1 " Вы похудели очень, особенно на лицо.
- П " В том-то и дело, что у меня лицо худеет больше чем тело.
- 1 " А я типичный , , , .
- П " Но почему типичный?
- 1 " Потому что все признаки на лицо.
- П " Это, что нехорошо?
- 1 " Нет, почему, они к тридцати годам полнеют и я начал полнеть с 30 лет, но я могу похудеть. Мой отец начал худеть к 60 годам.
(пауза)
Если он заболел (сын), то это виноват процесс.
- П " Он очень устал, я просил притти, но он не пошел.
- 1 " А пока срока не изменили?
- П " Сегодня уже 5 февраля.
- 1 " Но все же это не завтра.

23

- П мужч. А будете настаивать на том, что говорили?
- 1 " Ах-хо-хо!
- П " Прокурор сказал, что нам прикрепят параллельных адвокатов и познакомимся с материалом.
(пауза)
День проходит быстро.
- 1 " Потому что мы спали все время. Когда спишь, время исчезает.
- П " Помучиться, день не спать.
- 1 " Я не могу, ничем не заниматься во мне все высыхает.
- П " Я боюсь идти на прогулку, у меня плохое состояние.
- 1 " Как ваше сердце?
- П " Нет, сегодня болит только голова.
- 1 " Помните, как у меня болела голова, я все время ходил с мокрым полотенцем, ужасно. Процесс будет еще волноваться будете.
- 1 " Надо принять профилактические меры.
- П " Для пользы дела, можно все сказать.
- 1 " Вы говорите, что они сами не знают?
- П " Да, судя потому, что они говорили 27, потом 29, потом почему-то сказали 5. Они сами, как видно, не знают сроки, от кого они зависят, меняют сроки.
(пауза)
Мне сказали, что брата не сняли, есть партийное постановление на этот счет, так, что он меня будет поддерживать сейчас.
- 1 " Вот бы рассказать о себе насчет условий, литературн.
- П " Но говорят, когда будете осуждены, можно будет тогда рассказать.
(пауза)
- 1 " Есть песня, что наша жизнь игра.
- П " Есть песня буденновская "Буденный наш братишка"...
(напевает)

- II мужч. (поет). Я забыл ее мотив. Вот эта песня мне напоминает хорошее, я за одной девушкой ухаживал, приятная такая.
- I " Когда это было, в 21 или 22 году?
- II " Я ухаживал совсем за другой девушкой, но та не хотела со мной совершенно встречаться (это была моя жена и вот для того, чтобы возбудить ревность, я начал ухаживать и в конце концов увлекся, дело дошло очень далеко, так что я забыл про свою жену. А у нее был парень, который за ней ухаживал, он написал ей письмо, сделал предложение и она уехала. Он был гораздо старше меня.
- I " Это все, знаете было, да прошло.
- II " Я получал тогда паек, мыло и т.д. это все страшно было дефицитно и все я относил ей. (напевает)
Я вспомнил эту песню.... она вообще очень хорошо пела и играла. В любительских спектаклях всегда принимала участие, вообще знакомые нам девушки считались своими "полковыми", мы их всегда привлекали к постановкам. Хорошая была девушка, довольно скромная, надо сказать дело далеко не заходило. Я в 1922г. занимал довольно большое положение, не по возрасту. В 22 г. мне было 18 лет. В 18 лет я уже командовал батальоном. А как я попал в армию? Мальчишкой 15 лет.
- I " Революция это большое дело.
- II " Подбрасывает и качает.
- I " Да.
- II " После завоевания Октябрьской революции, вы остались на этой работе?
- I " Я переехал в Петербург и делал доклад о восстании в Москве, потом я остался в Петербурге.
- II " А что вы делали в Петербурге?
- I " Редактором был.
- (п а у з а)

- И мужч. Кем был Стежков?
- 1 " До Октябрьской революции он не был большевиком, а только после. (пауза)
- П " Когда это только со мной все кончится.
- 1 " Надо сказать, что он также бывший троцкист, но потом он активно вел борьбу с троцкизмом.
- П " Как активно вел борьбу?
- 1 " Да. Он был полпредом в Турции, был в Испании, потом его перебросили в Барселону.
- П " Как будто бы он был секретарем Лиги Наций?
- 1 " Он сразу поехал в Барселону.
- П " И в Мадрид?
- 1 " По-моему его сняли, незнаю в связи с чем.
- П " А кем был Розенберг?
- 1 " Секретарем лиги Наций, он был нашим представителем. Я не знаю, что с ним.
- П " Он имел отношение к троцкизму?
- 1 " Нет, он не имел отношения.
- П " Вы его знали, он был хорошим человеком?
- 1 " Пожалуй нет, типичный чиновник.
- П " Еврей?
- 1 " Да. Был исполнительным, аккуратным человеком. Володина вы знали?
- П " Да, он еврей, на войне 3 Георгия имел.
- 1 " Четвертого Георгия ему, кажется, не дали.
- П " Он вам не родственник? Вы как-то всегда вместе.
- 1 " Нет. (пауза) Вы не пойдете гулять сегодня?
- П " Нет.
- 1 " И я не пойду. Я уже 3 дня не гуляю.
- П " Пропало всякое желание.
- 1 " У меня пропало желание читать, кажется все неинтересным.

- П мужч. У меня тоже.
- П " Вы где были в Америке?
- 1 " Был в Нью-Йорке, Чикаго, Конго.
- П " Конго, что это?
- 1 " Такой город.
- П " Большой?
- 1 " В Америке все города благоустроены, не только Нью-Йорк.
- П " Почему вы по-французски лучше говорите, чем по-английски?
- 1 " Потому, что я в гимназии не учил, а в Америке мне приходилось быть.
- (П а у з а)
- П " Трудная вещь это банк.
- 1 " Очень сложная, в банках производится очень много различных операций. Промышленный капитал срращивается с банковым, это значит, что банк увеличивает определенное количество денег и эти деньги он вкладывает в промышленность, в предприятия и т.д. Это и является различного рода банковыми операциями, финансирует предприятия, железно-дорожное строительство и является непосредственным совладельцем предприятия. Это так называемая экономическая сторона.
- П " А как-же заём? Какой смысл выпускать его?
- 1 " Как?
- П " Но вот я не знаю.
- 1 " Ну здесь ведется определенная пропаганда, агитация, все происходит добровольно. Это совсем имеет другое значение.
- П " Что это представляет большое значение?
- 1 " Конечно, заем исчисляется в миллиардах. 1/12 часть зарплаты, — это очень много.
- П " А много государство от этого теряет?

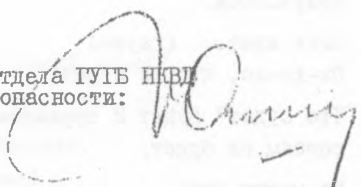

(Продолжение записи №.....)

6-53

- 1 мужч. Почему?
- П " А выигрывает.
- 1 " Нет, наоборот, государство выигрывает.
(пауза)
- П " Сложное дело полит-экономика.
- 1 " Не совсем сложное, я привык.

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУБ НКВД
Ст.Лейтенант гос. безопасности:

(Ю ш и н)

НКВД СССР

ГУГБ

НАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

1-е ОТДЕЛЕНИЕ

№ 767

СТРОГО СЕКРЕТНО
Контроль Лит. и П.
Сир.

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

За " 6 " февраля 1938 г.

Послать:

Его

Уриновскому

Г.

12-го отаса ГУГБ НКВД

3.48

П мужч. Вы, что уже начали по томам?

1 " Да.

Ш " Получается?

1 " Пока идет. (пауза)
Ох-хо-хо, что то будет?

П " Что будет? Будет 2 варианта..(не договорил) или процесса совсем не будет.

1 " Не может быть.

П " Суд в ближайшие дни или в конце февраля.
(пауза)

1 " Я с сегодняшнего дня перехожу на нормальный образ жизни.

П " Какой?

1 " Ночь спать, а днем сидеть.

9.06

(Стучат в дверь)

Надз : Что случилось?

Мужч: Погасите пожалуйста свет.

Надз : Хорошо. (ушел)

Мужч. Все равно будут закидывать.

1 " Почему?

П " Они любят когда свет, а вдруг вы себе в темноте, что нибудь сделаете, яй.. отрежете.

1 " А-а.

(молчание)

0.2

Знаете, когда я стал говорить о своем последнем слове, о

заклнчительном, это как то прошло без интереса. Мне кажется, это должно их интересовать.

П мужч. Кого, следователя?

1 " Ну да, я о следователе и говорю.

П " Когда это, вчера?

1 " Вчера.

(молчание)

12. П 1 " Что это?

П " Где, что?

1 " Гудит.

П " Машина работает.

1 " Так что же она все время гудит?

П " Прогревает мотор.

1 " Нечего сейчас прогревать.

(пауза)

П " Вы будете сейчас продолжать?

1 " Да.

П " А книги не нужны?

Я в худой конец без книг могу все написать. (пауза)

Вот я сейчас на прогулке надумал, мне бы старых газет за 1905г. так за ноябрь и декабрь.

А где их взять?

Е библиотеке.

Есть?

Да.

Какой год вы уже пишете?

1901г.

Осталось до 1905г. очень мало.

Как мало, 4 года? Можно целый роман написать. 1904, 1905г.г. я буду размазывать.

Только 4 и 5 год, а 3 и 2 нет?

И 3-й. (пауза)

11/23-024

И. П. Пухач: Мы довольно быстро ходили. Были когда на свободе были не проходили и 4-х км. в день? (речь идет о прогулке)

И. П. Пухач: Нет почему, проходили.

И. П. Пухач: Откуда, все время на машине.

И. П. Пухач: Нет, я часто ходил пешком.

И. П. Пухач: До редакции?

И. П. Пухач: Да.

И. П. Пухач: А если к вам проходили, вы заказывали пропуска?

И. П. Пухач: Нет, были карточки.

И. П. Пухач: А у вашего шофера тоже была карточка?

И. П. Пухач: Да.

И. П. Пухач: А у вашего дема тоже ходил часовой?

И. П. Пухач: Да.

И. П. Пухач: А, что в пропуске указывается какой подезд и № квартиры?

И. П. Пухач: Да.

(молчанье)

И. П. Пухач: Ух, какая скука.

И. П. Пухач: Давайте сыграем?

И. П. Пухач: Давайте.

(играют в шахматы)

И. П. Пухач: Что сейчас поздно, скоро сигнал?

И. П. Пухач: Да, через час приблизительно.

(спят)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУГБ НКВД
Ст. Лейтенант Государствен. Безопасности:

И. П. Пухач
(И. П. Пухач)

Запись №

разговоров по объекту "Б-87"

За 22 " февраля 1938

Разсказано:

Г. В. С.

Ф. И. О. С. С.

№ 12-ГО ОТДЕЛА ГУГБ НКВД

5 25

- 1 мужч. Я совершенно раскис, голова туманная, работать совершенно не могу. Скорее би умереть, скорее.... (пауза)
- П " Интересный материал?
- 1 " Нет не интересный, писать не могу.
- П " Выбились из колен, вы расстроились последний раз.
- 1 " Ну да, еще би не расстроиться. (пауза)
- П " Ох-хо-хо! Может быть сыграем в шахматы?
- 1 " Не могу.
- П " Почему? (Ответа нет. Молчание)
- 1 " Никаша.
- П " Это вы мне?
- 1 " Нет.
- П " Расскажите чтонибудь.
- 1 " Что вы?
- П " Скучно что-то, вы на меня смотрите, вы ненавидите меня да?
- 1 " Скоро ни на что и ни на кого смотреть не буду.
- П " Бросьте, курить будете?
- 1 " Нет.
- П " Что это вы даже не курите. (пауза) да, все идет к концу.
- 1 " Спали вы или не спали?
- П " Спал или дремал. Какое то полубезсознательное состояние. (пауза) Выкурить что-ли папиросу, может быть остались какиенибудь?...16 дней.
- 1 " Почему 16 ?

(Оуас или парик 5)

1 мужч. 8 дней процесс, а через 8...

П " Через 8 дней процесс будет?

1 " Нет, это я так считаю.

П " Вам вчера ничего не говорили насчет вызова вашей жены?

1 " Нет. (Молчание)

П " Ох! С ума сойдешь. (пауза)

1 " Слушайте, долго это продолжится?

П " Не знаю Николай Иванович, чем скорее, тем лучше. Я вообще настроен пессимистически и голова сегодня очень болит.

1 " Когда я буду уходить на процесс, очевидно вас уведут.

П " Я боюсь, что меня до процесса уведут. (пауза).
Ох, горько! Сыграем в шахматы?

1 " Не могу совершенно.

П " По маленькой сыграем. Вы рассеетесь.

1 " Какое рассеетесь, я писать совершенно не могу. Я до процесса совсем не буду писать, а напишу после, если буду жив.

П " Но такие вещи сами собой понятны, если вы останетесь живы, то вы бесспорно напишите.

1 " Нет не бесспорно.

П " Во всяком случае я хочу иметь один экземпляр вашей книги.

1 " Вы заметили, что нас стали часто брить?

П " Нас всегда так брили на третий день, один раз только на четвертый. Отсюда вы делаете вывод, что процесс скоро?

1 " Да.

П " Вот когда процесс начнется, ваш костюм возьмут чистить.

1 " Уж поскорее бы это делали, я не возражаю, мне умирать все равно в каком костюме.

П " Вы о смерти думаете?

1 " Ну конечно.

П " Ну, столько жили, да умирать. (Пауза). Вы знаете, что я вчера в газете узнал, что Идея ушел в отставку. Его к этому принудили Италия и Германия.

1 " Это плохо.

П мужч. Это произошло вследствие того, что оттягивалось заключение договора Италии с Германией. Италия очень заигрывает с Австрией. Австрия будет вынуждена отдать лучшую свою часть Германии. Это не особенно хорошо?

1 " Конечно очень плохо.

П " Япония отравила в Китае на пароходе 20 т. убитых.

1 " На одном пароходе нельзя вмести 20 т. убитых.

П " Не на одном. В Японии есть такие обычаи. (пауза)
Ну, что я еще читал. Да, сегодня торжественный день посвященный Красной Армии. (пауза) Германия пытается взять у Чехословакии Суден.

1 " Это я все хорошо знаю. (пауза) Слушайте, мне все-таки иногда хочется умереть, а иногда нет.

П " Я не знаю, есть ли люди, которым хочется умирать при любых обстоятельствах. Сейчас очень интересное время.

1 " 16 дней придется прожить на остреньком канике.

П " Откуда вы взяли 16 ?

1 " Так я думаю. Я теперь буду на вас действовать раздражающе.

П " Вы думаете, что у меня от вас болит голова?

1 " Скоро меня целыми днями не будет.

П " Мне будет скучно, мне кажется, что меня заберут до суда.

1 " То есть, вас отпустят?

П " Не может быть, чтобы так скоро выпустили. Что это вы оставили котлету. Вы соленого хотите?

1 " Что я хочу, ничего не хочу, уйру или получу 25 лет.

П " Ваша жена наверно лучше вас знает.

1 " Возможно, не знаю.

П " Его уложили? (неизвестно о ком идет речь)

1 " Нет, он умер.

(пауза)

П " Вы наверное точно знаете, что вы высчитали? Вам следовательно сказал?

1 " Нет.

П " Нет, вы точно высчитали?

1 " Крематорий. (пауза)

Handwritten initials and a circled number '6' at the top of the page.

- 1 мужч. Нет, моя песенка спета.
- II " Максимум 25 лет. Если даже 25 лет, существенного значения не имеет. Вот увидите. Я вообще сомневаюсь, чтобы на этом процессе когонибудь расстреляли. Если даже и будут - то не больше половины и вы в том числе останетесь в живых.
- 1 " Я буду первой фигурой.
- II " Это понятно, что вы главная фигура. К вам будут направлены все стрелы, но это к приговору никакого отношения не имеет. Дело в политике так я понимаю, может быть, конечно, вам виднее, но мне так кажется. Причем эту уверенность я в последнее время особенно доказал. Потом ведь амнистия будет (пауза). Почему вы высчитали 16 дней?
- 1 " 8 дней процесс.
- II " Почему 8 дней до процесса?
- 1 " Это произвольно, сколько назначат.
- II " А я думал, что у вас что-нибудь есть. (пауза). Сейчас это надо ожидать каждый день судя по тому, что за вас принялись. Сегодня вас будут допрашивать.
- 1 " (Молчит).
- 23.40 (Один спит).

НАЧАЛЬНИК 1 ОТДЕЛЕНИЯ 12 ОТДЕЛА ГУБЪ НКВД / (Инициалы)
 КАПИТАН ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

Запись № 258

разговоров по объекту "В" - 87

Зап. № 23 февраль 1938

(Бухарин-Зарикский)

взослать:

Г.

"

"

м. 12-го отдела ГУГБ НКВД

17ч.00 м. 2 - Скоро уже будет ужин. Чем больше подходит срок суда, тем больше теряется.

1 - Никто не теряется.

2 - На Вас что-то последний допрос повлиял, после него Вы переменялись.

17ч.15 м. (Молчание.)

19ч.00 м. 1 - У меня весь день сегодня сердце болит.

2 - Что же Вы хотите, чтобы думать целый день об одном и том же и хорошо себя чувствовать.

1 - Я хочу, чтобы поскорей конец был.

2 - Это еще вопрос, умрете Вы или нет. (пауза)

1 - Настроение паршивое...
Неужели перед смертью не дадут свидания?

2 - Они же обещают. Говорят что обещанного 3 года ждут.
(пауза)

1 - Что Вы думаете, Вас сегодня вызовут?

2 - Вероятно (пауза)
Вы здорово опустились после последнего допроса, прямо в панику ударились.

1 - Да, я что-то пал духом. Я смерти не боюсь, это избавление от всех мучений. Они только дразнят меня, перед смертью дают конфетку (роман), а конфетка вся выскочила.

299

- 2 - Всякое новое обстоятельство, это еще ..... решения.
1 - Тем не менее, что всякое новое обстоятельство может изменить решение (молчание).

19ч.32 м. (Открылась дверь)

- 2 - Мне ужин был уже.
Муж. Хорошо. (молчание)
2 - ГУИВ - Главное управление государственной безопасности?
1 - Да... А УСУ?
2 - Не знаю.

21ч.35 м. 1 - Вы знаете, я сейчас думал о смерти и мне почему то сладкого захотелось.

- 2 - А, бросьте. Вы только сами себя напрасно терзаете.
(Молчание. 2-й уходит).

21ч.43 м.

- 2 - Сегодня 3 месяца как я с Вами сижу. 3 месяца, кажется совсем недавно было. Я пришел к Вам 24-го рано утром, Вы еще спали. Я зашел, смотрю человек сбросил спит. А знакомство произошло с Вами через Вашу книгу.

- 1 - Да...
(молчание)

21ч.53 м. 1 - Скорей бы смерть.

- 2 - Что Вы глупости болтаете. Вы замечательный человек, естественная смерть от Вас еще далеко, а искусственную к Вам применить не собираются.

- 1 - Вы думаете?
2 - Я не думаю, а я уверен. Вы же знаете, что я очень редко ошибаюсь.

- 1 - Да...
(молчание)

23ч.15 м. (1 вызван на допрос)

23ч.26 м. (1 вернулся)

- 2 - Что нового?

1 - 20 военных японских судов взорвались, уничтожили военный ангар. Затем Клим произнес историческую речь, что у нас есть и то и другое и пятое и десятое, и если на нас нападут, то мы их разгромим одним ударом. Авиация настолько сильна, что мы даже и не думаем, в крайнем случае сильнее чем у них взятых вместе.

2 - Мне кажется, что должна быть составлена комиссия, которая будет рассматривать дела, подлежащих амнистии.

23ч.35 м. 2 - Вы своим медом меня только расстроили.. Как только попробуешь, чтонибудь хорошее, так прямо тоска берет.

1 - Ох, жизнь наша несчастная (пауза)

2 - Вас после меня скоро вызвали.

1 - Непомню я.

2 - Сейчас я пришел 1/2 двенадцатого.

1 - А сейчас уже 12 часов.

23ч.40 м. (Молчание)

1 - Знаете я решил выйти на суд и сказать, что я всю жизнь занимался шпионажем, в чем и могу дать подпись.

2 - Это глупо. Этим просто себя дискредитируете.

1 - Это я пошутил

2 - Надо попросить начальника тюрьмы, чтобы он нам устроил полку для книг. Сколько Вы сегодня принесли?

1 - Книг 8.
(молчание)

2 - Синь-цзян заняли?

1 - Да, там уже советская власть, войска НКВД (молчание)

НАЧ 1 ОТДЕЛЕНИЯ 12 ОТДЕЛА ГУТЬ НКВД
КАПИТАН ГОС БЕЗОПАСНОСТИ:

Кузнецов (КЛИМ)

Запись №

разговоров по объекту " В - 87 "

За „ 24 “ февраля 1938 г.

Разослать:

Г. *Зотову*
Фриновскому

№ 12-го отдела ГУГБ НКВД

- 19.55 П мужч. Через несколько дней у Вас год будет, а я девять месяцев силу.
- И " Скоро умирать, вот что.
- П " Зачем так скоро умирать, еще далеко до смерти /пауза/
- И " Да, умирать скоро.
- П " Хотите сами себе внушить, ничего Вы не можете знать.
- И " Или придется 25 лет сидеть.
- П " История знает такие случаи.
- И " История знает такие случаи. Когда то одна королева была арестована, продержали ее 19 лет и после приговорили к смерти и она была казнена.
- П " Какой же это суд.
- И " Да вот такой. Кто мне объяснит, я не знаю, как Анэте сказать, чтобы она бросила со мной возжаться.
- П " Напишите ей письмо.
- И " Не передадут.
- П " Почему.
- И " Я написал такое письмо, оно лежит у меня в запасе.

107

П мужч. Ей передадут.

Г " Это в случае моей смерти. А если сошлют меня куда-нибудь, то и она поедет /пауза/ Что Вы пишете. Еще чтонибудь подумают.

П " Где я пишу.

Г " Вот.

П " Это я просто так случайно.

Г " Случайно, а могут чорт знает что подумать /пауза/

П " Я уверен, что процесс будет не ранее мая месяца.

Г " Уж скорее бы все кончалось.

П " Скажите, когда со мной кончится.

Г " Да с Вами то все ясно, вот чудак.

П " Но много еще сидеть придется, все эти комиссии, с полгода еще посижу..

Г " Мне думается, что в 38 году будет война.

П " Почему.

Г " Так я думаю.

П " Если будет война, это плохо для Советского союза.

Г " Теперь не знаю, может быть выгодно. Об"ясните.

П " Что Вам об"яснять?

Г " Интересно.

П " Что.

Г " Интересно как меня поведут расстреливать в подвал.

П мужч. В подвал?

И " Вот скажут сволочь, б..дь поворачивайся, да еще толчок дадут какой.

П " Не всех в подвале расстреливали /пауза/ Что сказали, что все будет кончено скоро. /ответа нет/

И " Я все думаю. Может быть они потому не дают свидания с Анютой, она начнет все спрашивать, а у них не хватит подлости ей все сказать /пауза/ Скажите, завтра уже 25 число. Да..25-е.

П " Девочек бы увидеть теперь, вот бы Анюта к Вам пришла, я бы Вас оставил вдвоем с ней, вот было бы дело.

И " Нет, я в таких условиях не хочу.

П " Какая это жизнь /молчат/ А ведь вредно вести такой образ жизни.

И " Ну, не вредно.

П " А говорят, что женщины, котрые не ведут половой жизни очень страдают.

И " Ну, не страдают.

П " Мужчины вот не так. /пауза/ Однообразие страшное..

Да, однообразие, хотя бы Анюту увидеть.

П " Вообще у Вас непоследовательность, она лучше Вас знает обстановку.

И " Они говорят "не беспокойтесь", она знает лучше Вас.

П " Да, она лучше Вас знает, ей дали знать, можете быть спокойными.

И " Они говорят: знаете, она в некоторых вопросах умнее Вас. Ну конечно в некоторых специфических вопросах.

413 75

II мужч. В ней есть героическое начало.

I " Если бы не было героического начала она не ходила бы сюда.
/пауза/Слушайте,а если ей передали мое письмо и она знает
о процессе,знает и об исходе его.

II " Не передали письма,будьте уверены. Скажите любому человеку,
что будет процесс и что исход его очень печален,она подняла
бы бунт,ясно.Вас не расстреляют,будьте уверены.

I " Почему нет.

II " Во всяком случае я этого не допускаю,я вижу по ходу Вашего
дела,по признакам проведения работы.Видно,что в отношении
Вас совершенно другие приемы,нежели к другим.

I " Они что-нибудь знают.

II " Суд будет решать,может быть уже приговор записан.

I " Наверное.

II " Давайте почитаем.Слушайте,а Антипов был крепкий человек.

I " Довольно крепкий.

II " Он был на партийной работе.

I " Он был наркомом почты и телеграфа.

II " А до революции.

I " Он сочувствовал большевикам /пауза/

II " Ах боже мой,долго еще терзаться.

I " Если меня даже после суда не расстреляют я буду в ужасном
настроении в течение нескольких дней.

II " Оставят нас вдвоем /пауза/ Вы меня ненавидите наверное.

I мужч. Я в камере не останусь, честное слово. /пауза/

II " Слушайте, а эсеры не были марксистами.

I " Нет. Было много разногласий и в историческом материале и в политической экономии. Они признают только часть экономической стороны. Они говорили: "что говорят марксисты, не говорил Маркс". /пауза/.

И не знаю спал я сегодня днем или нет.

II " Спали.

I " У меня настроение такое, что не хотелось идти гулять, ничего не хотелось.

II " Расскажите что-нибудь, только интересное. Вы так много знаете.

I " Подождите, дайте или умереть, или пережить это.

II " Мне хочется с Вами поговорить.

I " Я Вам роман почитаю.

II " Роман интересный, хотелось бы, чтобы Вы закончили его.

I " Молитесь богу.

II " Это не помогает /пауза/. Хотите я напишу заявление, в котором укажу ценность Вашего существования, Вашей жизни.
/Молчание/.

НАЧАЛЬНИК I ОТДЕЛЕНИЯ I2 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
КАПИТАН ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

Рубин /Юшин/

НКВД СССР

ГУГБ

ДВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
ОТДЕЛЕНИЕ

1774

ДОЛОЖЕНО

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

За "26" февраля 1938г.

Лист № 1246
СТРОГО СЕКРЕТНО
Контроль лит. "И"

Адресат:

Басову

Уткинскому

12-го отдела ГУГБ НКВД

17

(Открылась дверь. Меняют белье)

1 мужч. Утром готовят.

П " Значит близко процесс раз уже заботятся об одежде.

" " Смешно ей-богу. Это все равно, что в крематорий.

П " Ну, в крематорий...

" " Я вам даю честное слово.

П " Я не сомневаюсь.

" " Что-то мне кажется, что написано довольно много. (пауза)

" " А что, вдруг завтра процесс?

" " Ну, завтра. (пауза) В прокуратуре ведь все проверить надо.

" " (пауза) Вы думаете, они думают о поведении только нас с вами?

П " А внешнее?

" " Ну, что-же внешнее. (пауза) Я вот хочу следовательно написать, в случае если расстреляют...(непонятно)

" " Хороший день.

" " День замечательный, последние дни когда хочется жить.

" " А мне в такие дни не хочется гулять. (пауза)

" " Видите, какое дело-то.

" " Что?

" " Я считал.

" " Да-ну. Я за то, что вы будете жить на 99 целых и 99 сотых.

" " А вот если я подсчитаю, то я вам скажу сколько мне. (пауза)

" " До процесса осталось три-четыре дня. (пауза) С нас начали правда?

" " Вы думаете?

11 мужч. Конечно. (пауза) Объясните, мне предъявили заключение, это очень спешно. (пауза) Я не понимаю этой спешки. (пауза)

1 " 257 страниц разобрал. (пауза)

11 " Сидит, выстукивает себе.

1 " Свободное время, сидит и выстукивает. (пауза) Странное какое-то ощущение.

(1 ушел на допрос)

(Вернулся)

11 мужч. Что такое?

1 " Военный прокурор вызывал.

11 " А когда суд?

11 " Не знаю. Военная коллегия Верховного суда.

11 " Значит Верховный суд. (пауза) Вообще судить будет военная коллегия Верховного суда. Это интересно. А кто подписывает обвинительное заключение?

11 " Кто идет на суд... (непонятно)

11 " Кто идет на суд?

11 " Бухарин, Крестянский .... (непонятно)

11 " А тут какие?

11 " Не знаю, ей-богу.

11 " Не указано разве?

11 " Не знаю.

11 " Я как сказал!.. (смеется) Это не в кабинете вашего следователя

Нет, тут внизу. Ой боже мой, боже мой! (пауза)

(читает) Статья 58(1), 58 (2), 58(9), 58(11).

16.40 " Эта статья что говорит? У меня еще одна статья 58с, у вас нет?

(читает) Две 58(1), 58(2-х), 58(8-х), 58(9-х).

А у меня еще 54.

Тут шесть.

У меня тут еще кроме 4-й. (молчанье) Сколько человек всего?

(считает) 21. (пауза) Это значит, что сегодня наверное?

Как видно.

1 мужч. Я вам тогда скажу, как там обрзовывается.

П " Скажите, а причем здесь эти националы: (читает) Икрамов: Широкая часть польской разведки.

П " Что вы говорите?

1 " А Ходжаев и Икрамов здесь обвиняются в том, что были в царской охранке- провокаторы.

П " Кто именно провокатор царской охранки?

1 " Я просто не знаю, хоть головой об стенку бейся.

П " Почему?

1 " Да как почему? (молчит) Обвиняются Иванов, Зубарев.

П " Как провокаторы?

1 " Да, с 1911 года.

П " И никто не знал?

1 " Зубарев с 1908г.

П " Кто такой Зубарев?

1 " Это- уральский.

П " Интересно. А Зеленский какое имеет отношение к процессу?

П " Зеленский? (пауза) Вот банда провокаторов и шпионов: Гринько, Раковский, Крестинский, это шпионы немецко-польской охранки.

П " Гринько кажется украинец? (пауза) Раковский когда?

1 " Этого я не знаю.

П " Кажется Василий Фомиц, это точно. Он был в ЦК Белоруссии, затем в Берлине, потом опять приехал. (молчание)

П " Ну, что делать?

П " Бросьте глупости, ничего особенного, вы это знали и раньше. Сейчас я первый раз слышу.

П " А вас спрашивали?

П " О чем?

П " Насчет... (непонятно. Пауза) Надо было ожидать.

П " Я смерти жду.

П " Смерти? Не такое еще время. (пауза) Заключение Вышинский подписывает?

П " Да.

11 мужч. Каким числом?

1 " 23-им.

11 " Значит накануне выходного дня. (пауза) Почему назвали Верховную коллегию военной? Видимо здесь есть представитель военной коллегии Верховного суда.

1 " Не знаю(пауза) Расписываться.

11 " Во время суда, обыкновенно не вручается обвинительное заключение и же знаю, как вызовут, прочтут, на руки никогда не давали.

1 " Да что вы? (пауза) Там вообще называются банда Троцкого и Бухарина, а я во главе всех. (пауза) Да, банда Троцкого и Бухарина.

11 " Да, конечно, группа очень большая.

1 " Я знаю, что придется умереть за какую то сволочь. (молчит) Что же мне теперь роман писать, настроение видите?

11 " Умереть мы всегда успеем.

(молчание)

11 " А этих военных они не расстреляли?

11 " Они были судимы еще при мне, 10 июня закончился их суд. (пауза) Непосредственная связь с германским генеральным штабом. Тухачевский, Уборевич, Якир. Полная дезорганизация Красной Армии и достаточная возможность вторжения. Террористические акты против Сталина, Ворошилова. (пауза)

11 " А Рыков?

11 " Не знаю. (пауза)

11 " А вы все худеете и худеете. (пауза)

11 " Кто такой был Казаков?

11 " Не знаю.

11 " Максимов?

11 " Тоже не знаю.

(молчание)

11 " Процесс наверное будет через 2-3 дня.

11 " Да.

(молчание)

11 " А меня вызовут сегодня на допрос?

11 " Я думаю, что нет. (пауза)

1 мужч. И зачем они все хитрят.

П " (молчит)

1 " Я уже писать больше не буду.

П " Почему?

1 " А какой смысл? Все равно они не пропустят. (пауза)

П " Когда Слуцкий умер?

1 " Наверное числа 21-го.

П " Он молодой был?

1 " Лет 33-40.

П " Вы думаете напечатали сегодня?

П " Наверно напечатали, ведь за несколько дней печатают.

1 " Может только дней 10 осталось жить, через 2 дня процесс и через 7-8 расстрел.

П " Будет вам.

(молчание)

1 " Теперь я книги могу все сложить, писать все равно не буду. Что бы мне почитать?

П " А я откуда знаю. (пауза)

1 " Боже! Как мучительно ждать. Сегодня какое число?

П " 26-ое. Что-то вам память стала изменять.

1 " Да, что-то хандрить я начал.

П (П ушел на допрос)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУБ НКВД
Капитан гос. безопасности

Смирнов
(подпись)

НКВД СССР

ГУГБ

ОДИНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

ОТДЕЛЕНИЕ

Запись №

СТРОГО СЕКРЕТНО

Контроль: И. С. В. С.

С. И. П.

разговоров по объекту "В-87"

За " 27 " февраля 1938 г.

Рассказать:

Сашу

Ивановичу

И. ГО ОТАСАР ГУГБСНКА

(Саша - Иванович)

10.05

I мужч. Если я буду жив, пришло Вам роман года через два-три. Сейчас я совершенно разбит.

II " Ну разбиты от того, что не спали.

I " Потом опять ночь - не спать, я уже к суду готовлюсь, представьте, сколько у меня написано всех протоколов.

II " Он Вас вызовет, а Вы будете писать заметки.

I " Да мне не хочется, не интересно, интересно когда есть составительное начало, а когда все предрешено, все написано как на бумаге.... Правда.

II " Что.

I " Я ничего не понимаю, меня глубоко удивляет почему мне не говорят.

II " А Вы спросите, ну сошлитесь на меня. Значит секрет.

I " Да. Если 25 лет дадут /пауза/, главное в тюрьме сидеть все время. /пауза/

/Рассказывает подробно о сущности декаденства и символизма/

II " Николай Иванович, расскажите чтонибудь.

В.А.

I мужч. А что.

П " Чтонибудь /смеется/
/Пауза/.

Ох, я буду сегодня плакать, как вы думаете.

I " Не знаю. Насчет плача я могу привести Вам одну француз-
скую цитату.

/Читает по французски/

I " /Чистит ботинки/ Все-таки лучше вид, правда.

П " Да. /пауза/.

I " Хотите я Вам прочитаю о Марксе.

П " Пожалуйста.

I " Если не хотите не буду.

П " Читайте. /Первый читает/.

I " Вы слушаете.

П " Конечно слушаю.

I " Здесь интересно очень.

П " Давайте, давайте... пойте, поете-то вы хорошо, да где-то
сядете /смеется/.

I " Я Вам сказал в крематорий.

П " В крематории трупы бросают в печь.

I " Да я был там видел.

П мужч. Маленькое удовольствие.

/пауза/

И " Я думаю процесс будет не 2, а 3 марта. 2-го менее удобно.

П " Почему.

И " После выходного.

П " Почему

И " Да нужна непосредственная подготовка.

П " Подготовка и сейчас идет.

И " Да.

П " А какая же еще подготовка.

И " Непосредственная.

П " Подготовка масс.

И " Никаких не масс.

П " Следователя и подсудимых. /Пауза/

И " /Не ответил/

П " Давайте сыграем в шахматы.

И " У меня сейчас тоскливое настроение.

П " Вот при тоскливом настроении хорошо играть.

И " Нет, я совсем не могу.

Handwritten signature or initials

- П мужч. Не хотите, не надо /молчат/
- И " Ох. Боже мой. /молчание/.
- П " Вы dokonчите эту главу, а то когда процесс будет писать уже не сможете.
- И " Не знаю я буду просить, чтобы меня дня на два из"ять из процесса.
- П " Этого не может быть.
- И " Я самого Нарикоме. просил. Я сказал, что у меня плохое состояние, прошу освободить по болезни. Раз человек болен это возможно.
- П " Что он сказал.
- И " Он сказал, что это принципиально возможно. Там уж расписание есть кого, когда, кто будет допрашивать и т.д.
- П " А почему Вы думаете 8 дней.
- И " А что.
- П " Может быть 10 или 6, Вы подумайте ведь 20 человек.
- П " Из руководящих работников наверное уже все, все знают.
- П " Какое количество людей было на старых процессах.
- И " Не помню. /пауза/.
- П " Вы на квартире не держали у себя секретных документов.
- И " У меня было два несгораемых шкафа, один шкаф: в редакции и два дома.

12/24 83

П мужч. Важные были там документы.

И " Конечно.

П " При Вашем аресте их из"яли.

И " Ну ясно.

П " А оружие имели.

И " Было несколько револьверов, были Винчестер, Маузер, Японская М.....

П " Хорошее оружие, особенно японская.../непонятно/.

И " У меня лежало с 1917 года, не пользовался им.

П " Наверное заржавели.

И " Конечно, я ни разу не стрелял, я даже на хорошей охоте не был. Было одно время, когда еще не было Красной Армии во время борьбы, мои люди повалили телеграфные столбы, я их всех перестрелял.

/Молчание/

НАЧАЛЬНИК I ОТДЕЛЕНИЯ I2 ОТДЕЛА ГУТБ НКВД
КАПИТАН ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

А. Сидоров
—

ВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

ОТДЕЛЕНИЕ

Запись № 111

разговоров по объекту "В-87"

февраля

" 28 " Марта 1938 г.

Послать:

и. Есаву

и. Дриновскому

12-го отдела ГУГБ НКВД
(АДХИМ)

11 133 П мужч. У вас после того письма и после всего, дело на мази. Вам сейчас только к процессу приготовиться. Быть заинтересованным только процессом.

1 " Да.

18 140 (Открылась дверь)

Вошедш: Вам ничего не нужно передать?

1 мужч. Видите-ли, мне сейчас нужно готовиться к процессу, и я бы просил вас передать вот это.

Вошедш: Хорошо. Больше ничего?

1 мужч. Да, еще пожалуйста порошок от головной боли.

Вошедш: Хорошо. (вышел)

2 П мужч. Вы гулять пойдете?

1 " Нет, а вы?

П " Не знаю.

1 " Мне нужно выспаться, а затем приготовиться к процессу.

(молчание)

У меня наверное безумные глаза?

П " Вы постарайтесь уснуть.

1 " Какая головная боль.

(молчание)

П " Расскажите чтонибудь.

1 " А что?

П " Хорошенькое.

1 " Однажды я встретил вдову Луначарского. Она страшно красилась, но была интересная. Я ей говорю: что

в магазинах скоро косметики хватать не будет.

П мужч. Не обиделась?

1 " Нет. Она потом за мной ухаживала.

П " После смерти Дуначарского?

1 " Ну-да.

П " С кем она живет сейчас?

1 " Не знаю. (пауза)

Ноги болят страшно, что-то расклеился я совсем.

П " До процесса потерпите, а там пойдете на отдых.

1 " Это не отдых.

П " Если вы пойдете в лагерь, то это уже отдых.

1 " Нас в лагерь не пошлют.

П " Ну, елчего.

1 " Там конечно было бы не плохо. Я бы согласился, если бы мне дали маленькую избушку без права выхода на дальнейшее расстояние, хотя бы на километр, но только были бы книги и Анюта, ну и всякие письменные принадлежности.

П " Под Москвой бы дачу?

" Да.

П " Надоело-бы вам.

1 " Если бы были еще краски хорошие, полотно и можно было бы ходить на некоторое расстояние. Мне больше ничего не нужно, книги и только. Еще меня очень беспокоит отец. Он работать неспособен, нужно ему помогать. Я думаю, если действительно продать роман и как нибудь ему помочь.

П " Он может пойти к брату.

" У меня все братья умерли.

П " У вас есть брат инженер.

" У него 5 человек детей. Он имеет три маленьких комнатки, ему самому тяжело.

П " У него пенсия должна быть.

" У него была пенсия, а теперь я не знаю.

П " Ну, пенсия у него должна быть. Какое он имеет отношение.

Отец не отвечает за сына и сын за отца.

- 1 мужч. Не знаю, но по моему вы ошибаетесь.
- П " Ну, как я ошибаюсь?
- 1 " Я думаю, хорошо бы поместить его гденибудь во флигерье маленьком и не в Москве.
- П " Он жил у вас когда-нибудь на даче?
- 1 " Нет и все время работал.
- П " Почему он все время работал?
- 1 " Ну он не может без работы сидеть, такой непоседа. Теперь он здорово подался, плачет. (пауза)
- П " Где он работал?
- 1 " Где-то корректором. (пауза)
Работу свою рассказать мечтаю.
- П " Со второго числа некому будет рассказывать.
- 1 " Меня заберут от вас, а сейчас расскажите мне что-нибудь утешительное.
- П " Что я могу рассказать утешительное, это то, что у нас дело кончается, это самое утешительное. (пауза)
Говорят на суде будет Яковлев.
- 1 " Я спрашивал, это они не решают.
- П " Еще кто?
- 1 " Шумяцкий.
- П " Еще?
- 1 " Неужели уж и Шумяцкий арестован.
- П " Крыленко, ведь он был Наркомом.
- 1 " Я ничего не пишу, теряю время, пороку нехватает взяться за перо. Я все думаю, почему Анюта так написала "до скорого свидания" и подчеркнула.
- П " Это знаете, в этом вся соль. Нужно знать как на процессе себя держать.
- 1 " Об убийстве Куйбышева и Горького я только что сейчас узнал, прочел.
- П " Ой, ой! (пауза) Перестала нога у вас болеть?
- 1 " Немножко лучше.
- П " Вы спали или нет?
- 1 " Нет.

- 1 мужч. Я прочту вам, что написал.
- П " Пожалуйста. (1-й читает быстро конспект своего выступления на процессе)
- П мужч. Хорошо, но непонятен первый пункт. Как вы будете характеризовать международную обстановку?
- 1 " В общих чертах.
- П " Довольно хорошо.
- 1 " Я буду задаваться по целому ряду вопросов, наряду с прокурора. С одной стороны будут говорить, что это относительный материал. Но все такие конкретные случаи... Он дал какую то группу нескольких людей, а где же целая организация. Нужно обоснованно защищаться. Я вовсе в своей защите не хочу опираться на исторические действия.
- П " Трудно сказать.
- 1 " Я все же ничего не знаю, я просто дрожу весь от всего этого.
- П " Почему?
- 1 " Что вы не понимаете почему?
- П " Все равно на процесс нужно идти, надо решать этот вопрос, чтобы не дрожать. Нужно решать, по какому пути идти. Ведь это будет величайшее преступление если вы пойдете по тому пути, вам нельзя этого делать.
- 1 " А что мне рассказывать, когда там говорят, что я хотел убить Ельцина.
- П " Нужно все рассказывать.
- 1 " Я на предварительном следствии рассказывал.
- П " Вот на суде неудобно показывать свое превосходство.
- 1 " Нет, я буду уж корректным, я теперь понимаю весь стратегический план. (пауза)
- П " Вы следовательно покажете?
- 1 " да, хотя он говорит, что он тут не причем. И по целому ряду пунктов защищаю.
- П " Это все будет расходиться с вашими показаниями.
- 1 " Нисколько.
- П " Вы все подтверждаете, может быть целый ряд случаев, которые вам остануться только подтвердить.

- 1 мужч. У меня никто об этом не спрашивал, я могу не защищать.
- П " Вы мне сказали, что только по этому последнему вопросу.
- 1 " Нет, еще целый ряд.
- П " Самое главное, это быть в центре тех показаний, которые вы дали.
- 1 " Ну конечно, совершенно правильно.
- П " Это самое главное, чтобы не отступать назад.
- 1 " Об этом и не может быть и речи.
- П " Вам надо крепко держаться.
- 1 " Я просто дрожу весь.
- П " Остался еще один день до процесса. (пауза)
- 1 " Что-то обед не несут.
- П " Вы нехотите.
- 1 " Нет аппетита. У меня руки совсем похолодели. (пауза)
Сколько еще пережить осталось.
- П " Переживать осталось какие нибудь 6-7 дней.
- 1 " Интересно, когда меня теперь в подвал поведут, может быть такой случай?
- П " Вы уже начинаете опять психовать. Вы оставьте это и выбросьте из головы.
- 1 " Выбросить или не выбросить по моему все равно.
- П " Предоставьте все естественному ходу вещей.
- 1 " Естественно ничего не бывает.
- П " Обеспечьте со своей стороны, чтобы процесс прошел в благоприятной обстановке, а раз вы дали показания, то пойдет все по советски.
- 1 " Я понимаю. Я просматривал материал защиты. Я знаю как действовать, как говорить.
- П " Я думаю по другому.
- 1 " Я думаю с политической точки зрения.
- П " Что вы показали говорите, а что не показывали, не надо.
- 1 " Мне пожалуй будет выгодно если я буду немного дискуссировать. (пауза) Но как вы слышали, получается ничего.
- П " По моему ничего, совершенно правильное выступление,

политически гипержанное, только вы слишком много уделяете международному вопросу.

I " Это рамка, так сказать, в которую я должен уложиться. (пауза)
Я совсем не сплю.

II " Я спал, но теперь наоборот перестану спать.

I " Может быть роман написать?

II " Ну, что-ж.

I " Это было бы чудовищно, писать роман. Я думаю, дней через 13 увижу Аняту.

II " Это даже слишком долго.

I " Хотя я знаю, мне говорили о старых процессах. По окончанию процесса выйдя из зала суда сразу поехали к Бжову и он говорит: "ну, что вы будете делать?". Это насчет работы. Прямо из зала суда.

II " Конечно возможно. Теперь я думаю о том, чтобы вам дали домик опороженной хаты бы на километр, чтобы вам дали книги, краски, полотно.

I " Я бы первые 3 дня ничего не делал, пожалуй, только раз-бы напился.

II " Слушайте, а чтобы меня пустили к вам в гости?

I " Нет, вряд-ли. Вот в Барнаул может быть.

II " Это замечательно, я бы с удовольствием поехал туда. Замечательное место. Там зима суровая?

I " Почему суровая? Нет. Лето жаркое.

II " Климат резко континентальный?

Да.

I " А сердечникам там плохо?

II " Нет, ничего.

I " Город Чита стоит высоко над уровнем моря и там сердечникам очень хорошо.

II " Каким сердечникам.

I " А в Ислотовске плохо.

II " Опять каким сердечникам.

I " По моему в Мещесте лучше.

1 мужч. Это да, в Мацесте сернистые воды, а там химический состав.
(пауза) Что Анята сейчас думает?

II " Ничего не думает.

1 " Она всегда чтонибудь думает, мне приятно иногда слышать:
"валя жена, умная женщина". У меня ведь сын есть, вырос
теперь наверно.

II " Сколько ему было, когда вас взяли?

1 " Он родился в мае или в апреле, около девяти, десяти и-цев
и год как арестован, около двух лет наверно.

II " Хороший парень теперь.

1 " Юрка.

II " Юрий Николаевич по фамилии Бухарин. Вы попросите, чтобы
его переименовали на Бурундук.

1 " Называет или старыми христианскими именами или невероят-
ными какиминибудь.

II " А девочку как назвать?

1 " У меня есть дочь Светлана.

II " Если я буду жить семейно, у меня обязательно будут дети
девочка и мальчик. Мальчику я дам имя Бурундук.

Вы мне прочтите чтонибудь.

1 " Нет, у меня сегодня настроение плохое.

II " Мне будет без вас плохо, целый день сижу как проклятый,
а вечером вы придете и не захотите со мной разговаривать.

Знаете, если я останусь жить и кончится вся эта хреновина,
я спрошу себе бутылку вина.

Вам не дадут.

Вот выпьем с вами.

Напьетесь.

Я может быть не в состоянии буду все это пережить.

Что это Анята написала: "до скорого свидания". Я думаю,
что это она не сама.

Наверное в результате какогонибудь разговора. (пауза)

Слушайте, что вы будете делать на суде если захотите
перднуть? Мы уже забыли как держать себя как следует.

У меня такое состояние, что я могу все сделать.
Мы страшно огрубели здесь.

(молчание)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУГБ НКВД
Капитан гос. безопасности:

[Handwritten signature]
(КМН)

НКВД СССР
ГУГБ
ДВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
ОТДЕЛЕНИЕ

СРОЧНО

СТРОГО СЕКРЕТНО
Контроль лит. "И"

Запись № 0948

разговоров по объекту "В-87"

" 1 " Марта 1938 г.

РАССЛАТЬ:

м. Есёву

м. Вилковскому

м. 12 часов от сав. ГУГБ-НКВД
(САЛЕХИН)

11.55

П мужч. Я вчера очень долго сидел, когда будет процесс второго?

1 " А я Вам уже говорил, завтра.

П " Чем они интересовались?

1 " Я очень много говорил. Говорил, что буду дискуссировать.

П " Ну и что же?

1 " Он сказал хорошо.

П " Вы пришли очень поздно?

1 " В шесть часов, я там ждал до бесконечности.

П " Кто был на Вашем допросе, Нарком бы?

1 " Нарком, Фриновский. (Пауза).

Сейчас уже около двенадцати.

П " Не спали, а уже 12 часов. (Пауза). С чего Вы все-таки начали разговор?

1 " Они пришли в соседнюю комнату ко мне, я совершенно не знал, что они там сидят.

П " Вы пришли, а они там сидят?

1 " Нет, они пришли когда уже я сидел, я сидел через одну комнату.

П " Ну когда они пришли к Вам, дальше?

1 " Здравствуйте, - здравствуйте, ну а потом воцарилось неловкое молчание, я не знаю, что сказать.

П " Ну?

1 " Ну они молчат, не знают что сказать. Я чувствую что нервничает

стал. Потом я сказал, у меня есть несколько вопросов касающихся процесса.

II мужч.

Вы были там одни?

1 "

Нет, там еще был один.

II "

Слушайте Вы будете есть, я могу себе еще спросить.

1 "

Да чего спросить, это Ваша простакваша (Пауза). Жить мне осталось еще 8 дней.

II "

Что он сказал, сколько будет длиться процесс?

1 "

Нет.

II "

Почему Вы думаете, что восемь дней?

1 "

Так я примерно считаю.

II "

Интересовались, чем Вы сегодня занимаетесь?

1 "

Он знает о романе. Сколько мне еще после процесса остается жить.

II "

Разговор был интересный?

1 "

Да.

II "

Вас сегодня не будут вызывать?

Как не будут. Мне нужно будет играть роль раскаявшегося врага, понимаете, роль интеллигента. В общем все это страшно неприятно. (Молчат)

(Вышли)

(Вернулись)

Вы по существу больше ждали, чем там разговаривали.

Они совещались между собой.

А кто с Вами сидел?

Два красноармейца и один следователь. Ничего особенного (Пауза)

Когда Вы ушли на допрос, сколько времени было?

Два часа.

Я Вашу простоквашу с"ел.

Ну и что же.

(Молчат)

12.45

П мужч. : Ведь Вы вчера не думали, что Вас вызовут?

1 " Не хотели вызывать, а вызвали.

П " Когда Вас будут допрашивать, значит они будут присутствовать. (пауза).

Вы читали следовательно роман, что он Вам сказал?

1 " Он сказал, "хорошо". Я не знаю, стоит ли мне его разрабатывать. Если бы мне дали газеты различные и всякую политику вроде этой штуковины. Я мог бы развернуть работу лучше.

(М о л ч а н и е)

НАЧАЛЬНИК 1 ОТДЕЛЕНИЯ 12 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД / (ЖИИИ)
КАПИТАН ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

НКВД СССР

ГУГБ

ВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
1-е ОТДЕЛЕНИЕ

СРОЧНО

246
СТРОГО СЕКРЕТНО
Контроль лит. "Н"

Запись №

058

разговоров по объекту "В-87"

" 1 " Марта 1938 г.

Участники:

м. Евсёв

м. Букирева

Судья - Евсёв

№ 12 по отс. ГУГБ НКВД
(АЛЕХИН)

12.55

1 мужч.

Кончились наши муки (считает эслуж) пятого, шестого, седьмого, восьмого. Значит восьмого кончается.

П "

Пятнадцать человек, да, максимум два человека.

1 "

Что Вы, больше.

13.05

Вот сыграли в ящик. Знаете есть такое выражение.

13.20

(Молчание)

14.20

П мужч. Закапчиваете глазу?

1 "

Нет еще. Напишу помазельку до смерти роман.

П "

Вы еще меня переживаете.

1 "

А Вы знаете, что если одно и тоже ощущение, например страдание, повторяется несколько раз, то оно терлет силу, меньше действует.

П "

Да.

15

(Вошел вахтер)

Вошел. Это Вам?

1 мужч.

Носки можно оставить, а шкурки у меня тоже есть, наверно сохранились совершенно новые, зачем же чулки брать. Есть такие галстук. Хороший был галстук, еще крепкий.

П "

Нас одевают.

16

Открылась дверь.

Вахтер: Ваш галстук?

16.10

1 мужч. Нет, не мой.

Вахтер: Вот Вам все, пожалуйста.

1 мужч. Благодарю Вас.

Ой и болит! (пауза)

Скоро не будет болеть. (пауза)

Прочитать?

П мужч. Да.

1 " (читает вслух) На следующий день мистер был выслан из города и т.д.

П " Хорошо.

16.40

1 " (шепчет) Боже, Боже мой!

16.55

П " О чем пишете Николай Иванович?

(Первый момент)

16.80

Открывается дверь.

Вошедш. Пожалуйста соберитесь, оденьтесь поедте.

1 мужч. А я еще не подготовился, как-же?

Вошедш. Да может Вы никуда и не поедте, мне это дело неизвестно.

1 мужч. Ничего не понимаю! (молчит)

П " Тогда Вы оденьте штаны.

1 " Вот эти?

П " Нет подштанники, эти у Вас не спадут. Он говорит поедте.

1 " Прости бог - свистопляска, ведь нервы нужны!

П " Да никуда Вы не поедте.

1 " Как же мне быть?

П " А может быть Вы там ночевать будете?

1 " (пауза) Я ни-че-го не понимаю.

П " Может быть это в баню?

1 " Может быть оставил какие показания? Ничего не понимаю.

- П мужч. Возьмите тушурку и шапку.
- 1 " Ничего не понимаю! Надо взять бумагу.
- П " А зачем она Вам?
- 1 " А писать (пауза)
Ничего не понимаю. Дайте папироску, покурим.
- П " Нет, это репетиция (пауза)
Ну да, не может быть.
- 1 " Ничего не понимаю (пауза)
- П " Скоро вернетесь. Вы думаете серьезные вещи - чепуха.
- 1 " Не может быть, что сегодня процесс, ведь он завтра.
- П " Если Вы поедете, обратите внимание, сколько времени (пауза)
Настают у меня дни....
- 1 " У меня последние. Зачем заирать, я буду приезжать ночевать.
- П " Вы думаете возвращаться.
- 1 " Ну да. А я хотел выспаться.
- П " Вас наверно следователь вызывает.
- 1 " Зачем же?
- П " Во всяком случае Вы оденьтесь как Вам надо.
(молчание)
- 17.00
17.05 Немного костем висит.
- 1 мужч. А когда его делали (пауза)
Смехотворно, цилиндр бы.
- П " Да (смеется)
- 1 " Для этого не подходит (пауза)
Не могу ни лежать, ни сидеть.
- П " Почему?
- 1 " Лежать - это все значит мять. Было какое то све-
ждение.

Handwritten signature and number 15

П мужч. Откуда Вы узнали?

1 " Я вчера слышал (пауза)
Ничего не понимаю (шепчет) Честное слово ничего
не понимаю, что такое?

(Молчание)

П мужч. Что Вас трогает?

1 " Что за дикость? Ей-богу.

(молчание)

П мужч. Что Вас волнует? Сидите, читайте, пишите, хотите
сыграем в шахматы?

1 " Давайте.

(играют в шахматы)

П " Чего волноваться, значит Вас следовательно вызывает,
раз было совещание.

Открылась дверь)

Вошедш. Вы готовы?

1 мужч. Меня вызвали, Вы сказали мне одеться, я оделся
сжду, жду, может не нужен костюм?

Вошедш. Нет, зачем Вы поедете в костюме (уходит)

1 мужч. Ну я ничего не понимаю.

П " Кто за номера?

(Первый ушел)

(Первый вернулся)

П мужч. Ну что.

1 " Ничего.

П " Ну все-таки что?

1 " Ничего абсолютно.

П " Ну были у Вас разговоры по делу о процессе?

1 " Абсолютно никаких разговоров по этому не было.
Я сказал, что меня предупредили подготовиться,
одеться, чтобы ехать. Я оделся, ждал час или полто-
ра и все это, вместе взятое. произвело на меня

... сколько странное и необычное впечатление, ну вот об этом, а так больше ничего.

П мужч. Как настроение у Вас не изменилось. Хотя мы не особенно переживаем. Божеем, естественно.

Молчание.

(Открывается дверь)

Вошедш. (не разборчиво)

1 мужч. Не понимаю в чем дело. Вы сказали, чтобы я оделся, я оделся, чего у меня нехватает - это портняк и ремешка, потому что я немного похудел.

Вошедш. Ремешок получите. Еще что?

1 мужч. У меня новые носки и не держатся.

Вошедш. Хорошо - получите резинки. Еще что?

1 мужч. Ничего, я совершенно был подготовлен.

Вошедш. Я через пять минут зайду. (уходит)

1 мужч. Нет, это уже не жизнь (пауза)
В конце концов я тут буду ночевать или не буду?
Боже мой, боже!
(молчание)

П мужч. Вы знаете нас наверно поднимут в пять часов утра.

(Открылась дверь)

Вошедш. Вот Вам
(дверь закрылась) (молчание)

П мужч. Ну Вы идете (пауза)
Мне есть хочется (молчат)

Открылась дверь.

Вошедш. Вас звоняют.

1 мужч. Хорошо.

П " Возьмите спички. Скажите на процесс пускают вообще, допускают на суд по пропускам?

1 " Я хочу просить, чтобы не пускали.

Открылась дверь. (Первый ушел на допрос)

1 отделения 12 Стела ГУПБ НКВД
наштал гос. безопасности

Н. Смирнов

НКВД СССР

ГУГБ

ВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

№ ОТДЕЛЕНИЕ

058

ДОЛЖНО
СРОЧНО

№ 12-16
СТРОГО СЕКРЕТНО

Контроль лит. "Н"

Запись № 128

разговоров по объекту "Р-37"

1 " Марта 1938 г.

Послав:

г. Есёву
г. Винограду

№ 12-го отдела ГУГБ НКВД
(АЛЕХИН)

21.00 (В камере тихо)

22.00 (Открылась дверь, второй вернулся)

1 мужч. Сейчас около 11 часов наверное?

П " Начало 11-го.

1 " Спать что-ли ложиться (пауза)

Мне за то, что я сказал, что видел Наркома хотели сделать скандал. Следователя ругали может быть (пауза)
Я сегодня еще видел Наркома.

П " Да.

1 " Только он ничего не говорил.

П " Ничего не говорил? Где Вы видели у следователя?
(молчанке)

Что-то, стучатся что-ли?
(молчанке)

1 " Завтра же процесс чудак.

П " Завтра значит идти (пауза)
У нас сейчас был благоприятный разговор.

1 " Сейчас.

П " Да. Вы мне скажите, что это секрет?

1 " Мне сказали в отношении Наркома.

П " Не беспокойтесь, все будет хорошо.

1 " Скажите мне сколько времени останюсь жить?
1,2,3,4,5,6,7

П " Седьмое число не зачитывается ...

- 1 мужч. Николай Иванович Бухария пожалуйста с 8 до 10 часов.
- П " Ясное дело заседание с десяти начнется. Завтра Вы с какого часа будете примерно там? (пауза)
Об этом Вам ничего не говорили?
- 1 " Я не имею права Вам говорить.
- П " Сколько человек будут каждый день брать?
- 1 " Двух регулярно.
- П " А там будут женщины, неприятно.
- 1 " Наверное.
- П " Я бы последние дни вел себя как сумасшедший (пауза)
Я Вам сказал, что амнистия .... (непонятно)
- 1 " Я не понимаю ничего. Насчет военных говорили. Разные есть, но есть некоторые ничего. Я так думаю, но я не могу сказать по разным соображениям. Во всяком случае 25 лет можно ждать. Я думаю все-таки почему Анята написала тогда "До скорого свидания"; она бы сама не написала не может быть.
Моя квартира в Кремле. Я там жил, ходов было много, я же обычно ходил около мажека.
- П мужч. Вы там ходили?
- 1 " Через Спасские ворота (пауза)
- П " Хорошо там было?
- 1 " Я Вам говорил совершенно обыкновенно, самая ерундовая (молчат)
- П " Освободить можно до 10 лет, но сроки можно сокращать до половины.
- 1 " Значит может быть есть более точные данные.
- П " Высшая мера наказания расстрел, не приводится в исполнение .....
- 1 " Это касается предыдущих приговоров (пауза)
- П " Сегодня мне говорили, что Ване дело будет рассматриваться специально (пауза)

183

12.45

- П мужч. Что мне комиссия скажет?
- 1 " Господи вот чудак, как маленький не понимает.
- П " Комиссия может счесть необходимым посадить меня на срок свыше десяти лет.
- 1 " Там происходит предварительные отчеты, кто попадает до десяти лет, а кто во вторую инстанцию. Приходят по 20 лет или не более десяти.
- П " Теперь разговор о суде давайте закончим, а то завтра еще придется писать. А какая разница между законом и указом?
- 1 " Закон входит в Конституцию.
- П " В Конституцию?
- 1 " Я знаю, например - Верховный Совет указывает, а законы издаются. Я хорошо знаю, что поэтому поводу дискуссия шла, как лучше назвать закон или указ?
- П " Это дело юриста. Слушайте я непонимаю, как в фашистской Германии осуществляются законы.
- 1 " Там тоже есть конституция фашистская. Партия является частью государства. Партия составляет передовую часть лиц.
- П " У нее и там есть центральный комитет?
- 1 " У них тоже есть ЦК, где ставятся наиболее важные вопросы.
- П " А во Франции и Англии какие партии имеются?
- 1 " У них другое дело. Там та партия руководит, которая избрана своим ЦК и народом, если партия имеет большинство в парламенте, она соответствующим образом становится во главе министерства и парламента.
- П " Что же делают такие члены партии, которые у власти и считают себя обиженными.
- 1 " Им обещают и обнадёживают.
- П " Еще расскажите что-нибудь только пажебное, да расскажете.

184 103

1 мужч. У одного моего товарища была молоденькая хорошепская жена, она мне много рассказывала пахабных анекдотов. И тут я будь, и там я будь, везде должна быть и тут и там. Приехал в епархиальное училище один архиерей или патриарх и вызывает девушку, дочь какого-то протопона "Чадо мое расскажи мне, что есть добро, что есть зло и приведи примеры оного". Она отвечает, добро когда делают добро, зло это когда делают зло, пример - стою я на краю пропасти, если меня будут толкать спереди - я упаду назад, а если сзади, то в пропасть (смеется). Были такие песни на . . . (поет тихо). Литературу получали особенно пахабную с картинками, наглядным описанием. Рисунки очень хороши, очень пахабные.

И мужч. Вызвет такая слововая болезнь.

1 " Да, у одного распух и был прямо чуть не до колен в лежачем положении.

П " Сколько он женщин перепортил таким.

1 " Есть у некоторых женщин длинные влагалища и у некоторых короткие и тогда упирается в дно матки.

П " Я знаю такие случаи болезненны (пауза)

1 " Мне очень грузинки нравятся.

П " А мне нравятся украинки.

1 " Они глупые. Грузинки красивые глаза, какие брови, красивый народ, они рано созревают, такая порода в 18 лет женщина совсем зрелая. Они на итальянок похожи.

П " А французенки красивые?

1 " Французенки красивые, Анжте не понравились, очень изящные, нигде ни в одной стране так женщины не одеваются.

П " А англичанки?

1 " По описанию нет. Несколько лет тому назад французенки уменьшали себе грудь, а теперь они делают себе подушки разные резиновые. И знал одну женщину, длинные ноги и совсем плоская грудь, она носила специально туфли на низких каблучках.

155 29

III мужч. Сейчас красивых женщин очень мало.

1 " Вообще женщины не такие падкие, как мужчины, они способны любить человека за ум, за доброту и за другие приятные вещи. Мужчина же любит в женщине только красивое тело (пауза)

Я встречал красивых женщин - глупее, как они меня любили (а я знаю, что не так красив). Да женщин с живыми характерами. Мальчишкой я не любил женщин, у нас была одна знакомая артистка Мирра (мальчишкой я был очень талантлив) она была на одном собрании расчувствовалась и стала к нам ходить, якобы по делу. Ирине - сет прокламации и сидит. У меня неприятное чувство, зачем она сидит, а ей нравилось. Помню была одна женщина очень красивая и даже Яковлев, который ужасно добродетельного нрава был и то называл ее прелестной. Такая чудная пропорциональная фигура, прямо точеные черты лица, большие глаза, черные брови и эта девушка любила одного рыжего, волосатого, бордатого, вздохмаченного. И вот он стал ее мужем, ей-богу. (пауза) Я по себе знаю какой я красавец, когда я бывал на собраниях и выступал, мне присылали штук 10 записок сразу с назначением свиданий. Я никогда не использовывал.

II " Рвали?

1 " Конечно. "Николай Иванович, я вас очень люблю, пишу вам свой адрес". Некоторые прямо назначали свидания. "Я вас очень люблю" я сколько женщин, все они друг друга страшно не терпели. Случилось это перед 16 с"ездом партии. Я болел воспалением легких. В это время должна была приехать Сава, не ехала и письма не присылала, я очень мучился. Я поехал в Ялту, думал, может быть случайно с ней встречу, но она решила уже со мной разойтись. Девочка у нее была хорошая, ей лет пять было. Вдруг встречаю Надежду Михайловну, первая моя жена и говорит: "проводите меня домой". Она меня очень любила. У нее была страшная трагедия. Она хотела уйти от мужа. Хорошо, пойдем. Пошли гулять в горы, она и говорит: "Николай Иванович,

знаете что, вы для меня дороги. И говорю— знаете, я не могу вам сейчас ответить на этот вопрос. Я, между прочим, никогда не хитрил. Ну она не стала и спрашивать. Вот Рахиль была интересная, мне нравилась я сейчас нравится, она тогда была девушкой, не помню сколько ей лет было, лет 19, она тогда говорила "Николай Иванович самый лучший мой друг". (пауза) Первосортная гаванна. И вам рассказывал как я чуть не утонул?

- П мужч. да.
- 1 " Я думаю, что сейчас 4 часа или 3.
(тихо)
- П " Я думаю, что 50% за вашу жизнь, а 50% за расстрел.
- 1 " Вы думаете, что роман мой пройдет, я думаю, что допущу.
- П " Я вам совершенно правильно сказал насчет философской темы. Я думаю, что пройдет.
- 1 " Я это не отдам.
- П " Почему?
- 1 " Зачем отдавать, это не пропустят.
- П " Насчет романа я не сомневался, такая безобидная, такая замечательная вещь.
- 1 " Сколько время сейчас, 3 часа?
- П " Нет 2 наверно.
- 1 " Разве?. Расскажите чтонибудь.
- П " Я с одной женщиной разошелся. Мы очень любили друг друга. Она была такая веселая. Я хотел ей отомстить. Переутомился с ней встречаться. У меня дурацкий характер.
- 1 " Я бы сошелся с ней.
- П " А вторая женщина, я с ней остался в очень хороших отношениях. Она относилась ко мне с большим сочувствием. Во всяком случае, с девушкой я дело до конца не доводил. И вот эта женщина имела мужа, который ее страшно любил, но она его терпеть не могла и пришла ко мне. Я за ней очень ухаживал. Вы не знаете чем обьяснить, теперь женщины стали гораздо хуже. (пауза)

1 мужч. Кажется уже 2 часа.

II " Что вы, уже 4 часа.

1 " Когда все это кончится?

II " Вы же сами говорили, что через 6-7 дней. Процесс будут все слушать. (пауза) Кровать дрожит у соседей.

1 " Спят вероятно, кто наши соседи?

II " Если в 11 часов начнется процесс, почему же в 8 говорят непонятно. Вы можете тогда встать, умыться, чайку и попить. Там чтонибудь будут давать.

1 " Что там будут давать, ведь я же один буду. Видите, уже рассвет. Голова болит.

II " Давайте спать. Завтра у вас будет тяжелый день. Придете, у вас будет такое состояние, как пласт будете лежать. Первый день самый тяжелый. Мне следовало говорить сегодня.

1 " Да.

II " Я представляю себе такое состояние.

(молчание)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГПУ НКВД
Капитан гос. безопасности:

А. Шинин
(Шинин)

ПОЛОЖЕНО

Дело № 10-16
С. 10

МАЙОРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

27/П-38 г. БУХАРИН вернувшись с допроса был в весьма возбужденном настроении в связи с тем, что он прочитал записку от жены и, рассказав подробно свой разговор с Вами, спросил мое мнение.

Я ему сказал, что судя по всему нет никаких оснований думать о печальном исходе дела (расстреле). Это мое мнение его удовлетворило и он согласился, что это так и будет.

28/П- днем он изложил мне свои соображения, как он думает себя держать на процессе. В основном его настроения сводятся к тому что на процессе он будет себя держать хорошо. На процессе будет отвечать на вопросы в пределах того, что он сообщил на предварительном следствии. "На суде " - заявил БУХАРИН " я не подтверждаю своего участия в подготовке убийства т.т. Ленина, Менжинского, Куйбышева".

Я его несколько раз спросил не будут ли у него противоречия и отказы от своих показаний на предварительном следствии. БУХАРИН в категорической форме сказал мне, от того, что он показал на предварительном следствии на суде он не отступит.

Затем БУХАРИН закончил составление конспекта своего выступления на процессе.

Вернувшись сегодня утром с допроса БУХАРИН мне передал, что с ним разговаривал тов. БЖОВ.

4.57

Передав подробности своего разговора с тов. ЕЖОВЫМ, БУХАРИНА, этот разговор несколько обеспокоил. Причина этого беспокойства заключается в том, что тов. ЕЖОВ ему сказал, что ему (БУХАРИНУ), нет основания беспокоиться об исходе процесса, так как по его (тов. ЕЖОВА) личному мнению БУХАРИНА не расстреляют.

БУХАРИН обратил мое внимание на то, что когда тов. ЕЖОВ разговаривал с ним (БУХАРИНЫМ) в начале января с/г. в камере, тов. ЕЖОВ сказал, что было решение судить его (БУХАРИНА) постороже, но сейчас решили судить после сессии Верховного Совета, где будет утвержден закон о 25 годах с тем, чтобы применить этот закон к нему.

Тогда (январе м-це 1938 г.) БУХАРИН отнесся скептически и словам тов. ЕЖОВА, и заявил мне: " это делается нарочито, что бы успокоить меня". Сегодня сопоставив оба разговора с тов. ЕЖОВЫМ, БУХАРИН сказал мне: "странно, тогда ЕЖОВ сказал определенно, что было решение отложить суд с тем, чтобы судить помягче, а сегодня он высказал свое только мнение".

Для того, что бы успокоить БУХАРИНА, я ему сказал, что поражаюсь, что с ним так откровенно разговаривают. Что он (Бухарин) на слишком многое претендует. Никто ему перед процессом не должен и не обязан давать уверения - будет ли он жить или расстрелян, но что достаточно столь авторитетного мнения, какое ему высказал тов. ЕЖОВ.

Несколько позже по этому вопросу БУХАРИН соглашаясь со мной сказал мне, что действительно положение таково,

Лео

что накануне процесса никто не может с ним вести откровенных разговоров тем более по вопросу решения суда.

БУХАРИН находится в возбужденном состоянии, готовит себя к процессу и судя по всему будет держать себя хорошо.

Все же нужно иметь ввиду, что личные свойства БУХАРИНА таковы, что по ходу процесса его настроения могут меняться.

Я у БУХАРИНА спросил, что не будет ли он поддаваться плохим настроениям всвязи с тем, что на процессе, как на главную фигуру будут направлены все стрелы.

На это БУХАРИН ответил мне, что он это знает и все же думает достойно держать себя на процессе, недопуская никаких шатаний или попыток скомпрометировать процесс.

ВАРИЦКИЙ.

1. III-38 г.

В Е Р Н О:

НКВД СССР
ГУГБ
ДВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
ОТДЕЛЕНИЕ
№ 045

СРОЧНО

СТРОГО СЕКРЕТНО
Контроль лит. „И“

Запись № 100

разговоров по объекту "В-87"

2 " Марта 1938 г.

Состав:
г. Есаву
г. Бринковичу

И. П. ГОТАСОВ. ГУСБ НКВД
АЛЕХИНУ

3.00

1.00 (Встали)

7.40

1 мужч. Наверное все уже там встант.
Как одеваться я не знаю.

II " Подождите, встаньте, ну теперь мне уже хорошо.
(пауза)
Что вы?

8.10

1 " Я ищу свою зубную щетку.

8.12

II " (Неужели еще нет 8-ми часов? (Пауза)

1 " Настал час двенадцатый.

II " Что?

1 " Настали последние времена.

II " Возят и возят, машины все ходят.

1 " Я часа через два поеду.

II " Закажите себе что-нибудь там, закусокки. Сейчас
который час, больше восьми во всяком случае.

1 " Как восьми?

(Открылась дверь)

8.31

1 " Ити скоро?

Вошед. Скоро поедете.

II мужч. Спички мне оставьте, там вам дадут, есть у вас спички.

1 " Нет.

II " Как это вы успели выполнить, вы что ночь не спали?

112/11

1 мужч. Почты не спал.
II " После того, как я уснул вы вообще не спали?

(пауза)

1 " Что вы?
II " Сколько времени?

1 " Пять минут десятого.
II " Одевайтесь скорее, чтобы не опоздать, до 11 часов два часа. Что вы так волнуетесь.

1 " Потому что мне нужно быть готовым, а я ничего не читал.

II " Это ваша вина.

1 " А я никого и не обвиняю.

II " Но время еще осталось, вы не торопитесь, успеете.

1 " И еще чай не пил?

Вонедн. Пожалуйста чай.

II мужч. Вам не надо снимать, когда вы будете раздеваться.

I " А это нужно?

II " Обязательно нужно.

1 " Ой! (Пауза) Намейте мне чай.

II " Да, да. Вы успеете еще выпить, пейте, я вам налил.
(Пьет чай)

Вы особенно не наедайтесь, вам там дадут завтракать.

I " Да, что-вы, завтракать да завтракать!

II " Вам это надо взять с собой?

I " Зачем?

(Входит начальник тюрьмы)

I " И не вам говорить, смотрите ... (попчет)

Начал. И начальник тюрьмы.

I мужч. Разрешите мне взять книгу с собой, там могут быть перерывы я почитаю. Я ее оставлю в суде. Потом я хотел вас спросить успею ли я прочесть свои показания?

Вонедн. Успеете, успеете.

- П мужч. Вы одевайтесь.
1 " " Еще успею.
- П " Вы положите сюда, а то сомнете.
1 " Будем надеяться, что меня к вам опять привезут.
Вы думаете привезут?
П " А где же вы будете ночевать, как не со мной.
(Молчанье)

8.15 (Открылась дверь, что-то принесли)

- 1 мужч. Они хотят всем снабдить до от'езда.
(Молчат)

8.20 1 " Мне трудно, нехватает мужества сказать все честно.

П " (молчит)

8.23 1 " Я хотел бы взять с собой запасные очки.

П " Зачем?

1 " На всякий случай. (стучит в дверь)

(Открылась дверь)

1 мужч. // Я хотел бы взять с собой пару своих очков.

Мужч. Хорошо.

Что вы хотели?

1 мужч. Еще одну пару очков и часы.

Мужч. Собирайтесь, очки сейчас принесут.

П мужч. Как вы чувствуете?

1 " Ничего, очень хорошо.

8.38 (Открылась дверь)

Мужч. Здравствуйте, что случилось с вами?

1 мужч. У меня только горло перехватило.

Мужч. Когда это было?

1 мужч. 3 дня назад.

Мужч. Почему вы молчали вчера?

1 мужч. Я сказал.

Мужч. Вчера доктор видел вас?

1 муж. Да, видел.

Мужч. А когда компрессы ставили?

1 мужч. Я только недавно снял.

Мужч. Вам нужно выпить горячего чаю. Вы курите?

1 муж. Нет, не курю.

Мужч. Вот и хорошо делаете.

(Дверь закрылась)

1 мужч. Сейчас я кое-как говорю. А вчера я только шептал.

П " Это от нервности.

1 " Вы думаете?

П " От нервности я теряю голос. На первых допросах я страшно нервничал и у меня совсем не было голоса.

8.48 1 " Врачи там будут или нет?

П " Конечно будут, а вдруг с кем-нибудь обморок или что-нибудь еще случится.

1 " Как вы думаете, нам дадут бумаги и карандаши?

8.50 П " (молчит)

8.52 1 " Вероятно перед нами будут стоять микрофоны, конечно, не для зала, а для трансляции.

(п а у з а)

Если откашляться, то голос слышно, кроме того, придется ли мне сегодня говорить. Ведь будут допрашивать сначала Бухарина, Ягоду, потом свидетелей и так далее.

02 Мужч. Вам что-нибудь нужно?

1 муж. Кроме часов мне ничего не надо.

Мужч. Обвинительные заключение есть?

1 мужч. Да.

Мужч. Не забудьте взять.

(Дверь открылась)

П мужч. Одеваться надо.

Yes !!!

1 мужч. Он же не сказал, что одеваться.

1 " Если я получу часы, они не ходят три месяца и три дня.

П " Пойдут. (Пауза)
Яггду зовут Генрих Григорьевич?

1 " Да.
(молчание)

1 " Очевидно первый автомобиль уехал без меня.

П " (молчит)

П " Вот сейчас вы едете на такой допрос, столько переживаний, столько мучений и все это происходит у вас в душе. У них же это все в словах, в цитатах, идеологах.
(молчание)

1 " Ах, черт возьми (ходит по камере)

П " Очки свои возьмите.

1 " Что вы глупости говорите?

П " Что такого я вам сказал? Что я буду сегодня делать?

1 " Что я буду делать, у вас день будет заполнен сегодня.
(пауза)

По Москве проедусь, как повезут.

П " Что?

1 " А как меня повезут, одного?

П " Нет, там в машине будет много людей, есть специальные машины.

1 " Черный ворон! да?

П " Там есть специальные кабинки. Наверно, сейчас вы уже и поедете.

1 " Нет, еще. Подожду. Час еще ждать придется.
(молчание)

Как он мне сказал?

П " Вы сказали, что успеете ли еще дать показания? И он сказал успеете.

1 " Я ничего не могу запомнить.
(ходит по камере)

126 125

15.9.45 (Открылась дверь)

Мужч. Приготовьтесь.

1 мужч. А где же моя шапка?

П " Вот она.

1 " Хорошо, я готов. (Пауза)

Ну, до свидания!

П " Счастливо вам оправдаться. Посидите еще.

(у ш е л)

Начальник 1 отд-ния 12 отдела ГУГВ НКВД
Капитан гос. безопасности:

Юшин

10. №. 1 марта

1 марта 1938 года

(Ю ш и н)

УНВД СССР

ГУГБ

САДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

1-е ОТДЕЛЕНИЕ

1.0103

КОРЭМ СРОЧНО

Строчко Дежурство
Контроль лит. "И"
С/ВР

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

" 2 " Марта 1938 г.

ИМЯ:

Ежову
Фриновскому

(Туркочев, Заринский)

2-й отдел ГУГБ НКВД
(Мехин)

- 27.45 (Открылась дверь) Первый вошел.
- 1 мужч. Воздух у Вас ужасный, прямо невозможно.
Ой, боже мой (вздыхает)
- П " Все время суд длился?
- 1 " Да, ой боже!
- П " А когда начался?
- 1 " В двенадцать часов (все время вздыхает и прибавляет "ой")
- П " Устали наверно?
- 1 " Просто ужасно.
- П " Вы сегодня спали?
- 1 " Совершенно не мог спать, надо было готовиться.
- П " Возновались?
- 1 " Да, нет, так.
- П " Народу было наверно много?
- 1 " Ужасно, полный зал.
- П " Иностранцы были?
- 1 " Были, коминтерновские работники тоже были, издали видел.
- П " С чего начался процесс?
- 1 " Да ну, что-же известно с чего.
- П " С формальных вопросов?

- 1 мужч. Да. После зачитывалось обвинительное заключение.
- П " С кого начали?
- 1 " Начали с Бессонного, Черного, Гринько.
- П " А у Вас много было вопросов?
- 1 " Нет, не много.
- П " Почему же Вы устали сегодня?
- 1 " Ну Вы же понимаете, это состояние напряженное такое, когда я вошел, то слышал, как пронесся шопот: Бухарин, Бухарин!
- П " А где Вы сидели?
- 1 " Сбоку.
- П " А как Вас разместили?
- 1 " А так: подсудимый - конвой, подсудимый - конвой и т.д.
- П " Цепочкой значит.
- 1 " Ну да.
- П " Все гладко шло?
- 1 " Крестинский отказался от всего, что показал.
- П " А Вы.
- 1 " Я сказал, что признаю в размере (неразборчиво)
- П " Значит Вы даете все то, что признаете?
- 1 " Да. Крестинский заявил, что он вообще отказывается.
- П " Какое это произвело впечатление?
- 1 " А я знаю какое впечатление, я сидел и едва мог сдержаться.
- П " Ну, а как Вас приняли?
- 1 " Если бы меня спросили, я бы ему показал (пауза) Ужасно напряженное состояние.
- П " Вы обедали. Какой обед?
- 1 " Лапша с курицей.

Восток 118

П мужч. Утром завтракали?

1 " Да, давали бутерброды, чай.

П " А ветчину не давали?

1 " Не знаю, ей-богу (пауза) Кажется закрытое заседание (недоговорил)

П " Когда, откуда Вы знаете? Вы знаете что это касается? Это касается этих дипломатов.

1 " Ну конечно я знал (пауза) Папиросы хорошие.

П " Ох и скучно же было ожидать, я уж и спал.

1 " Что такое стучит?

П " Да все едут, не одна же машина.

55

(Открылась дверь) Принесли чай.

1 мужч. Благодарю Вас.

П " Возьмите хлеб. (Первый ужинает) (пауза)
Значит успели три человека допросить? Чернова,
Бессоннова и кого еще? Чернов был в .....
(непонятно) С кем он был связан?

1 " С полковником Бергаузом.

П " Давно?

1 " Не помню.

П " А из публики не было выступлений?

1 " Нет.

П " Вы говорили о коминтерновских работниках?

1 " Ну да.

П " А следовательно с Вами встречается в это время?

1 " Встречается.

П " ..... как себя вел?

1 " У него были жуткие моменты.

П " А именно?

1 " Но всё таки он довольно остроумно отвечал, он мно-
го отрицал.

- П мужч. Он признал себя виновным?
- 1 " Нет, не совсем.
- П " Следователь высказался удовлетворительно по Вашему заключению?
- 1 " Ничего.
- П " Ну а как, когда читали обвинительное заключение?
- 1 " Когда читали, то такой ужас, что просто кровь стнет в жилах.
- П " Бессонова признали шпионом?
- 1 " Нет, его не обвиняют в шпионаже.
- П " С кем Вы сидели?
- 1 " Я сидел рядом с Черновым.
- П " Вы с ним лично знакомы?
- 1 " Ну господи, кто меня не знает!
- П " Я знаю, что Вас все знает, я спрашиваю лично у Вас с ним были отношения?
- 1 " Он сам признает. Теперь, когда меня вызовут в четыре часа, то мне - гроб.
- П " Вам надо выспаться сейчас, а почему Вы не попросили, чтобы Вас внавали?
- 1 " Вы знаете у меня руки, ноги, голова так болят страшно, я думаю, что сейчас я упаду.
- П " А Ягоду не допрашивали?
- 1 " Да нет же! Я Вам сказал, что только трех, а Вы еще спрашиваете (раздраженно)
- П " Да Вы же говорите, что некоторые по вопросу задавали.
- 1 " Ну это еще не значит, что их допрашивали (пауза)
Да. вот таких десять дней просидеть и на двадцать лет постареешь.
- П " Надо полагать, что суд будет длиться не десять дней.

1 мужч. Как сказать. Двадцать человек все-таки, а речь прокурора, а слова обвиняемых, а два защитника (пауза).

П " У кого?

1 " Да, там у беспартийных.

П " Кто защитники?

1 " Я не знаю.

П " Там есть беспартийные?

1 " Да, вот эти самые врачи.

П " (пауза) Это штука. Суд всегда будет в двенадцать часов?

1 " А я почему знаю.

П " Занимались до трех?

1 " Нет, до четырех, а потом двухчасовой перерыв.

П " Я думаю так, что сегодня трех человек, а завтра не меньше пяти человек.

(Открылась дверь)

Вошедш. Вас вызывают.

1 мужч. Хорошо. Тяжело. Как подумаешь, что едешь, а потом крематорий.

П " Скажите, суд вообще имеет право выносить такие постановления? (В это время открылась дверь)

Первый ушел.

Первый пришел.

П мужч. Сколько времени сейчас?

1 мужч. Больше двенадцати.

П " Да?

1 " Ой, ужасно, ужасно. (молчат)

П " Вы, что читаете, или спите?

1 " Читаю (шепчет) Боже, боже мой.

(Молчание)

1-10
30 П мужч. Что Вы не спите?

1 " Не могу спать. Вот черт возьми еще с ума сойду.

П " А что Вы пишете еще? Зачем?

1 " Как зачем! Завтра тут будут проходить некоторые лица.

П " Что завтра Вас будут допрашивать?

1 " Нет.

П " А Вы знаете кого будут допрашивать?

1 " Знаю. Первого Иванова. Весь список есть, но ни следователь не знает, ни я, я не записал - не успел.

П " Большой список?

1 " Ну да. Весь список всех обвиняемых в каком порядке допрашивали.

П " А Вы какой?

1 " Я чуть ли не восемнадцатый.

П " А Рыков?

1 " Не помню.

П " Почему это Вас так далеко отодвинули?

1 " Не знаю (пауза)

П " Уже больше двенадцати.

1 " (пауза) Да. Что мне делать, я ведь с ума сойду!..

П " Нужно спать. Почему Вы не можете спать?
Никто совершенно не спал. (Первый молчит)

У всех обвиняемых такие папки с делами?

1 мужч. Ну конечно.

(Молчание)

1 мужч. Фу черт, не усну. (пауза)

Что же мне делать не могу спать, я ведь ни минуты не спал.

П " Возьмите это самое; Вы принимали это?

1 " Попробую.

(Молчание)

Нач. 1 отделения 12 отдела ГУГБ НКВД

ВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

ОТДЕЛЕНИЕ

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

" 3 " Марта 1938 г.

Имя:

Богову

Труновскому

И. И. БОГОВУ

ГУГБ НКВД

(АЛЕХИН)

В.05

П муж

(Пробудился)

Сколько времени сейчас?

1 " (Не ответил). Я сегодня ходил.

П " С кем?

1 " Опять с кем! Да Вам то что?

П " Я тоже ходил, не знаю с кем, только пробудился и мокрый.

1 " " Осталось пять дней.

П " В последние дни я Вам скажу сколько Вам осталось
(Пауза)
Вы спали?

1 " Я не спал, спал только часа два, два с половиной.

П " Сегодня третья?

1 " Да.

П " Я опять буду спать, а ночью потом не усну.

1 " Да Вы же спали ночью.

П " Я уснул только в половине четвертого вероятно.
Вы будете дежурить? (пауза)
Вы мне оставьте несколько спичек, Вам наверно там дадут.

(Первый молчит)

1 " А все-таки с указом не совсем так.

П " Мне говорили, я Вам сказал, что есть постановление
повременить с амнистией, а потом уже спустя несколько

дней, мне показали, что указ есть. Он все время обещал мне. Вообще я Вам рассказал точно, что своими глазами видел без всякого преувеличения, там нет никаких оговорок насчет военных.

- 1 мужч. Меня смущают некоторые обстоятельства.
- II " Во всяком случае чего, чего, но врать я не намерен. Если у Вас есть какие основания, так может быть в отношении меня. Мы несколько раз об этом говорили.
- 1 " Сегодня раньше процесс начинается. (пауза).
Больше я у Вас ничего не спрашиваю и Вам ничего не скажу. Вы мне наврали и ничего не сказали относительно Наркома.
- II " Я об этом с Вами не говорил (пауза).
Вы ничего не говорили о процессе.
- 1 " Честное слово я не помню, я был в таком состоянии. Но я Вам говорил, что может быть тут ничего предвзятого нет сказать, успокойте его скажите.
- II " Если бы мне указ не показали, хотя он говорил, что есть, но мне показали указ и в этом указе я заинтересован не меньше, чем Вы.
- 1 " Тогда я ничего не понимаю.
- II " Помните я Вам рассказал случай.
- 1 " Да по ходу событий, тут дело идет жестоко.
- II " Мне сказали там, что амнистия будет, не показывая указа и спрашивали о совершенно новых людях.
- 1 " Интересно что чаю налить дадут или нет?
Вы знаете ничего мне на ум не лезет.
(пауза)
- А Вы спали крепко.
- II " Вы тоже крепко спите, хотя и просыпаетесь.
- 35 (Открылась дверь)
- Вопед: Можно одеваться.
- 1 мужч. Хорошо.
- II " Когда начинается в 9 часов?

В-37

Handwritten signature

- 1 Мужч. Вчера, начался в 12 часов.
- II " Вам уже с одиннадцати до трех?
- 1 " С шести, а сейчас еще девяти нет. (Пауза).
Страшно холодно.
- II " А там большая комната, паровое отопление?
- 1 " А черт его знает, кажется да.
- II " А комната без решетки?
- 1 " Нет есть решетка, сетчатая.
- II " Есть в комнате красноармеец?
- 1 " Два.
- II " Около каждого окна.
- 1 " Нет, просто так ходят.
- II " В охране будьте уверены. А там как возвышенность или нет?
- 1 " Нет, отгорожен барьер, хотя кажется возвышенность.
- II " А кто председатель на суде?
- 1 " Не знаю.
- II " Военный?
- 1 " Военный.
- II " Прокурор и два защитника они тоже там сидят или прокурор
внизу?
- 1 " Нет, прокурор наверху, у него есть особое место.
- II " Папиросы возьмите. Книжки не берете с собой.
- 1 " (Молчит). Да, такое милое состояние, что не знаешь, что
делать.
- II " Это надо было ожидать. Вот кусочек булочки - возьмите.
- 3.00 (Молчание)
- 3.02 (Открывается дверь)
- (1 увезли на ^{насос} донзос).

НАЧАЛЬНИК 1 ОТДЕЛЕНИЯ 12 ОТДЕЛА ГУБЪ ПОВД.
КАПИТАН ГСС. БЕЗОПАСНОСТИ

Handwritten signature (ЮШИН)

10.40
3/III - 38 г.

НКВД СССР
ГУГБ
ОТДЕЛ
ОТДЕЛЕНИЕ
№ 0156

СРОЧНО

Дело № 12-16
СТРОГО СЕКРЕТНО
КОНТРОЛЬ ЛИЦ "Н"

Запись № .....
разговоров по объекту "В-87"

.. 34 Марта 1938 г.

(Турсов и др. - Зав. отделом)

ОТДЕЛ ГУГБ НКВД
(АЛЕКСИН)

Первый вернулся с процесса.
Второй вернулся.

- 1 мужчина Вас давно уже нет?
П " С 8 часов.
1 " Я так устал, измучился.
П " И тоже устал, что сегодня тяжелый день?
1 " Тяжелый, вероятно меня завтра вечером будут допрашивать.
П " Мне следователь сказал, что 3 человек допрашивали сегодня.
1 " Нет, больше. Первый - Иванов, Рыков, Зубарев, часть Раковский.
П " Мне сказали, что только 3-х.
1 " Не 3, а больше.
П " Вас тоже допрашивали?
1 " Да.
П " Мне так сказали, "Я смотрел в "Вечерке", там написано было, что допрашивали таких-то. Очень кратко.

Допрашиваемые признали себя виновными, это в "Вечерке" и никаких статей, никаких разговоров. Он гово-

рил мне насчет допроса, что создана специальная комиссия под председательством Горкина и представителя от НКВД. (пауза) Скоро и ваше дело будет кончено.

1 муж. Кончено?!

2 " Сегодня еще тяжелее, чем вчера?

1 " Ну конечно, все нарастает.

П " Вы давно приехали?

(ответа нет)

1 " Я хотел бы подготовиться, а у меня совершенно сил нет.

П " Готовиться?

1 " Да, к завтрашнему дню. (Пауза) Когда вас освободят, меня

П " Ну?!

1 " Вы вчера еще мне гарантию давали.

П " Я только вас спросил "Может ли быть такое положение?"

Главное это в отношении амнистии, сухое постановление.

Сколько было времени, когда вас привели?

1 " По моему четверть 10-го.

П " У меня сегодня утро долго тянулось, я думал, что с'ума сойду, целый день не спал, просматривал, читал. (Пауза) Многих значит допрашивали?

1 " Да, многих.

П " Сколько человек пропустили?

1 " Первым был Иванов, затем Зубарев, Рыков. Было большое выступление Раковского, Крестинский говорил.

П " Что-же, ведь он отказался?

1 " Ну а сегодня признался, на него напирала со всех сторон.

П мужчина Кто?

1 " Рыков, Раковский, да все.

П " Стыдно отказываться от показания. Если отказался, то держись, или не отказывайся. Он же скомпрометировал себя окончательно. Можно было предусмотреть это дело, какой смысл отказываться, страшно неуравновешенный человек.

1 " Не могу сказать, чтобы он был неуравновешенным.

П " У вас не было никаких недоразумений?

1 " Было несколько стычек.

П " По каким вопросам?

1 " Да на мои слова прокурор как-то ехидно хихикал. Я говорю: "Гражданин прокурор, здесь не время и не место заниматься остроумием, хотя я могу бы заниматься, но не хуже всякого другого". (Пауза) Я так нервничал, что да выступаю.

П " Какой смысл нервничать.

1 " Я не все признаю, а он жмет больше, возражает иногда так ехидно.

П " Что он за счет государства?

1 " Пока еще нет ни защиты ни обвинения. Но вообще процесс идет хорошо.

П " Очень обостренно.

1 " Мы все признаем свою вину, и разногласий почти никаких нет.

П " Когда допрашивали других, вы не выступали?

1 " Меня зло берет, он меня спрашивает: "Как вы подтверждаете?" И разворачивает всякую там штукосвину, а потом обрушивается на меня. В заключительном слове я по

Св 79" 128

этому поводу поговору.

П муж. Сегодня вас вызовут?

1 " Не думаю.

П " У вас не было расхождений никаких?

1 " Были небольшие в конце.

П " Завтра опять допрос?

1 " Завтра вечером возможно.

П " Во время вашего выступления будут вводить свидетелей?

1 " Да.

П " Будут теснить?

1 " Пусть теснят, я не должен всякую чепуху городить.

П " Ну и порядки.

1 " А! сколько было насмешек, пусть лучше меня обзывают
сволочь, мерзавец и т.д., но когда меня хотят сделать
смешным, я протестую. Я им раз ответил очень остро.

П " Это все записывают, могут взять на заметку. Что еще там было? Почему мне следователь сказал, что Бухарина не допрашивали.

1 " Не знаю.

П " И в газетах ничего нет, что же еще там было? Ну как Крестинский?

1 " На него все обрушились и я буду говорить.

П " Это некрасиво, очень нехорошо. Это говорит о невежестве человека, показать и отказаться.

1 " Конечно.

П " Чем он мотивировал свой отказ?

1 " Сегодня он заявил, что ему тяжело было признаваться, когда столько публики. У него нехватило решимости и мужества.

- П мужчина Да это знаете, не всегда легко. Вы хотели что-то принять снотворное, я хотел бы тоже принять, если дадут (пауза). Всего шесть человек допросили, хватит еще дней на 10. Ну вот этот пристав был, где он сидел?
- 1 " В зале суда. Вообще все идет очень хорошо, с точки зрения деловой я доволен.
- П " Хорошо. Публики наверно много, представители прессы, чекисты. Смех среди публики есть?
- 1 " Наверно бывает. По моему публика вся третья, хотя есть несколько рабочих, но их очень мало. Публика вся такая, которая все видела, читали, вообще в курсе всего.
- П " Я доволен, что не придется на суде сидеть.
(пауза)
- 1 " Сколько мне осталось жить.
- П " Мне трудно подсчитать. По моим подсчетам долго, а по вашим не знаю.
- 1 " 3,4, сегодня 3?
- П " Да.
- 1 " Там дни протекают быстро, а здесь целая вечность.
- П " Скука, целый день один. Или потому, что я один. Я раньше не замечал такой скуки. Один торчишь целый день. Когда вы были, мы не разговаривали по 5-6 часов, а все-же живой человек. Я говорю следователю: хоть бы на день мне кого-нибудь дали, а он говорит: не имею права, не от меня зависит.

1 мужчина А он вызвал бы вас туда к себе.

П " Вызвал, я сидел там. Вам немного осталось терпеть, о
еще дней 15. Комиссия уже была, но скоро меня не
освободят, я не верю в такое счастье.

1 " Почему не верите, это совершенно ясно.

(Пауза)

П " Рыков хорошо себя держал?

1 " Очень хорошо.

П " Молодец. Я думаю, что завтра для вас день будет
еще тяжелее.

1 " Да, страшно тяжелый день. У меня нет совершенно
сил прочитать эту хреновину.

П " Собственно, договор, что вам готовить?

1 " Определенное количество дат, вы думаете, что я их
все помню?

П " Можно сказать, что не помните.

1 " Ну я уже показывал что-то.

П " Вы сейчас просмотрите. Во сколько начнется процесс?!

1 " В 11 часов. Время быстро проходит, прямо не успеешь
отдохнуть и в крематорий.

П " Сейчас надо думать не о крематории, а о процессе.
Как вами довольны?

1 " Ничего, я держу себя в руках, без вздохов и слез,
какой смысл.

(пауза)

П " Когда разбиралось ваше заявление, то было совершенно
понятно, что вы признаете все данные вами показани-
я. Значит есть какие-то расхождения. Вы правиль-

182 131
87"

но сделали, что говорили о вашей чести. Мне понятно, что все серьезные поступки совершаются предусмотренно, а то получится нехорошо, вдруг признал все, а потом начал спорить.

1 муж. Вы значит предусматриваете?

2 " А те, которые уже говорили, их не трогают больше?

1 " Почему не трогают, сегодня трогали.

(пауза)

П " Ляжете, а то вы не отдохнете.

1 " Да. Но я не могу спать.

П " Почему?

1 " Чужак человек, не могу.

П " А перерыв после 4 до обеда бывает?

1 " Да.

П " Значит вы всего в день работаете шесть часов, нет восемь, 4 часа утром и 4 часа вечером. Числа 11,12 закончатся процесс?

1 " А я не знаю (пауза) Сколько время сейчас, как по вашему?

П " По моему начало второго, я пришел было 40 минут первого, да вот час как пришел, около двух (пауза). Что это у меня? По моему болезненное. Я видел сон, в коридоре какая-то девушка и сна стала со мной обниматься, она говорит мне: "медведь". Потом я стал ее целовать, она целует особенно с присосом, странно как-то, а я ее кусать стал.

1 " Вы наверно в это время подушку кусали?

152

Л83 "1-87"

П мужчина Как она начала меня целовать, мне прямо в голову ударило, я совершенно озверел. (пауза)

13.40 1 " Мне хотели дать снотворное, я доктора просил, говорил о своем тяжелом состоянии.

П " Кажется несут.

1.35 (Открылась дверь, принесли порошки)

У вас еще нет порошка?

Мужчина Нет.

1 " Благодарю вас. (Пауза)

П " И я спать хочу. Вы завтра пойдете часов в десять?

1 " Да, если не раньше. У меня такое состояние, ничего не соображаю, спать не сплю, грезить не грежу. Я просто не знаю что такое. (пауза)

Завтра 4-е.

П " Да.

1 " Процесс первого начался?

П " Второго.

1 " Меня сегодня околпачили.

П " Как.

1 " Мне следователь сказал, что после Ягоды будут допрашивать Рыкова, значит я должен быть начеку. А там переменяли и допрашивали Раковского, я не готовился. У меня не было времени подготовиться. Вышинский мне говорит, что это вы отвечаете "да", "но", я вас спрашиваю. А я говорю: "извините гражданин прокурор, во всякой науке существует тактика и стратегия". А он

184 "В-87" 133

сказал: останте вы эту стратегию. В зале сидят и некоторые смеются. Вот такие разговоры были (пауза). Из стратегии вытекает тактика, а из тактики организация, это не одно и то же. Из уклонов вырастают контрреволюционные принципы.

2 мужчина Что это правильно?

1 " Да, конечно правильно.

(с н я т)

Нач. 1 отделения 12 отдела ГУТБ НКВД
Капитан государственной безопасности:

Ю. Сидоров
(Подпись)

НКВД СССР

ГУГБ

ОЦЕНКА ОТДЕЛ

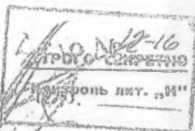
ОТДЕЛЕНИЕ

10176

ДОПОЛНЕНИЕ

СРОЧНО

134

Запись №

разговоров по объекту " В - 87 "

" 4 " Марта 1938 г.

гову

Тимошенко.лн

отдел ГУГБ НКВД

(АЛЕХИН)

А.И.М.

Утре

(Бахарьян Захарьян)

7.25

1 мужч: Разбудили, я все равно лежал с закрытыми глазами.

II " Сколько он сказал сейчас времени?

I " Около восьми. Вы сейчас не спите и нарочно зубами скрипите (молчат)

8.05

(ходит по камере)

II " Зачем Вы все ходите?

I " Так.

II " О, как у меня голова болит (пауза) Сегодня 4-е? (громко зевает)

I " Что Вы с ума сошли?

II " Это Вас компрометирует?

I " Орите, я о себе сейчас должен заботиться.

II " Я теперь уже совсем проснулся.

I " Спать совсем не могу.

II " Позавчера Вам давали курицу?

I мужч: Да.

II " Курицу хорошо. Что чай уже кажется есть? Я теперь целый день буду спать, хотя это мне выгодно (пауза)

I " Почему меня не везут?

II " Увезут, чего. Вы беспокоитесь.

I " Сегодня третье?

II " Четвертое

8.35

(Открывается дверь)

мужч: Одевайтесь.

I мужч: Хорошо, сейчас.

8.37

(1-го увели на процесс)

Нач. 1-го отделен. 12-го Отдела ГУГБ НКВД

Капитан Гос. Безопасности

(КНИН)

9.10

Лта 38г.

9.10

4 марта 1938 г.

НКВД СССР

ГУ, У, Г, Б

ОДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

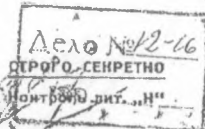
ОТДЕЛЕНИЕ

0.2.11

СРОЧНО

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

" 4 " Марта 1938 г.

(В е ч е р)

Бухарин, Сергей

Скобову

Бриковскому

от отдела ГУГБ НКВД
(АЛЕХИН)

80 22.30

(Первый приехал с процесса)

- 1-й Мне сегодня сделалось дурно на суде.
- 2-й Кто впереди вас шел?
- 1-й Доктор Казаков.
- 2-й Сколько человек сегодня допрашивали?
- 1-й Кажется трех.
- 2-й Разве утром только одного человека допрашивали?
- 1-й Файзулла Ходжаев, Крестинский и не знаю Раковский выступал или нет, я сидел в комнате и писал.
- 2-й Вас значит не трогали?
- 1-й Нет, но должны были трогать, потому что они со мной связаны, это все мои ... (неразборчиво)
- 2-й А Файзуллу когда допрашивали вас не трогали?
- 1-й Да, вот сегодня Шаранговича допрашивали. Он польский шпион. Это тот, что в Белоруссии был секретарем.
- 2-й А вас спрашивали?
- 1-й Нет, не спрашивали, слава тебе господи.
- 2-й Сегодня больше?
- 1-й Значит Шарангович, Ходжаев и Розенгольц.

- 2 мужч. Это утром?
- 1 " Нет, Розенгольца вечером и Крестинского.
- 2 " Значит 4 человека всего. Крестинский уже не отказывался?
- 1 " Да нет, он теперь такое говорит, что после него у меня все волосы стали дубом. Я начала не слышал, так как мне было разрешено выходить и периодически я приходил. Но мне действительно было дурно.
- 2 " У вас что завтра самый ответственный день?
- 1 " Да, вечером, но он самый и тяжелый. Все показания будут против меня.
- 2 " А этих врачей еще никого не допрашивали?
- 1 " Нет еще. (пауза) Завтра будет страшно тяжело.
- 2 " Значит вас еще не спрашивали и не трогали?
- 1 " Да, еще не трогали и я знаю почему.
- 2 " Почему?
- 1 " Потому что я написал такое письмо следователю. Я сижу больше года, а меня один раз допрашивали, тогда как мне пред'являют страшное обвинение против меня, а я первый раз слышу фамилию Шаранговича. Если бы меня прокурор спросил про Шаранговича, я бы сделал грандиозный скандал; я бы вот такой вставил кол в задницу прокурору!! (Возбужденно) Я подниму формальный протест против прокурора (пауза). Но только вы пожалуйста об этом...
- 2 " С какой стати. Я дал себе слово, что я ничего не буду говорить вообще.
- 1 " Вы ведь знаете, что мне запрещено рассказывать о процессе, но я вам рассказываю в зависимости от настроения, а не от чего другого. У меня такое настроение, что я при-

шел в камеру и заплакал (пауза).

35 22.35

(Открывается дверь, принесли ужин)

1 мужч. Хорошо, я есть не хочу, а вот компот я оставляю. К допросу я готов.

(Дверь закрылась)

Я написал ему (видимо следователю), что вам неудобно ... в такой период, когда у меня начинаются разногласия с прокуратурой и я знаю, что вы ему передадите, что я хочу делать. Поэтому скажите мне откровенно... с ним можно советоваться, он умный человек, а у меня начинается полоса, когда начинаются разногласия с прокурором.

38 22.39

(Открылась дверь. Первый ушел на допрос)

38 23.28

(Открылась дверь. Второго вызвали на допрос.)

Нач. 1 отд-ния 12 отдела ГУТБ НКВД

Капитан государств. безопасности:

Кунин
(Кунин)

НКВД СССР

ГУГБ

ОТДЕЛ
ОТДЕЛЕНИЕ

0239

СРОЧНО

12-16

СТРОГО СЕКРЕТНО

Контроль лит. "У"

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

„ 5 “ Марта 1938 г.

СМЕТЬ:

Восоль

Бригадир

(У т р о)

(Будякин - Заминский)

12-го отдела ГУГБ НКВД
(АЛЕХИН)

8.00

(Открылась дверь) Проснулись?

2 мужч. Кажется хороший день.

1 " Да?

2 " День кажется хороший. (Встают, одеваются)

8.05

(Молчат, один ходит)

8.10

(Открылась дверь) В уборную.

2 " Мне тоже?

Вошел. Да, пожалуйста. (Ушли в уборную)

8.25

(Вернулись. Один ходит по камере)

(Молчание)

8.27

(Открылась дверь. Принесли чай, пьет)

(Молчание, первый ходит)

8.35

(Открылась дверь)

1 мужч. Можно идти?

Вошел. Да, можно идти. (Дверь закрылась)

(Первого увезли на процесс)

Нач. 1 отделения 12 отдела ГУГБ НКВД
Капитан государственной безопасности:

(Клиш)

9.15

5.м. 1938г.

НКВД СССР

ДОЛОЖЕНО

ГУГБ

СРОЧНО

СТРОГО СЕКРЕТНО

Март 1938 г.

НАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

ОТДЕЛЕНИЕ

0291

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

„ 5 “ Марта 1938 г.

РАТЬ:

Василь

Фигуровичев

Итого отдал ГУГБ НКВД (АЛЕХИН)

/В е ч е р/

22.40

/Первый вернулся с процесса/

- I мужч. Боже мой!
- II " Допрашивали вас сегодня.
- I " Да, допрашивали, стычки порядочные были. Я обвиняюсь в шпионаже, которого я не совершал. Я начал подробно все рассказывать, а председатель суда Ульрих перебывает: "что вы все это рассказываете" и говорит лучше расскажите о своей контрреволюционной деятельности или раз"ясните о.....платформе и несколько раз такие оговорки делал.
- II " Вас весь вечер допрашивали?
- I " Нет, часть Икрамова, а затем меня, но вот мне устроили бучу с свидетелями. Я теперь вижу, что на меня больше всех ожесточились.
- II " Завтра на отдых?
- I " Да. Икрамов рассказывает, что яко-бы его насандалили на вредительство и шпионаж, чего не было. Я был у Икрамова с Сашей, оставался на квартире у него, там как раз была эта тетя Соня. Прокурор задал вопрос: "Расскажите об этом случае о тете Соней. Я говорю, "если вас прокурора интересует эта трепня, то я обязан вам рассказать". Опять спрашивает: "Почему вы встретившись с Икрамовым на его квартире не вели разговоров". Я говорю, по очень простой причине - не-было конспиративных условий, чтобы вести разговор. Потом еще были

штуковины, одним словом я уже позабыл. Я сразу забываю, что говорю, моментально, у меня реакция, как у бешеного слона. Я построил определенный план, но говорил далеко не блестяще

- П мужч. Что же, зам долго дали говорить?
- Г " Представьте себе, меня обвиняют в том, что я хотел убить Ленина.
- П " На чем вы окончили?
- Г " Все про 1918 год.
- П " Что, значит 7 человек будет свидетелей. допрашиваться?
- Г " У меня много и без того дела.
- П " Стычки крупные? Остро ставятся вопросы?
- Г " Насчет убийства Кирова стычка была довольно большая.
- П " Кто вас вызывал?
- Г " Прокурор.
- П " Показывали на вас?
- Г " Да, Ягода, он говорил насчет Рыкова и отчасти меня. Я говорю ничего подобного.
- П " А Ягода подтвердил?
/пауза/.
- Г " Скоро полетит моя голова, на меня народ здорово набросился. Неприятно до черта. Я конечно не сижу мокрой курицей, но хуже всего то, что я сразу раздражаюсь и даю резкие ответы. Но иногда, конечно, мне не дают говорить, смеются иногда надо мной. Но нередко я вижу, что произвожу впечатление.
/Пауза/.
- 22.55 П " Ну как допрос Раковского, хорошо идет?
- Г " Он обвиняет себя в том, что был агентом японской разведки и это рассказывает с пафосом.
- П " Завтра выходной?

- I мужч. Да.
- П " Заседание переносится на 7-е?
- I " Да.
- П " Сегодня целый день не спал. /пауза/. Значит у вас сегодня на процессе стычки были. Следовательно как?
- I " Хорошо.
- П " Главное не отходит от показаний, которые вы уже дали. /пауза/. Вас сегодня наверное трогать не будут?
- I " Да.
- П " Но все-таки, вы ничего выглядите, я думал, что вы будете себя хуже чувствовать.
- I " Вы не знаете моего состояния, я сижу черт знает, в каком положении. Обвиняюсь как контрреволюционер, у меня еще слишком активная натура. Все равно в крематорий отправляться. Да, что я хотел сказать.... выскочило из головы.
- П " Что, используют ваше такое настроение?
- I " Ну конечно, это понятно, обязанность прокурора.

23.00

/Открылась дверь/

- П " Вы не можете принести мне порошков от головной боли, я совсем не могу спать.
- Вошед: Хорошо.
- I мужч. Господи, боже мой, зачем мне еще приносить, я сколько получал, у меня осталось. Еще сколько мне жить 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 - еще девять дней. Скорее бы конец. /пауза/. Мне говорят, что в газетах никакого шума, но напрасно обманывают, я вижу в другом конце зала газету.
- П " Я видел только одну газету, там было одно сообщение.
- I " Скоро в крематорий под барабанный бой поеду. Господи, что Анята бедняжка переживает.
- П " Черт знает, что такое. Два дня уже не сплю, гулять не хожу, я сегодня даже сапог не одевал. У вас сейчас хоть время

заполнено. /пауза/

Что Икрамов все время на вас нападает?

I мужч. Да, все на меня.

П " Целых семь дней будет у вас занято.

23.05 /Открылась дверь/

Вошед. На прогулку пойдете?

I мужч. Нет, благодарю вас, я очень устал.

П " Здорово они нас ~~нападают~~ на вас, больше чем на остальных.

/Пауза/

Зеленского допрашивали?

I " Допрашивали сегодня.

П " Как у него, он все подтвердил?

I " Да, подтвердил. Боже мой!

П " А на все он показывал?

I " Нет.

П " Он троцкист?

I " Считается правым.

П " Действительно он провокатором был?

I " Да провокатором, он еще при царизме провокатором был.

П " Занимал очень видный пост, председатель Центросоюза.
В партии он занимал какое-нибудь место?

I " Ну конечно, член ЦК. Мне досадно, как мне говорят, что он хотел восстановить ^{капитализм} царизм. Я знаю, что Зеленский принимал участие в Октябрьской революции.

П " Он в Москве был?

I " Да.

П " Он еврей?

I " Да.

23.20

- /Открылась дверь, принесли порожки/.

- П мужч. Целую ночь не сплю, сколько было времени когда вы приехали, уже около II часов.
- Г " Да, около II часов.
- П " Там заседание кончается розно в II часов, если даже и не закончены допросы.
- Г " Да, мы становимся в шеренги.
- П " /Смеется/. В зале народ сидит, а вам кричат "выстройтесь в шеренги".
- Г " Не кричат, а говорят.
- П " Выстройтесь в шеренги, а кто первый.
- Г " Я.
- П " /Смеется/. Вы, а кто за вами.
- Г " Не помню, кажется Чернов
- П " А какой это Чернов.
- Г " /Не ответил/
Ягода прямо возмущен. Эти сволочи воображают, что они члены ЦК.
- П " А кто сидит там с папкой.
- Г " Мне кажется никто.
- П " Ягода возмущается, воображают, что они члены ЦК /смеется/. Еще 7 дней. Сегодня допрашивали Зеленского, Ибрамова, Раковского и вас. Фактически осталось еще 6 человек допросить. Ну, дня два-три всего.
- Г " Да что вы.
- П " Конечно по два человека.
- Г " Расчитывают на I4 закончить.
- П " 7-го вас будут весь день держать. 8-го еще 3 человека, 9-го 3 человека, II-го прокурор, I2 задита, I3-го обвинение и I4-го наверное закончится. I2-го наверное выходной.
- Г " Подождите, они наверное хотят, чтобы I2-го числа было больше

- публики, будет речь прокурора.
- П мужч. Много публики будет слушать, но в этом зале не вместится столько.
- И " Вместится несколько сот человек, для Москвы это не имеет значения.
- П " Вас сегодня не особенно допрашивали, только разворачивать стали допрос./Пауза/.
- Шесть человек свидетелей по первому вопросу./Пауза/.
- Вы идете по лестнице пешком или вас поднимают на лифте.
- И " Кто ходит пешком, а кто поднимается на лифте.
- П " С вами сколько человек на лифте едет.
- И " Я еду один.
- П " А в машине, в отдельной кабинке.
- И " Я сижу совершенно один в маленьком отделении, едва можно одному человеку поместиться.
- П " Подходят несколько машин сразу.
- И " 3 машины /Пауза/. Сколько времени у нас уже длится процесс.
- П " 4 дня.
- /Молчат/
- 24.15
- И " Как глупо получается, что яко-бы я приехал в Ташкент и говорю "давайте восстановим капитализм", а Икрамов - "давайте. Глупый разговор.
- П " Вы вообще отрицаете какие-нибудь разговоры с Икрамовым.
- И " Нет, не отрицаю.
- П " У вас была очная ставка с Икрамовым.
- И " Да.
- П " Плохо по русски говорит Икрамов, а Ходжаев.
- И " Ходжаев хорошо.
- П " У вас с Ходжаевым тоже была очная ставка.

- И мужч. Нет./Пауза/. Мне страшно, кажется уже пора идти в крематорий.
- П " Окончится допрос и вы выступите.
- И " А потом я заключительное слово скажу.
- П " Острое.
- И " Я буду признаваться по той же линии, разберу все по ниточке.
/Пауза/.
- 0.25
- П " Ваше последнее слово будет решительным, вы имеете право высказаться, вы можете, как защитник говорить, раз есть защита, я так понимаю.
- И " Ну это бывает после, он потом отвечает.
- П " Он отвечает после.
- И " Тогда я подготовился.
- П " Вы будете здорово защищаться.
- П " По некоторым пунктам конечно./Пауза/.
- П " Эх, как я себя плохо чувствую. /пауза/. Вы конечно не отходите от своих показаний.
- И " Если я от них откажусь, мне дадут большой толчек.
- П " Признаете вообще.
- И " Да. /пауза/. Мне говорят председатель суда, "что это вы ходите вокруг, да около" /пауза/.
- П " Как знакомые ваши, изменились.
- И " Страшно, например свидетель Яковлева, ужасно выглядит, совсем 80-тилетняя, честное слово. /пауза/.
- П " Слушайте, а Емельян Ярославский, как крепкий человек.
- И " Да, довольно крепкий. /пауза/. Господи, боже мой.
- П " А к левым эсерам он имел какое нибудь отношение.
- И " Конечно не имел никакого /пауза/. Одним словом и должен быть в крематории через ²¹ количество дней. Уже жить не хочется. Ничего не хочется знать.

П мужч. Голова болит.

/С п и т/

НАЧАЛЬНИК I ОТДЕЛЕНИЯ 12 ОТДЕЛА ГУМБ НКВД
КАПИТАН ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

Рызьин /ЮИИ/

Запись №

разговоров по объекту

"В-87"

5 " Марта 1938 г.

МАТЬ:

Скобелю

Будни в 10 ч.

12-го отдела ГУГБ НКВД (САДХИИ)

20

(Первый пришел с допроса)

3.20

- П мужч. Долго.
- 1 " Четыре часа.
- П " Вы у следователя были?
- 1 " Н писал, там писать лучше, чем в камере.
(п а у з а)
- П " Шестого будет выходной день и не будет, ^{заседания} и это хорошо.
- П " Как вы думаете, когда закончится?
- 1 " Четырнадцатого.
- П " Почему?
- 1 " Так подсчеты дадут.
- П " 6-го выходной, а 12-го?
- 1 " 12-го не будет выходного. (пауза)
Прямо ж... сверлит.
- П " Геморрой да? (пауза)
- 1 " Вас сегодня бряли?
- П " Брили. (Пауза)
Это что точный срок окончания?
- 1 " Да нет, так сосбранаю, если за три дня допросили
10 человек, то остальные 4 дня, защита 1 день, прокурор,
13 должно закончиться.
- П " Завтра не меньше трех человек пропустят. Остается 7 че-
ловек и свидетели, ну 5,6 человек, значит 13 человек,
это на 4 дня, день прокурор, это вам 5 дней, 1 день з'

итник — это шесть дней и день задержки. Это слово — 7 дней, до 12 числа.

- 1 ирш. А зачине заседание?
- П " Это какой день по судам.
- 1 " Ну, полдня. И считаем, что законным делом день, а посчитали шесть.
- П " Нет, я считал семь. Свидетелей будет очень мало?
- 1 " Студя я знаю, что мало. Считаю 4 дня с допроса, день речь прокурора, день защитника — это 6 дней, день за-
ключительное слово и все. 30 слов, 30 человек.
- П " Ну, по полчаса.
- 1 " Ну да, я надеюсь буду 1 час говорить.
- П " А сколько, что если им будет полчаса 30 минут, по
другие помыслы.
- 1 " Не знаю. Ритор не будет больше меня говорить, Крестин-
ский, Розенгольц тоже.
- П " Розенгольца сегодня допрашивали, а Крестинского когда
будет?
- 1 " Не знаю.
- П " Конечно, можно размазать так, что целый процесс будет
заканчиваться, но если они будут там и там как сейчас,
то должны уложиться.
- 1 " (считает) 20, да 2, да 1 день. Ну, а я считаю 14.
- П " Почему же процессы проходили без перерыва?
(молчат)
- 1 " Что же делать?
- П " Брешу делу. Спасение связи. (пауза)
- 1 " И связь даже не будет. (пауза)
- П " Как может быть?
- П " Почему? Это все возможно.
- 1 " А что еще?
- П " Связи у нас может? Это же все возможно сделать.
(порный жест)

По Ч. 10 * (открылась дверь)

Вошедш. .... (непонятно)

1 мужч. Не поздно? Я знаете в 8 час. выезжаю.

Вошедш. Как в отношении клизмы?

1 мужч. Поздно. Большое спасибо, но я задержался.

Вошедш. Я заходил к вам, вас не было. (уходит)

П мужч. Хотя бы час продержали дверь открытой - просквозило бы.

(м о л ч а н и е)

(с п я т)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУТБ НКВД
Канижан гос. безопасности:

К. Юшин
(Ю ш и н)

НКВД СССР

ГУГБ

ОТДЕЛ

ОТДЕЛЕНИЕ

03/3

СРОЧНО

СРОЧНО-СЕКРЕТНО

Книжка ЛТ. „И“

Запись № *127*

разговоров по объекту „З-С7“

„ 6 “ Марта 1938 г.

Вели

Имя: *Вели*
Фамилия: *Вели*

Из отдела ГУГБ НКВД (АЛЕХИН)

Вели

13.35

- 1 " Вы проснулись?
- 2 " Да.
- 1 " И спал сегодня (пауза). А слышали, что ночью было?
- 2 " Ну?
- 1 " Таких тошнотворных лекарств дали мне.
- 2 " Ну?
- 1 " (Молчанье);
- 13.40 (Открывается и закрывается дверь)
- 2 " Это он приходил?
- 1 " Нет, начальник тюрьмы.
- 2 " Да, вам что-то сказали я помню, я спросил вас, а вы промолчали.
- 1 " Да (пауза). Как вы думаете, сколько сейчас время?
- 2 " По моему 12 часов. Ох, ох, ох.
- 1 " Нет ни одной папироски.
- 2 " Вы вчера не оставляли папирос.
- 1 " Сегодня 2-ое или 3-ое?
- 2 " Нет, сегодня 6-ое число.
- 1 " Так.
- 2 " Какой вы занятый человек, члена не помните.
- 1 " Не говорите глупе. (Молчанье)
- 2 " В целый день сидел без света, без нас бжл. (Пауза)
Николай Иванович, вы писать будете?
- 1 " Да, но не сейчас только.

174
2073

20 2 гитт. Вот вас пораит хорошо, даю бутерброды с икрой, ветчиной
(4.20) и т.п.
1 " Ну.
2 " Себявике дайт, что вы еще хотите (пауза), аистовнички
дайт.
1 " Не дайт.
2 " Как не дайт, вчера давали. Печенье яблочки, яблочки сирне.
1 " Очень мало.
2 " Коллони, кисели.
1 " Этого я не ем.
2 " Просточвану.
1 " А вам дайт?
2 " Нет. (пауза)
25 1 " Мне почему-то спать все время хочется.
2 " Ну спите.
1 " Перелож какой-то пудинг, а потом миксатуру.
2 " Вы очень много курите и ходите, очевидно очень волнуетесь
легки бы лучше.
1 " Мне Юран говорил, что Рыков целые ночи играет в шахматы.
2 " Кто?
1 " Рыков.
2 " Э кем?
1 " Очевидно с кем он сидит с тем и играет.
2 " Вот как.
1 " При чем за каждую выигранную партию окладывают спички.
2 " Может сыграть?
1 " По сути говоря мне нужно готовиться.
2 " Будете еще готовиться, день большой.
1 " Ну давайте (пауза). Вы знаете, мне что-то дайт каксе
здоровсе и я ваздул коммундаис (пауза). Давайте, я давнсе
не играл (пауза).
2 " Как по внешности Рыков спонсеет?
1 " Ничего.
2 " А как все, волнуете да?
1 " Все кончуетея, побесе говору все гласине.
2 " Ужасные все.

Л. Р. М. 177
19.07.57

- 1 муж. Когда я говорил, во вид был у меня ужасный. Ты вот такой
я, черт возьми, понимаете, когда говорю, то очень чувст-
вую себя плохо, некоромо бывает мне. Всегда после выступ-
ления лежал в комнате пластом. Не знаю, как завтра выдер-
жу.
- 2 " Ел чего.
- 16.30 Играет в шахматы.
Что вы курите так много?
- 1 " Курю так.
- 17.25 (Первого вызвали на допрос)

Нач. 1 отд-ния 12 отдела ГУБС НКВД
Министер. государств. безопасности:

Ryzov
(Л. Р. М.)

10.2.31

СРОЧНО

СТРОГО СЕКРЕТНО

Контроль лит. "И"

Запись № *102*

разговоров по объекту "В-87"

« 6 » Марта 1938 г.

Заседу

Франковскому

(Бухарин - Заринский)

10.51
19.51

(Вечер)

1 мужч. Фу мне нужно садиться и готовиться к завтрашнему дню.
Завтра у меня самый трудный день.Ох,ох...

П " Весь день будут вас спрашивать?

1 " Да, весь день.
(Молчание)

1.50 П " Что вы будете делать сейчас?

1 " Нужно все-таки подготовиться.

П " Процесс закончится числа 9-го?

1 " (Молчит)

П " Неужели Вас завтра целый день будут спрашивать?

1 " Что-то мне все хочется спать. (пауза).
Ничего не могу с собой сделать.

П " Я вам говорил, что нужно сделать, - лечь спать.
(Пауза).

П " Вам придется рассказать о всех своих преступлениях.

1 " В том то и дело, что нужно сознаваться о своих преступ-
лениях и давать показания о своих действиях.

(Молчание)

Ой, боже, боже мой!

(Молчание. Читают)

1 " Ну что, интересно?

П " Нет, не особенно.

1 " У него критические статьи интересные. (пауза).
Он был красивый парень.

П. Мужч. Только ему не везло, любил женщин, был влюблен в Антонину, потом он женился на ее сестре, потом еще в кого-то влюбился (пауза). Что вы готовитесь?

1 " Это сложная машина.

П " Что за сложная машина? (Пауза). Расскажите что-нибудь. (Первый молчит).

1 " Достаточный круг у меня обнимает..... работников. Приходилось отвечать на некоторые вопросы, по которым я помню показывал. Когда я просмотрел все, то все это в мою пользу. А вот когда все это прошел, стало много несообразного.

П " Вы это показывали?

1 " Господи, вы опять сначала.

П " Они же писали на основании ваших слов?

1 " На основании моих слов и на основании других слов, получались мои слова, но это неважно, во всяком случае можно все это упорядочить. Хорошо, а вот когда грома фактов с 18 года, за 20 лет!!! У вас дело за период 2 лет, а у меня за 20 лет и у вас касается одного дела, а у меня в 1000 раз больше - это другое. Долго такие дни тянутся, вот сегодня день прошел быстро. А те с такой мучительной медленностью.

П " Уже осталось меньше.

1 " Как меньше?

П " Чем сидели.

1 " 106 дней меньше чем год, это другое дело сидеть.

П " Я опять останусь один на весь день, ох, какая скука! Не разговаривать целый день! Вы совершенно один сидели в тюрьме?

1 " Теперь, в советской?

П " Да.

1 " Я вам рассказывал, что сидел несколько раз по немногу.

П " Пять, шесть дней сидели один?

1 " Сидел один раз.

П " Скучно?

1. мужч. Да. Я сидел, когда мне не давали ничего.
- П " Вам тогда не давали писать? Долго не работали?
- 1 " Да, долго. Пока я не дал показания.
- П " А когда вы стали давать показания?
- 1 " Месяца через три.
- П " (Смеется). Три месяца все-таки много, боролись.
- 1 " Вот теперь мне хочется, чтобы уже скорее смерть наступила.
- П " Спать не время?
- 1 " Я не буду долго спать.
- П " Почему?
- 1 " Буду заниматься.
- П " Заниматься, как сейчас заниматься. Возьмешь дело, а оно из рук валится (пауза). Когда же у меня конец и пропустят меня через эти комиссии. Мне кто-то сказал, что мое дело в комиссии будет.
- 1 " А я подхожу к этой категории или нет?
- П " Там никаких оговорок нет. Были оговорки за исключением террористических дел.
- 1 " Это вы совершенно точно и ясно?
- П " Да, точно. Я вам сказал: 58-1а, 58-4, поражение Красной Армии, 58-8, 58-7, 58-9, 58-11 (пауза). Расскажите что-нибудь Николай Иванович о б.... (первый молчит). Вы все время такой толстый были?
- 1 " Очень худой, с 30-ти лет начал толстеть.
- П " А у меня знаете, долго очень были фурункулы, у меня было малокровие сильное. Их оперируют ведь.
- 1 " Фурункулы бывают диффузные, это когда разбросаны один там, другой там, а бывают карбункулы - это в центре один, а вокруг его еще целое созвездие.
- П " У меня так, выскочат два, я делаю компрессы с перекисью водорода, а потом в другом месте выскочит, беспрерывно
(Молчат)

23.00

- П мужч. / У него оказывается есть "Цыганская венгерка" -
Знаете её!
- 1 " Что там? Я не помню.
- П " (читает вслух). "Три гитары за столом жалобно звене-
ли".....
- 1 " Это я знаю. Вот не помню только (поет).- "Три гитары
под окном....есть известный мотив.
- П " Цыганская?
- 1 " Да.Это был эстет, крупный идеалист, противник прогрессив-
ного лагеря.
- П " Он был славянофил?
- 1 " Нет, не совсем, у него были свои собственные темы.
- П " Он был критик?
- 1 " Да.
- П " А Фет, что из себя представляет?
- 1 " Дать исчерпывающую характеристику?
- П " Он славянофил?
- 1 " Он прежде всего реакционер и страшный черносотенец,
человек крупный и прекрасный лирический поэт. Не мог
терпеть гражданских стихов, писал превосходные лири-
ческие стихи. Тут в самом начале его портрет должен
быть.
- П " Пятидесятые годк. Это сколько ему?
- 1 " Наверно года 33. Пил он запоем и жену научил пить,
она трагически умерла, уснула с папиросой и умерла.
Двое девочек у него. Денег у него совершенно не было,
умер ни с чем, отец у него был помещик.
- П " Что вы курите беспрерывно? У вас еще много папирос
своих.
- 1 " Слава богу скоро кончатся.
- П " Конечно, осталось две папиросы, пихе у вас еще остава-
лись вчерашние. (пауза). Ну расскажите чтонибудь?
- 1 " Что вам рассказать.

- П мужч. Ну из литературы чтонибудь. А то я усну, а вам скучно будет и наверно опять задн... заболит, эти ваши шипки их надо прежде щупать. (смеется). Вспомню я о вас.
- 1 " Вот я скажу вам, как вспомнить всех членов группы "Освобождения труда" - выходит пиз... так: Плеханов, Игнатов, Засулич, Дейч, Аксельрод, - вот эта пятерка и была. (смеется оба).
(пауза)
- П " Чепуха читать этого Спиридовича, я это читал.
- 1 " Да это даже не литературное произведение - это докладная записка для жандармов, последнее руководство.
- П " Сейчас оно находится в библиотеке?
- 1 " Не знаю, для этого есть книгохранилище.
(Пауза)
- П " Я похудел даже по лицу видно.
- 1 " Да, я похудел гораздо больше чем вы, я потерял пуда полтора. У меня живота больше нет. Скорее бы уже конец какойнибудь.
- П " Да, или работать, или освободили бы, я лучше хотел бы, если бы послали работать, чем освободили, а вы думаете что лучше?
- 1 " Что лучше из чего?
- П " Лучше если они направят работать или же освободят и катись на все 4 стороны.
- П " Первое - это большая степень доверия.
- П " Ну пройдет пять лет или сколько там.
- П " Вы говорите совершенно в чистую освободят если? Тогда лучше в чистую. Вас если освободят - то будут использовать по военной линии.
- П " В тыловне.
- П " Или переведут в школу инструкторов.
- П " Я бы поехал инструктором.
- П " Там японцев наши бьют.
- П " Странно. Сотням человек присвоили звание героев Советского

Созда. Написали за выполнение особо важных государственных заданий по укреплению обороноспособности Советского Союза. Мне сказали, что в течение одного дня был налет 35 самолетов. А вы думаете, кто бьет японцев. Помните я вам рассказывал, что несколько пароходов было отправлено с трупами японцев. А их не хоронят?

И мужч. Нет.

П " Почему?

И " Такой патриотический обычай. Я это говорил, что их будут бить, я это предрекал.

П " Наши части имеют большой политический вес для Китая.

И " Несколько месяцев и может случиться, что мы будем хозяевами положения.

П " Это верно.

И " Это зависит от обстановки. Там Манчжурия сорвется.

П " Сама по себе?

И " Да и сама, потому партизанщина.

П " Это дело наших рук.

И " Нет не все дела наших рук, а наши движущая сила.

П " То что Япония вошла в Китай - это большое дело.

И " Тут уже есть стратегическая ошибка.

П " Да, имея Манчжурию, зачем это лезть в Северный Китай?

И " Они боялись, что там будет аккумуляция сил, у них был расчет занять, сделать скопление сил и двинуться на Манчжурию и поэтому они растянули фронт.

П " А международные отношения? Англия, Америка недовольны, что она вошла в Китай, но если мы об'явимся там?

И " Через некоторое время, возможно.

П " Это будет поздно для них.

И " Вот в этом вся история закономерности победы.

П " И дадут нам так укрепиться за это время, тогда Китай будет своего рода как Советская Россия в первые годы революции.

- 1 мужч. Плохо, что там промышленности нет.
- II " Я не понимаю как с Синьцзяном?
- 1 " Чего вы не понимаете?
- II " Мы оказали помощь?
- 1 " Синьцзян в наших руках. Там мелко-буржуазная и революцион-
ные группы, они были против Чан Кай-ши, выражали лояльности.
Потом там были другие группировки, один генерал, я забыл
его, стал вести борьбу с другими, возникла между ними борь-
ба. Как это бывает мы стали на одну сторону, причем там
получилась одна история, один белый офицер стал на нашу
сторону и мы разгромили эти самые силы, помню как-то пред-
ставитель откуда то мне привозил портрет. Потом наши
туда вторгнулись и теперь там уже Советская власть. Это
за Тянь-Шанем. Наши прошли со стороны горного перевала,
может быть они прошли с другой стороны - черт их знает,
сейчас у меня карты нет, я себе не могу представить как
они могли пройти. Они может быть с сибирской стороны шли.
- II " Из Монголии они могут пройти?
- 1 " Через Алтай, Монгольский тракт, кажется через хребты не
могли пройти. Знаете, трудно через такие хребты идти.
- II " Сколько там приблизительно километров?
- 1 " 7.250, вдвое выше Казбека.
- II " Там воздух разреженный?
- 1 " Знаете, когда я с Сашей ходил, я помню раз думал уже, что
Саха погибла. Мы ехали по льду и камешкам, а там хлещут
водопады и крутой под'ем и нужно совсем лечь на лошадь
и помогать ей, так вот и лезешь. А если она не может идти,
слезаешь и идешь впереди её - ведешь, а она копытами по
ногам бьет, наступает. Вдруг я смотрю лошадь у Саши споткну-
лась, ну думаю, пропала, нет ничего, она маленькая, поэтому
лошади легко было. А проводник до такой степени устал, он
ехал впереди я за ним, потом ..... Саша. Мы так устали, я
абсолютно не мог больше двигаться, тут нас сняли с лошадей.
Да, хорошее было время. (Молчат)
- 23.45
4 " Когда я последний раз ездил, то.....

Л. Д. В-87

- П мужч. Еще остались папирсы?
- 1 " Да. А что я начал говорить?
- П " Когда вы были на Памире последний раз.
- 1 " Был такой момент, что я пешком шел и в одном месте скакнул — ничего. А вот в преддущем году, шел без всего с полной уверенностью и понимаете, с таким страшным скрипом получилось.
- П " Начали сдавать.
- 1 " Да.
- П " Меня китайский вопрос больше интересует, чем испанский. По моему Испания большее политическое значение имеет.
- 1 " Я не могу сказать. Испания — это очень серьезное дело. Если я раньше рассуждал с точки зрения прогресса, то теперь на основе военной диспозиции.
- П " Почему?
- 1 " Потому, что из всех видов оружия, современная техника войны, уже выявила наше превосходство.
- П " Дело в том, что нашей авиации там не особенно много.
- 1 " Это понятно, она у нас где-то на другом конце, тогда как Китай под боком, сколько угодно. У нас наши главные силы сосредоточены на китайской территории и на нашем Дальнем Востоке. Если подсчитать количество китайских самолетов названных японцами, то наших меньше чем японских, но военное превосходство в бою уже дало себя знать. Раньше был расчет теоретический, а сейчас практический.
- П " А что представляет собой Формоза?
- 1 " Это есть одна из важнейших авиабаз для всего Тихого Океана. Учтите, что если Формоза была... надо полагать, что в ближайшее время от Формозы ничего не останется. Это деморализация сил, около 200.000, это для победоносной японской армии — основной кол в ж..., которого никто из них не ожидал.
- П " А наше вмешательство... Манчжурин... политически выиграет?
- 1 " Я это плохо знаю, сейчас мы открыто не вмешиваемся. Тут

конечно, японцы знают относительно Фермоу, всякий дурак догадается. Англия и Америка терпят еще наше вмешательство, но уже беспокоятся, они уже не могут не беспокоиться, хотя они еще смотрят сквозь пальцы, но уже проявляют беспокойство.

П мужч.

Как их положение?

1 "

Им выгоднее, чтобы мы стукнули Японию, но чтобы мы не дошли до господства в Китае. Это объективное противоречие.

П "

Каждый дурак поймет:

1 "

Через несколько времени, через год возникнет индийский вопрос.

П "

Там нашего влияния нет?

1 "

Этот вопрос обязательно начнется.

П "

Там освободительное движение давно уже началось, но последнее время заглохло.

1 "

Образуется с течением времени Советский Китай - в Японии настанет революция.

П "

В Японии может быть революция? Там, что уже назрело!

1 "

Безусловно она неизбежна.

П "

Там что, пролетариат настроен революционно?

1 "

Там есть разные прослойки пролетариата, но это все развяжется.

П "

Культурно она отстала, Япония, в широких массах?

1 "

В широких массах - да.

П "

Школы, образование у них поставлено хорошо?

1 "

Хорошо.

П "

Это положительное и отрицательное явление.

1 "

Ведь до поры до времени отрицательное, а потом превращается на положительное. Это дело на Востоке - ясно.

П "

Ближайшие годы должны дать важнейшие события.

1 "

Да.

П "

Там не может быть буферного положения, как в Испании?

221 D-01

- 1 мужч. Не может. Должно быть то или другое. Испания нам помогать — куда-то надо далеко ехать, а здесь все под рукой. В этом великая роль СССР. Ради этого можно умереть как враг народа и все-таки.... молчит.
- П " Меня интересует просто какая ситуация?
- 1 " Очень интересные события. В год еще может и не разрешатся трудно сказать.
- П " Она больше СССР?
- 1 " По количеству народонаселения она больше в несколько раз, а по территории, мы, вероятно, больше. Она была культурной страной, теперь все отстает.
- П " Вот если Советский Китай будет — это такая машина.
- 1 " Вот в этом дело, конечно.
- П " В 38 году события будут крупные.
- 1 " Да это будет конечно.
- П " В смысле войны?
- 1 " Да, пожалуй.
- 24.00 П " (Молчание)
- П " Германия может сейчас воевать?
- 1 " А черт её знает, по моему они раньше должны подумать.
- П " У нас авиация самая сильная в мире, нет такой авиации как у нас. У нас все готово и все на колесах. Наши части полны военной обстановки, армии на Западе и на Востоке. А всякие части находящиеся в Белоруссии, Украине, Закавказье, Д. Востоке, Сибири они все находятся в мобилизованном составе.
- 1 " Да примерно до девяти миллионов.
- П " Да. У нас на Д. Востоке находятся две армии, одна находится в Хабаровске, другая в Чите. Чита представляет очень крупный стратегический пункт. Сейчас они конечно уже ничего не могут сделать. Интересно, я как-то смотрел газету, Америка страшно вооружается. Америка и Англия строят новый флот. По всему видно идет страшная подготовка всех к войне. У нас на Д. Востоке сосредоточена вся военная промышленность. Там имеется нефть?

212 В-97

- 1 мужч. Да, на Камчатке есть и в других местах.
- П " А уголь там имеется?
- 1 " Есть. Потом там выстроена новая дорога. (молчание)
- П " ^{7.3} _{0.05} Формоза - это остров на Тихом океане?
- 1 " Ожнее.
- П " Это японский остров?
- 1 " Нет, они его заняли.
- П " Когда, сейчас?
- 1 " Нет, давно.
- П " А раньше он кому принадлежал?
- 1 " Там было свое население, ему принадлежал одно время Китаю.
- П " Китай не имеет промышленности?
- 1 " Нет имеет, во многих местах горнорудную промышленность, в Северном Китае, в Манчжурии. В Южном Китае железо есть, уголь, он богат ими и железо еще мало эксплуатировалось, а угольный бассейн - гигантский. Вообще богатство колоссальное, только все еще мало разработаны металлы. Потом есть текстильные фабрики, главным образом японские, металлургических заводов немного. Вообще промышленность мало развита.
- П " Промышленность национальная?
- " Нет, главным образом иностранная.
- " Концессионная?
- " Да. Солевая промышленность играла у них крупную роль, потому что это самая крупная из статей государственного бюджета - это был соляной доход.
- П " Китай сам по себе разрознен, там князья и все прочие.
- " Господствующие классы разделены, а когда мы... то они будут представлять единую силу.
- П " В Советском союзе сделать сейчас ничего не могут и нечего бояться ему.
- " Конечно. Уже прошла полоса всяких уступок, вроде КВЖД.
- " В Китае может установиться такая система - народная?
- " Очень возможно.

П мужч. Хорошо. Обычно авиация там вся наша. Начиная от командира дивизии.

(молчание)

1 мужч. Вот как предстоит завтра?

П " Вообще, у вас завтрашний день - это страшный 17 год.

1 " Да и перепалка будет - 6 свидетелей, а я буду говорить всем - нет.

П " Все начинается с этого вопроса?

1 " Это неважно с того или другого.

П " Что завтра закончится и больше вас трогать не будут?

1 " Нет еще будут.

П " Почему?

1 " Там еще есть кое какие дела.

П " Допрос?

1 " Нет не допрос, а вопросы.

П " Все уже прошли, кроме Ягода?

1 " Нет, Ягода, врачи.

П " Это не имеет к вам отношения?

1 " Ягода имеет ко мне отношение.

П " Врачей сколько - 3 ?

1 " Не знаю, я не подсчитывал. (пауза) Ну, кто еще остался не допрошенным?

П " Все политические уже допрошены?

1 " Нет еще не все. (считает допрошенных) Буланов не допрошен.

П " Буланов?

1 " Да, это секретарь Ягоды.

П " Это уже техник, как говорится. Ну, вот остается видный Ягода, там больше политических нет, а там как семечки будут щелкать. Сколько всего? 21 человек?

1 " Да. (молчание)

П " Сколько времени?

ИМ-67

- 1 мужч. Уже начало первого наверное.
- И " Когда вам задают вопросы, вы смотрите в записке?
- 1 " Нет, я не смотрю, а держу.
- 0.30 (Молчание)
- 0.45 1 " И кажется стал жиреть?
- И " Конечно.
- 1 " И очень сильно?
- И " Будьте уверены. А вот как я похудел (пауза).
- 1 " Вот интересно, в крематории сожгут... скажут забавный был, роман хороший написал (смеется).
- И " Если меня освободят, я к вашей жене обязательно зайду.
- 1 " Не зайдете.
- И " Почему не зайду, зайду.
- И " Бояться будете, все же жена Бухарина.
- И " Чего же мне бояться? Я зайду. Меня наверное освободят. Мне сказали, что мое дело идет на особое совещание.
- 1 " Было бы хорошо, если бы вы зашли. Жена испугается.
- И " Да, она мне не поверит.
- 1 " Да, наверно не поверит.
- И " А я могу ей рассказать какую нибудь подробность.
- 1 " Что же вы расскажете?
- И " Я могу рассказать такие подробности, как вы были в тюрьме, письма получали. ^{мужу} Не спасет, все равно. Решит, что был подсажен человек.
- И " Вы мне говорили о своей жене, будто она красавица. Вот я посмотрю ее.

203 "В-87" 164

- 1 мужч. Только вы-то не зайдете, будет: болбля.
- II " Чего мне болбля. А что она очень красивая?
- 1 " Да. Вообще в действительности она в 10 раз красивее, чем на карточке. Очень красива. Вот только у нее стали последнее время волосы падать.
- II " У моей жены тоже выпадают, но это не страшно. У моей же ни выпадали, а потом в 10 раз больше волос выросло.
- 1 " Я люблю, чтобы были длинные волосы, косы, чтобы женщина была женственна. Знаете, я люблю женщин тоненьких, стройненьких, вроде мальчишек, но я не люблю, если они стригут волосы, ведь волосы их очень красят. Правда, иногда бывают красавицы, похожие на мальчишка, но всетаки я предпочитаю женщин с косами.
- II " Вы не заметили, у вас лесна заросла. Красавец мужчина с кудрями. Давайте сыграем в шахматы?
- 1 " Что вы с ума сошли? Чудак-человек. Что они шутки шутить будут. Какие там шахматы, мне готовиться надо.
- II " А хорошо, что нас в банк сегодня сводили. А вы не бритый не етй и не пйтй. Не етй, да? Вас там не забивают?
- 1 " Как не забивают? Забивают. (пауза)
- II " Я не удивляюсь, что на вас очень нападают, они считают, что вы самая главная фигура на процессе и считают также, что процесс происходит ради вас. Если бы вы не были арестованы, то не было бы никаких процессов, вот поэтому и не падает.
- 1 " Да, они так и делают.

С. С. С. 100
"В-67"

- 2 мужч. Иначе нельзя. Они должны скомпрометировать вас так, что бы все почувствовали. Ради этого весь процесс.
- 1 " Да, процесс ради меня и Рыкова.
- П " А что Рыкова тоже топят?
- 1 " Его топят не так, как меня (пауза). Меня могут всетаки трахнуть. Могут сказать: как такого сукина сына не расстрелять?!
- П " Как, в газетах компания большая?
- 1 " Громадная.
- П " Вы что видели?
- 1 " Да, вся газета заполнена. Я издали рассмотрел, я далеко вижу, старая охотничья прищечка.
- П " Почему же вы не врун, все охотники вруны. (пауза) А потом я слезал, есть одна статья Кольцова. Я ее не видел, но она видно громовая. Вы Кольцова знаете?
- 1 " Как-же, я его в леги выводил.
- П " Что он способный?
- 1 " Да.
- П " Кто вас в "Известиях" заместил?
- 1 " Таль. Он тоже арестовал. Он у меня заместителем сначала был.
- П " Как-же он был заместителем?
- 1 " Когда ко мне недоверие сделалось, его сделали моим заместителем, он мне всякие пакости учинял.
- П " А именно?
- 1 " Всякие.
- П " А в "Правде" кто был?
- 1 " Мехлис, он теперь нач. ПУР, а.

103
Д. В. С.

П мужч. Он был военным?

1 " Да, в свое время, во время гражданской войны. (пауза)
Ох, как я переживу завтрашний день.

П " А что?

1 " Так, думаю о нем с ужасом.

П " Вы боитесь?

1 " Нет, я ничего не боюсь, чего мне бояться, но просто
страшно неприятно, ведь 5 свидетелей. (пауза) Знаете,
иногда ..... там свербит. Хотя у вас крайняя плоть об-
резана, а тело чисте.

П " Ну это дело поправимое. Вот с моим сыном такое дело бы-
ло. Когда ему было 10 месяцев, у него началось нагное-
ние в мешочке и врач настаивал сделать операцию:

1 " И пришлось сделать срис?

П " Нет, но...

1 " Ну и сделали бы.

П " Я сказал: подождем еще немного. Давайте лучше лечить.
Потом врач сделал диагноз, что это всегда так бывает у
людей, у которых не происходит обрезания, а мы сыну не
сделали.

1 " Глупо это.

П " А я своему сыну не сделал обрезание и поэтому получилась
такая история. Вы детей любите?

1 " И вообще не семейный человек, только здесь я⁰ник вспоминал
а в домашней обстановке я почти не бывал.

П " А я люблю детей, прямо обожаю, особенно когда им так
месяцев 6-7, эти ребята очень интересные.

УДБ В-87"

- 1 мужч. Вы как думаете, сейчас еще нет часа?
- 2 " Есть, уже больше часа. Знаете, если бы меня сейчас выпустили, я бы устроился работать заново и взял бы на воспитание мальчика или девочку. Если нас помилуют, то сослать в глухую местность, куданибудь вроде Алтая или еще гденибудь там. Вы скажите, что не хотите сидеть здесь в глуши и предложите свои писательские услуги.
- 1 " Нет. Все эти края для оголтелых преступников, для уголовников, рецидивистов, неисправных.
- 2 " Мне кажется, что вас в лагеря не пошлют.
- 1 " А что же сделают?
- 2 " Вот вас поселят гденибудь под надзором. Придется вам там безвыездно находиться, доплатят известную сумму жалованья, семью придется забрать, мне кажется, что это в обязательном порядке, семью забирать.
- 1 " Почему семью?
- 2 " Это мое собственное предположение. Расскажите чтонибудь. Вот, например, есть такой писатель Ставский, он как будто председатель ассоциации советских писателей?
- 1 " Ну, Ставский, это не особо хороший писатель. Я лучше Ставского пишу.
- 2 " (смеется)
- 1 " Что вы хихикаете?

168
L.M.

2 мужч. Это я просто так. Вы на самом деле лучше пишете чем Алексей Толстой, чем Полохов. У вас легче читать, Вы лучше пишете чем Гончаров, чем Писемский.

1 " Разве я пишу также хорошо, как Алексей Толстой? Да бросьте вы, это уж ваши выдумки.

II " А что вы думаете, у вас очень хорошо получается, очень хорошо. Вообще вас не знают как писателя. Вот если ваша книга выйдет, то тогда посмотрите. Вообще я ценитель неважный, но всетаки могу отличать хорошее от плохого. У нас есть по существу 2 писателя: Полохов и Алексей Толстой, а вы пишете лучше их и даже лучше Писемского. У вас хорошее изложение, хороший язык и эрудиция. У вас язык богатый, книги ваши легко читаются, нет тяжелых выражений.

1 " Господь, что я делаю, я не готовлюсь к завтрашнему дню. (подходит к столу) Хлеб у нас 3-х сортов. А где моя колбаса (ищет у II.)

II " У меня нет колбасы.

1 " А что у вас есть!?

- П мужч. Ничего нет.
- 1 " Что же это вы так обеднели?
- П " Вы значит не ели нашу колбасу? Интересно, куда она девалась, я ее не трогал, ваше масло я действительно съел, но я у вас спросил об этом.
- 1 " Ну как вам не совестно.
- П " Неужели вы есть хотите? Вы же ужинали.
- 1 " Что я ужинал?
- П " Как же, котлетку с картошкой, потом кампот, после этого опять ели и еще удивляетесь, что вы толстеете. Конечно вы будете толстеть.
- 1 " А вы знаете, что толстеет от еды?
- П " Конечно, от чего же еще.
- 1 " Еще хочу хлеба. (пьет чай)
- П " Я спать хочу. Вы готовьтесь, читайте. Мне жестко спать. Действительно, если бы девочка была, я бы подложил ее под себя. Слушайте, женщина чувствует тяжесть, когда ляжешь на ней?
- 1 " Мне это в голову не приходило.
- П " Так вот, имейте ввиду, вы всем корпусом на женщине не лежите, вы как бы частью своего тела находитесь на воздухе.
- 1 " Откуда вы знаете, как я ложусь?
- П " Вы мельницу никогда не устраивали? Бабу на х.й одеваете и вертите.
- 1 " Нет, не делал, мне так не требовалось. (вздыхает) Господи, что же будет.
- П " Что будет? Ничего. Вы защитительную речь приготовьте. (пауза) Расскажите чтонибудь. Расскажите какойнибудь эпизод, как вы девочек любили, а то я засну.
- 1 " Подождите, я час поработаю, потом чтонибудь расскажу.
- П " За это время я засну. Вы же на днях поработали целых 8 часов. (пауза) Давайте в шахматы сыграем. (пауза) У вас дочь есть?
- 1 " Есть.

П мужч. Взрослая?

1 " Взрослая.

Сейчас вы будете спать?

П " А что?

1 " У меня есть интересная вещь для вас.

П " А что именно?

1 " Шахматы.

П " А вы что, хотите играть в шахматы? Давайте сыграем. Вы, что не хотите сегодня, совершенно спать?

1 " Нет.

П " Ну, да, вы хотите больше устать к процессу. (смеется) Николай Иванович, попробуйте меня нарисовать в таком положении, посмотрите сюда.

1 " Рисовать? Что вы, для этого нет время.

П " У вас как раз такой карандашик, им очень хорошо рисовать. (пауза) Снимите одеяло.

1 " Для чего?

П " Так. Оно мешает.

(1 садится писать, П спит)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУТБ НКВД
Капитан госуdarств.безопасности:

(подпись)
(ИЛИН)

МВД СССР
Г. У Г Б
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ
ОТДЕЛЕНИЕ
№ 33

СРОЧНО

СТРОГО СЕКРЕТНО
Контроль лит. „И“

Запись №
разговоров по объекту "Б-87"

7 " Марта 1938 г.

Бухарин
Думовская
Т. У. А. С. А. Г. У. Г. Б. К. В. А.
6.40
7.15

(У Т Р О)

(Бухарин - Зарницкий)

Зарницкий вздыхает.

Открылась дверь, проснулись.

Зарницкий. Подсудимый Бухарин, вы спите? А то надо ехать работать, трудиться (пауза). Подсудимый Бухарин, вы продолжайте ваши показания.

- 1 " (молчит)
- 2 " Подсудимый Бухарин, поднимитесь (пауза). Вы долго не спали?
- 1 " Долго.
- 2 " А я уснул.
- 1 " Бессонница.
- 2 " А вы подкрепитесь.
- 1 " Нет, надо одеваться.
- 2 " Еще успеете, пока он еще скажет:пригостовьтесь.
- 1 " Иногда они говорят так, что ...(не кончает сразу)
- 2 " Еще нет 8 часов, а они в 9 (пауза), есть такая песенка народная: "Я страдала, страдала..."
- 1 " "Через речку сиганула".
- 2 " Подкрепитесь. Слушайте.
- 1 " А я подкрепился, я не дрожу за свой живот, как вы все говорите.

- 2 мужч. Ну так вот, а одеться вы еще успеете. Подкрепите свое пошатнувшееся здоровье.
- 1 " Ох-охо-хо-хо. А вы что?
- 2 " И не хочу есть. Я вам сказал, что я 2 раза в день ем, у меня нет никаких потребностей сейчас.
- 1 " Да, только когда едите, то дрожит земля от движения ваших скул.
- 2 " Я не знаю кто из нас больше ест.
- 1 " Я ем когда хочу, а вы из-за красоты живота.
- 2 " Я не отрицаю того, что я держу себя в рамках, чтобы не растолстеть. Крутлые сутки лежать без движения и есть без разбора, конечно, можно превратиться в тушу. Что вы манете руками?
- 1 " А чем еще, ногами?
- 2 " Вы х... помашите. Я скоро уснул, когда мы с вами говорили? Не заметили?
- 1 " Сразу. А я уже давно не сплю.
- 735 (Открылась дверь, принесли чай.)
- Значит мне там можно подкрепиться.
- 2 " Здесь подкрепитесь.
- 1 " Зачем же.
- 2 " Как вы уедете, так я на боковую спать. Сыграем партию в шахматы?
- 1 " Да что вы! (пауза) Ужасная вонь!
- 2 " Да ужасно, ссаками.
- 1 " Вы ночью ссали?
- 2 " Нет.
- 1 " Видно рахье, у вас моча какая-то тухлая.
- 2 " Почему?
- 1 " Вы смотрите, чтобы у вас не цистата.
- 2 " Что это значит?

17/6
22/7

1 мужч. Болезнь мочевого пузыря.

2 " Нет, у меня камни в почках. Я страдаю ужасно. Я сегодня действительно ужаснулся, когда посмотрел на мочу, с кровью (пауза). А вы 3 с половиной месяца сидите и не знаете, может сифилис или триппер.

0 740 (Открылась дверь)

Вошел. Вас в парикмахерскую.

1 мужч. Хорошо (ушел)

748 (Открылась дверь, первый пришел)

2 " Ну вы блестяте, право помолодели, похожи на молодого человека. Сыграем в шахматы?

1 " Да что вы! (пауза) Вы просите, чтобы вам дали что либо из порошков, чтобы мочу какую не делать. (Спросите у доктора, чтобы сделал анализ мочи.)

2 " Я знаю, что анализ покажет белки, песок.

1 " Песок ничего, а дело не в песке.

2 " А что может быть?

1 " Мало ли что может быть. Белки, кровь, разве можно с такой мочей жить.

2 " Да у меня все время такая, почему я вам и говорил.

1 " Так нельзя.

2 " Да что-ж я могу сделать? Вы не верите, что я больной человек.

1 " Нет, вы говорили об этом хохоча до ушей, что вы здоровый человек.

2 " Но и не плакать же мне все время, бывает же и у вас такие минуты, вы тоже шутите. Вот сейчас вы тоже цветущий (пауза)

1 " Я долго читал, писал, очень долго.

177
228-87"

2 мужч. По моему, вы эту свою палку протудировали наизусть. Последний сегодня день, вы ее думаете сдать (смеется), она вам больше не нужна. Конечно, последние дни муки вашей. В своей защитительной речи вы как будете обращаться: граждане судьи, или товарищи судьи. Обстановка натянутая или демократическая?

1 " Мало демократическая.

2 " Меня интересует, бывает шум, смех?

1 " Бывает, но редко.

2 " Это бывает, когда бывает неоткровенный ответ (пауза). Когда его ... посадили в галюшу не было смеха?

1 " Ну, что вы.

2 " А прокурор начал его витаскивать, спасать?

1 " Да.

2 " Роль прокурора довольно незавидная.

1 " Это минутное дело, не обязательно, кто заметит.

2 " Что следователь по этому поводу говорит?

1 " Ничего.

0 8.00 2 " Вот уже машина (пауза)

1 " Ужасно воняет от парами.

2 " Вам ее терпеть осталось недолго.

1 " Вонь меня мало трогает, но вы делаете плохо, что не лечитесь.

2 " Да я не ссал ночью!

1 " Значит у вас происходит разложение ночи еще ночью. Вам надо все время промывать особенно.

2 " Я знаю.

1 " Нет, это надо делать систематически. Вам надо кофе пить.

2 " Мне отказали.

1 " Почему? Попросите еще, попросите еще молока.

178
"1-87"

- 2 мужч. Так я вот и пью кислое.
- 1 " Кислое нельзя пить, потому что оно вызывает брожение. Квас, пиво - ничего нельзя.
- 2 " Я знаю, я и так очень ограниченное количество ем. Сбеды мои такие, что способствует не раздражению, а наоборот. Почему я так сегодня обратил внимание, раньше как-будто не так было. Я чувствую, что у меня почки, ноги опухают - это нервный признак.

8.10

(Открылась дверь)

Вояедд. На прогулку пойдете?

1 мужч. Нет, спасибо.

8.25

(Открылась дверь)

Вояедд. Приготовьтесь.

1 мужч. Уже, готов.

2 " Я через полчаса буду здесь, Вы не скучайте (смеется) Вы знаете как говорят по французски ..... (говорит) Знаете что это значит?

1 " Да.

2 " Что? (или не бейте)

1 " Не будьте х...

2 " Откуда Вы знаете? Похоже на немецкое.

1 " Да. (ходит по камере)

2 " Я следом за Вами пойду - может выпустят меня. Что значит приконсоль?

1 " .... (неразборчиво)

2 " Ну аптресоли.

1 " Наверху.

2 " Сейчас Вас поведут. Я скучаю целый день, приезжайте поскорее.

1 " Хорошо.

210
"В-37"
LAW

10
1"

2 мужч. Я Вам могу сейчас точно сказать начало того процесса. 23 января это было - я уезжал в отпуск. Кончился 29-30 6-7 дней.

1 " А этому нет конца и края.

2 " Ну как, я Вам точно могу сказать: он закончится 13 числа. Точно. Могу с Вами пари держать. 10-го вечером прокурор, 11-го защита. Это заседание на один час (считает) 7-го, 9-го, 10-го, прокурора речь, 11-го защита, 12-го обвиняемые, 13 - приговор. Это точно как в аптеке. Я не знаю почему Вы считали 14-е, из каких соображений. Учитывая, что накануне выходного пропустили всех этих - Зеленского, Икрамова, все частично значит .... Когда начнется допрос этих врачей, там ни какой политики нет. Вы к врачам никакого отношения не имеете?

1 " Нет.

2 " Ну хоть будете спокойно сидеть (пауза). Расскажите чтонибудь. Я не возражаю в отношении Вашего отъезда, если на место Вас девочку какуюнибудь ....

1 " У Вас ....

2 " Почему, наоборот. Вы полагаете, что я не могу иметь сношения с женщиной может быть?

1 " Нет. Этого не может быть.

2 " Почему Вы не доктор, вернее почему Вы не врач? Вы имеете звание доктора науки?

1 " Имею.

2 " Доктора философии?

1 " (отвечает не по-русски)

2 " Что это значит?

1 " Ну вот, сегодня уже 7-е.

2 " Завтра будет 8-е, между прочим, если Вы интересуетесь, что послезавтра я могу сказать (пауза): Ну вот Вы идете или не идете? Одевайтесь с вещами. Вы меня уже не

130
[Handwritten signature]

застанете, скучать будете на мной.

1 мужч. Не за мной, а обо мне.

II " Вы обо мне скучать будете?

1 " Буду.

2 " Смотрите, мы с Вами все-таки не ругались.

8.40 Открылась дверь.

Первого увезли на процесс.

Нач. 1 отделения 12 Отдела ГУГБ НКВД,
Капитан государственной безопасности

[Handwritten signature]
(Юшин)

15 м.

104.15 ш.

7 марта 1938 г.

7 марта 1938 г.

МВД СССР
ГУГБ
НАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
ОТДЕЛЕНИЕ
0380

151
СРОЧНО

СТРОГО СЕКРЕТНО

Контроль лит. „Н“

Запись №
разговоров по объекту

„ 7-8“ Марта 1938 г.

Сектору
Д. С. Алексин
отдела ГУГБ НКВД
АЛЕХИН

(Вечер 8 часов)
(Карелин - Алексин)

- Первый пришел с процесса)
22.05
- I мужч. Вы знаете? Только что кончилось, весь день шел допрос.
II " С свидетелями?
I " Да, пять человек свидетелей.
II " Теперь закончилось?
I " Да, перепалка у меня большая была, я не по всем пунктам согласен. (Пауза)
Все время чувствуешь себя напряженным. Я спрашивал хорошо ли идет? Говорят - хорошо.
II " Уже все закончили?
I " Нет, еще будут по Горькому спрашивать, да еще будет небольшой разговор, если мне придется жить.
II " Ну, как следовательно?
I " Да ничего, Карелина вызвали и спрашивают меня, вы узнаете этого человека? Я говорю, - видел на очной ставке. Это тот самый? - Я опять говорю - да, это я думаю, что Карелин. А они говорят - отвечайте прямо на вопрос. А потом, значит, вызвали еще свидетелей, но они не ожидали одного трюка, я задавал свидетелям вопросы, 14 вопросов. Между прочим, такой задал вопрос Яковлевой, известно ли ей, что левые коммунисты насчитывают в своих рядах Куйбышева, Емельяна Ярославского, очень крупных людей по своему политическому весу. Мне говорят, что это к делу не относится. Была большая перепалка с прокурором и председателем суда. Я все строю в особо-специ-

ческом смысле, но отвечать на вопросы не даю.
Одна асерка показала, что решение убить Ленина исходило из центра. Я до сих пор прошу председателя суда раз'яснить мне имеет ли право подсудимый задавать вопросы, которые он хочет привести в свою защиту или их намечает прокурор?

- П мужч.   Что они вам ответили?
- 1   "   Дали прочесть кодекс законов, где говорится, что вести собрание может только председательствующий. Смешались несколько.
- П   "   Ну, как держался Осинский?
- 1   "   Исключительный мерзавец, я в заключительном слове так его отделаю, что если останется жить 30 лет будет помнить.
- П   "   Свидетелей ввели всех сразу?
- 1   "   Нет, входили по одному, потом все остались. Выходит так, что о руководстве левых усеров знал только Карелин, и тут же прокурором ставится вопрос, - а может быть вы не знали, потому что с ним не разговаривали? Об'ясните тогда свидетель Комков, что вы знали об общей установке согласно показания Карелина.
- П   "   Все время такая перепалка не очень хорошо.
- 1   "   Нет, очень хорошо.
- П   "   Целый день все говорили?
- 1   "   Целый день, очень устал, едва ходил.
- П   "   Ну, а общее впечатление какое?
- 1   "   Общее впечатление такое, что идет процесс, защита есть, подсудимые не считают себя замученными ГПУ и не боятся говорить. Вот смысл какой.
- П   "   Ну привлекали кого-нибудь?
- 1   "   Привлекали Рыкова, но все смотрели на меня.
- П   "   С свидетелями была сильная перепалка?
- 1   "   У меня все время была перепалка с судьями, прокурором и свидетелями.

- П мужч. Почему с судьями?
- 1 " По поводу раз'яснения. Я все время требовал раз'яснения.
- П " Ну, как показания шли?
- 1 " Я же вам сказал, что в начале суда я заявил, что признаю себя виновным, но в определенных рамках.
- П " Продолжительно было предварительное следствие, после вашего допроса начался допрос свидетелей?
- 1 " С вечернего заседания свидетели Яковлева, Манцев, Осинский и двое левых эсеров.
- П " Как Осинский крепкий?
- 1 " Да, себя выгораживал - "я только литератор" и т.д. Я начал ему иначе задавать вопросы, которые он и не понял - где вы были, т.Осинский, перед Октябрьским восстанием? А он говорит в Москве. А где вы были во время самого восстания? Он был на Украине из-за чего-то удрал. Я сказал, что это я точно знаю. Он мне ответил, не помню как, но во всяком случае очень грубо. Я отлично сознаю, что мне осталось мало жить, но меня ведь слушают, как я говорю, со скамьи подсудимых.
- П " Я не знаю, какой вам смысл вдаваться в эти вопросы, хотя бы насчет Осинского?
- 1 " Это гвоздь сезона. Барелин, Осинский, говорят косвенно. Потом мне говорить не дали.
- П " Это все не делает вам чести.
- 1 " Нет, это с точки зрения процесса правильно. Вот что-то и хорошо, я спрашивал какое впечатление, говорят хорошо.
- П " Что это сегодня?
- 1 " Сегодня, Ну что я глупый что ли?
- П " Я не считаю вас глупым.
- 1 " На процессе иностранная буржуазная печать, не нужно им давать никакого повода, трепаться. Для меня нужна известная полемика - спор.
- П " Вы говорите до сих пор, что хотите установить опре-

- деленное положение для себя на суде
- I мужч.   Надо использовать все средства для своей защиты, надо защищаться хорошо, никто не поверит, что я - Бухарин, по своей профессии известный чуть-ли не всему миру, буду говорить: "да, да, конечно". Скажут, что я не стал соображать. Нужно использовать все концепции, которые могут быть для своей защиты.
- II "   На ваши вопросы свидетели отвечали?
- I "   Они просто не понимали, как я хочу построить все дело. Да, защита была нужна, центр находился в Москве и я защищаюсь, что хотел убить Ильича, факту же известный, а тем более НКВД.
- II "   Вы сейчас стоите не перед НКВД, а перед Советским обществом.
- I "   Это самое лучшее. Может быть где-нибудь я совершил некоторые перерывы, но я не выходил из границ.
- II "   Значит завтра начнется допрос врачей, кто идет первым?
- I "   Не знаю, я не интересуюсь.
- II "   А не Ягода?
- I "   Может быть и Ягода, черт их знает.
(пауза)
Вы подумайте, сколько я перетерпел, пережил за это время.
- II "   У вас волосы даже не те, честное слово. Я ожидал, что вы придете в более плохом виде.
- I "   Возбужденное состояние еще не прошло, вы понимаете, что мне нужно очень быстро соображать.
- II "   Вы говорили все то, что писали ночью?
- I "   Конечно, я вам задавал вопрос.
- II "   О блоке левых коммунистов, там о покушении на Ленина.

1 мужч. Это я отрицаю, буду защищаться всеми средствами, которые есть у меня в распоряжении. Конечно, я не вдаюсь в подробности. Я им не рассказал, что жил с Яшкой Свердловны на одной квартире, чуть ли не спали на одной постели, большие были приятели.

(пауза)

II " Сейчас уже поздно.

1 " Да, я иду когда меня вызовут.

II " Теперь уже спокойнее.

1 " Что вы, мне еще предстоит выступать с заключительной речью. Я меньше часика не буду говорить. У меня какое-то охлаждение. Я сделал себе все выписки, разметил по пунктам шпионаж и другое. Мне легко было говорить, сделал закладки, можно сразу открыть и говорить. Да при быстрой перемене вопросов я не терялся. Откуда, что у меня все берется, такая уж ораторская природа. Я даже забываю, что мне осталось несколько дней жить.

(пауза)

Ну, конечно, печать, наверное, отметила, что шпион. Бухарин и все такое. Я это знаю, я не выступаю грубо и знаю как себя держать. Главное я буду по трем линиям нажимать: 1) Я буду защищаться в силу тех показаний, которые я уже дал; 2) Я буду все делать в такой форме, чтобы не компрометировать суд; 3) Безусловно, я делаю это все, не для кого-нибудь, а для Советского союза.

(Пауза)

Не говорите, что я все делаю иначе. У меня было только два перерыва и то самые невинные, можно было сказать, что человек просто трусит. Собственно говоря, первая часть самая острая. С полемикой очень остро. Вторая часть - это ехать в горы на тормозах и третья часть является позицией активной обороны.

II " Ничего впечатление.

1 " Да, так ничего.

II " Вы еще держитесь?

1 мужч. Я слышал некоторые неясности, может быть так, может быть нет. Не может быть, чтобы меня нарочно разыгрывали, когда я делаю перерывы, я слышу — вот так должен вести себя Бухарин. Никто так не удержался.

П " А Рыков?

1 " У Рыкова были некоторые моменты защиты.

П " А Раковский?

1 " Он очень хорошо. Некоторые со стороны подсудимых бросали на меня взоры например Розенгольд, взор завистливого удивления. Ну, для этого надо иметь данные, а иначе его сделали бы смешным.

П " Прокурор как?

1 " Мне кажется, что он немножко обижается.

П " С чего сегодня начался допрос?

1 " Я начал продолжать свои показания.

П " Вам дали возможность говорить?

1 " Да, я уже говорил, что был хорошо подготовлен, все разграфлено, открываю и сразу все вижу. Да еще конспект был: Материалы я знал блестяще.

(пауза)

Теперь остается еще сказать. Прости, прощай, дорогая Анюта.

Я сейчас напишу начальнику письмо насчет ч.... еще раз напомни, он не позабудет.

(пауза)

Я уж не знаю, сколько сейчас времени.

П " Давайте сейчас в шахматы сыграем.

1 " Я не против того.

П " Вы отдохнете.

1 " Боже, до чего я измучен.

П " Но вот сейчас отдохнете, если завтра не будут допрашивать.

1 " У меня есть одно показание.

- II мужч. Это тогда, когда Ягоду будут допрашивать.
- 1 " Ягода там показывал. Я вообще говорил, что если будут неожиданные показания, я попрошу раз'яснения
- II " Ох какая скука. Я сегодня без вас целый день спал.
- 1 " Хорошо.
- II " Но я ночью не буду спать.
- 1 " Сегодня какое число?
- II " Уже седьмое.
- 1 " По моим соображениям скоро будут расстреливать?
- II " В некоторых случаях будет применена амнистия, я так думаю.
- 1 " Это может быть формально, а скажут в подвал пожалуй-ста. Честное слово.

II " Какой человек захочет умирать.
(играет в шахматы)

1.24.00 II " Ну, не хотите больше играть?

1 " Я просто плакать хочу, знаете очень тяжело остатки дней доживать.

(пауза)

Господи, как голова болит.

(продолжает играть)

1.00 (Открылась дверь)

Мужч. Может быть на прогулку пойдете?

1 мужч. Нет, я очень устал, благодарю вас. Я не раздевался меня должны вызвать на допрос.

Мужч. Хорошо. (вышел)

1 мужч. Вы знаете, что я сегодня очень плохо соображаю.

1.40 (Открылась дверь. Первый ушел на допрос)

2.30 (Первый вернулся с допроса)

II мужч. Сколько сейчас времени?

1 " 3 часа. (Пауза)

- 1 мужч. Благодарю вас, я не хочу. (
 Он говорит, да, день сегодня тяжелый был, считаю, что
 все прошло хорошо. Я себя очень неуверенно чувствовал.
 П " Ну что же ваш следователь?
 1 " Мой следователь очень осторожный человек, я ему гово-
 рю, что себя неуверенно чувствовал, - он смеется.
 (пауза)
 Мне сегодня Вишинский сказал "Бухарин, есть разница
 между прокурором и вами, судом руковожу я, а не вы."
 П " Суд будет продолжаться пару дней.
 1 " Да что вы с ума сошли, там еще много осталось, 5 че-
 ловек, а заключительное заседание.
 П " 14 числа, 12-го будет перерыв?
 1 " Да.
 П " Какой смысл так затягивать?
 1 " Он меня упрекнул, что я так уверенно говорю, что мне
 осталось немного жить. Зачем вы это сказали. Потом
 говорил, что я очень солидно выступал.
 (играют в шахматы)

(Открылась дверь)

- 3.10 Мужч. Вы почему не спите?
 1 мужч. Не хочется спать.
 Мужч. Примите что-нибудь.
 1 мужч. Я уж сегодня много принимал бром и другое, так, что
 я боюсь.
 Мужч. Спите, а то завтра трудно будет сидеть.
 1 мужч. Мы еще немножко поиграем.
 (играют в шахматы)

- 3.30 1 " Сколько сейчас времени? Уже 4 часа? Знаете вы, кто
 это был парень?
 П " Вы же говорили, что это доктор.
 1 " Не знаю.
 П " Теперь уж вам делать нечего.

- I мужч. Честное слово, я не пойму ничего.
- II " Осталось 7 человек. всего на два дня. Ягода много займет.
- I " Да, наверно порядочно.
- II " Закрытое заседание сколько может продолжаться?
- I " Дня 4.
- II " Сколько же останется, Плетнев, Казаков, Кречков, Максимов, Диковский, Буланов какой-то. Всех 7 человек. Я считаю на два дня. Потом еще будет закрытое заседание, речь прокурора, речь защитника и последнее слово обвиняемых. Ну, еще немного осталось, не больше 6 дней мучиться.

(пауза)

Вы пришли в 3?

I " Да.

(С п я т)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУГБ НКВД
Капитан гос. безопасности:

(Ю ш и н)

НКВД СССР

ГУГБ

СРОЧНО

СТРОГО СЕКРЕТНО

Контроль лит. „И“

НАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

ОТДЕЛЕНИЕ

10391

Запись № *ЛММ*

разговоров по объекту *ТВ-87*

8 " Марта 1938 г.

Имя:

Скобов

Фриновский

10 отдела ГУГБ НКВД
(АЛЕХИН)

830 I мужч.

Ой-ой-ой! Я только что проснулся.

II "

А я лежал. Я такую заразу употребил, что никогда в жизни не пользовался.

I "

Как я спать хочу. Вы уснули сразу и крепко спали.

854

(Вошел вахтер)

Вошедш.

Одевайтесь.

I мужч:

Хорошо. (пауза)
Поехали на бой. (ходит)

II "

Дали бы вам портфель какой-нибудь таскать эти бумаги.

I "

(молчит)

II "

Вас утром всех сразу выпускают?

I "

(молчит)

855

(Первого увезли на процесс)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУГБ НКВД
Капитан гос. безопасности:

Юшин
(Юшин)

92.21 д.

8.11.38 г.

НКВД СССР

ГУГБ

СИДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
ОТДЕЛЕНИЕ

104321

СРОЧНО

191

12-16
СТРОГО СЕКРЕТНО
Контроль лит. и т.п.

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

„ 8 “ Марта 1938 г.

(Бухарин - Заринский)

Слово

Фановская

отдела ГУГБ НКВД
(АЛЕХИН)

/ В е ч е р /

2.05

22.05

/Открылась дверь. Привели с процессё/

- П мужч. Ну как у нас.
- И " Ой, господи.
- П " Воздух как у нас.
- И " Да, ничего.
- П " Вы сегодня такие устали.
- И " Ужасно, ужасно. Допрашивали докторов и Ягоду.
- П " Сколько человек. А Ягоду кончили сегодня допрашивать.
- И " Кончили, но еще будут в закрытом заседании.
- П " Кто еще остался.
- И " Да еще есть Казаков. Ягода, между прочим, в случае успеха переворота, он был бы председателем СНК, а Рыков и я его секретари.
- П " Кого еще допрашивали, Левина допрашивали.
- И " Да.
- П " Плетнева тоже.
- И " Да.
- П " А Буланова.
- И " Да.
- П " Крючкова.
- И " Нет.

- П мужч. Максимова.
- И " Нет.
- П " Осталось значит три человека.
- И " Сегодня мне тяжело было, тяжелее чем вчера, потому, что я пассивно сижу, отвлекаюсь, устаю и меня редко вызывали.
- П " Вас касалось многое.
- И " Да, нет немного, но порядочно.
- П " Значит он председатель.
- И " Да, это Буланов говорит.
- П " А он подтверждает.
- И " Ничего подобного.
- П " Буланов хорошо говорит.
- И " Да, нет, они все подчитывали по бумажкам.
- П " А Левин, врач, как.
- И " Он говорил без бумажки.
- П " Как он говорил.
- И " Да он говорил, что он трус и преступник и проч. Вообще как-то не вяжется все, я точно проглотил говна, от которого тошнит.
- П " Вы не видели Вашего следователя.
- И " Нет.
- П " Что же вы не попросили, чтобы он вас вызвал.
/пауза/
- И " .....я боялся его сбить и тем испортить процесс, но я мог бы его забить, и то что я отвоевываю для себя, для них это ничего, а так хотелось его сбить, но я боялся испортить общее дело. Он сказал, насчет массового выступления, " вот эти болтуны говорили".
- П " Он так и говорил: " вот эти болтуны" /смеется/. Вот потеха. А голос у него есть говорить.

- I мужч. Нет, у него страшно пониженное состояние.
- II " Завтра наверно закрытое заседание будет.
- I " Не знаю.
- II " В общем остались пустяки.
- I " Да нет, до четырнадцатого числа хватит. Я взял с собой бумажку /пауза/. Наверно забыл.
- II " Значит осталось только три человека допросить.
/Первый ходит по камере/
- II " Допрос врачей наверно недолго.
- I " Да, так - немного.
- II " Насчет Куйбышева говорили.
- I " Насчет всего говорили. Секретарь Буланов утверждает, что Горький убит из политических соображений, и то не совсем, а что Менжинский - по личному соображению Ягоды, тут получается такой круг и я его могу с"есть, как цыпика - забить.
- II " Да, значит кадры.
- I " Как же мне сделать.
- II " Да вы постучите.
- I " Да, я в таком ужасном состоянии.
- II " Рыков как.
- I " Как. Ничего, его трогали, но вопросов не задавали. Теперь мода вошла после.....задавать вопросы.
- II " А что Ляде задавали вопросы.
- I " Да, конечно.
- II " Кого вперед допрашивали.
- I " Левина /пауза/. Как бы мне попросить.
- II " Да что вы боитесь, попросите.
- I " /Стучит в дверь/

22.15

- Г мужч. Можно попросить на минутку...
Вошед. Пожалуйста. /Дверь закрылась/
/Первый ходит по камере/
Г мужч. Тринадцатого числа будет приговор.
П " А вы ведь говорили 14-го.
Г " Ну тринадцатого вечером /помолчал/. Тогда прощай, прощай.
П " Вот вы были наблюдателем, как со стороны когда других допрашивают. Странно все-таки.
Г " Да, я все как-то теряюсь уже.
П " Ужасных вещей наверно масса. А как они говорят о лекарстве.
Г " Да, они рассказывают, что давали лекарство не то. Там сидят ведь эксперты.
П " Значит еще будут доклады экспертов.
Г " Наверное.
П " Доклады экспертов будут в закрытом заседании.
Г " Я думаю, что да.
П " Он говорил о Куйбышеве и Горьком сыне и отце и Менжинском. Вопросы задавали.

22.35

- /Открылась дверь/
Г " Я прошу его сегодня меня принять. Больше ничего.
Вошед. Хорошо. /дверь закрылась/
Г мужч. Да. Он говорит, что он даже не работал в это время. Говорит, что меньшевиком я не был, а когда меня спросили, что такое меньшевик, я только оскандалился. А я знаю, что он был руководителем, и если он врет здесь, значит он может врать и по другим вопросам.
П " А как насчет ваших вопросов.
Г " Меня. Насчет меня они чепуху говорили. Ну убийство Горького, постановления и все прочее. Во главе этого Енукидзе,

это не мое. Он ближайший человек у Ягоды был.

П мужч. Он - да.

Г " Да, он лечил, был домашним врачом и ходил перед ним на надних лапах. Тогда все жили в Кремле, а Зиновьев мне сам говорил, что Левин теперь... и он был руководителем.
/пьет чай/

П " В чем заключались показания Крючкова.

Г " В том, что он убил Горьких по поручению Ягоды.

П " С какой целью.

Г " Потому, что он боялся Ягоды, потому, что он был, считался правым и был в организации, и потому, что он был заинтересован в литературном наследстве Горького и получил бы за это, он ведь был секретарем Горького, я ведь говорю, что он говорил и никакой ответственности за него не нес.

П " Я не понимаю смысла в убийстве его сына.

Г " /Помолчал/. Ей-богу, я не могу все рассказать, одним словом - голова моя полетит.

22.30 /Открылась дверь, что-то принесли/.
/пауза/.

22.35 /Открылась дверь/

Вошед. На прогулку пойдете.

Г мужч. Нет, благодарю вас, я устал /пауза/. Последние дни своей жизни.

П " Возьмите с собой спички. А после суда вам дадут коньяк.

Г " В камеру не дадут. /Молчание/.
Давайте сыграем в шахматы.

П " Давайте.

Г " Сегодня восьмое, завтра девятое, еще 6 дней. Да.

П " Я не знаю. /Считает/. 9, 10, 11, 12 и 13-го - нет пять.

- I мужч. Ну да, пять дней на шестой уже конец.
- П " По моему пять.
- I " Да по всякому так. Я где-то записал.
- П " Я говорю завтра закончится допрос и будет доклад экспертов.
- I " Откуда вы знаете.
- П " Ну если сегодня убили четыре человека и Ягода в том числе, значит - завтра закончат. А кто такой Максимов.
- I " Секретарь Куйбышева. /Пауза/.
/Играют в шахматы/
- П " Мой ход, да.
- I " Да.
- 22 чб /Открылась дверь/
- I " Если я не буду спать, разрешите мне тогда к вам...
- Вошед. А как в отношении стула, как он у вас.
- I мужч. Ничего.
- Вошед. Может быть, давайте клизму поставим.
- I мужч. Если можно, то дайте слабительного. Я боюсь только если оно не во время подействует, я ведь рано уйду в уборную.
- Вошед. Ну как хотите.
- I мужч. Благодарю Вас, только я боюсь скандала.
/Дверь закрылась/
- П " Спутал я черт, хорошая партия была.
- I " Когда нет соображения, это самая легкая не опасная игра.
/играют/.
- П " Сегодня обменял книги /пауза/.
- I " Скорее бы все это только, уже все опротивело. /пауза/.
Ну я уже пошел.

2118

П мужч. А что вы хотите к следователю.
I " Я хочу спросить какой порядок.
П " На процессе экспертная комиссия из кого.
I " Из профессуры.
П " А кто входит.
I " Да там всякие есть.
/Молчание.Играют в шахматы/.

23.2в

I " А вы поправляетесь.
П " Да, по сравнению с вами.
I " Посмотрите тут у вас.
П " Где здесь, да я сегодня один раз всего ел. Посмотрите весь хлеб остался, я же ничего не ем, я сегодня весь день пропал. Принесли обед, я сказал не хочу. Еще 8 месяцев посижу и ничего от живота не останется. Что вы сегодня обедали.
I " Не помню. /Молчат/.
П " Слушайте, здесь есть.....
I " Да.
П " Хорошая вещь.
I " Хорошая.
П " Сегодня я обменял книги, дали исключительные: "Вылое и думы" - Герцена, Шекспира комедии и Ибанаеса.
/пауза/
И " Сколько мне еще страдать одному. Скорее бы у вас кончился процесс. Давайте еще сыграем.
I " Нет, мне не хочется.
П " Расскажите мне что-нибудь смешное из процесса.
I " Тут ничего нет смешного кроме трагического.
П " Вы уже начинаете готовиться к своему слову.
I " Я не начинаю еще.

- П мужч. Вы думаете, построить свою защитительную речь.
- И " Приблизительно у меня уже есть.
- П " Ягода много говорил.
- И " Нет, он читал по бумажке.
- П " А вопросы ему задавали.
- И " Нет, его не шпыняли.
- П " Он член..... а кем он завербован.
- И " ...../неразборчиво.Можчат/.

23 58

/Открывается дверь/.

И " Я бржи не сомну.

П " Да нет.

24.00

/Открылась дверь. Первый ушел/.

НАЧАЛЬНИК I ОТДЕЛЕНИЯ I2 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
КАПИТАН ГОС.БЕЗОПАСНОСТИ

Юшин
ЮШИН/

НКВД СССР
ГУГБ
ОТДЕЛ
ОТДЕЛЕНИЕ
10454

СРОЧНО

1 2 12-66
СТРОГО СЕКРЕТНО
Контроль лит. „И“

Запись № 150
разговоров по объекту "В 87" 199
" 9 " Марта 1938 г.

Имя:
Фамилия

Отдела ГУГБ НКВД
(АДХИИ)

[Handwritten signature]

(У т р о)

(Турхарин - Зариский)

2.03
03 (Открылась дверь. Первый вернулся с допроса)

- II мужч: Сколько времени?
- III мужч: Четверть третьего.
- II " Сколько было когда Вы пошли?
- 1 " Двенадцать (вдыхает) Когда кончатся мои муки.
- II " Ну, когда кончится процесс?
(первый молчит) Возьмите себя в руки, давайте сыграем.
(начинает играть в шахматы)
- 1 " (про себя) Господи, боже мой! Ей богу, что он хочет от меня?

2.10
(И г р а ю т)

2.50
(Открылась дверь. Продолжают играть молча)

3.15
1 мужч: Мои что, белые?

II " Да.

1 " Куда же Вы, это не так.

В-87
25
200

- 3.25 3.25 (Закончили игру.)
1.35 3.35 (С п я т)
1.50 7.50 (Проснулись)
1.55 7.55 (Первый ходит по камере)

П.мужч: Я сам, поставьте, я сам уберу. Они злятся когда Вы занимаетесь этим, они Ваш труд оберегают, они внимательно следят за Вами. Только вот Вы совершенно не занимаетесь физкультурой.

1 " Откуда Вы знаете?

П " Вы совершенно не занимаетесь мускулами, они у Вас ослабеют, поэтому Вы так и держитесь на процессе. (смеется.) Впервые процесс ведется с выходными днями те процессы шли совершенно без выходных. Усну часов 1 до пяти. Вот самое главное Вас отправить (пауза)

Вот когда Вы у меня подежурите, займитесь уборкой. Уберите пожалуйста Ваше полотенце.

Вас сейчас отправлю, вздремну часиков на 8. Что Вы ищите?

1 " Папиросы.

П " Бывшие папиросы. Завтра Вы будете отдыхать от трудов праведных.

1 " (считает) 9-е, 10-е, 11-е.

П " Что будет 11-го речь прокурора?

1 " Взял с собой бумажку, на которой было записано не моей даже рукой, этот самый примерный распорядок, чтобы удовлетворить Ваше любопытство и куда она могла плаваться?

ИЗ
201

II мужч: На процессе наверно.

" Да, если сегодня будет допрос вот этих остальных, экспертиза и вечернее заседание, так что будет все-таки ничего. Меня не будут теревить.

" Почему?

" Потому что там уже остались такие.

" Нет, сегодня будет допрос этих трех, затем экспертиза и все.

" А закрытое заседание?

" Не успеет, 11-го утром будет закрытое заседание, а вечером речь прокурора, 12-го утром речь защитников. А защитникам много задают вопросов?

" Да так, несколько.

" Только параллельно задают вопросы?

" Они защищают всех.

" Пока Девина не допрашивали, они не вмешивались в судебное заседание, ну, в Ваше и др. ?

" Нет.

" Только вот этих беспартийных (пауза)

§ 12.

" Ох, и уснул я поздно, мучился, никак уснуть не мог (ходит по камере)

" Плетнев, Казаков и Максимов. Плетнев займет много времени.

" Ага, наверно.

" Я году допрашивали вечером или утром?

253 202

1 мужч: Вечером (пауза)

II " У нас в комнате как будто воздух стал легче, чем это об"яснить?

1 " Тем, что Вы меньше...(смеется)

II " Нет холода наверно: Да?

1 " Интересно, где же наш этот..(не договаривает)

8.20

(Открылась дверь. Принесли чайник)

1 мужч: Спасибо. Чайник принесли.

II " Вы будете наливать или я? Хотя налейте, Вы все равно ходите!

8.25

(Открылась дверь) В уборную.

II мужч: Можно обоим?

Воспедш. Нет. (первый ушел в уборную)

8.30

(Открылась дверь)

Воспедш. Давайте в уборную.

1 мужч: Пожалуйста (уходит)

8.32

Первый пришел из уборной)

8.35

(Открылась дверь)

Воспедш. Приготовьтесь пожалуйста.

1 мужч: Хорошо.

8.37

(Открылась дверь)

I мужч: Дайте мне чаю.

Вошедш: Чайник уже был, я взял его приходил.

8.42

(Открылась дверь. Второй вернулся из уборной)

II мужч: Вы что, уже уезжаете?

I " Да, наверно.

II " Вам уже сказали собираться?

I " Да (пауза) Завтра обычный, не выходной?

II " Нет.

I " Вы в лес сегодня не ходили?

II " А Вы? Вам наверно вчера не удалось, так Вы сегодня.

I " Нет, у меня подступ к' этому делу (пауза).

Хотя мне может что взять?

II " Шекспира хорошая вещь " спящая красавица"?

I " Да (пауза) " Сон в летнюю ночь". Ах! Вот это страшно интересно "Приключение.....". А-а, это другое, а "Приключение..." чорт знает как интересно. Это очень интересно. Я давно читал.

(Второй пьет чай)

I " А это что такое? (пауза)(Смотрит книги)

II " Между прочим это глупая вещь.

" Конечно глупая.

" Что у Вас в портфеле вечно вещи болтаются (пауза) Так Вы идите (пауза)

8.45

(Открылась дверь)

(Пурвого увезли на допрос)

9.30
9 марта 38г.

Нач.1-го отделен. 12-го Отдел. ГУТБ НКВД
Капитан Гос. Безопасности
Ю. Ш. Б. Н.

НКВД СССР

ГУГБ

НАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

ОТДЕЛЕНИЕ

СРОЧНО

СТРОГО СЕКРЕТНО

Контроль лиц „И“

ДОЛЖНО

Запись №

разговоров по объекту

„ 9 “ Марта 1938 г.

Имя:

Ежову

Фриновскому

от отдела ГУГБ НКВД
АЛЕХИНИ

Александр (Тургарин-Зарицкий)

5 / Первый вернулся с процесса /

18.15

- I мужч: Ой,какая у меня тоска на душе.
- II " Что же осталась только речь обвинителя и защиты.
- I " Еще последнее слово подсудимых,осталось три дня...
вот сколько мне,осталось жить.
- II " Неужели только три дня всего.
- I " А сколько я живу без всего...
- II " Ну...во сколько Вы приехали.
- I " Полчаса седьмого кажется. Ужасное дело /пауза/
- II " Серьезное дело /играют в шахматы/ Вот сейчас видите.
- I " Я это знаю все...
- 20.20
II " Вас вызовут сегодня.
- I " Хотели сегодня вызвать /продолжают игру/
- 22.05
II " Процесс кончится 13-го.
- I " 11-го будет говорить прокурор
- II " Не может он говорить целый день.
- I " Почему.

256 215

- I мужч: 13-го утром последнее слово подсудимых, затем совещание и все.
- П " И что же, долге они совещаются.
- I " Сейчас сколько времени.
- П " Часов восемь.
- I " Ужасно холодно, у меня все ноги прозябли, скоро уже будет все кончено. У меня такое состояние, что меня это мало тревожит.
- П " Что именно.
- I " Что через несколько дней я не буду жить.
- П " Это еще вопрос /пауза/
- I " Все утро продолжался допрос, а вечером было заседание.
- П " А экспертиза тоже утром была /не ответил/
- I " Выстрее шло чем вчера.
- П " Почему так много обвинений, что говорил Максимов.
- I " Он говорил, что получал задания от правых, вот чудак.
- П " А Куйбышев входил в центр правых.
- I " Конечно нет.
- П " А Енукидзе.
- I " Енукидзе играл крупную роль в подготовке восстания. Ну, мне надоел процесс. Дадите мне какуюнибудь книжонку почитать.
- П " Хотите эту.
- I " Нет, еще чтонибудь; читайте вслух. Придвиньте постель, должно быть хорошее предисловие.

296

- П мужч: Вы почему знаете.
- Г " Потому, что я читал.
- П " Вот местечко хорошее, прочесть. / читает/
- Г " Не плохое. Это наиболее распространенные " записки молодого человека" /пауза/ Вы наверно знаете, что сейчас только восемь часов, а не 10.
- П " Ну, девять, около десяти.
- Г " Вы разобьете все мои расчеты.
- П " Я тоже всегда Вас прошу смотреть на часы, когда Вы идете, иначе тоже у меня расстраиваются расчеты.
- Г " Что то у меня живот болит.
- П " Вы кушаете всякие компоты, жирное.
- Г " Что Вы, компот это фрукты с сахаром.
- П " А апельсины дают.
- Г " Сегодня был очень тощий обед.
- П " Ну хватит, Вас и так хорошо кормят.
- Г " С меня и хватит, черезчур хорошо.
- П " Почитайте какое нибудь местечко.
- Г " Какое.
- П " Ну вот, как его с огорода ведут.
- Г " Ну вот, нашли что читать.
- П " Ну что же, я буду читать.
- Г " Вот это хорошо /читает/

21.30
/ смеется/

П мужч: Мы с Вами так хорошо изучили друг друга, что по одному явля.

207

- I мужч: Блестящий стилист, как Герцен, а делает тоже крупные ошибки /читает/ Выходит, что Огарев женился после смерти отца.
- II " Что вы крупный стилист.
- I " Замечательный, Герцен считается одним из самых лучших стилистов, выдадимся, если не самым лучшим.
/ пауза/
- II " Вы будете читать.
- I " У меня что то не хорошо в голове.

/ молчание/

Нач. I-го отделен. I2-го Отдела ГУУБ НКВД
Капитан Гос. Безопасности

/ Ю Ш И Н /

НКВД СССР
ГУГБ
ОТДЕЛ
ОТДЕЛЕНИЕ
0508

СРОЧНО

СТРОГО СЕКРЕТНО
Контроль лит. "И"
708

ПОЛОЖЕНО

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

10 Марта 1938 г.

(Первая половина суток)

(Бухарин - Зиринский)

ОТДЕЛ ГУГБ НКВД
(АЛХИМ)

15 1 мужч.
10.15 П "
1 " "
10.27 1 "
127 1 "

Дайте пожалуйста папиросу? Спасибо.

Как вы спали?

Да я уж очень поздно уснул.

Погасите пожалуйста свет.

Вошед. Хорошо. (уходит)

1 мужч. Я заметил, что сколько вы раз просили погасить свет, они не гасят. Вы знаете, они просто нарочно. Я один раз попросил, они погасили, а потом через секунду зажгли.

П Но мы имеем право днем погасить свет.

(Пауза)

1 " Сколько по вашему сейчас времени?

П " Что-нибудь половина одиннадцатого.

(Молчание)

П " Чего вы чай не пьете? Выпейте стаканчик чая.

1 " Я уже пил.

П " Я что-то не заметил (пауза). Подсудимый Бухарин, выпейте еще стаканчик.

(Первый пьет чай)

107 11.07 (Открылась дверь, принесли простоквашу)

1 " Спасибо.

П " Это вам, ешьте простоквашу (пауза).

1 " Вот говорят живот на живот и все заживет.

П " А у вас он растет. Вас кормят бутербродами, с ешьте еще один.

- 1 мужч. Нет, я не буду есть — уверяю вас. (пауза)
Кажется тут рядом с нами Казаков сидит!
- П " Какой Казаков?
- 1 " А вот этот самый.
- П " Они куда-то ходят.
- 1 " Не видел.
- П " А кого вы видите вообще?
- 1 " Как это?
- П " Ну вот по камерам когда заходят.
- 1 " Вот Казакова видел, так случайно, он шел впереди меня
с конвоем.
(Пауза)
- П " Сегодня никого не употребили?
- 1 " Нет.
- П " Почему вы сегодня не употреблялись. (Смеется).
- 1 " (Молчит)
- П " Я раньше вас уснул?
- 1 " Вероятно раньше (пауза).
- П " (Читает вслух). Что такое кровь? Кровь есть....
- 1 " Что вы читаете?
- П " Я читаю записки. (пауза).
Что значит. (читает не-по русски).
- 1 " Переселение души (пауза).
- П " Ушаков был крупный философ и математик?
- 1 " Да. (пауза).
- П " Пифагор был римлянином?
- 1 " Грек.
- П " Когда он жил?
- 1 " Я думаю, пожалуй в четвертом веке.
(Молчание)
- П " Вы не видели такой пьесы "Чужой ребенок"?
- П " Видел.

- 1 мужч. Там есть помните: Зина, Зинок.
- П " Кто ее написал?
- 1 " Забыл, не помню. Замечательно хорошая комедия.
- П " Я ее видел здесь в Москве, в театре Сатиры.
- 1 " Там помните, как ухаживает один за хорошенькой девушкой и говорят ей: "Зинушка, Зинок". Помните?
- П " Почему вы вспомнили эту пьесу?
- 1 " Не знаю.
- П " Вы ее смотрели?
- 1 " Да. Я ее видел в Ленинграде, а потом видел в Кремле.
- П " Как в Кремле?
- 1 " Ну так, на каком-то приеме была такая часть.
- П " Это в одном здании?
- 1 " Нет в разных. Это было в так называемом Свердловском зале.
- П " Все заседания происходят в том зале?
- 1 " Нет, заседание происходило в Большом Дворце.
- П " А как он называется?
- 1 " Называется Георгиевский зал.
- П " Здесь бывает банкеты?
- 1 " Да.
- П " А что там было до революции?
- 1 " Ну были все дворцы Николая 1-го, Николая 2-го.
- П " А они никогда здесь не жили?
- 1 " Когда приезжали.
- П " А кем выстроены дворцы?
- 1 " Этот новый дворец все надстраивался, а построен был я думаю при Александре 2-м.
- П " При Александре 2-м это надстраивался, а построен вообще.
- 1 " Раньше не помню.
- П " При Иване Грозном?

- 1 мужч. Да что вы, это строил итальянский мастер Растрелли, при Иване Грозном, колокольня Ивана Великого.
- П " В самом Кремле много соборов?
- 1 " Да, часть мы сняли. Там был Чудов монастырь.
- П " Зачем сняли, разве не могли их приспособить для чегонибудь.
- 1 " Да, это были хорошие памятники искусства.
- П " Когда сняли?
- 1 " Года три тому назад.
- П " Кресты сняли со всех?
- 1 " Там крестов не было.
(пауза).
- П " Писали, что эти красные звезды будут давать много блеска, там топазы и другие камни. (пауза).
А что осталось на этом месте, где были снесены соборы?
- 1 " Хорошие казенные здания.
- П " Сколько этажей?
- 1 " Этажа четыре.
- П " Это в самом Кремле?
- 1 " Да, в самом Кремле.
- П " А большая площадь в Кремле? А царь-пушку сняли? А до революции был вход свободен?
- 1 " Абсолютно.
- П " Значит, кто хотел, тот и шел. (пауза). А растительность там есть?
- 1 " Есть.
- П " Деревья (первый молчит). Что это ворона сегодня раскаркалась. (пауза).
Ну расскажите что-нибудь?
- 1 " (Молчит)
- 12.55 П " Переведите мне латинские слова: "иби эс нули"?
- 1 " Это значит: -"Там была голая дева" (помолчал). Нет, подождите! Вы наверно прочли не "иби", а "уби". "Иби" это

"там", а "уби" - "где". Значит "где ты нагая девушка".
(Читают)

(Молчание)

13.10

Вошед.

В баню.

1 мужч.

Ох, как мне не хочется идти сейчас! Спать хочу.

II "

Вы же спали ночью.

1 "

Я спал с пяти часов.

II "

Как, вы спали с трех.

1 "

Нет.

II "

Вы ведь пришли в час:

1 "

Разве я уснул очень поздно.

II "

Вы заснули тогда, когда и я заснул (пауза). Вы знаете такое: "ж... к ж... дружба врозь". (пауза)

(Про себя) Ж... к ж... и дружба врозь.

(Молчание)

13.15

13.17

I "

(Сам себе). Как же быть, не понимаю?

II "

(Молчит)

14.20

II "

Сыграем может быть партию?

1 "

Не хочется мне, надо почитать, а то у меня ничего нет. Я всегда довожу до последнего.

II "

Подумаешь!

1 "

Как это, подумаешь?

II "

Да нам пять минут нужно.

1 "

Да что вы говорите мне, там масса юридического материала

II "

Как будто это имеет значение.

1 "

Это имеет значение с моей точки зрения.

(Пауза).

II "

Вы говорили не бздеть, а сами что делаете? Ну почитайте мне немного.

1 "

Ладно. (пауза)... Толстой, Дьяков (неточно) не знал, что он был провокатором третьего отделения.

II "

А кто его разоблачил?

- 1 мужч. Никто, это историческое исследование показало.
- П " После революции?
- 1 " Да, это было в сороковых годах прошлого века, сто лет тому назад.
- П " Как же царское правительство могло допустить?
- 1 " Это было историческое.
- П " Он был случайно разоблачен?
- 1 " Т.е. как случайно. Это сделал не Лопухин, а Меншиков, который служил в охранном отделении. Сейчас я буду читать вам. Стиль его блестящий с удовольствием читается. А это что такое?
- П " Что?
- 1 " Тут еще "Разлука". Посмотрим какойнибудь любовный эпизод.
- 14.25 (читает). "Так закончилось его первое письмо к Натали и т.д.:
- П " Он разошелся со своей женой?
- 1 " Да, у него было их несколько.
- П " Она потом влюбилась?
- 1 " Да. (читает).
- П " Это для процессников особые блюда. Подкрепляющие. Ионячек, можно сказать, что за вами ухаживают не знаю как. Сколько раз он приходил к вам, "может вам то нужно, может вам то?". Какое внимание.
- 15.40
16.05 (Молчание)
- П " вы не спите оказывается, а я думал, что вы спите. (помолчав). Подсудимый Бухарин, вы не спите?
- 1 " Нет.
- П " Вы к этому слову не привыкли, к слову "подсудимый".
- 1 " Это с вашей стороны острога или развлечение. Я так удивляюсь вашей сообразительности, уму и чуткости. (Смеется)
- П " Мой ум не блещет, а давно вам сказал, вы сейчас не будете читать Геппена?

2/4
2/4
2/4

1 мужч.

Нет.

16.18

16.20

1 "

(Молчание. Читает).

Ну как делишки, Натан Давидович.

II "

Слушайте, интересно, он эту книгу посвящает Огареву. В этой книге он больше всего говорит об одной личности.

I "

О Наташе.

II "

Жене? Она его бросила?

I "

Нет. (пауза).

II "

Сыграем партию.

I "

Нет, я должен работать, сейчас я не в состоянии играть. Этого никогда не было, чтобы мы одну партию играли.

II "

Ну две?

I "

Нет, не соблазняйте.

II "

Будете писать роман?

I "

Нет (пауза). Вы это цирковое не читали?

II "

Так, немного, это меня не интересовало. Я отдал книги, а потом он пришел и говорит, что у вас еще есть и я должен был отдать.

I "

Что вы отдали "Былое" и "Пусиму"? Зачем вы отдали?

II "

Я сказал, что это взято с разрешения начальника тюрьмы моим соседом, а он говорит, если вам понадобятся, можно потом взять.

I "

Откуда библиотека знает, он просто не хочет.

II "

Почему?

I "

Ну как же. Они раньше лежали у меня сколько угодно.

16.35

17.17

I "

(Молчание)

Сейчас часов пять Натанчик?

II "

Да. Может вам дать книгу?

I "

Нет, нет читайте пожалуйста.

II "

Что значит по французски: "мон шер фер"?

I "

Дорогой брат. (читает).

17.30

II "

Прочитайте еще что-нибудь, Николай Иванович?

- 1 мужч. Я начал читать уже Шекспира "Сон в летнюю ночь".
- П " Ну что же, я подсудимому все уступаю.
- 1 " Что уступаете?
- П " Ну вот фортки.....
- 1 " Когда я говорил, я сам хотел, чтобы она была открыта.
- П " Как, вчера вы попросили закрыть фортку, сегодня утром тоже. Из бани я пришел спрашиваю, закрыть?.
- 1 " Да, из бани да. Я думал, что вы спрашиваете моего согласия.
- П " Вы не возражаете?
- 1 " Нет. Вы не закрыли с левой стороны.
- П " Ну теперь закрыл.
- 1 " Мне уже теперь все равно на свете.
- П " Не сыграем партию?
- 1 " Нет.
- П " Бесповоротно?
- 1 " Бесповоротно.
- П " Окончательно?
- 1 " Да!
- П " Сегодня ни одной партии не сыграем, чем это об"яснить? Вчерашней игрой? (смеется)
- 1 " Нет, мне сейчас не хочется (читает вслух).
- П " Он писал комедии? Он же трагик.
- 1 " Он сам ее написал. Читайте себе Герцена, а я вот это буду читать.
- П " А я люблю, когда вы читаете.
- 1 " Я устал.
- П " Я знаю, что это первый признак того, что вы озлоблены на меня и ничего не хотите делать для меня.
- 1 " Так не читаю. (смеется)
- П " У меня сапоги стали чистые, блестят, правда? Хорошие сапоги и хорошо шиты. У меня они опять только порвались. Они не на гвоздях. а шиты. вы видите дырку? Замечаете?

21

21

- 1 мужч. Да.
- II " Чего вы себе за-границей не купили ботинки на каучуковой подошве, в них хорошо ходить - мягко. Вы знаете, подошва такая хорошая - каучуковая.
- 1 " Резиновая.
- II " Нет.
- 1 " Да каучук, это и есть резина.
(Читают)
- 17.45
1 " (Громко) Что же тут-то?
- II " Что вы кричите?
- 1 " А разве я закричал?
(Молчание)

НАЧАЛЬНИК 1 ОТДЕЛЕНИЯ 12 ОТДЕЛА БУГЬ ННВД
КАПИТАН ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

Оливер
(СЛИН)

ДОПОЖЕНО

НКВД СССР

ГУГБ

ОТДЕЛ

ОТДЕЛЕНИЕ

10533

СРОЧНО

СТАРОГО СЕКРЕТНО
Контроль лит. „И“
Сир.

Запись № *217*
разговоров по объекту "В-87"

» 10 « Марта 1938 г.

Составу

Фрунзевского

1-го Отдела ГУГБ НКВД
(АЛЕХИН)

(ВЕЧЕР)

А.И. Ш. (Тухарин - Заринский)

18.15

- 6 2 мужч. Вы когда сидели в камере там тоже были тараканы (не точно). Откуда они берутся и почему здесь околачиваются?
  - 1 " Да тут же всякие крошки (пауза)
  - 2 " Я понимаю с парадной стороны узор, а зачем здесь раздолбаны. Интересно, это было страховое общество, а здесь на узоре стоит скрепление мечей.
  - 1 " Сделали вероятно после, надстраивали.
  - 2 " Так это 5-й этаж, а не 6-й.
  - 1 " Разве?
  - 2 " Посмотрите по зданию.
  - 1 " Ну это пустяки, это всегда могли сделать (пауза). У меня после бритья начинает врипать. А у вас?
  - 2 " Наоборот, после бритья приятно.
  - 1 " А между прочим, я лицом похудел.
  - 2 " Я бы не сказал этого.
  - 1 " Нет, я похудел, я даже не узнаю себя (пауза).
- 18.20 (Принесли ужин).

Лет 218

2 мужч. А вы беспокоились, что ужина не будет, вот и ушли.

(Первый ужинает)

1 " Совсем холодный.

2 " Со сметаной?

1 " Нет, это не сметана, это соус из грибов.

2 " Вы вчера ложку достали?

1 " Да.

2 " Когда потом пришли за посудой, то придрались - откуда у вас ложка? Я говорю, что это вы оставили и забыли взять.

1 " Неужели придрались?

2 " Честное слово.

1 " То-есть, просто спросили?

2 " Не просто, а вот именно с таким недоверием: Я сказал, что она оставлена вчера ночью вами.

1 " Вы бы сказали, что ложка спустилась с верхнего этажа.

2 " Пакликать на себя еще всякие неприятности (пауза). Вы же только что курили?

1 " Нет, я не курил. И свои сигареты всегда тушу, а вы не тушите и они воняют.

2 " У меня был товарищ, он странно курил. Папирсы, правда, хорошие, он их всегда меньше половины выкуривал и положит или поставит и вокруг него полно папирсы и лежат и стоят.

1 " Я тоже так, я не люблю докуривать папирсы.

2 " Но тот буквально обложится папирсами весь. (Молчат).

Говорят Екатерина... была очень страстная. Кто ее муж был?

Лео "В-87" 1/19

- 1 мужч. Ее муж был Петр 1-й.
- 2 " Она его убила. А разве женщина могла остаться на престоле?
- 1 " Конечно могла.
- 2 " Я помню в воспоминаниях Николая, вот забыл, стоял вопрос о престолонаследии. Она не могла быть царицей?
- 1 " Ну что-же, значит были более сильные претенденты. И не знаю, когда именно произошло законодательство, но у нас цариц было много: Елизавета, Екатерина, Анна.
- 2 " Но крови Романовых осталось мало?
- 1 " Да, женщины были иноземные, а мужья не Романовы.
- 2 " Но до Петра 1 все кажется было в порядке?
- 1 " Да, а потом пошло.
- 2 " Почему?
- 1 " Потому, что все эти исторические традиции, эти придворные круги, все сложились против него, из-за ненависти к нему и его придумкам.
- 2 " А что за причина была?
- 1 " Была такая партия, которая ставила своей целью ограничение монархии в пользу родовитых семей и если кто был слабей на их пути, они устраняли, опираясь на гвардейские полки, на дворянские связи.
- 2 " Он не терпел их?
- 1 " Он обращался грубо. Тут были различные политические направления. Раньше до Павла русские войска занимали Пруссию, а он как воцарился на престол, то сейчас же вывел войска из Пруссии (пауза).

Дет

- 2 мужч. Слушайте, а Сперанский был при Александре 1-м?
- 1 " Нет, при Александре II-м, потом когда он возвратился из ссылки, он не играл уже роли. Главную роль он сыграл в освобождении крестьян, а потом поехал в ссылку, в Сибирь. Он был семинаристом и был очень умным человеком.
- 2 " В чем заключалась его роль?
- 1 " В том, что он писал всякие проекты конституции.
- 2 " А что послужило к отправке его в Сибирь?
- 1 " А вот его конституционная мечта.
- 2 " Как же это так, первый человек в монархии.
- 1 " А что-же такого, такой режим. Начиная с Меншикова.
- 2 " Он тоже был в ссылке?
- 1 " Да.
- 2 " Кто Петру его сослал?
- 1 " Нет. Он был самым большим человеком после Петра.
- 2 " Значит спорный вопрос, кто делал больше полетику - Петр или Меншиков?
- 1 " Ну, конечно, Петр.
- 2 " Но он большое влияние оказывал на Петра?
- 1 " Да. Вы знаете, при Елизавете Петровне одной красавице, царичке балов.... ее не только сослали в Сибирь, а отрезали язык, чтобы она не болтала. А возьмите древние времена в Греции, сколько угодно больших полководцев подвергались жестокой участи. А если взять старие отдаленные времена, никто из царей не кончал своей жизни. Вообще профессия царей ужасная. Петр III-й был убит, Екатерина

221
"5-2"

И-ая - неизвестно как кончилась, Иоанн Антонович - за-
мучен в тюрьме, Павел был задублен, Николай 1-й - от-
равился, Александр 1-й принимал дело в заговоре против
своего папаша.

2 мужч. Почему Николай оравился?

1 " Да после поражения Севастопольской войны. Александр
1-й - убит, Александр Михайлович своей смертью, Михаил
своей, Борис Годунов умер. Всякие там Шуйские, Дмитрий
были выброшены из окна. Борис умер тоже в такой обста-
новке дворцового переворота. Иван Грозный естественной
смертью, Иван Е-й - своей смертью, а Василий Темный
наполовину был убит.

2 " И все по политическим мотивам?

1 " Ну конечно.

2 " Среди русских царей очень мало было не пешек.

1 " Ну вот вам: Александр III - не пешка, Николай 1 - не
пешка, Екатерина не пешка, Петр - не пешка, Борис Го-
дунов - умный человек, Иван Грозный - не пешка.

2 " В чем заключалась деятельность Ивана Грозного?

1 " То, что он переменял власть. Он истребил так называе-
мых "собирателей земли русской", т.к. до него был фео-
дализм с отдельными князьями и ликвидировал новгород-
скую республику. Это был могучий город - Новгород. Он
торговал со всем побережьем Балтийского моря и соеди-
нялся с морем, почему и являлся крупным торговым пунк-
том. В Новгороде шла торговля с Византией.

2 " В Новгороде тогда проходил великий водный путь?

Джз "З-27"

1 мужч. Да, он был купеческой республикой, а Иван Грозный его разгромил, разгромил и удельных князей и чтобы обезопасить свою монархию, начал рубить головы боярам и конфисковать их поместья и раздавать своим, т.к. они делали заговоры против него. А поместья раздавал своим мелким помещикам дворянам, которые вышли из опричников. Он был заинтересован рубить им головы и получать себе земельные участки. Отсюда и пошли исторички, которые опирались главным образом на традиции обожженных крупных бояр. Но с исторической точки зрения они были более прогрессивные, чем эти боярские рода. Кроме того, он вел целый ряд победоносных войн. Он первый начал освобождение от татарского ига, он первый занял Казань, Астрахань, потом он на Западе вел войны с Польшей, Литвой. Затем он искал выхода к морю Балтийскому. При нем впервые наладилась через Архангельск связь с англичанами, с которыми он начал вести торговлю.

0.50 Он стал приглашать западно-европейских мастеров, все вот эти монетные дворы, слободы. При Борисе Годунове было скрепление крестьян и под конец его царствования была революция или смутное время. Вот эта колесколья Ивана великого была построена крестьянами в очень трудное время. В Новгороде была республика-торговый капитал. Пролетариат тогда еще не существовал. Там культура была выше московской.

223
Дудя-87"

- 2 мужч. Почему, потому, что она не имела внешних сношений?
- 1 " Ну да. Это объясняется и тем, что торговый капитал более прогрессивный, чем боярский. А наиболее культурный центр был Киев.
- 2 " По Киев не принадлежал к русскому государству?
- 1 " Как же? А Ярослав мудрый, это был киевский князь, здесь висина культура, потому он и назывался: "мать русских городов".
- 2 " Вы были в Клеве?
- 1 " Да, был.
- 2: " Киев принадлежал Ивану Грозному?
- 1: " Не помню как с Киевом, он кажется его не присоединял. А что было в Клеве при Иване Грозном не помню, боюсь вам сказать неправду. Киевские князья были тогда самостоятельные, но самая древняя русская культура, - это в Клеве. Там впервые стали печататься книжки, там впервые появились высшие учебные заведения, своеобразные конечно. Вообще, что такое русские - это все подлежит большому историческому исследованию.
- 2 " Почему?
- 1 " Потому, что это было смешение и суголока самих различных элементов. Само слово "русский" - скандинавское слово. Это было племя варягов, потом они стали смешиваться с верхними славянами, а русские - не есть русские как группа отдельная.
- 2 " Почему они стали называться: белоруссы, малороссы?

Джис "5-87" 224

- 1 мужч. Потому что там были разные племена, одни смешивались с половцами, печенегами, другие с татарами, а северные племена смешивались с чувашами, черемисами, поэтому все странно переплетается (пауза)
- 2 " История сложилась с разных летописей?
- 1 " Не только летописей, разные монастыри, записки, челобитные, торговые документы и др.
- 2 " Все это сохраняется?
- 1 " Да, сохраняется.
- 2 " Где все это сконцентрировано?
- 1 " Часть в Академии Наук, в Ленинской библиотеке, в Публичной библиотеке, в Ленинграде и др., есть целая сеть учреждений.
- 2 " Над их обработкой работают?
- 1 " Конечно работают. Вообще это уйма дела, ведь это не один человек, а тысячелетия, целая мкр.
- 2 " Ну часть уже обработана?
- 1 " Да, история России - это 38 томов.
- 2 " Неужели?
- 1 " Ну-да.
- 2 " Карамзин сколько написал, 12 томов?
- 1 " Не помню, 8 или 10 томов.
- 2 " В последнее время дореволюционного периода кто из историков был?
- 1 " Платонов, который был арестован и находился в ссылке.
- 2 " Академик?
- 1 " Да.

ДЖЕ "В-СТ" 225

- 2 мужч. Он реакционный был человек?
- 1 " Не очень, но реакционер, очень крупный человек.
- 2 " По заговору?
- 1 " Я не знаю подробно. Затем Покровский, Рожков, Кричевский. Он умер в 1911 году. Я еще слушал его лекции, он блестящий, с мировой известностью историк. Рожков и Покровский были его учениками.
- 2 " Рожков умер?
- 1 " Да, умер.
- 2 " А сейчас есть у нас исторички? (первый не ответил)
- 1 " У меня ноги болят. Я как вспомню ватники и сейчас бы не снял их, они мне согревали ноги. (пауза) Сейчас ничего мне не хочется, у меня депрессия, я ничего делать не могу.
- 2 " Я предлагаю сыграть в шахматы.
- 1 " Да ничего мне не хочется, хочется исчезнуть скорее.
- 2 " Почему вы этого хотите, а если наоборот? История большая вещь. Вот в истории будут писать насчет вашего процесса?
- 1 " Не знаю. Сейчас в учебниках будут говорить, а настоящие исторички не знают, как они будут говорить.
- 2 " Что вы говорите в учебниках будут?
- 1 " Наверно.
- 2 " Мне вот непонятно, при Николае I декабристов расстреляли, а при Александре II-м?
- 1 " Их не расстреляли, а повесили, да и не всех, а 5 человек.

05
19.05

- 2 мужч. При Александре II многих освободили, а при Александре III уже начали их восселять. Почему это, объясните?
- 1 " Потому, что была известная степень свободы, можно было писать и против правительства. Правительство не в силах было идти против купеческой, либеральной части, фабрикантов. С земл. ничего не могли поделать.
- 2 " А разве при царизме не было государственной прессы?
- 1 " Была, "Вестник", но никто не читал. Все выдающиеся мало-мальски писатели, художники, артисты - не были сторонниками правительства. Это считалось позором.
- 2 " Пресса была в частных руках?
- 1 " Ну, да.
(Молчанье)
- 2 " Экономическое положение рабочих во Франции лучше чем в Германии?
- 1 " Когда?
- 2 " Вообще, до прихода к власти фашистов.
- 1 " Во Франции экономический кризис не так сдержанствовал (пауза). Смотрите, уже темнеет на улице. День быстро прошел.
- 2 " Потому что вдвоем, разговариваем. Вы бы посидели один - ужас. Я сегодняшний день не спал, а так я стараюсь уснуть чтобы не видеть как проходит день. Я могу с вами не разговаривать, но вы сидите, дышите, я слышу и мне легче. Я искренне рад. Сиграем?
- 1 " Нет, я до конца процесса не играю.

227

- 2 мужч. Мой следователь сказал, что меня будет... центральная комиссия по амнистии, но я знаю, он говорил, что дело будет закончено и будет передано в судебные инстанции с применением амнистии, а второй раз он говорил, якобы, дело будет рассматриваться комиссией. Но дело не может рассматриваться комиссией, т.к. не будет указано сколько лет мне дадут. Должен быть приговор, нужно знать срок.
- 1 " Вообще говоря - да. Но может быть сокращенная форма судопроизводства, заключение следовательских властей, заключение особого совещания.
- 2 " Но имеет судебный характер. Я с вашим процессом с 3-го числа не допрашивался ни разу.
- 1 " Это конечно. У нас все сейчас лежит от усталости.
- 2 " Есть ли хоть один человек, освобожденный по этому указу?
- 1 " Радек.
- 2 " Радек? Освободят и увезут куда-нибудь в Казакстан.
- 1 " Если мне остаться в живых и через несколько времени меня выпустят, то я сам буду просить, чтобы там никого не было, с какой стати я еще буду подвергаться!
- 2 " Конечно, да.
- 1 " Меня выбивает совершенно из великой колеи, я просто не понимаю почему он мне не говорит даже теперь.
- 2 " Это к вам не имеет отношения. Я читал - это маленькое постановление, там говорилось: в связи со шпионажем, диверсией, террором и подрывом государственных основ, -

Д. Д. Д. 228

высшей мерой наказания является расстрел. Высшей мерой наказания является 10 лет. Президиум ЦКК СССР постановил: при проведении шпионажа, диверсий, террора - установить меры сожальной защиты - 25 лет.

- 1 мужч. Если так, значит отменена смертная казнь?
- 2 " - Я вам цитирую конечно не дословно. Но там нет об отмене. Я сам читал. Это было в сентябре месяце. Вы знали о 25 годах?
- 1 " Знал.
- 2 " Срок наказания как самый большой?
- 1 " Был расстрел.
- 2 " Нет, в смысле заключения - пожизненное?
- 1 " Да.
- 2 " Нет, что есть указ - это совершенно точно. Вы смеялись, вы думали, что я шучу.
- 1 " Я уже сказал свои слова, вы меня не проведете.
- 2 " Ну и что-же? Я не знаю, может быть указ был мне показан со специальной целью, но зачем это, когда он мне сам сказал. Он несколько раз задавал вопрос о вас.
- 1 " Сидит, ждет смерти и пишет роман, сказали бы.
- 2 " Я рассказал насчет вашего романа.
- 1 " Что вы говорили?
- 2 " Я говорил, что вы много делаете в смысле работы.
- 1 " А насчет романа?
- 2 " Я много говорил, что интересный роман, если он будет выпущен, то равной книги не будет, ни одного произведения не будет такого. Он сказал: "ну подумаешь, что у нас мало книг интересных". Я говорю, пожалуй, ни один

советский писатель не написал такой книги. Вообще высказывался насчет ваших способностей. Такому человеку не страшно сидеть.

1 " Сколько сейчас времени?

2 " Под 8 поднимается. И говорю, что вот человек был партийным работником и написал целую книгу стихов. Но больше всего его удивило, что вы занимаетесь живописью (пауза)

1 " Что собственно значит диверсия?

2 " Разрушение, уничтожение, подрывная работа; хотя подрывная работа может быть и не в виде диверсии. Это специальный взрыв, уничтожение. Что вы разве не знаете?

1 " Да нет, я знаю, бывают разные литературные обоснования.

2 " Это специальной группе дается задание произвести или взрыв железнодорожного узла или что другое. А подрывная работа объединяет все и вредительство и саботаж и диверсию, все, что подрывает. Вам тоже диверсию дали?

1 " Кажется да. (пауза)

2 " Я вашего следователя никогда не видел, только когда он зашел сюда в камеру он что-то больше интересовался мною чем вами когда зашел.

1 " Не знаю.

2 " Когда Нарком заходил, он ничего у меня не спрашивал кто и что, а ваш следователь наоборот. А кто был второй при Наркоме, его заместитель?

1 " Бельский.

2 " Кто это?

1 " У него заместитель Фриновский, а больше не знаю.

2 " А сколько заместителей, несколько?

230
"Б-87"

Зав

- 1 мужч. Ну да.
- 2 " А эроз что работает в НКВД?
- 1 " Да, он был работником в аппарате ЦК. В общем работал у Ежова (пауза). Если мне остаться в живых, то недели две пройдет пока мне дадут свидание, как по вашему?
- 2 " Почему 2 недели? Конечно, не на второй день. Если вас оставят в живых, вы скорее меня получите свидание.
- 1 " Ну конечно.
- 2 " Если вы уже будете знать свой приговор не смертный у вас уже будет спокойнее на душе, правда?
- 1 " Не знаю.
- 2 " Во всяком случае уже будет определенность, а так вы гадаете и так и так.
- 1 " Ну конечно это так.
- 2 " Как бы я хотел, чтобы меня выпустили? Завтра начнется заседание?
- 1 " Вероятно.
- 2 " Больше ничего не осталось, никаких допросов, дачего?
- 1 " Кажется.
- 19.50 (Молчат, читают)
- 2 " Вы зарегистрированы с женой?
- 1 " Нет, она двойную фамилию имеет.
- 2 " Что такое гайчик?
- 1 " Что такое растагайчик, а не гайчик. Это вид кушанья.
- 2 " Где у нас сосредоточены рыбные промыслы?
- 1 " На Волге, на Каспийском море (пауза)

231
"3-87"
LAL

Я что-то так ослабел.

1 мужч. Если вы думаете работать, то почему-же вы не работаете, вас могут вызвать.

1 " Даже завтра может быть выступать придется, ну, а я так ослабел, что ничего делать не могу.

2 " Чем это объяснить?

1 " Не знаю. Мне кажется от того, что я принимаю всякую ерунду.

2 " Да вы уж не так часто принимаете, если бы я был в вашем состоянии, я бы гораздо больше принимал, а вы еще молодец.

1 " Меня вчера когда вызывали?

2 " Как будто 24 часа было.

1 " А сейчас восемь?

2 " Не больше.

1 " Ну я еще успею поработать, мне больше как на час не стоит речь говорить.

2 " Ну конечно, а зачем больше, о чем вы можете говорить?

1 " Ну говорить-то найдется о чем.

2 " Что вам следовательно рекомендовал?

1 " Он говорит, что это ваше последнее слово, как вы хотите, так и делайте. Знаете, они как-то по моему потеряли интерес.

2 " Это объясняется усталостью.

1 " На меня написали со всех сторон доносов, там еще целая куча дел, так, что меня еще будут допрашивать по этим делам.

232
283

- 2 минут. Вам что об этих делах следователь говорил?
- 1 " Да.
- 20 20.20 " (Молчат)
- 22 2 " Сигарет?
- 20.22 1 " Нет, сейчас очень опасно мне играть.
- 2 " Почему?
- 1 " Потому, что мне надо много работать. Это прокурор мне однажды сказал: " Я еще не успел задать вопрос, а ответ уже готов" (смеется) (молчат)
- 25 20.25 " (Открылась дверь. На прогулку)
- 1 " Нет, я на вторую не пойду, спасибо. (пауза)
- 30.00 21.00 1 " Я понял почему процесс так поставлен, я сейчас внимательно прочел.
- 2 " Почему?
- 1 " Тут другая сторона дела. Кроме того, разоблачения и проч., ещё другое. Так как начались крики, то нужно было показать, что не боимся криков. (Ходит по камере) Могли не расстрелять.
- 2 " Я вам высказывал такую точку зрения, вы не соглашались.
- 1 " Да здесь нельзя ответить сразу.
- 2 " Я вам говорил, помните?
- 1 " Нет, я так, исходя из этой книжки.
- 2 " Я помню 16 сентября. Меня следователь допрашивал и был такой момент, он показал и говорит: смотрите.
- 21.20 " Для меня было ясно, что именно в смысле расстрела. 10 лет - это мелочи, а для того наказание было существен-

233
"3-87"

ЛДЧ

нее, вывести значит 35 лет. Справедливо ли я рассуждаю.

(пауза)

Вы сегодня пойдете к следователю еще?

1 минуте. Да.

24.40

(молчание)

Нач. 1 отд-ния 12 отдела ГВП МВД

Капитан госу-дарств. безопасности:

Минин
(Минин)

НКВД СССР
ГУГБ
ДВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
1-е ОТДЕЛЕНИЕ
0504

ДОЛОЖЕНО СРОЧНО

19-16
Строго секретно
Контроль лит. "Н"
С.И.И.

Запись № *211*
разговоров по объекту *211*
„10 “ Марта 1938 г.

ИСКАТЬ:
и. Ежову
и. Буриковского
и. _____

(Ночь)

Буриков - Буриков

12-го отдела ГУГБ НКВД
(АЛЕХИН)
А.И.И.

(1-й вернулся с допроса)

0.55

- 1 мужч. Уже час. Какой у вас воздух.
- П " Ну так можно форточку открыть. Сколько было времени, когда вы ушли?
- 1 " 12 часов.
- П " Значит я угадал. Он наверное спешил вас отпустить. (пауза) Сообщений никаких нет?
- 1 " (не ответил) Что-же это будет?...Господи, боже мой!
(молчание)
- 1.30
- П " Что-же вам прокурор сказал что-нибудь?
- 1 " Господи, вот чудак, мне прокурор еще четыре месяца тому назад сказал, что следствие заканчивается, что я маленький что-ли?
- П " Прокурор берет приблизительно, это зависит от других инстанций. Идет по твердо установленному плану.
- 1 " Эти формальные порядки прокурор устанавливает.
- П " Вам официально об"явили?
- 1 " Бумажки конечно не дали, но сказали, что следствие кончилось еще четыре месяца тому назад.
- П " 1 декабря. (пауза) Когда мое дело кончится, черт его знает. Что-то мое дело затягивается. С 30-го числа меня не вызывали. Сказали, что комиссия будет созвана.

- 1 мужч. Вам сказали, что кто осужден до десяти лет -освобождается?
- П " Да. Последнее решение, те освобождаются...(пауза) Вам хорошо, хоть какой-нибудь, да конец.
- 1 " Да, поменялись бы со мной?
- П " Честное слово, так или не так, но я не против, только скорее бы конец.
- 1 " Бросьте ерунду говорить, оставьте.
- П " Нет, все равно так жизни нет. У вас другое дело, я ведь черезчур разбит, выбит из колеи. Вы можете писать романы, стихи, рисовать. Вы все можете делать. В крайнем случае, вы можете быть замечательным преподавателем средней школы, по любому предмету, ведь так?
- 1 " Да, могу.
- П " Корректором в типографии?
- 1 " Да, могу.
- П " Все, все можете. В прошлом году, 9-го числа я выехал из Кисловодска в Москву.
- 1 " Сегодня что 9-ое?
- П " 9-ое марта. В какой вы камере сначала сидели, в самой крайней с левой стороны, в 75 ?
- 1 " Да.
- П " Теперь она уже не 75, а 76.
- 1 " Первый день я сидел в крайней с того края в 75 в самой крайней с той стороны. Вот сюда, видите налево, пойдет стена, там у выхода, я сидел.
- П " Какая нумерация?
- 1 " Не помню, кажется нисходящая 75, 74, 73.
- П " Нет, 75 самая первая камера.
- 1 " Оттуда или отсюда?
- П " Отсюда. Потом вы сидели все время в этой камере?

- 1 мужч. Нет, вон в той камере налево, потом сидел здесь.
- П " Камера меньше?
- 1 " Да.
- П " Кого раньше перевели из той камеры?
- 1 " Я ушел на допрос и потом перевели в другую камеру.
(пауза)
- П " Когда же закончится процесс ?
- 1 " 13-го наверное. 8 часов прокурор будет говорить.
- П " Максимум будет говорить 4 часа, утреннее заседание, вечернее заседание, защитник будет говорить меньше, чем прокурор. 13-го с самого утра начнется последнее слово подсудимых- на каждого 15-20 минут.
- 1 " Почему?
- П " Видно не меньше.
- 1 " Я начну говорить, а мне говорят- "что вы там перерекаетесь?".
- П " Потом- как Ягода? Что он будет говорить. Потом всякие там Максимови, Кричковн. Долго будут говорить: вы, Рыков, Раковский, Крестинский. Вы, я думаю, будете много говорить?
- 1 " Пожалуй не так много.
- П " Ваша речь наверное будет самая большая так, что весь день займет. Это будет последний день, потом перерыв и закрытое заседание. Придете и скажете, что вы получили. (пауза) Завтра 10-ое (пауза) Я сказал-бы, что суд проходит очень демократично и притом очень быстро.
- 1 " Демократия не мешает быстроте. (пауза) У меня такое ощущение, что меня пьлят.
- П " Может быть еще и ничего?
- 1 " Все равно уже, жить немного осталось. Я боюсь страшно, что с Анной не придется, увидиться.
- П " Сыграем в шахматы?
- 1 " Сейчас не могу. Я лучше что-нибудь почитаю. (пауза)

254

- П мужч. Что вы все заняты такими вопросами? Повидаюсь ли с Аньтой? Если обещано, увидитесь.
- 1 " Да обещано, я хотел бы повидаться.
- П " Давайте сыграем партию в шахматы?
- 1 " Не хочется. Мне хочется умереть. (пауза) Я напишу о чаше.
- П " Да что вы?
- 1 " Ну не такими словами:—"я просил бы меня расстрелять, но.."
- П " В суде общая установка, примут судебное решение.
- 1 " Высшую меру наказания.
- П " Это не говорит за то, что надо делать что-нибудь над собой.
- (молчание, читают)
- П " Ох! Какие развратники.
- 1 " Наоборот, они раньше были очень добродетельны, я эту книжку читал, она вышла давно.
- П " В 1936 году.
- 1 " Но я ее читал. Может быть читал рецензию на нее.
- П " Что это за писатель, наш советский. Довольно хорошо написано—Милистирский, я такого не встречал в печати. (пауза)
- 1 " А где 95 камера?
- П " На правой стороне, самая крайняя в углу.
- 1 " Кто там сидит? Я слышал, 95 камеру называли по телефону.
- П " Кто называл, ваш следователь?
- 1 " Нет, я так разговор слышал.
- П " Сегодня, да?
- 1 " Нет.
- П " А если там сидят несколько человек?
- 1 " Может быть, не знаю.
- П " Когда за вами приходят, как вас там называют по фамилии или называют 95 камерн?
- 1 " По фамилии.

265

В.В.

- П мужч. Меня тоже по фамилии.
- 1 " Черт возьми!
- П " Что?
- 1 " Теперь спать совсем не придется.
- П " Что вам принесли?
- 1 " Я ничего, кроме сахара, не выпивал. (пауза)
Вот прочитать наоборот, что получается- видите? А если вы знаете, есть такой французский социалист, утопист Каде если прочитать наоборот, что получается. Каде.
- П " Подождите, я уже забыл группу "освобождения труда" (пауза. Ответа нет)
- 1 " Мне с моим следователем уже нечего разговаривать, у меня такое тяжелое состояние.
- П " Я сегодня днем спал. Видел сон.
- 1 " Где это происходило в лесу, саду?
- П " Происходило как-то странно, я обнимал какую-то девушку и все хотел ее через платье, очень раздражился.
- 1 " Конечно раздражение. Господи, я испытал это чувство. Изголодается человек. Это даже приятно, когда долго не бывает полового акта. Потом происходит активной. Сколько чувства появляется. Если часто, то наоборот прядается, а если редко- цветет цветами радуги, чувства всплывают с новой силой. Это очень хорошее жизненное наслаждение.
- П " Я с одной бабой гулял на кладбище, а перед этим я долго не имел сношения. Я был на курорте месяца два, у меня болела печень и действительно страшно изголодался в этом отношении. У меня раз был случай, что я ничего не мог сделать. Мы оба спали пьяные на кровати. Потом дальше, эта баба кажется сейчас арестована. Я ее начал целовать, обнимать, поднял платье, пока собирался- чтонибудь сделать у меня все вылилось. После она была страшно довольна.
- 1 " А где же наши папиросы?
- П " В прошлом году я возвращался с курорта, остановился в замечательной гостинице "Москва". Кровать широкая, обстановки шикарная, комфорт полный. И вот я случайно встретил одну

266

бабу. Я с ней был знаком, разговорились. Я пригласил ее к себе и она осталась у меня ночевать. И хоть был и большой (болела пчель) но... Она после страшно была довольна говорит, что "я не ожидала от вас такой активности". Это у меня бывает, когда я долго не имел сношения.

- 1 Мужч. Я знаю.
- П " Я живу с женой максимум один раз в пятидневку.
- 1 " Когда я с женой или два года, мы ждем каждый божий день. (пауза) Нужно соответствующее настроение, обстановка.
- П " Я очень люблю женщин, честное слово.
- 1 " Я тоже не могу сказать, чтобы не любил.
- П " Мне приходилось слышать, как некоторые относятся к женщинам пренебрежительно. Я страшно уважаю девушек, особенно хороших. Люблю, когда женщины ласкают.
- 1 " " Всякий, кто не дурак, это любит. (пауза) У меня вообще вся жизнь была интересная и это тоже.
- П " Я в своей жизни встречался с хорошенькими женщинами и девушками тоже, но их я не использовал. Да, жизнь проходит.
- 1 " Вы еще не можете так думать.
- П " Какой интерес, мне уже перевалило 33 года.
- 1 " Да, действительно. Если бы меня не убили, я бы еще прожил 20 лет. Мне сейчас 49 лет, если бы я остался жить, то я бы жизнь взял.
- П " Знаете, вы себя не будете так чувствовать.
- 1 " Господи, но кто же так говорит, так только циники рассуждают. (пауза) Если меня не уробят, я кончу свой роман, а в случае смерти я буду просить насчет чаши (?). Я буду всеми силами добиваться этого, если меня не уробят, есть некоторые макс. Тогда я попрошу, чтобы меня не переводили из этой камеры и я кончу свой роман.
- П " Почему?
- 1 " Потому, что я здесь очень привязан. Попрошу тов. Ежова, чтобы сохранили некоторую связь со мной, чтобы я мог получать книги и все прочее, а когда кончу писать роман попрошу, чтобы меня послали хотя бы на Северный Полюс. Я тут с ума сойду.

317

- И мужч. Там уже решают.
- 1 " А вот вы можете решить? *Зав*
- И " Я не могу.
- 1 " Что значит не могу? (пауза) Приговор исполняется через 72 часа, да?
- И " 72 часа дадут на обжалование.
- 1 " В данном случае обжалование не подлежит.
- И " Тогда я не знаю: Кажется подлежит.
- 1 " Тут нечего обжаловать.
- И " Но кажется, потом, после смертного приговора можно.
- 1 " Сегодня мой следователь упомянул слово- "военная амнистия", мне неудобно было спрашивать. Он сказал, что это последний процесс.
- И " Как это последний?
- 1 " Это значит, что в ближайшем будущем таких процессов, не предвидется.
- И " Причем здесь амнистия?
- 1 " Очевидно военная амнистия не будет.
- И " Я же видел своими собственными глазами, что именно военная амнистия, так как сказано: Президиум Верховного Совета постановил: всех осужденных до 10 лет освободить, осужденных более, чем на 10 лет, срок сократить до половины. Я вам говорю то, что прочел. (пауза) Я вообще ничего не понимаю. Процесс должен закончиться в 7 дней. Я помню процесс Пятакова длился три дня. (пауза) Не знаю как у меня обстоит дело. Мне говорят- "можете не беспокоиться, у вас дело хорошо пойдет". (пауза) Может быть сыграем?
- 1 " Должен я когданибудь готовиться к речи?
- И " У вас уже все в голове, вы ведь все написали.
- 1 " Когда же я написал, мне сказали, что я буду говорить первым после защитника. Понимаете, может быть первым, вообще.
- И " Скажите там, польстите советской власти как враг народа,

как гидра мировой контрреволюции. (пауза) Меня скоро заберут от вас.

1 мужч. Нет, нет.

П " Будет очень мало, если заберут.

1 " Расскажите что нибудь.

П " Давайте спать.

1 " Я не могу спать.

П " Спросите порошки х.... (пауза) Слушайте, этот х... какое место занимал в Китае?

1 " Это в Миджи, там главным образом происходит лечение травами.

П " Это хороший врач?

1 " Да. Вылечивал многих безнадежных больных. Были также, которые не вставали по 30 лет и вылечивал. (пауза) Неужели уже 3 часа? (пауза) У меня Анита очень многое знает, столько сколько я не знаю в области экономики, техники, особенно в области техники. Она в Москве на электростанции работала, там станция есть, она хорошо знала процесс производства, опыты производила. Я вообще никогда не производил в лаборатории опытов. Она знает не один язык. Немецкий знает. За то она так воспитана, что ничего не знает о религии, о Христе, вообще ничего не знает.

П " Почему?

1 " Не пришлось уже, но это не мешает ей знать философию, например Канта, а насчет религии даже самого поверхностного понятия нет. (пауза)

П " А теперь, в средней школе у вас преподаются языки?

1 " Не знаю: Тогда у нас преподавали. Она знала французский и немецкий, причем французский знала блестяще.
(П читает)

П " А литературу на латинском языке вы читали?

1 " Ну как же. Цезаря, Горация, Овидия и др. Вообще я много читал. (пауза) О богах Олимпа, Зевсе и Клитеме. О разрушении Вавилона читали?

269

- П мужч. Сейчас, чтонибудь от него сохранилось?
- 1 " Абсолютно ничего, только раскопки. Это было за 12 тыс. лет до рождения Христа.
- П " Это, что было, особое государство, громадное?
- 1 " Да.
- П " На какой это территории?
- 1 " В Месопотамии, где протекают Тигр и Евфрат. Там еще сохранилась библиотека Гамураби, который жил 5 тыс. лет тому назад.
- П " У нас занимаются исследованием исторических вещей?
- 1 " Сейчас занимаются, но очень мало. (пауза)
- П " Слушайте, сколько сейчас времени, часа 4? Давайте сыграем в шахматы или расскажите чтонибудь.
- 1 " (Я уже спать хочу, я и так вам все рассказываю.)
- П " Вы больше моего знаете.
- 1 " Вы так и недосказали мне историю в лесу.
- П " У меня как-то странно происходило, я почувствовал, что у меня начинает выливаться. Проснулся, правда, немного вылилось, штаны даже мокрые.
- 1 " А бывает так, что как будто кто пришел и вам мешает?
- П " У меня почти через день бывает, наверно большое накопление, раньше этого не было.
- 1 " Поллюция, нормальная поллюция бывает раз в три недели.
- П " У меня было раз в месяц иногда даже реже. (пауза)
- 1 " Живот у меня растёт, прямо поразительно.
- П " У меня все мускулы спали.
- 1 " У меня еще есть.
- П " Я был очень здоровый, а сейчас ноги и руки стали худеть.
- 1 " Буду я жить или нет, через три дня узнаю.
- П " Вы, что будете согласовывать свое выступление?
- 1 " Неможно, теперь я не заинтересован ничем. (пауза)
Я им сказал, что буду себя страшно плохо чувствовать на предстоящем выступлении.

270

- П мужч. Там, где вы сидите, позволено ли курить?
- 1 " Разрешение.
- П " Вообще этот зал приспособлен для суда?
- 1 " Раньше это было дворянское собрание.
- П " Что прокурор был в этом зале или в другом?
- 1 " Я не помню...кажется, в этом.
- П " Вопрос еще будет, я году, еще много людей, какое это относительно производится?
- 1 " Не знаю.
- П " В публике, наверно, много журналистов, писателей, чокистов (шузы) Там чокистов, наверно, больше чем публики.
- 1 " Нет, чокистов половина и даже больше.
- П " А жена Горького присутствует или присутствует?
- 1 " Да я видел первую жену, Екатерину Павловну.
- П " Где она работает, в Красном Кресте?
- 1 " Это же не работа, а такая организация помощи политическим заключенным.
- П " Это советская организация?
- 1 " Советская, но не совсем терминки.
- П " А еще кто, знакомых много?
- 1 " И видел в глубине некоторых.
- П " Наверно неприятно встречать знакомых. А жене Максимов была?
- 1 " Да. Екатерину Павловну я видел, Москвина, Толстого, Пешкова видел.
- П " А Москвина вы знаете?
- 1 " Да, знаю.
- П " Сегодня, когда кончится суд, то наверно объявят, что вечером закрытое заседание.
- 1 " Неужели 4 часа?
- П " Я думал, что уже за вами идут. (пауза)
Это раньше было дворянское собрание. Дворяне раньше бали давали. Вы там не были?

- I мужч. Был. Самоочетливый синагогический оркестр там слушал. Я был в Москве нелегально, из-за ссылок, ну и пошел на концерт.
- II " В Кремле тоже были учреждения?
- I " Да, судя проходили и допросы по особо важным делам.
- II " А мне казалось, что там только одни церкви.
- I " Нет. Там судебная палата была. Градоначальник около Тверской и Страстного бульвара. Казенная палата была где ЦК был. Учреждений было черт знает сколько. Там арестованные сидели, которые теперь на меня показывают.
- II " Вы на кого больше обижаетесь на Яковлеву или Осинского?
- I " Нет, мне ее жалко, мы ведь с ней раньше были хорошими знакомыми. Ведь она на меня показывает неправду, пол давлением. И с ее братом в хороших отношениях был. Одна моя книжка посвящена ему. Когда у нас была очная ставка она смотрела на меня такими невидящими глазами. У меня к ней нет никакого враждебного чувства.
- II " Вы хотели бы очной ставки?
(ответа нет. Пауза)
- I " Сколько Ивану Инкитичу лет?
- II " Лет 60.
- I " Он рабочий, я знал его с 190...года.
- II " Он потом был участником гражданской войны.
- I " Я знал, что он в старое время был троцкистом. (пауза)
Что мы с вами делаем, завтра совсем не сможем работать.
- II " Я же вам предлагал спать, А что Осинский до революции был большевиком? Он был в Московской организации. Что он положе вас?
- I " Нет, старше.
- II " Он, кажется, занимался литературным трудом, что-то писал, и в первые годы революции, что он делал?
- I " Он работал в ВЦИК. Я был первым председателем, а он вторым, кажется. Я тогда сочинил этот доклад ВЦИК. Потом я был избран редактором "Правды".

№ 12.-

Б-87

272

Handwritten signature/initials

И мужч. Нужно спать.

Начальник 1. отделения 12 отдела ГУГБ НКВД
Капитан гос.безопасности:

Handwritten signature
(СЛМ)

НКВД СССР
ГУГБ
НАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
ОТДЕЛЕНИЕ
0538

СРОЧНО

Запись №
разговоров по объекту

10 - 11 " Марта 1938 г.

(Ваша почта, т.е. т.е.)

(Бурлаков В. В. т.е.)

Имя:
Евсаву
Ивановичу

12-го отдела ГУГБ НКВД
(АЛЕХИН)

[Handwritten signature]

1. 5721512 муж. Д. процессник.
- 1 " Д. (пауза). Но это не от нас все зависит. (Молчание)
2. 3021302 " Что вы не ложитесь, все ходите.
- 1 " Вас что это раздражает?
- 2 " Нет.
- 1 " И все думаю о своей речи. Я хотел бы сказать такую речь, чтобы международной интеллигенции она была понятна. Помните (пауза). Если я вижу играю своим словечками, но я боюсь, чтобы они не сказали: не понимает. Но слышишь прокурора и вообще по ходу дела я являюсь бандитом и т.п., а он тут вмешивает с философией, понимаете меня?
- 2 " Д.
- 1 " Я боюсь как бы не было разрыва. С другой стороны я не хочу прибедняться, т.е. выступать не так, как я могу. Видите, тоже отрицательное значение, неуверенно (пауза). Я придумал целый ряд новых пунктов (пауза). Можно было просто во всем сознаться и все, но ведь это все

235

Handwritten signature or initials

русские (пауза). Вот хочется сказать о колебании между жизнью и смертью. И кому сказать о жизни и смерти. Тогда человек и ходит между жизнью и смертью, но он уже выжившим весь свой жизненный путь, он вспоминает все свои жизненные эпизоды, он еще рассчитывает на жизнь (пауза), если жизнь останется конечно. Если идет речь о смерти, то у человека возникает вопрос, как удержать. Если связана речь со смертью, то необходимо все рассказать, а если не расскажем, то у тебя что-то останется на горбу и никто об этом не узнает (пауза). Дальше надо речь связать с испанскими и китайскими событиями (пауза). Личное озлобление, тщеславие и т.д. все сейчас отбрасывается, так, что я придумал все аргументы, правда, сейчас они у меня в разбросанном виде. Дальше хочу упомянуть о Достоевские, про свои исторические показания, которые не соответствуют действительности (пауза). И не забывай славянскую душу. Кому кесичься Достоевские, так как в Западной Европе это очень сильно развито, а мне противно это. Достоевщина все влечет, но и это вполне понятно, что вытекает это все из укладической психологии там (пауза). Дальше вопрос с юридической и политической ответственности, тем более, что по некоторым вопросам я буду иметь заглаву. По юридическим вопросам, некоторым, я не признаю вину, а политически признаю. Поэтому вопросу я прав буду требовать того или иного решения, так как я не стрелочник, а только лидер (пауза). Политическая от-

230

287

- ответственность важнее, чем юридическая, это пожалуй и для задних лучше будет (пауза). Дальше о разрыве с сознанием, самая плохая заценка, можно сказать. Первое - преступные цели и второе - непоколебимая уверенность в измене деле (пауза). Здесь надо связать с политическим заторможенности. Аргумент - большое строительство СССР, исполнился разломился. Вот новые вещи придумал я. (пауза) Вот если я эти новые такие штуки навсрочу, то что получится, а?
- 2 мужч. Чорт их знает (пауза). Но моему ничего здесь плохого нет чтобы можно было произвести плохое впечатление.
- 1 " не получится философия?
- 2 " Но ведь эта философия связана с вашим делом, так что вы можете заигнаться; вы же крупный государственный преступник.
- 1 " ... Да, пожалуй из всех 3 процессов я самая крупная фигура.
- 2 " Бинзовьев тоже была фигура.
- 1 " Нет, я говорю в смысле культурности.
- 2 " Это конечно (пауза). Вы знаете, речь надо построить так, чтобы совершенно не было тени на оправдание.
- 1 " Конечно, конечно. Вот чудак.
- 2 " Вы можете все это использовать, вы обосновываете разделение человека, находящегося между жизнью и смертью, вы вкладываете все ваши психологические переживания, что ваша судьба находится между жизнью и смертью и что вы никакой никаких не строите. Так, что все вполне понятно.
- 1 " Да.

137
"57"
ЛД

- 2 мужч. Что вы сознались в своей преступной деятельности в течение всего времени. (пауза) Дальше, сопоставление жизни и смерти, я считаю, что это правильно.
- 23.20 1 " Так, так (шепчет)
- 2 " Что это такое, поэт (слышно поем).
- 1 " Чорт их знает.
- 2 " Да, да, поэт.
- 1 " (выпевает)
- 23.25 (Молчанье. 1 шплет)
- 24.05 2 " Кончили?
- 1 " Нет еще, оправдательная часть еще не отработана.
- 2 мужч. Защитная значит.
- 1 " Да. (Читает, свой речь 32 раздела). Вот защита шпионажа, левого коммунизма особенно хороша, потому что оно не будет разделяться.
- 2 " Что это значит?
- 1 " Там имеется материал против меня по 4 статьям, понижается, а всего статей 8, они касаются группы людей, но я ведь группы никакой не составляю.
- 2 " Левин входит в группу.
- 1 " Под названием "право-троцкистского" блока! юридически я, конечно, буду признавать, как оружие (пауза), но главное это измена родине, большей измены конечно не существует, как измена родине. Измена Сталину - измена социализму. Ну как?!
- 2 " Правильно.
- 1 " Дело не в том, что правильно. Хорошо или нет?

- 2 мужч. Хорошо, только у вас получилось как будто изменили одному лицу - Сталину.
- 1 " Нет, здесь Сталин и социализм, сплослось в единое целое.
- 2 " Ну хорошо.
- 1 " Я полностью отвергаю дело о покушении на жизнь Ленина. А все остальное я признаю, я виновен.
- 2 " Все хорошо.
- 1 " Хорошая речь?
- 2 " Да. Она займет у вас больше часа?
- 1 " Нет.
- 2 " Почему Бухарин во всем сознался, так это вполне понятно; в вашей речи все отражено. По моему, все хорошо. Защитная часть немногого...
- 1 " Я ее отредактирую.
- 2 " Как бы не получилось противоречия.
- 1 " Мне дано право и я буду записываться, там, где я считаю нужным.
- 2 " Конечно, вам не могут запретить.
- 1 " Ох ты боже мой (пауза)! я ведь все понимаю, я даже движение брови понимаю, не то, что вы. Ведь заключительная речь отбивает целый ряд сомнений. Ведь я всю эту публичку очень хорошо знаю.
- 2 " Я понимаю.
- 1 " В высшей степени было бы глупо, если бы я держался другой политики.
- 2 " Вы собирались здорово разгромить какие-то показания следователей, которые направлены против вас.

- 1 " 1. А что вы думаете я сделаю судью законным и буду сидеть, я ведь опытный адвокат.
- 2 " 2. То вы не юрист, а экономист.
- 1 " 3. Испугаться, я стал все юридические экономисты, так, что я юрист тоже.
- 2 " 4. Ах вот как!
- 1 " 5. Да.
- 2 " 6. Я за вас спокоен. Говорить вы умеете (пауза). Николай Иванович, что вы задумываетесь все?
- 1 " 7. Я думаю.
- 2 " 8. Чего вам думать, самое трудное уже прошло.
- 1 " 9. Откуда вы знаете?
- 2 " 10. Допрос уже прошел - это самое трудное, я считаю. Правда, речь прокурора тоже неприятное дело, она будет изобиловать всякими эпитетами довольно неприятными по вашему адресу и потом второе - это ваше выступление (пауза). Но самое тяжелое в процессе - это допрос.
- 1 " 11. Допрос я провел ничего.
- 2 " 12. А чего же так теперь беспокоиться. Просто хотите потерзать себя?
- 1 " 13. Ну конечно.
- 2 " 14. А в чем дело тогда?
- 1 " 15. А не из таких.
- 2 " 16. А в чем дело?
- 1 " 17. И не из таких (пауза). Теперь, конечно, все равно.
- 2 " 18. Да.
- 1 " 19. 25 лет, 25 лет. Смертная казнь может быть заменена повышенными сроками заключения.

DAI

- 2 мужч. Высшая мера социальной защиты.
- 1 " Да, да.
- 2 " Обсуждая по тексту расстрела не будет.
- 1 " И не помню, это к 7 ноября было сделано изменение?
- 2 " Нет, к сессии Верховного Совета.
- 1 " Да, да (пауза). Лучше расстрел чем сидеть и ничего не делать в таком состоянии.
- 2 " Это верно.
- 1 " Конец один, а однако я спокоен..
- 2 " Вы спокойны потому, что еще так и так стоит вопрос.
- 1 " Так и так, еще хуже.
- 2 " Меня удивляет, почему вы говорите о расстреле (пауза): Когда Нарком был здесь в камере, потом следователь и еще кто-то, так все смеется над вами, когда вы говорите о расстреле.
- 1 " Смеется и намекает, посылает вас.
- (Молчание)
- 2 " Интересно послушать вашу речь (пауза). Вы будете сильно волноваться, когда прокурор будет делать речь и вас будет поднимать и склонять крепко.
- 1 " Да, надо подготовиться себя к этому и относиться спокойно.
- 2 " Вы волнуетесь, когда сидите на процессе?
- 1 " Да.
- 2 " В своей речи он больше всех будет упоминать вас.
- 1 " Да.
- 2 " Так или иначе дело идет к концу.

241
"3-87"
LAL

- 1 нумч. Да.
- 2 " Через 3 дня вопрос будет решен. Приговор - самое страшное (наказ). Вы представляете себе как будете чувствовать себя?
- 1 " Представляю.
- 2 " А и нет не представляю.
- 1 " Я в самые страшные минуты не волнуюсь, а вот до этого страшно переживаю.
- 2 " А на суде как будете?
- 1 " На суде буду сидеть как каменный статуя (молчание). Но почему меня не вызывают.
- 2 " Может не вызовут сегодня...
- 1 " Ну как так.
- 2 " А он вам сказал, что вызовет?
- 1 " Да.
- 2 " Вечером?
- 1 " Да.
- 2 " Вчера вы уходили в 12-ть часов и вернулись через час.
- 1 " Да.
- 2 " Сейчас наверно уже 12 часов есть.
- 1 " Конечно.
- 2 " Ну теперь вы немного успокоились?
- 1 " Да что вы.
- 2 " Слегка от сердца?
- 1 " Чего вы привязались.
- 2 " Сыграем Николай Иванович в шахматы.
- 1 " Что вы издеваетесь.

2 мужч. Нет, зачем вы так говорите, я просто хочу с вами сыграть, сейчас вы, я вижу, успокоились (молчание).

1 " Справно поведло, можно закрыть "орточку до конца?

2 " Конечно, я тоже что-то заморз (пауза). Знаете что, продолжим с юридической частью, вот речь прокурора будет, тогда картина ясная будет.

1 " И тоже как думал (пауза). Может речь будет с ног сшибательная.

2 " Да, да.

1 " Да, вам говорить хорошо.

2 " И за вас спокоен (молчание)

60 8.4.50 (Играют в шахматы)

48 1.48 (Открылась дверь)

Мужч. Вас вызывают.

1 мужч. Хорошо, сейчас (дверь закрылась)

2 " Все на депрос и на депрос, уж надоела эти депросы.

1 " Вы запомните чей ход.

2 " Хорошо (пауза). Вы посмотрите сколько время.

1 " Сейчас наверно час.

2 " Посмотрите, посмотрите.

1 " Хорошо:

2 " Ну давайте дальше продолжать игру.

1 " Нет, не могу.

2 " Да, сейчас взовут вас.

1 " Да.

2 " Не забудьте время запомнить, когда туда пойдете и обратно.

1 " Хорошо.

243
ЛМ В-87"

- 1.54 (Первый ушел на допрос.)
2.45 (Открылась дверь)
Мужч. На допрос приготовьтесь.
2.47 (Второй ушел на допрос)
3.57 (Второй пришел)
4.15 (Первый пришел)
2 мужч. Сколько время сейчас?
1 " А как вы думаете?
2 " Полчаса 4-го?
1 " Нет, 15 минут 5-го (пауза). Ой, ой.
2 " Я не помню как мы играли, на чем кончили?
1 " Я ходил, а теперь ваш ход. (Играет в шахматы)
4.30 Давайте спать, а то завтра у меня будет очень тяжелый день (пауза). Завтра будет говорить только прокурор и наверно перерыва не будет.
2 " Что вам следователь сказал?
1 " Ничего, хорошо говорит.
2 " Си хитрый парень.
1 " Да, да.
2 " Когда суд будет закончен, 13-го или 14-го?
1 " Ничего не говорил насчет этого.
4.35 (Молчание, легли спать)

11 марта 1938г.

(утро)

- 8.45 (Проснулись. Открылась дверь, принесли чай).
1 " Ох, ох (молчание).

244
"В-ст"
Лис

8.58

9.00

9.10

- 2 мужч. Еще рано.
- 1 " Как рано?
- 2 " Еще не так скоро поедете (пауза). Вам чай принесли, вы не возражаете, если я выпью?
- 1 " Оставьте мне испного в кружке.
- 2 " Хорошо.
- 1 " Закройте форточку пожалуйста.
- 2 " Пожалуйста, пожалуйста. (Молчанке)
(Стирлась и закрылась дверь)
- 1 " Как вы думаете, я успею переодеться?
- 2 " Конечно, вы не спешите, вас подождут. Зачем спешить.
- 1 " Рубашку еще надо переодеть.
- 2 " Вы будете еще умываться?
- 1 " Ну и что-же.
- 2 " Вот уже машина приехала за вами. (пауза) Глядят здесь ужасно белке.
- 1 " Почему?
- 2 " Все в морщинках.
(Лиски умываться)
- 1 " (Ириски)
- 1 " Вы запонки мои видели?
- 2 " А куда вы их вчера положили?
- 1 " Я попрошу вас помочь мне.
- 2 " Пожалуйста:
- 1 " Ах боже мой, боже мой.
- 2 " Сегодня позже едете?
- 1 " Да, в 12 часов начнется. (Молчанке)
- 2 " Простоквашу принесли, презент некорошки (кунают)

245
"B-37"
LH

2 мужч. Да когда уехали?

1 " В 8 часов.

2 " Да быстро уехали, а я вот морочался-ворочался и никак не мог уехать (молчание).

9.30

9.30 Мужч. Гудяк пойдете?

1 " Нет, не пойду.

(Закрывается дверь)

2 " Сейчас уже много времени.

1 " Да, мне тоже кажется (ходит)

2 " Как он ненавидел Николая 1-го, прямо так и чувствуется.

Чем это объяснить? Тем, что он его преследовал, да?

1 " Ну конечно. (Молчание)

9.51

9.51 2 " Николай Иванович, речь прокурора утверждает ЦК?

1 " Основу, конечно! ЦК (Молчание) Воже мой! (Молчание)

2 " Николай Иванович, в чем сущность вольтеризма?

1 " В чем сущность? Трудно сказать. Он предшественник французский материалист. Вольтер - большой насмешник, беллетрист, ненавистник католической веры, пользовался популярностью в Европе у Фридриха 2-го. Сам он очень большой философ, верил в бога, как в безличное существо. Над церквью он очень насмешничал. (Пауза) Вольтеризм можно сказать остроумное остроумие, остроумное вольтеризмство.

2 " Так.

1 " Вот уже начинают выводить всех.

2 " Сейчас вас позовут.

10.00 10.00

(Открылась дверь).

- Мужч. Кохалуфста одевайтесь.
- 1 мужч. Да, жить мне осталось мало.
- 2 " А врачей наверно всех оставят.
- 1 " Конечно, только прокурор в своей речи возьмет их под обстрел.
- 2 " По моему, их не расстреляют. У них такое впечатление. Расстрел будет относиться к шпионажу и провокаторам, например, Иванов, Зубарев (пауза), могут Чернова еще расстрелять; а могут никого не расстрелять. Сейчас трудно сказать. Наверно у них есть уже решение.
- 1 " Давно уже приготовлено.
- 2 " Разве они могут за такой ранний срок решить, или накануне это решается.
- 1 " Нет, это еще раньше решается.
- 2 " Каким образом?
- 1 " Ну, у них уже есть мнение.
- 05 10.05 (Первого увезли на процесс)

Нач.1 отделения 12 отдела отдела ГТБ НКВД

Капитан государственной безопасности:

(Мяки)

" 11" марта 1938г.

11ч. 45м.

НКВД СССР

ГУГБ

ОДИНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

1-е ОТДЕЛЕНИЕ

№ 0568

СРОЧНО

Л. С. Л. № 246
СТРОГО СЕКРЕТНО
"Контроль ЛМТ. "И"

Запись № 2

разговоров по объекту "Б-87"

„ 11го Марта 1938 г.

УЧАСТНИКИ:

1. Бессонов
2. Грицьковичев

12-по отасла ГУГБ НКВД
(САДКНИ)

25

(Первый вернулся с процесса)

(Вечер)

(Тухарин - Заричкин)

- 1 Мужч. Все идет, как я предполагал.
- II " Что кончилась речь прокурора?
- 1 " Была еще защита и заключительное слово подсудимых Грицьковичев, Бессонова и др. Речь прокурора была такая, что превосходит все, во всем решительно меня обвинила: убийства, шпионаж, половина речи была посвящена мне. Требовал смертной казни. Он несколько раз говорил, что я кривляюсь, фиглярничая перед своим смертным часом. Так, что жить мне еще осталось два дня.
- II " Речь прокурора была показательной. Уж кого, кого, а врачей истреблять не будут.
- 1 " Врачей, может быть...но мне была посвящена половина речи.
- II " Этого надо было ожидать. (пауза) Что у нас воздух плохой?
- 1 " Мне нечем дышать, с сердцем что-то плохо.
- II " Когда ваше выступление?
- 1 " Наверное завтра, мне надо целую ночь готовиться, потому, что наговорено очень много нового, сверх нового.
- II " Вы что, будете готовиться для защиты? Кто говорил сегодня из обвиняемых?
- 1 " Я уже вам говорил, Бессонов, Грицьковичев, Чернов.

0118

П мужч. Долго говорили?

1 " Они говорили, что они шпионы, диверсанты, но во всем чистосердечно рассказываются. Я так и предполагал. Я, вероятно, единственный человек, который будет защищаться хотя бы по некоторым пунктам и это мне тоже могут поставить в вину, "эот еще-скажут-философствует".

П " Да вы же признаете свою вину?

1 " Если взять речь прокурора и предварительное следствие, то больше половины нового.

П " Но они же мотивируются материалами, которые были на суде.

1 " Я возражал только на новое, а теперь уже сверх нового.

П " Откуда это?

1 " Я почему знаю? Одним словом, на меня все нападки, скоро голова моя покатится.

П " На вас весь упор...то, что к вам относится половина речи- это еще ничего.

1 " Да я вам говорил, что специально половина речи для меня.

П " Сколько времени говорил прокурор?

1 " Все утро и часть вечера.

П " А защитники?

1 " Не очень долго...(пауза) спина болит ужасно. Меня еще должны вызвать.

П " Возьмите яблоко.

1 " Да я не хочу, все время там жрал, мне ведь все равно умирать.

П " Старая песня...Николай Иванович, ведь все время шла речь о том, что прокурор в своей речи будет вас поливать грязью на процессе, так чего же вы сейчас так возмущились и беспокоитесь?

1 " Я к смерти готов, абсолютно хладнокровен, я только прошу свидания с Анной...Стоит ли мне произносить речь?

250
249

- П мужч. Обязательно.
- 1 " А зачем?
- П " Обязательно надо произнести, если не будете говорить, то этим вы обольете себя грязью.
- 1 " Сказать просто и кратко.
- П " Бухарин-человек известный.
- 1 " Это просто агент контр-разведки. (пауза)
Скажите, сколько мне еще осталось жить, завтра последний день.
- П " Вы уже начали волноваться Николай Кванович, вы думаете, что я не понимаю вашего положения, но нужно держать себя в руках.
- 1 " Слава богу, я то уж держу себя в руках- не плачу, не ною.
- П " Это на вас так новое подействовало.
- 1 " Я на 100% созрел для смерти.
- П " Вы же знали уже все заранее, так что же вас удивляет это новое? (пауза)
- 1 " В середине своей речи прокурор вставил, что я нахожусь перед смертью.
- П " Это он должен был сделать для красного словца.
- 1 " Да, он смотрит так, кроме того все обвиняемые пробирают меня в последнем слове.
- П " То-есть?
- 1 " "Вот, мол, не признается, когда нужно признавать".
- П " Нужно признать.
- 1 " Эти убийства Куйбышева, Максима Горького... Боже мой, что-то прямо невозможное. Сын М. Горького, этого убийства я совсем не знал. Скорее бы умереть, чтобы ни черта не видеть и не слышать.
- П " Выходит, что завтра закончится процесс?
- 1 " Возможно. Я думаю, что завтра закончится.
- П " Защитник о чем говорил?
- 1 " Я в это время выходил, попросился войти. (пауза)

250

23.40

- 1 мужч. Незнай что делать, как я справлюсь со всем этим.
- П " Что значит как справлюсь?
- 1 " Мне нужно подготовиться, записи все сделаны, я должен просидеть всю ночь, на что я буду похож. Я попрошу, может быть можно не ходить на утреннее заседание, иначе ничего не получится. Если бы я принес ту речь, которую вам говорил, был бы настоящий - "белой вороной".
- П " Почему?
- 1 " По тону, по форме. Все выступают-говорят, "я злодей" и т.д. в общем кратко очень.
- П " Вот уж нашли с кем себя сравнить, с какимнибудь Бессоновым.

23.45

(Открылась дверь)

Надзир: Вы готовы?

- 1 мужч. Да, я сейчас пойду.
Меня должны вызвать.
- П " Что там было, не холодно?
- 1 " Холодно.
- П " Процесс начался в 12 часов?
- 1 " Да.
- П " Сколько было времени когда вы уезжали отсюда?
- 1 " Ей-богу не помню.
- П " Ешьте.
- 1 " Берите и ешьте вы. (пауза)
- П " Что вызовут вас?
- 1 " Не знаю. (пауза) Вы помните, что говорили насчет меня и Рыкова? Что Рыкова могут расстрелять, а меня нет.
- П " Помню.
- 1 " А теперь выходит наоборот.
- П " А если вам дадут 10 лет.

24.00

(Открылась дверь)

Надзир: Готовы?

1 мужч. Да.

257

П мужч. Когда вы приехали было половина 12-го?

1 " Я не помню сколько, я ведь уже говорил вам.

П " Половина 12-го.

0.05
(1 ушел на динрос)

0.40
(Вернулся)

1 мужч. Не знаю готовиться ли мне, я слишком устал.

П " Вы попросили?

1 " Я говорил- глупо же сидеть там, у меня сейчас странное чувство в связи со всем этим погромом и проч. Я совершенно спокоен. А физически нет. Спина у меня болит очень, я просто разваливаюсь.

П " Шутка-ли, сидеть все время.

1 " У меня все время болит спина, слушать надо напряженно, нервы совершенно ослабли!

П " Процесс когда кончится, не известно?

1 " Слушайте, я им сказал то, что вы мне сказали. Говорят "умный парень".

П " Это совершенно правильно, я говорю о себе, нужно быть совсем идиотом, чтобы этого не понять.

1м " Боже мой, как я устал.

П " Назовите мне такое авторитетное начальство после вас в международной обстановке.

1 " Не могу знать. (пауза) Так хочется умереть поскорее бы. Боже мой!

П " А что вы будете готовить?

1 " Он говорит мне- "говорите хоть 3 часа. В наших кругах считается, что вы идете правильно". Я говорил, что хотел устроить погром. А они говорят - " пусть хоть 3 часа дискусируют. Он должен говорить как Бухарин".

П " Вы не какойнибудь Бессонов, а последнее слово подсудимых идет, как процесс начался?

1 " Да, они так и идут, вы понимаете?

П " Я могу точно назвать. 1-й день Бессонов, Чернов, Иванов.

252

205

- 1 мужч. Как Бессонов, а Грицько?
- П " Грицько, затем Зубарев и Розенгольц.
- 1 " А знаете что у него в кармане нашли при обыске? Талисман. Жена у него суеверная женщина из бывших, написала пару каких-то молитв и закатала в хлебный шарик.
- П " И он это носил сознательно?
- 1 " Я даже не мог не захохотать. Вот такие случаи. (пауза) Как прокурор говорит- " кровавые пси".
- П " Числа 13-го закончится процесс?
- 1 " Завтра закончится.
- П " И это может быть.
- 1 " Посоветаются часов пять, потом ночью приедут и прочтут приговор.
- П " 5 часов будут совещаться, почему 5 ?
- 1 " Ну уедут совещаться куда-нибудь на 5 часов.
- П " Подождите, о чем я хотел сказать, вы говорили, что Бессонову и Раковскому дадут по 25 лет, почему?
- 1 " Потому, что они были простыми связистами, не членораздельное что-то сказал.
- (молчание)
- А, что если я свою речь прочитаю вам, если напишу?
- П " Не успеете, времени мало.
- 1 " Я напишу по формочке, будет и красиво и точно.
- П " Я спать совершенно не могу.
- 1 " А бумага есть?
- П " Я вам дам своей, если хватает.
- 1 " Я попробую, почему не попробовать, все равно умирать.
- (пауза)
- Сколько времени сейчас?
- П " Я не знаю, сколько было времени, когда вы пришли?
- 1 " Час.
- П " Сейчас значит половина 2-го.
- 1 " Что-то у вас лежит?

- П мужч. Где?
- 1 " Вок там в свертке.
- П " Не знаю. (пауза) Это вы пожалуй не успеете.
- 1 " Я сейчас уточню. Вы никогда не ругались, не хулиганили остро?
- П " Я вообще очень мало ругался.
- 1 " Где же спички е... твою мать.
- П " Я вообще не буду курить.
- 1 " Давайте покурим. У меня все смялось, где же мой пиджак?
- П " А где спички?
- 1 " Не знаю. Я хорошую папиросу взял, хотя мне кажется, что это не хорошие, а те же самые.
- П " Напишите свою речь, а я послушаю.
- 1 " Он мне тоже самое говорит, что, " не надо удивляться ведь вы знали, что все так и будет".
- П " Вы же сами говорите, что на вас все набросились. Что это вы пишете?
- 1 " Последнее слово подсудимого.
- П " Зачем это?
- 1 " Нужно.
- П " Нужно, чтобы осталось как документ, да?
(молчание)
- 1 " Когда начался процесс?
- П " 2-го.
(молчание)
- 3.00
П " Вы что сейчас пишете? Зачем волосы рвете?
- 1 " Скоро уж все равно ничего не будет, все сгорит.
- П " Разве вас в крематории будут сжигать?
- 1 " А где же?
- П " Бросьте вы. (пауза) Это очень дорого стоит. Как там горит, электричество?
- 1 " Да где как.
- П " Спать, что-ли? Завтра вас, наверное, долго ждать придется.
- 1 " Можете совсем не ждать.

254

- П мужч. Что вы думаете, после оглашения приговора вас сюда не привезут?
- 1 " Да.
- П " Ну, бросьте. А что же говорит следователь?
- 1 " Ничего.
- П " Интересно вообще.
- 1 " Он говорит- " ведь нарком сказал, что расстрела не будет".
- П " У вас дело уже к развязке идет. Что вы сейчас готовитесь к защите?
- 1 " Нет еще.
- П " Вы вчера еще начали писать. (пауза)
- 1 " Сколько сейчас время, как по вашему?
- П " По моему около 3-х. (пауза) Что на дворе мороз?
- 1 " А черт его знает, я даже не знаю.
- П " А я не гуляю совсем, честное слово.

(молчание)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУБ НКВД

Капитан гос.безопасности:

Ю. Шин
(ЮШИН)

НКВД СССР
ГУГБ

ДОЛОЖЕНО СРОЧНО

Дело №12-16
СТРОГО СЕКРЕТНО
Контроль лит. "И"

ВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

1-е ОТДЕЛЕНИЕ

4581

Запись № *226*

разговоров по объекту

"В-87" *255*

12" Марта 1938 г.

ЧАСТЬ:

С. Сороку

Ц. Шиндлеру

12-го отдела ГУГБ НКВД
(АЛЕХИН)

(Будь рин - Берислав)

(Утро)

3.40

- 10 1 мужч. Ой, черт возьми, ничего не пойму.
- II " Что?
- 1 " Помирать.
- II " Что?
- 1 " Умирать скоро.
- II " Почему?
- 1 " Сколько еще осталось, скажите ради бога?
(молчание)

4.10

- 10 1 " Почитать вам?
- II " Почитайте.
- 1 " Я только начал. Когда только кончу, что я писал
вначале. Третья часть, там только рассусоливание,
это я в конце пушу. А в первой части будет в чем
я виноват, что я признаю и что не признаю.
(читает)
Это наиболее важное место.
(продолжает чтение)
Это ничего, что так сухогато? (читает)
Вот первый раздел, вот что я признаю. Смертей этих
я не признаю Кирова, Менжинского. (читает) До сих
пор только записал. Ну что?
- II " Сильно очень.

- 1 мужч. Почему, как же надо защищаться? Это получается признание вины и в то же время отрицание существа. Говорить буду дальше, что блок существовал и состоял из 21 чел., ну и потом дальше.
- П " В этой части компрометируете весь процесс.
- 1 " Почему?
- П " Почему то у меня сложилось такое впечатление.
- 1 " Тогда не стоит.
- П " Я говорю, что очень сильно. Но вы пишете.
- 1 " Я не хочу компрометировать процесс.
- П " Ваше выступление будет богатым материалом для прессы. Могут сказать, что процесс случайный, вы бросаете очень серьезное обвинение.
- 1 " Видите ли, я теперь совсем не знаю, что можно, что нельзя.
- П " Да вы не обращайте внимание на меня, пишите.
- 1 " Я не хочу подначивать процесс.
- П " Немножко разгоните.
- 1 " У меня написано, что я сознаю и чего не сознаю. Что тут вообще особенного?
- Ш " Да вот этот вопрос о блоке.
- 1 " Я говорю, что это не группа.
- П " Правильно, это политический ответ. "С которыми я не имел никакой связи". Если бы так написали, что бы получилось.
- 1 " Черт знает. Да у меня еще целый ряд таких с ног сшибательных моментов. Вообще такого же характера.
(молчание)
- У.Ч.О.
- 1 " Да, пожалуй это не хорошо выходит, боюсь я.
- П " Что не хорошо?
- 1 " Вот, что вы говорите.

- 257
- II мужч. А вы, что сами не видите? Этот момент не стоит.
- 1 " Я только указываю, что той группы, как группы не существовало.
- II " Заменить надо это слово.
- 1 " Как?
- II " Очень острый момент, у вас много острых моментов для защиты.
- 1 " Да, я могу весь процесс дескредитировать.
- II " И потом получается выступление против процесса, против правительства.
- 1 " Да, я не хочу этого, вот чудак-то.
- II " Поэтому я вам и говорю, потому что знаю, что вы не хотите.
- 1 " Ну как я буду защищаться, что непричастен к убийству Кирова и Менжинского, нужно же защищаться.
- II " А вы же защищаетесь, отрицаете. (пауза)
- 1 " А вот это, я категорически отрицаю, что связан с разведкой? (читает)
- II " Это не страшно. Это момент личный, направленный против прокурора, но он не компрометирует процесса.
- 1 " Ну, это убедительно?
- II " Это убедительно в отношении вас. (пауза)
- 1 " (слушайте (читает).
- II " Это можно, это не страшно. Самый острый момент, это то, что сама группа и ее состав не существует.
(в камере тихо)

5 245

(открылась дверь)

- Вошедш. 6 часов уже.
- 1 мужч. Я готовился.
- Вошедш. Вы увлеклись, времени мало остается.
- 1 мужч. Я готовился к процессу.
- Вошедш. Вам два часа только остается.

- 1 мужч. Спасибо. (п а у з а)
- П "
- 8.00 1 " Вы что спали все-таки?
- 1 " Да. Вы пока не одевались?
- П " Нет еще. Вы почти не спали, наверное?
- 1 " Конечно.
- П " Много работали после того, как он заходил?
- 1 " Да, работал.
- П " Сейчас уже больше 8 часов.
- 1 " Сколько я написал, один, два ... девятнадцать па-
раграфов.
- П " Все написали?
- 1 " Нет, конечно.
- П " Много написали, то, что мне читали?
- 1 " Да, что-то и не хочется читать, ну как у меня
вообще?
- П " Это ничего, конечно.
А это вы с собой возьмете? (ответа нет)
- 1 " Сегодня можно и умереть, не знаю, как мне быть.
- П " Во всяком случае сегодня не умрете.
- 1 " Почему?
- П " Потому что вечером приговор будет и не сразу же
он приведется в исполнение
- 1 " Да и самому будет желательно поскорее умереть.
Поскорее, чтобы кончилась вся эта канитель.
- П " Что сегодня выходной?
- 8.20 Вошедш. Вы готовы?
- 1 мужч. Да.
(ходит по камере)

259

- И мужч. Что Вышинский хорошо выглядит?
- 1 " Да. (ходит)
- И " Как вы говорите, в каком порядке все идет?
- И " Чернов прошел, Безсонов прошел.
- 1 " Гринько, Безсонов, Иваков это первый день.
- И " Затем идут Зубарев и Чернов, потом этот нарком-внешторга Розенгольц.
- 1 " Шлетнев.
- И " Подождите, я сейчас вам скажу, Риков, третий день Шарангович, Ходжаев, затем Зеленский.
- 1 " Икрамов, Буланов.
- И " Нет, кого еще не называли?
- 1 " Раковский не был.
- И " Крестинский четыре человека, затем Раковский, кто же еще там остался?
- 1 " Всего только 12 названий. Зеленский был?
- И " Кого же вы забыли Раковский, Икрамов, Бухарин.
- 1 " Бухарин, я 13 между прочим.
- И " Я думал, что вы 18-й.
- 1 " Нет 13-й.
- И " Сколько человек вы записали?
- 1 " 14.
- И " Затем идет Левин.
- 1 " А там Шлетнев, Казаков, Максимов.
- И " Ягода: Дают говорить хоть с полчаса?
- 1 " 15 минут.
- И " Риков, Раковский говорили много, как они бледно говорят? Безсонов как?
- 1 " Безсонов хорошо.

8.55

(открылась дверь)

Вошедш. Приготовьтесь.

1 мужч. Хорошо, сейчас.

II " Ну, счастливо вам, в 12 наверное начнут.
(пауза)

Буду вас ждать сегодня, сегодня самый интересный день.

1 " Да.

(первого увезли на процесс)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУРБ НКВД
Капитан гос. безопасности:

(Д Ш И Н)

П мужч. Когда вам говорили, вы не признавали...

1 " Да я вам сказал.

(молчание)

6.32

1 " Вот вам наука... построено все на лжи....

(молчание)

6.40

(Открывается дверь)

Вошедш: Николай Иванович, вы уже написали, я это получил заявлени
Можете написать еще... некоторые пишут...

1 мужч. Я не знаю, что писать.

Вошедш: Можете подробней написать.

1 мужч. Это нужно сейчас делать?

Вошедш: Нет, можно утром, когда проснетесь.

1 мужч. Собственно я не представляю себе, посоветоваться бы как
его написать.

Вошедш: Ну, напишите более развернуто, да подробней можно.

1 мужч. Хорошо.

Вошедш: Вы продумайте, если нужна бумага, я пришлю.

1 мужч. Бумага есть.

Вошедш: Утром будем отправлять в Верховный Совет.

1 мужч. Тематику нужно оставить?

Вошедш: Как вы считаете возможным. Есть пишут на 2-х страницах,
ставят длинные вопросы, признают свои.

1 мужч. Понимаю.

Вошедш: Примерно так.

1 мужч. Я бы хотел, вы меня извините.

Вошедш: Пожалуйста.

1 мужч. Дело в том, что мне, конечно, не хотелось бы написать меньше
других, но я ведь написал сразу.

Вошедш: Вы имеете возможность написать еще. Подумайте, если
надумаете писать, тогда постучите.

1 мужч. Это завтра, не поздно будет еще?

Вошедш: Да...

425

1 мужч. Ну, хорошо.

Вошедш: Ну, всего доброго. (ушел)

П мужч. Это кто?

1 " Цессарский.

П " Здесь написать.

1 " Да я не знаю, что написать. Я совершенно не знаю, что писать.

П " Ну они вам говорят.

1 " То, что это намек, что я не признал на суде и меня осудили по всем пунктам- но тогда выходит, что я на суде не признал Я написал и совершенно ничего не понимаю.

П " Если вопрос решен- зачем это?

1 " Николай Иванович мне говорил, что никого....

П " (пауза) Я начинаю пугаться за себя.

1 " Я не знаю на что они намекают.

П " Нет вспомните, вы ничего не теряете. Напишите более подробн

1 " Что они хотят, я не понимаю, но они на что-то намекают, Я в суде тоже запирался, чего абсолютно не было, может они этого хотят?

П " Об этом они промолчали.

1 " Я понимаю, что они хотят, а чего-неизвестно. Тогда это будет использовано против меня- ничего не понимаю. Даже противно. (пауза) Попросить, чтобы меня вызвали к Цессарскому, чтобы переговорить.

П " Напишите записку.

1 " (пауза) Все равно смерть, для чего? (пауза) Не хочется. Я не знаю, что писать- совершенно не знаю. На что они намекают? (пауза)

(молчание)

П " Почему карандашом?

(первый молчит)

7.25 (Молчание)

7.45 (Первый пишет заявление)

1 мужч. Подождите немножко, я хочу с вами посоветоваться.

8.00 (Пишет)

8.10 (Первый читает заявление вслух - "прошу Президиум Верховного Совета помиловать меня" и т.д.)

П мужч. Очень хорошо написано. Дайте. Напишите кому передать. Цессарскому.

8.15 (1 стучит в дверь)

1 мужч. Меня просили, чтобы я написал просьбу о помиловании в Верховный Совет, вот я написал.

Вошедш: Хорошо. (ушел)

П мужч. Наверно все пишут.

8.20 1 " Между прочим, я абсолютно спокоен, до такой степени, что удивляюсь. (пауза)

П " Молодец. (пауза) А сколько Бессонову лет?

1 " Молодой еще, лет 45.

П " Кто говорил после вас?

1 " Рыков.

П " После вас другие не пытались защищаться?

8.25 (Открылась дверь)

Вошедш: ....(неразборчиво).....(вышел)

П мужч. После вас людей мало выступало?

1 " Мало. (пауза) Это, что убедительно написано?

П " Очень хорошо. А там меньше написали?

1 " Нет, я там написал 5 страниц.

П " Очень хорошо. Я очень удивляюсь, ходят, просят, а еще больше удивляюсь, что вас оставили со мной.

1 " Это я просил.

П " Да, но это сверх всего, человека которого приговорили к смерти, оставлять с человеком, судьба которого еще неизвестна.

1 " Я сказал, что я не буду дезорганизовывать.

П " Но для меня это нехорошо.

1 мужч. Я ведь просил.

П " Да я вам верю. А вот, между прочим, здесь соседи сидели вдвоем и за 2 часа до вашего прихода выносили кровать. Я так и думал, что меня отсюда уберут.

1 " Дело в том, что вся публика знает меня в смысле внутренне него содержания. Я дал гарантию, что я не буду дезорга низовывать и устраивать истерики и все прочее.

П " Нет, я ничего, но только, оставили меня с вами...Зная подробности процесса.

1 " Да все знают подробности больше вашего, все как один.
(молчание)

П " Они сказали- 5 дней срок?

1 " Я же спросил при вас - 5 дней. (пауза) Вот какие дела

П " Ничего не понимаю.

1 " А вы смеялись надо мной. Даже если я не буду расстрелян все равно.

9.25 (Молчание)

9.30 (Спят)

11.55 (Открывается дверь - что-то принесли)

1 мужч. Спасибо.

12.25 (Открывается дверь- принесли обед)

П мужч. Что уже 12 часов?

1 " Да. (пауза)

12.30 (Обедают)

1 мужч. Вы понимаете, что будет, если вы скажете, что я говори:

П " Ничего тут такого нет. (пауза) А что вы мне сказали? О приговоре, в этом ничего страшного нет. (пауза)
Я вчера написал заявление, чтобы меня вызвали.

13.05 (П ушел на допрос)

14.25 (Открывается дверь)

Вошедш.: Приготовьте все пожалуйста.(вышел)

14.27 (открывается дверь)

278

1 мужч. Вот галстук, а подтяжки вы мне не дали

Вошедш: А деньги у вас были?

1 мужч. В кармане лежат.

Вошедш: А карандаш чей, ваш?

1 мужч. Да.

Вошедш: А переписка эта ваша?

1 мужч. Это не переписка, а это роман, который я пишу. Он у меня останется, я буду дописывать.

Вошедш: Эта бумага ваша?

1 мужч. Да, да.

Вошедш: А это ваше?

1 мужч. Да.

Вошедш: Еще может быть есть что?

1 мужч. Кажется нет.

Вошедш: А это что?

1 мужч. Это бумага, но не моя.

Вошедш: А это, что из книги?

1 мужч. Нет не из книги.

Вошедш: Так. (вышел)

(молчание)

14.40

(П пришел с допроса)

1 мужч. У меня все отобрали бумагу, чернила.

П " Сочинение не взяли?

1 " Нет. Резинки, галстук.

П " Резинки?

1 " Да. Все забрали.

П " Мою бумагу не взяли?

1 " Я сказал, что ваша.

П " А книги не трогали?

1 " Нет. Даже и бумагу взял, нельзя писать.

П " Ну, дело ваше заканчивается.

- 1 мужч. Да, заканчивается. (пауза) Ну что-де, я буду встать. Встать что ли? Ох! Боже,боже. 5 дней промучиться еще.
- П " Вас в уборную еще не пускали?
- 1 " Нет, я лежал. (вздыхает) Наверно спрашивались, что я вас дезорганизовываю?
- П " Нет. Между прочим он удивился, что я не переведен. Меня переведут в Лефортово.
- 1 " Когда?
- П " Я не знаю когда, но переведут.
- 1 " Там ужасно скверно. (пауза) Я не могу есть.
- П " Вас, что хотели в другую камеру перевести?
- 1 " Да, хотели перевести.
- П " Вы сами все отдали, или он сам взял?
- 1 " Осмотрел все и взял.
- П " Он вам предлагал сдать?
- 1 " Как предлагал?
- П " Одно дело сказать, чтобы отдали, другое отобрать.
- 1 " Взял и все.
- П " Кушайте.
- 1 " Не хочу.
- П " Почему?
- 1 " Не хочу, не могу ничего есть.
(молчание)
- 15.15 П " В Австрии Гитлер пришел к власти. Германские войска находятся в Австрии. Там должен состояться большой переворот.....находится в Вене, вы знаете?
- 1 " Да.
- П " Германские самолеты готовятся к аккупации Чехославакии. Мы с Австрией соприкасаемся?
- 1 " С Чехославакией соприкасаемся, имеем непосредственную связь.
- П " А с Австрией?

80

- 1 мужч. Никаких надежд нет.
- П " Почему?
- 1 " Все отобрали. Давайте сыграем в шахматы?
- П " Давайте.
- (играют в шахматы)
- Что вы делаете, почему так ходите?
- 1 " Это перед смертью так выходит.
- П " Я проиграл, все сейчас у меня все поедите.
- 1 " Ну что вы, я все не могу поесть.
- Господи! 5 дней ждать.
- П " Почему 5 дней?
- 1 " Потому, что мне так указали.
- П " Что через 5 дней?
- 1 " Да.
- П " Я очень переживал, а вы почему-то очень хладнокровно относитесь. (пауза) Х..вне эти комбинации разные переводы. (продолжают играть в шахматы)
- Я проиграл, давайте еще сыграем.
- 1 " Давайте. Все отобрали, даже бумагу.
- П " Вот странно ка-то. Откуда вы знали, что такой приговор будет?
- 1 " Я знал, сам.

2 47.52 (Открывается дверь-принесли ужин)

- П мужч. Ужин принесли.
- 1 " Хотите?
- П " Нет, я не хочу.
- (молчание)
- 1 " Мне не хочется есть.
- П " Пусть стоит, когда захотите, с"едите.
- 1 " Ну, ходите. (играют в шахматы)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУТБ МВД
Капитан гос. безопасности:

НКВД СССР

ГУГБ

ВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

1-е ОТДЕЛЕНИЕ

634

СРОЧНО

286
Асло №12-16
СТРОГО СЕКРЕТНО
ИЗДАТЬ НЕЛЬЗЯ

Запись №

разговоров по объекту "Д-87"

13 " Марта 1938 г.

ИСКАТЬ:

- и. Емлю
- и. Врановскому
- и.

Иск. 12-го отдела ГУГБ НКВД
(АЛЕХИН)

[Handwritten signature]

(Врановский - Врановский)

25 18.25 (Открывается дверь)

50 18.50

- 1 мужч. Больше не хочу.
- П " Не хочется? Сколько сейчас время?
- 1 " Половина 7-го.
- П " Что значит кандалы?
- 1 " Это при Николае I были солдаты такие.
- П " Почему их так называли?
- 1 " Это по мнему от слова кандалы. Когда их крестили, наперное, пели что-ли, хорошо не знаю.

(ходит по камере, молчание)

25 19.25 (Открывается дверь)

Вошедш: У вас казенная гимнастерка и бржки?

1 мужч. Я отдал их.

Вошедш: Отдали?

1 мужч: Да.

П " Они у вас отобрали?

1 " Я сам отдал.

П " Они у вас попросили, а вы сами отдали?

1 " Да.

П " А галстух и все сами отобрали у вас?

1 " Да. (ходит по камере)

287

- 1 мужч. Вот какие дела. Сколько же мне осталось жить на свете?
- П " Не знаю.
- 1 " 4 дня.
- П " Не говорите об этом.
- 1 " Почему не говорить?
- П " Лучше не говорить.
(ходят по камере, молчат)
- П " Человек- странное животное.
- 1 " А именно?
- П " Ну вот, видите, как вы равнодушны.
- 1 " Равнодушен? Какое там равнодушен. У меня все-таки есть голова, мозг, я переживаю.
- П " Значит немного волнуетесь? (пауза)
А вы с"ехали здорово.
- 1 " То-есть?
- П " Осунулись.
(ходят по камере, молчание)
- П " Ваш приговор подлежит обжалованию.
- 1 " Какое обжалование.
- П " Есть приговор, который подлежит обжалованию.
- 1 " Может быть помилование, а не обжалование.
- П " И почему есть форма приговора, что приговор является не окончательным.
- 1 " У нас не подлежит обжалованию.
- П " Страшно неприятная вещь. (пауза) Хотели перевести и я не знаю, что задерживают. Давно есть распоряжение, чтобы перевести. Следовательно вас уже не будет вызывать?
- 1 " Сказал, что вызовет, а я думаю, что не вызовет.
Мало ли что говорится, все наоборот.
(ходит по камере, молчание)
- П " Что этот процесс фотографировали?
- 1 " Да. Кинооператор был.

288

- 1 мужч. Нет, последнее время только.
(ходит по камере)
Я боюсь мне не дадут свидания.
- П " Вы следовательно говорили?
- 1 " Говорил.
- П " Что он вам сказал?
- 1 " Должны дать. Это законно. (пауза)
Сколько сейчас время?
- П " Часов 8. Почему вас интересует время?
- 1 " Меня в 7 часов должны вызвать. Теперь я уже для них
ничто, я им теперь не нужен.
- П " Для чего же они вызывать будут?
- 1 " Так для утешения.
- П " ; Что вы так смотрите? (пауза) Почему вы так говорите,
что для утешения. Он вам разве говорил относительно
этого, как вы говорите, что для утешения? (пауза)
Президиум отменит.
- 1 " Никакой возможности нет.
- П " Теоретически возможно.
- 1 " Теоретически все возможно.
- П " Нужно узнать решение Президиума Верховного Совета, да
может быть затянется еще по каким-нибудь соображениям.
- 1 " Что, заседание?
- П " Рассмотрение вашего заявления.
- 1 " Нет. Его давно рассмотрели.
- П " А когда вам обещали свидание дать?
- 1 " Перед расстрелом.
- П " Перед самым расстрелом?
- 1 " Да, сегодня свидание, например, а завтра расстрел.
- П " Рот надо прополоскать.
- 1 " У меня голова болит ужасно.
- П " Вы не спали?

1 мужч. Очень напряжены нервы, хотя и стараюсь держаться, все-таки не даром дается— казаться спокойным.

25 20.25 (Открывается дверь)

Вошедш: На прогулку пойдете?

1 мужч. Я не пойду.

(молчание)

Скорее бы стреляли, ей-богу не могу.

(ходит по камере)

Я ничего не ем целый день.

П " Почему не едите?

1 " Кажется смешно есть.

(ходит по камере, молчат)

П " Носки они ваши взяли?

1 " Нет. Мне спички нужны.

П " А вы попросите.

1 " Не хочу я у них спрашивать. (ходит по камере)

Ох! Боже, боже мой! (ходит по камере)

Между прочим, отнимут все мои книги.

П " Почему?

1 " Конфискация всего имущества. Черт знает как ужасно.

П " Разве с конфискацией имущества?

1 " Да. (ходит, молчание)

Теперь у меня будут все отбирать и ничего не давать.

(молчание)

05 21.05 (Открывается дверь)

Вошедш: Идемте. (П вышел)

17 21.17 (П вернулся)

П мужч. Спать уже?

1 " Нет. Я просто так. Я сейчас открыл страницу в книге и посмотрите, что написано— " Этого достаточно, чтобы нас повесили всех".

П " Вы суеверны.

1 " Нет.

291

21.20 (Открывается, дверь- что-то принесли)

- И мужи. Большое спасибо.
- 1 " Спасибо.
- П " Почему они так много папирос носят. Спичек дали целую коробку.
- 1 " Ну это просто так.
- П - С вами разговаривать будут еще или нет?
- 1 " Для чего со мной разговаривать?
- П " Напишите им, что вы хотите поговорить. Возьмите у меня бумагу.
- 1 " Нельзя.
- П " А вы попросите, скажите, что я хочу написать заявление. Попросите чернила.
- 1 " Мне не дадут.
- П " Он сказал, что в 7 часов вас вызовет.
- 1 " Да.
- П " А уже около 10 часов. (пауза) Я вам дал папиросы?
- 1 " Папиросы дали, мне нужны спички.
- П " Сейчас будет сигнал. Вас сегодня поздно вызовут.
- 1 " Это ваше предчувствие?
- П " Да. (пауза) Завтра, наверное, уже и шахматы отберут. (пауза) Сыграем?
- 1 " Давайте. Все-таки размышление. Не знаю, как только я с вами разговариваю так спокойно.
- П " Я всегда отгадываю точно.

(Играют в шахматы. Молчание)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУГБ НКВД
Капитан гос. безопасности

Юшин
(ЮШИН)

НКВД СССР

ГУГБ

СРОЧНО

А. С. О. № 1246
СТРОГО СЕКРЕТНО
Контрр. лит. „И“

ВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

1-е ОТДЕЛЕНИЕ

0640

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

„13-й/Марта 1938 г.

УЧАСТЬ:

т. Егоров

т. Фриновский

т.

Вч. 12-го УТАСАД ГУГБ НКВД
(АЛЕХИН)

(Бухарин - Записки)

00 22.00 (Играют в шахматы)

05 23.05

П мужч. Вы спрашивали, что вас переведут?

1 " Кто смертников переводит? Я уже смертник, у меня уже жизни нет. (пауза) Ох, тяжело!
(играют в шахматы)

20 23.20 1 " Ой, дышать нечем. (открывает форточку)
(п а у з а)

П " Ничего не понимаю. (пауза)

1 " Ой, только бы скорее смерть приходила.

П " Что с вами?

1 " Я уже на смертном одре, вы не понимаете. Я так расстроен, что вы себе не представляете. Я теперь все время спать не буду. (пауза)

П " А как теперь другие?

1 " Всех, наверное, перевели в другие— смертные камеры, маленькие. Вам—то легко.

П " Мне то легко, а вам то какво!

1 " Я не особенно хороший предзнаменователь.

П " Да бросьте вы. (играют в шахматы)

1 " У меня голова болит со вчерашнего дня еще.
(играют в шахматы)

282

1.50 1.50 1 мужч. Тяжело все-таки умирать, а кажется так легко.
Боже мой, боже!

14/III-38г.

1.30 9.30 1 мужч. Дальше что-же?

II " Ничего.

1.46 9.46 (Вошел вахтер)

II мужч. Спасибо. Чаю вот бы. (вахтер вышел)

1 " Мне чая не нужно. (молчание)

1.55 9.55 II " Какое у вас плохое настроение.

1 " Я не выспался.

II " Вы позже меня заснули. (пауза)

1 " Что-же это такое? Скорей-бы!

(молчание)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУГБ НКВД
Капитан гос. безопасности:

(КОПИЯ)

ПОБЕЖДАЮ

НКВД СССР

ГУГБ

СРОЧНО

СТРАЖА № 1216

Контроль лит. „И“

С/Р.

ВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ

1-е ОТДЕЛЕНИЕ

0617

Запись №

разговоров по объекту "В-87"

13 " Марта 1938 г.

СОСТАВ:

и. Бессонова

и. Раковскому

и.

(Бухарин - Заринский)

(Н о ч ь)

Исч. 13-го отдела ГУГБ НКВД

С. М. М.

5.15

(Открылась дверь. 1-й вернулся с процесса)

- 1 мужч. Смертный приговор.
- П " Ну?! (пауза). Только что закончился?
- 1 " Да.
- П " Сколько времени сейчас? Вам что?
- 1 " Смертный приговор за исключением трех человек: Бессонова, Раковского и Плетнева (пауза). Видите, кто оказался прав!
- П " Ничего не понимаю.
- 1 " Авторитетное заключение, что я чепуху говорил.
- П " Кто был на совещании? Вы были последним?
- 1 " Нет, не последним.
- П " Трех человек на сколько, на 25 лет?
- 1 " Бессонова - 15, Раковского - 20, Плетнева - 25.
- П " Приговор окончательный?
- 1 " Я подал о помиловании.
- П " Уже написали?
- 1 " Да.
- П " Когда?
- 1 " Да там, пришел в комнату и написал.
- П " Это окончательный приговор?
- 1 " Там не сказано.

20 S. 20

(Молчание)

- П мужч. Ничего не понимаю. (пауза). Не понимаю.
Здорово и Рыкова тоже?
- 1 " Пу всех, я же вам говорил (пауза) Еще жить осталось
немного.
- П " Может помигут?
- 1 " У меня нет никакой надежды. Во всяком случае до послед-
них дней, до самого сегодняшнего дня я во всех прогно-
зах оказывался врагом, шел против масс против всяких
уверений. (пауза).
- П " Для меня совершенно ничего непонятно. Долго говорили?
- 1 " Долго.
- П " Больше часа?
- 1 " Больше часа. Одним словом он на меня зол.
- П " Что он говорил?
- 1 " Что это не к делу, цитировал, я раз"ясняю, что имел право
говорить, но он... и все это с озлоблением в отношении
меня.
- П " Он оставался?
- 1 " Нет, никого кроме меня.
- П " А Рыков долго говорил?
- 1 " Я в это время уходил (пауза). Все мне приписали в
обвинительном приговоре вплоть до покушения на Ленина.
Одним словом расставайся с жизнью и иди в крематорий.
Это все работа следователя (пауза). Я вам говорил, что
это - утешение.
(Пауза).
- П " Вас всех вместе вывозили?
- 1 " Да.
- П " И сюда всех вместе?
- 1 " Нет, сюда по одному. Я очень просил оставить меня в
камере, через следователя просил.
- П " Я слышал ночью раньше.
- 1 " Да нет, больше сюда не привозили.
- П " Нет, вывозили кровати.

- 1 мужч. Я попросил следователя, чтобы в камере остаться.
- П " , Истерики никаких не было? *Дубо*
- 1 " Нет.
(пауза)
- П " Ничего не понимаю. Шесть часов сейчас наверно. Когда кончилось заседание?
- 1 " Я это не помню, сейчас у меня все как в тумане.
- П " Весь день говорили. Зал полный был?
- 1 " (помолчав) Стояла гробовая тишина. (пауза)
Давайте сыграем в шахматы?
- П " Давайте. Сегодня приносили папиросы и яблоки.
- 1 " Налейте мне в кружку пожалуйста, вы извините меня, что я вас прошу.
- П " Сахар вам тоже дать?
- 1 " Да. Спасибо, (пьет)
- 5.30 (Начинают играть в шахматы)
- 1 " Вы три фигуры за одну?
- П " Да.
- 6.40 (Играют)

НАЧАЛЬНИК 1 ОТДЕЛЕНИЯ 12 ОТДЕЛА ГУБЕ НКВД
КАПИТАН ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

Юшин КОШИН

НКВД СССР
ГУГБ
ВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
1-е ОТДЕЛЕНИЕ

№ 7618

СРОЧНО

СТРОГО СЕКРЕТНО

Контроль Лит. "Н"

Стор.

Запись №
разговоров по объекту "Д-87"

14 " Марта 1938 г.

ПОСАДЬ:

м. Басову

м. Шиньковичев

м. ....

Нач. 12-го Отдела ГУГБ НКВД
(ААБХНИ)

- 05 10.05 (Открылась дверь, принесли чай, первый пьет)
- 30 10.30 1 мужч. Ох, боже, боже мой!
(молчание)
- 05 11.05 (Открылась дверь, что-то принесли)
1 мужч. Спасибо большое.
(молчание)
- 15 12.15 (Открылась дверь)
Вошедш: На прогулку пойдете?
1 мужч. Я не пойду, спасибо.
П " Я тоже. (первый ходит по камере)
(молчание)
- 32 15.32 (Открылась дверь, что-то принесли)
1 мужч. Нет спасибо, я поел простокваши. (дверь закрылась)
- 00 16.00 1 " Сколько сейчас времени? Сегодня, вероятно, страшно холо
на улице.
П " Как видно, холодно.
(молчание)
- 15 16.15 (Открылась дверь)
1 мужч. Я простоквашу с"ел вот эту чашку.
Вошедш: Мало, очень мало.
1 мужч. Спасибо. (дверь закрылась)

- П мужч. Значит приговор не окончательный, ну а зачем же тогда оттягивать?
- 1 " Вы понимаете, что обжалование и помилование это две различные категории. Обжалование - когда я могу говорить о неправильном ведении, требовать пересмотра - это есть обжалование. А когда приговор обжалованию не подлежит - это другое.
- П " Но не может быть так. Ведь Верховный Совет уже знает.
- 1 " Они могут в течение пяти дней решать вопрос.
- П " Зачем ему затягивать, если вопрос был уже решен, что вас расстреляют. Это - другие соображения. Скажите, когда решался вопрос о расстреле, так для этого нужна проформа на сутки?
- 1 " Это другой вопрос. Нет распоряжения о помиловании еще.
- П " Это - видите, помилование для проформы. А когда все равно расстреляют нужна проформа.
- 1 " Да ведь проформа касается формального рассмотрения просьбы о помиловании независимо от того, будет ли вопрос решен отрицательно или положительно, все равно.
- П " Мне кажется, что тут другое, если уже решен вопрос, какой смысл тянуть и ходить к начальнику и бить заинтересованным о вашем кушаньи? (пауза)
- 1 " Даже о свидании не сказал.
- П " А почему вы не сказали, чтобы вас вызвали?
- 1 " Забыл. (пауза) Я хотел вам сказать, какое количество топлива будет в крематории после моего трупца. (второй молчит) Он обещал вернуть?
- П " Да.
- 1 " Объясните, для чего это собирают?
- П " Это по отношению к процессникам.
- 1 " Я все отдал.
- П " А может вы что оставили. (пауза)
- 1 " Давайте сыграем?
- П " Я сейчас закончу читать. (пауза)

1037

- 1 мужч. Это сныство, как расчувствовался когда пришел начальник. (пауза) Я думал так- об Анюте.
- II " Что вы хотите, вы и так молоденький. (пауза) Скажите, что означает такой термин - "одноименный роман" "одноименная пьеса" ?
- 1 " Это роман и герой романа, называются одним именем.
- II " Ну ладно сыграем.

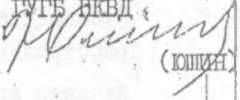
16.30 (Играют в шахматы)

1 мужч. Это конечно видно по описанию.

16.43 (читают)

17.15 (молчание)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУБ НКВД
Капитан гос. безопасности

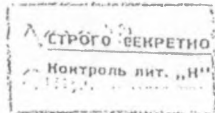
(ЮЛИН)

НИВЛ СССР
ГУГБ

ВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
1-е ОТДЕЛЕНИЕ

07.53

СРОЧНО

Запись №
разговоров по объекту "В-ВЛ"

[Handwritten signature]
"Мирин 1951"

и. Т. Сидоров
и. А. Приказов

Истор. 12-10 ОТДЕЛ ГУГБ НКВД
САЛХИИ
[Handwritten signature]

[Large handwritten mark]

- 25 17.25 (Первый пьет чай, второй ушел на допрос)
- 03 18.03 (Принесли ужин)
  - 1 мужч. Спасибо. (ужинает)
- 125 18.25 (Открылась дверь, что-то принесли)
  - 1 мужч. Спасибо.
- 50 18.50 (ходит по камере)
  - 1 мужч. Попробовать еще так лежать! Когда же час нашей смерти! Боже, боже мой!
- 50 19.50 (Второй пришел с допроса)
  - П мужч. Ну мое дело кажется будет разбираться 18 числа.
  - 1 " Где, в закрытом заседании?
  - П " Кажется. Всего 35 человек. И уже знаю состав. 16 будет определено.
  - 1 " Сегодня какое число?
  - П " 14-ое. (пауза) С 16 будет точно определено.
  - 1 " Сколько сейчас времени?
  - П " 8 часов.
  - 1 " А меня все не вызывают.
  - П " Он спрашивал, как вы. Я говорю, что он сповоен...т. Президиум Верховного Совета может отменить этот прир. " а как он, волнуется?". Я говорю, что должен сказа

удивляюсь себе, что человек может быть так спокоен.

"Почему?". Все-таки ну не простой человек. "А как вам?". А я гонорю, вы что думаете приятно мне было, но я конечно ничего не имел против, не протестую, но вообще тяжело. Он так и не сказал, что может быть.

1 " Что может быть, если такая формулировка... (пауза)
Давайте сыграем.

00 20.00 (Играют в шахматы)

П мужч. Я его спрашивал, что человек все-таки готов... (он спрашивает, что просил о помиловании, я не знаю как будто... Приговор утверждается Верховным Советом

30 20.30 (Играют)

1 мужч. Фу ты, черт, как я фигуру проиграл. Безобразно.

П " Когда моя судьба решится?

1 " Да ваша что, вы раньше говорили, что высокие люди...

П " Вот видите, я был такого мнения, а сейчас кто его зя неужели будут расстреливать. Ничего не поделаешь.

1 " Когда кончатся мои мучения?

П " Вы же сказали, что еще 5 суток, чего же еще.

1 " Не может быть пять. Я теперь вижу, чем кончилось дел

П " Может быть они хотят вас.... до тех пор пока будет какое-нибудь решение.

1 " Все-таки бесчеловечно, зачем так говорить- дураки.

45 21.45 (Продолжают играть в шахматы)

02 22.02 1 мужч. Что-то меня не вызывает сегодня?

П " Странный вы человек, ну попросите, постучите сами.

1 " Нет.

П " Я буквально потрясен...
Потрясающее впечатление. (пауза) Вы государственный политический деятель, вы культурный человек, вы мож все обширно написать. (пауза)

1 " Ходите, ходите. (играют в шахматы)

П " Сколько дней он вам сказал, 5, да?

1 " Ну конечно. Ходите.

1004

И мужч. и не могу.

1 " Ходите, ходите. (молчание)

И " Напряжено печальтесь.

1 " И знал все в сущности, это я дурака залил. (пауза)
Знал, знал и такого идиота сыграл.
(молчание)

Исужели уже 10 часов. Господи, сколько осталось жить.
(молчание)

56 22.56 1 " Их выстраивают около стены и они падают окровавленные
(пауза) О, господи, боже!

И " И прямо позмуцался.

1 " Тяжело, тяжело.

И " Страшно, страшно.

1 " Да. Ой! Ой!

12 23.12 " Совершенно не понимаю, почему они не хотят.

И " А может завтра?

1 " Нет, должны сегодня.

И " А может он заболел.

1 " Нет. (пауза) Сейчай ведь все равно им, почему не
хотят.

И " Ведь нам дадут спиддис.

1 " Кто сказал?

И " Прокурор.

1 " Нарком сказал, что свидания не будет.
(играют в шахматы)

Начальник 1 отделения 12 отдела ГУГБ НКВД
Капитан гос. безопасности:

(КШИН)

НКВД СССР
ГУГБ
ВЕНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ
1-е ОТДЕЛЕНИЕ

0659

СРОЧНО

2101
СТРОГО СЕКРЕТНО
Контроль лит. „Н“

Запись № .....
разговоров по объекту "В" - 87 "

" 14 " Марта 1938 г.

Участники:

- и. Висоцкий
- и. Шибанов
- и. ....

(П о ч т ь)

Нач. 12-го отдела ГУГБ НКВД
(АЛЕХИН)

Александров

(Бухарин и - Висоцкий)

23.50 , 1, мужч.: Не понимаю, скорее бы со мной кончали. Не понимаю, что это за нутро человека тянут.
(играют в шахматы)

23.55 (Открывается дверь)

Мужч: Одевайтесь.

1 мужч: Сердце как бьется.

23.57 (Первого увели)

Нач. 1-го отделен. 12-го Отдела ГУГБ НКВД

Капитан Гос. Безопасности

Александров
(Д Ш И Н)

Подписано в печать 01.03.2021. Формат 70×90/16.
Усл. печ. л. 37,33. Тираж 2000 экз.
Заказ № 1738.

ООО «Редакция журнала «Век XX и мир»
125009 Москва, Малый Гнездниковский переулок, дом 9/8, строение 1–4.

Отпечатано
в соответствии с предоставленными материалами
в типографии

imprint
LAB

«СЛАБЫЕ» — книга-досье об интеллектуальных сетях девяностых годов (#Иные #Русский Проект #Фонд эффективной политики), связанных учением Михаила Гефтера об альтернативе как двигателе истории. Заговор удался, но альтернатива выскользнула из рук. Экспериментируя с историей и политикой, слабые люди проложили путь слабой безальтернативной власти РФ. Гефтер хотел помешать — и не успел. Технология власти победила ценой катастрофы цели.

Это книга автора, которого вы не знали: Павловский как Гефтер. Размышляя о беседах с покойным историком, Глеб Павловский ставит перед нами его последний и самый важный вопрос: можем ли мы остаться верны своим ценностям, когда слабы и побеждены, когда уже проиграли? Это не книга о том, что случилось, а история потери интереса к альтернативам, открывавшимся в конце холодной войны. Очень «русская» книга, но не о России — книга о мире, куда мы все попали.

ИВАН КРАСТЕВ,
постоянный сотрудник
Института наук о человеке IWM, Вена

Ключевое слово, которое нужно держать в уме, читая эту книгу, — слово «соблазн». Павловский не только реконструирует теоретические ходы Гефтера. Он честно демонстрирует, к чему может привести демонтаж границ между мышлением и действием. Надо признать: никто до него на русском языке не провел такой работы над ошибками собственного ума. Интеллектуал, желающий совместить мысль и действие, слово и дело, аргумент и поступок, должен прочесть эту книгу.

КОНСТАНТИН ГААЗЕ,
СОЦИОЛОГ